

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2022

№ 80

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Алюнина Ю.М. Где живут чудовища? Корпусный метод обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете	5
Бочкарев А.И. Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий	30
Данилина Н.И. Греко-латинские реминисценции в славянской эргонимии	45
Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концептуализация водного пространства в устной речи сибирских старожилов (на материале концепта «Река»)	62
Колодина Н.И. Уровни концептуального соответствия при кодировании в условиях нарушения и сохранности слуха	85
Рахимова А.Р. Метафора зеркала в процессах моделирования психической деятельности в научном психологическом дискурсе	113
Селиверстова Ж.Б. Конвергентно-концептуальный алгоритм исследования художественного концепта <i>Сибирь</i> в тексте Г.Д. Гребенщикова: опыт системно-уровневой модели	133

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий	162
Анисимов К.В., Шавлинский М.С. Историко-литературный контекст буинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»?	183
Волков И.О., Генина Н.Е., Кильмухаметова Е.Ю. «Милый друг Жуковский...»: письма И.И. Козлова к В.А. Жуковскому (1818–1839 гг.)	211
Новокрещенных И.А., Бочкарева Н.С. Рецепция личности и творчества Мольера в литературном и графическом наследии Обри Бердсли	236
Панина Н.Л. «Очерк русской грамматики» В.А. Жуковского	254
Темиршина О.Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова	269
Титкова Н.Е. Мотивная структура «Аскетической проповеди» святителя Игнатия Брянчанинова	291
Фаритов В.Т. Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев	306

CONTENTS

LINGUISTICS

Alyunina Yu.M. Where do the wild things live? Corpus method to detect anglicisms and their derivatives on Russian Internet	5
Bochkarev A.I. Humorous characteristics of the axiological concept “stupidity” in Anglo-Saxon linguaculture based on stand-up comedies	30
Danilina N.I. Greek-Latin reminiscences in the ergonymy in Slavic languages	45
Demeshkina T.A., Tolstova M.A. The conceptualization of water space in the oral speech of Siberian old-timers (based on the concept “river”)	62
Kolodina N.I. Levels of conceptual conformity in coding in conditions of hearing impairment and preservation	85
Rakhimova A.R. The mirror metaphor in the processes of modeling mental activity in the scientific psychological discourse	113
Seliverstova Zh.B. Convergent-conceptual algorithm for the research of the artistic concept “Siberia” in the text of Georgy Grebenshchikov: An experience of a system-level model	133

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions	162
Anisimov K.V., Shavlinsky M.S. Historical and literary context of Bunin’s travelogue <i>The Temple of the Sun</i> . Whose background let Bunin “come out as a genius”?	183
Volkov I.O., Genina N.E., Kilmukhametova E.Yu. “Dear friend Zhukovsky ...”: Letters from Ivan Kozlov to Vasily Zhukovsky (1819–1839)	211
Novokreshchennykh I.A., Bochkareva N.S. Reception of Moliere’s personality and works in the literary and graphic heritage of Aubrey Beardsley	236
Panina N.L. <i>An Essay on Russian Grammar</i> by Vasily Zhukovsky	254
Temirshina O.R. Poet’s grammar. Structures of inner speech in Egor Letov’s lyrics	269
Titkova N.E. The motivic structure of <i>Ascetic Preaching</i> of Saint Ignatius Brianchaninov	291
Faritov V.T. The word in the novel and the word in the myth: Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev	306

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81-13

doi: 10.17223/19986645/80/1

Где живут чудовища? Корпусный метод обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете

Юлия Матвеевна Алюнина¹

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, alunina-yum@rudn.ru*

Аннотация. Описан метод автоматизированного обнаружения английских заимствований и их производных с помощью менеджера корпусов Sketch Engine и его инструмента Keyword, работающего на основе принципа TF-IDF. Пилотное исследование было проведено на материале небольшого количества блоговых текстов о моде (174 213 словоупотреблений – 218 091 токен) с сайта LiveJournal, в которых благодаря применению функции Keyword было выявлено 84 заимствования в сфере моды (4 506 вхождений) и 32 производных (1 194 вхождения).

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, поиск англицизмов, корпусная лингвистика, методы корпусного анализа

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке темы № 056118-0-000 на базе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Алюнина Ю.М. Где живут чудовища? Корпусный метод обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/80/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/1

Where do the wild things live? Corpus method to detect anglicisms and their derivatives on Russian Internet

Yulia M. Alyunina¹

¹ *Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, alunina-yum@rudn.ru*

Abstract. Many articles show the results of the study of anglicisms, and we must assume that as long as languages accept anglicisms, their study will remain topical. Nowadays, more and more attention is being paid to the issue of automated detection of English loanwords and their derivatives in different languages. This article de-

scribes the corpus method of detecting English loanwords and their derivatives in Russian fashion blogs by means of corpus manager *Sketch Engine* and its tool *Keyword*, which operates on TF-IDF principle. The relevance of the study is related to the following objectives: to detect the newest anglicisms that have no lexicographic fixation and to determine their number and frequency; to optimize the search of anglicisms and their derivatives; to reduce the human factor in the search of anglicisms and their derivatives. The structure of this article includes, *first*, an explanation of the terms *anglicism* and *derivative* and ways of anglicisms adaptation to Russian; *second*, a description of existing software methods for detecting anglicisms on the Internet (based on neural networks training and the use of *AntConc* corpus manager); *third*, a description of corpus method to detect anglicisms with *Sketch Engine*, which has not been used to search for anglicisms on Russian Internet, and an explanation of key terms necessary to understand the mechanism of the described method. A pilot research was conducted on a small number of fashion blog posts (174,213 words – 218,091 tokens) from *LiveJournal*, in which 84 fashion loanwords (4,506 occurrences) and 32 derivatives (1,194 occurrences) were detected using the *Keyword* function: *bini, bodi, nyud, skini, slipon; zamiksovat', kezhaul'shchik, nyudovyy etc.* The pilot study has shown that the use of the *Sketch Engine* contributes to solving the problems of automating the search of anglicisms and their derivatives on Russian Internet. The implementation of the proposed method requires the preliminary preparation of a focus corpus and subsequent keyword analysis. A preliminary preparation implies: (1) selection of texts united by a common topic; (2) manual removal of hidden hyperlinks in the texts if the corpus is not compiled by crawling Internet pages, but by loading texts independently copied from Internet pages; (3) selection of a suitable reference corpus reflecting the colloquial language. Subsequent keyword analysis involves: (1) excluding irrelevant lexical units from the list of keywords; (2) lemmatising anglicisms and their derivatives and lemmatising individual word forms to lemmas where necessary. The proposed method can be applied not only to the search of English loanwords on Russian Internet but also to the texts in other languages covered by *Sketch Engine*. The prospect of further exploration of this method consists in studying the specifics of its use to search for anglicisms and their derivatives in other languages, other thematic areas and also on a larger array of texts.

Keywords: anglicisms, loanwords, automatic detections, corpus linguistics

Financial Support: The study was carried out at the Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Topic No. 056118-0-000.

For citation: Alyunina, Yu.M. (2022) Where do the wild things live? Corpus method to detect anglicisms and their derivatives on Russian Internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/1

Введение

Вопросу изучения английских заимствований в разных языках посвящено множество исследований, и, надо полагать, пока языки осваивают англицизмы, их изучение будет оставаться актуальным. Так, на сегодняшний день увеличивается внимание к проблеме автоматизированного выявления английских заимствований и их производных в интернет-текстах на разных языках [1–3].

Интерес к автоматизированному обнаружению англицизмов и их производных, метафорически именуемых нами чудовищами, объясняется их активным проникновением в язык-реципиент в разных сферах коммуникации, что нередко воспринимается носителями как угроза принимающему языку. Так, в научных и научно-популярных исследованиях сегодня можно встретить мнения о том, что англицизмы есть деградация [4. Р. 38], «болезнь, разрушение и упадок» языка-реципиента («sickness, destruction, and demise» [5. Р. 34–35]), которые ведут к его «порче» и засорению [6. С. 17], «подмене понятий и потере национального самоопределения» [7]. Популярным стало мнение о необходимости и возможности заменять заимствования существующими в принимающем языке лексическими единицами: «иностранное слово можно, нужно и вовсе не трудно заменять русским» [8. С. 68].

Объективизация представления о современной тенденции к освоению английских слов языком невозможна без комплексного изучения англицизмов и их производных, для чего требуется их массовое выявление, которое закономерным образом ставит такие задачи, как:

- обнаружение новейших англицизмов, не имеющих лексикографической фиксации, и определение их количества и частотности;
- оптимизация процесса поиска англицизмов и их дериватов (увеличение объёмов анализируемых источников и сокращение времени на ознакомление с ними);
- уменьшение влияния человеческого фактора на процесс обнаружения англицизмов и их дериватов (усталость и снижение концентрации внимания при ручном поиске иноязычных слов в больших массивах текстов).

Эти и другие причины стимулируют поиск новых методов и способов автоматизированного выявления слов от английских этимонов¹ в принимающем языке.

В настоящей статье на примере русского языка предлагается описание корпусного метода обнаружения англицизмов и их производных в блогах о моде с помощью корпусного менеджера *Sketch Engine* [11] и его инструмента *Keyword*.

Структура настоящей статьи предполагает, во-первых, пояснение понятий *англицизм* и *производное* и способов адаптации англицизмов к русскому языку; во-вторых, описание существующих программных методов обнаружения англицизмов в Интернете (основанных на обучении нейронных сетей и применении корпусных технологий); в-третьих, описание корпусного метода обнаружения англицизмов, который ранее не применялся для поиска английских заимствований в русскоязычном Интернете, а также пояснение ключевых терминов, необходимых для понимания механизма рассматриваемого метода.

¹ Здесь и далее термин *этимон* употребляется нами вслед за А.И. Дьяковым [9. С. 6] и Е.В. Мариновой [10. С. 213] для обозначения английского слова (*box*), от которого в языке-реципиенте появился англицизм (*бокс*).

Кто такие чудовища?

В отечественном языкознании хрестоматийной считается дефиниция, закреплённая в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*, в котором под заимствованием понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс» такого перехода [12. С. 158]. Заимствования из английского языка называются англицизмами (англ. *casual* → *кэжуал*; англ. *shopping* → *шоппинг*), а слова, созданные на их основе с использованием аффиксов языка-реципиента, – производными или дериватами (*кэжуальность*, *кэжуальщик*; *шопиться*). В настоящей статье для обобщённого названия англицизмов и их производных будет применяться термин *слова от английских этимонов*.

При заимствовании иноязычные слова адаптируются к принимающему языку. В русском языке выделяют четыре основные формы освоения заимствований: фонетическую, графическую, грамматическую, семантическую [13. С. 102]. Понимание этих форм освоения важно при разработке автоматизированного способа обнаружения английских заимствований в русском языке.

Фонетическое освоение заимствований представляет собой изменение звуковой оболочки иноязычных слов в соответствии с произносительными нормами принимающего языка [14. С. 223] и отсутствие вариативности в их произношении, которое может быть свойственно некоторым словам даже после их вхождения в узус: англ. *jeans* → *джинсы* / *джинцы*; англ. *discourse* → *дй́скурс* / *дискүрс*.

Графическое освоение состоит в передаче иностранного слова на письме алфавитными символами языка-реципиента [13. С. 104]. Так, заимствования в русском языке передаются с помощью кириллицы: англ. *casual* → *кэжуал*; англ. *lookbook* → *лукбук*. Неустойчивость графической формы может говорить о том, что заимствование является новым или не до конца освоенным: англ. *total look* → *тотал лук*, *тотал-лук*; англ. *second-hand* → *секондхэнд*, *секонд-хенд*.

Грамматическое освоение заключается в приспособлении иноязычных лексических единиц к грамматике принимающего языка вне зависимости от наличия определённых грамматических категорий в языке-доноре [15. С. 105]. Например, от формы мн.ч. англ. *boots* с финалией *-s* в русский язык заимствована лексема *бутс*. Последняя в русском языке является формой ед.ч. с нулевым окончанием¹, а форма мн.ч. образуется от неё с добавлением окончания *-ы* – *бутсы*. То есть в русском *бут-с-ы* формально представлены две формы множественного числа, одна из которых этимологически восходит к англ. *boots* (*-с-* в *бутсы*), а вторая является приобре-

¹ Пример из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Нападающий «Реала» Кристиану Роналду в четвертый раз стал обладателем приза лучшему бомбардиру европейских чемпионатов «Золотая бутса»* [16].

тённой (-ы в *бутсы*) в результате приспособления англицизма к парадигме словоизменения в русском языке.

Семантическое освоение представляет собой «процесс, в результате которого иноязычное слово входит в систему понятий заимствующего языка» [17]. Это названия понятий и объектов внеязыковой действительности, которые вошли в жизнь носителей языка-реципиента (из англ. *процессор*, *букмекер*, *каршеринг* и др.), а также слова, выражающие дополнительные смысловые оттенки имеющихся в принимающем языке эквивалентов (*комфортный* – удобный; *гуглить* – искать; *бежеский* – айвори – нюд).

В контексте автоматизированного обнаружения англицизмов и их производных в интернет-текстах на русском языке наиболее значимым, с нашей точки зрения, является аспект графического освоения иноязычной лексемы, поскольку рассматриваемые далее механизмы предполагают машинное распознавание слов от английских этимонов по их формальному признаку – графической форме. Таким признаком является, как правило, нетипичное для языка-реципиента сочетание графем в лексической единице, которое отличает новое заимствование (*оверсайз*) или его дериват (*оверсайзный*¹, *оверсайзность*²) от исконных слов принимающего языка или давно освоенных заимствований, приспособившихся к парадигме словоизменения языка-реципиента (*свитер*, *шорты*, *пуловер*, *кардиган*). В некоторых случаях на графическую адаптацию большое влияние оказывает фонетическое приспособление нового слова к произносительной норме в принимающем языке. Если в произношении прослеживается вариативность, то и на письме она может сохраняться в виде нестабильности графической формы, повторяющей фонологическую оболочку лексемы (англ. *loafers* → *лоферы*, *лоуферы*). Тем не менее общность лексического значения таких вариантов слов, а также общность обозначаемых ими денотатов свидетельствуют о том, что перед нами одна и та же лексическая единица.

Понимание правил грамматического приспособления слов от английских этимонов, в особенности к правилам русского словоизменения, необходимо при ручной проверке результатов их автоматизированного поиска. Эта необходимость связана с тем, что некоторые механизмы автоматизированного обнаружения слов от английских этимонов не предполагают их лемматизации (например, механизм лемматизации отсутствует в менеджере корпусов *AntConc* [19]): частотность словоформ ошибочно вычисляется как частотность отдельных лемм (*лукбук*, *лукбуке*, *лукбуках* и др.), что приводит к неверному определению количества и частотности заимствований.

¹ Так вот, чтобы добиться этого трендового эффекта в аутфите, нам вполне подойдут и обычные *оверсайзные* рубашки в клетку виши [18] (здесь и далее в примерах выделения наши. – Ю.А.).

² Я даже не могу толком конкретизировать модель, но отличительными чертами мастхэва являются растянутость, видимая *оверсайзность* и вот эти непонятные принты «как в детстве» [18].

Возможная сложность машинной лемматизации таких лексических единиц объясняется их нетипичным сочетанием графем.

Понимание правил семантической адаптации английских заимствований и их производных тоже необходимо при ручной проверке результатов автоматизированного поиска новых слов для исключения ошибочной омонимии, которая может сказаться на частотности англицизма. Например, лексема *лук*, заимствованная от англ. *look* в значении *внешность, внешний вид*, является омонимом слову *лук*, которое употребляется в русском языке в значении *овощ*, и слову *лук*, которое употребляется в значении *стрелковое оружие*. То есть абсолютная частотность слова *лук* в любом корпусе без семантической разметки будет вычислена корпусом как частотность графемы *лук* во всех присущих ей формах и значениях.

Таким образом, в контексте проблематики автоматизированного поиска англицизмов и их производных в текстах на русском языке в центре внимания оказывается графическая адаптация слов от английских этимонов, которая сопряжена с фонетическим, грамматическим и семантическим аспектами освоения новых лексем. Понимание механизмов освоения иноязычной лексики русским языком позволяет снизить вероятность ошибочных результатов их автоматизированного поиска. При поиске англицизмов автоматизированными методами в других языках важными могут оказаться другие особенности приспособления новой лексики к языку-реципиенту.

Автоматизированные методы обнаружения англицизмов и их производных в Интернете

Для понимания механизмов работы автоматизированных методов выявления слов от английских этимонов в Интернете требуется краткое введение в их механику. Под автоматизированными методами в данной статье понимаются не приёмы, позволяющие полностью автоматизировать процесс выявления англицизмов и их производных в интернет-текстах, а методы, помогающие ускорить этот процесс благодаря обращению к возможностям корпусной и компьютерной лингвистики. В рамках настоящей статьи мы опишем два метода, которые уже были использованы их авторами для поиска англицизмов и их дериватов: метод, основанный на обучении нейронных сетей на материале русского языка [1–2], и метод [3] с использованием менеджера корпусов *AntConc* [19] для поиска англицизмов в текстах на испанском и датском языках. Хотя корпусные и компьютерные технологии на сегодняшний день имеют широкое применение в анализе естественного языка (см., например, [27, 34]), в основе предлагаемого обзора лежат лишь три публикации [1–3], поскольку в ходе анализа существующих корпусных и компьютерных методов автоматизированного поиска англицизмов были обнаружены только эти исследования.

Перейдём к рассмотрению названных методов.

Нейронные сети: программирование и машинное обучение. Авторы этого метода предлагают алгоритм автоматизированного поиска англицизмов и их производных, который был апробирован на материале 10 млн текстов на русском языке с сайта *LiveJournal* [1. Р. 34]. В результате анализа было обнаружено 4 300 слов, из которых примерно 1 150 не имело лексикографической фиксации на момент проведения исследования (2016 г.) [1. Р. 36].

Алгоритм обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете, использованный авторами, не предполагает предварительной ручной обработки текстов [1. Р. 32]. Метод реализуется с помощью кода, написанного на Python, и нейросети, обученной на материале словарей англицизмов и русских грамматик. В основе метода лежит гипотеза о том, что большинство англицизмов в текстах на русском языке транслитерируется, сохраняя в определённой степени фонологическую оболочку [1. Р. 32; 2. Р. 68].

Суть рассматриваемого метода состоит в следующем.

С помощью кода, написанного на языке Python, были проанализированы блогерские статьи *LiveJournal* на русском (10 млн текстов) и на английском (10 млн текстов) языках и выявлены лексические единицы, «одинаковые» в текстах на двух языках [1. Р. 3; 2. Р. 70]. Под одинаковыми авторы описываемого метода понимают слова, написанные в текстах на английском языке латиницей и встречающиеся в транслитерированном виде в текстах на русском языке на кириллице (*complex* – *комплекс*, *module* – *модуль*, *bowl* – *боул*). Правила транслитерации были прописаны в коде на основе ГОСТов [1. Р. 33]. Этим правилам была обучена нейронная сеть, которая осуществляла поиск англицизмов и их производных. В результате такого поиска сформировался список «одинаковых» слов.

После обнаружения таких слов имеющиеся тексты на русском языке были исследованы для выявления в них производных от англицизмов. Этот этап анализа осуществлялся с помощью рекуррентной нейронной сети, обученной на алгоритмах CBoW и Skip-Gram правилам словообразования на материале 97 000 слов из словаря WikiDictionary [1. Р. 33]. В результате нейросеть выявила не только англицизмы (*контраст*, *клик* и др.), но и их дериваты, восходящие к общим этимонам (*контрастность*, *кликнуть* и др.). Полученный список лексических единиц нейросеть сопоставила со словами, зафиксированными в словарях англицизмов [20, 21], что позволило выявить 1 150 лексем из 4 300 обнаруженных слов, не имеющих лексикографической фиксации, но использующихся в блогах.

Авторы отмечают, что достоинством их метода является обнаружение сложных слов (*киберспорт* от англ. *cyber sport*), производных от англицизмов (*ретвитнуть* от англ. *retweet*) и лексем, не зафиксированных словарями [1. Р. 36; 2. Р. 70]. Основным недостатком авторы метода называют временные затраты на его реализацию. Также к недостаткам отнесено иногда неверное соотношение английского этимона с заимствованием (*клип* якобы от англ. *sheep*). Эту ошибку иллюстрируют множественные примеры,

обнаруженные нами после изучения списка англицизмов и их производных, опубликованного авторами на GitHub [1. Р. 36; 22]: *Берлин* и *берлинский* (якобы от англ. *Berlin*), *Прага* (якобы от англ. *Prague*), *водка* (якобы от англ. *vodka*), *мыловарня* (якобы от англ. *meal*), *это* (якобы от англ. *at*), *балалайка* (якобы от англ. *balalaika*). Эти слова, безусловно, не являются англицизмами. Данная ошибка означает, что ручная проверка результатов автоматизированного поиска слов от английских этимонов всё же требуется, что может стать весьма трудоёмкой работой, учитывая количество лексических единиц (в данном случае 4 300), которое необходимо проверить вручную.

Рассмотрим ещё один способ выявления английских заимствований в интернет-текстах, основанный на корпусных технологиях.

Корпусный метод: ключевые слова в менеджере корпуса. Один из способов автоматизированного обнаружения слов от английских этимонов связан с использованием менеджера корпусов. Менеджером корпуса называется «программа, предназначенная для управления корпусами текстов: создания корпусов, их редактирования, аннотирования, осуществления поиска в них и т.д.» («a program used to manage text corpora, i.e. to build, edit, annotate and search corpora») [23]. С помощью менеджера корпусов можно создать свой собственный корпус текстов, который отвечает методическим задачам (корпус текстов по специальности для «составления профессиональных лексических минимумов» [24. С. 44]) или исследовательским (корпус на базе сборника *Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов* для изучения особенностей языкового регулирования в Карелии [25. Р. 52]).

В рамках настоящей статьи внимание обращается на два менеджера корпусов – *AntConc* [19] и *Sketch Engine* [11], которые рассматриваются в аспекте их использования для автоматизации обнаружения слов от английских этимонов с помощью функции *Keyword*, позволяющей выявить ключевые слова в корпусе текстов.

Ключевыми словами в корпусной лингвистике называются слова, которые «чаще встречаются в фокусном корпусе, чем в референтном корпусе» [23]. Это значит, что свойство «быть ключевым» относится не к языку вообще, а к конкретному массиву текстов, в котором ключевые слова выделяются на основании законов математической статистики [24. С. 45] и действуют при сопоставлении фокусного корпуса с референтным. Фокусным корпусом называется корпус, с которым работает исследователь, или корпус, в котором осуществляется поиск. Референтный корпус¹ – это корпус, с которым сопоставляется фокусный корпус для выявления ключевых слов в последнем [23]. Помимо наиболее частотных лексических единиц, к ключевым словам также относятся лексемы, которые встречаются только в фокусном корпусе и не повторяются в референтном. Как правило, объём референтного корпуса больше, чем фокусного, или сопоставим с ним («Typically,

¹ Иногда в русскоязычной научной литературе референтный корпус называется справочным или опорным [24. Р. 46].

a reference corpus is larger than or similar in size to the corpus of interest <...>» [26. Р. 81]). Большой объём референтного корпуса позволяет ему стать «достоверным образцом того языка, на котором написан изучаемый текст» [24. С. 46], и тем самым исключить из списка ключевых слов лексические единицы, которые относятся к числу наиболее общих в языке, как лексемы *новый, нравиться, люди, быть*, а также служебные слова, местоимения и междометия.

Функция *Keyword* «сравнивает содержание фокусного корпуса с референтным корпусом и определяет, какие слова и фразы являются значимыми для первого на основе их частотности» [27. Р. 193]. В менеджере корпуса эта функция работает на основе принципа «TF.IDF (term frequency by inverse document frequency)» [28. Р. 240], согласно которому каждому слову в документе присваивается числовое значение или вес («score» или «keyness score» [29]), вычисляемый как отношение частоты слова в фокусном корпусе к обратной частоте в референтном корпусе [26. Р. 85; 30. С. 12] по формуле, интегрированной в работу корпусного менеджера [29]:

$$Score = \frac{fpm\ focus + N}{fpm\ ref + N},$$

где *fpm focus* – относительная частотность слова (*frequency per million*) в фокусном (*focus*) корпусе; *fpm ref* – относительная частотность слова в референтном (*ref*) корпусе; *N* – сглаживающий коэффициент («smoothing parameter» [29]), равный единице и необходимый, чтобы избежать деления на ноль, когда рассматриваемое слово не встречается в референтном корпусе, то есть его частотность равна нулю [26. Р. 85].

Вес лексем (*score*), которые часто встречаются в тексте вне зависимости от его тематической или жанровой принадлежности (например, служебные слова, местоимения и др.), приближается к нулю, поскольку такие лексические единицы, как правило, не являются специфическими для определённого типа текстов [28. Р. 240]. Высокий вес слова говорит о его специфичности в референтном корпусе, то есть делает его ключевым («words displaying a higher score would be considered more specialized than those associated to a lower or even negative value» [31. Р. 91]).

Для выявления ключевых слов в корпусе текстов необходимо априорное представление о том, какие лексемы могут являться в нём ключевыми [26. Р. 82], поскольку «свойство слова быть ключевым является текстуальной характеристикой» [24. С. 48]. Это значит, что лексические единицы, попавшие в список ключевых, «являются важными в тексте, так как в них отражена главная идея» [24. С. 48–49], а одним из показателей её значимости оказывается высокая частотность соответствующих лексем. Так, если фокусный корпус состоит из текстов о погоде на русском языке, а референтный корпус представляет русский язык во всём его многообразии, то скорее всего, ключевыми словами в первом будут *дождь, ветер, снег, температура, облачность, солнечно, опускаться, подниматься* и т.п. Также должно быть представление о предполагаемом изменении состава клю-

чевых слов в фокусном корпусе при изменении референтного корпуса [26. Р. 82]. Например, если фокусный корпус состоит из русскоязычных текстов о погоде на Аляске, а референтный корпус включает тексты о погоде в Бразилии, то в список ключевых слов фокусного корпуса наверняка попадут лексемы *снег, ветер, субарктический, снежная буря* и не попадут такие единицы, как *тропический ливень, жара, засуха, песчаная буря*.

Возможность использования функции *Keyword* для выявления англицизмов в корпусе текстов обусловлена тем, что они являются новыми единицами языка, которые, как правило, заимствуются для их использования в определённой сфере коммуникации. Это значит, что их частотность в рамках соответствующей сферы значительно выше, чем за её пределами. Так, если фокусный корпус состоит из текстов по экономике, содержащих английские заимствования, а тексты референтного корпуса представляют язык во всём его многообразии, то при применении функции *Keyword* к первому в результате поиска попадут все лексические единицы, которые не встречаются во втором корпусе или имеют в нём низкую частотность, в том числе англицизмы, например: *фьючерс, депорт, консигнация, овердрафт, форфейтинг, тримминг* [32. С. 68].

Единственный пример использования функции *Keyword* для поиска английских заимствований, обнаруженный нами в ходе изучения вопроса, представлен в тезисах конференции *2015 IEEE International Professional Communication Conference* [33]. Авторы тезисов [3] кратко описывают методологию работы с бесплатным менеджером корпуса *AntConc* [19] для автоматизированного поиска англицизмов в текстах, взятых из финансовых блогов на датском и испанском языках. В рамках их исследования выявление англицизмов происходило в два этапа [3. Р. 3]:

1) применение функции *Keyword* к текстам финансовых блогов на датском языке и выявление в результатах поиска заимствований (*daytrading, earnings, gearing, price* и др.);

2) ручной поиск «датских» англицизмов в корпусе текстов на испанском языке для выявления одинаковых заимствований в двух языках (в дат. *cash flow* и в исп. *cash flow* от англ. *cash flow*).

Авторы исследования не уточняют объём корпусов датского и испанского языков, с которыми они работали, не поясняют, какой корпус являлся референтным, не указывают количество обнаруженных англицизмов, но приводят скриншоты, подтверждающие работу с *AntConc* [3. Р. 6–7]. Наличие этих скриншотов в публикации и понимание механизма работы функции *Keyword* позволяет сделать вывод о том, что её использование способствует автоматизации обнаружения английских заимствований, но требует ручной проверки результатов машинного поиска.

Описанный способ автоматизированного обнаружения английских заимствований с помощью функции *Keyword* в *AntConc* является более простым в исполнении, чем метод на основе обучения нейронных сетей, поскольку не требует навыков программирования, а только понимания механизма работы менеджера корпусов. Однако описание процедуры использова-

ния данного метода, представленное авторами тезисов [3], с нашей точки зрения, является недостаточным для понимания принципов его работы: отсутствие информации о количественных параметрах фокусного и референтного корпусов, о процедуре и критериях выбора текстов для фокусного корпуса, о количестве обнаруженных англицизмов и их производных. Отсутствие этих сведений в статье не позволяет читателю сделать объективных выводов об эффективности корпусного метода выявления англицизмов.

Таким образом, на настоящий момент удалось обнаружить два способа [1–3], которые позволяют автоматизировать процесс обнаружения слов от английских этимонов в принимающем языке. С нашей точки зрения, описание метода обнаружения англицизмов с использованием корпусного менеджера [3], применённого к датскому и испанскому языкам, требует уточнения. Метод с применением приёмов машинного обучения нейронных сетей, выполненный на материале русского языка, видится весьма трудозатратным и времяёмким. При этом ни один из описанных методов не является полностью автоматизированным: *один* требует предварительного написания кода и последующего тщательного анализа результатов поиска, *второй* – предварительной выборки текстов и последующей ручной сортировки ключевых слов.

Учитывая видимые достоинства и недостатки существующих методов автоматизированного обнаружения английских заимствований, а также с опорой на теорию языкового заимствования, в настоящей статье предлагается описание процедуры пилотного исследования для демонстрации возможностей корпусного менеджера *Sketch Engine* выявлять слова от английских этимонов в собственном исследовательском корпусе на русском языке.

Где живут чудовища?

Поиск англицизмов и их производных с помощью *Sketch Engine*

В нашем пилотном исследовании для поиска слов от английских этимонов в русскоязычных интернет-текстах был выбран корпусный менеджер *Sketch Engine* [11], одним из преимуществ которого перед корпусным менеджером *AntConc* является наличие механизма лемматизации. В менеджере корпуса этот механизм необходим для вычисления частотности леммы, а не каждой отдельной словоформы.

Чтобы осуществить автоматизированный поиск англицизмов и их производных в текстах при помощи *Sketch Engine* через функцию *Keyword*, в менеджере корпусов необходимо создать собственный корпус. Для этого существует два способа:

- 1) загрузка заранее подготовленных текстов, собранных вручную;
- 2) автоматизированный сбор текстов менеджером корпуса:
 - по заданным вручную ключевым словам¹ (минимум трём);

¹ В данном случае ключевыми словами называются слова и словосочетания, которые характеризуют определённую сферу коммуникации или тему. Например, если тре-

- по выбранным URL-адресам (корпус генерируется из текстов, находящихся на выбранных интернет-страницах);
- по сайтам (корпус генерируется из текстов, находящихся на выбранных сайтах).

Второй способ называется краулингом или веб-краулингом (*crawling*, *web crawling* [26. Р. 18; 34. Р. 340]) интернет-страниц от англ. *crawling* – сканирование или сбор данных в Интернете [35]. В ходе создания корпуса методом краулинга из формирующегося корпуса исключаются тексты рекламы, размещённой на интернет-страницах или сайтах, тексты интерфейса (*Домашняя страница*, *Меню*, *Личный кабинет* и т.п.), тексты гиперссылок, а также повторяющиеся фрагменты текстов, которые иногда встречаются на разных сайтах.

В нашем случае для автоматизированного обнаружения англицизмов и их производных в русском языке была использована собственная коллекция блоговых текстов о моде, собранных вручную на русскоязычной версии сайта *LiveJournal* [36] и загруженная в *Sketch Engine* в формате doc. Объём фокусного корпуса составляет 174 213 словоупотреблений (218 091 токен) и включает тексты шести блогеров [18, 37–41], написанных в 2014–2018 гг. В *Sketch Engine* наш исследовательский корпус получил название *RuFashBlog*.

В качестве референтного корпуса был использован существующий на *Sketch Engine* корпус *ruTenTen 2011* (14 553 856 113 словоупотреблений – 18 280 486 876 токенов), созданный разработчиками *Sketch Engine* методом краулинга интернет-страниц. Объём референтного корпуса значительно превышает объём фокусного корпуса, что отвечает одному из требований выбора сопоставляемых корпусов для выделения ключевых слов [26. Р. 81].

Источником текстов в сопоставляемых корпусах служит Интернет. Фокусный корпус является тематическим, поскольку его тексты посвящены моде, а референтный корпус представляет общеразговорный язык («general language corpus»¹), так как в него вошли тексты, не ограниченные с точки зрения принадлежности к определённой теме или сфере коммуникации.

Поскольку корпус *RuFashBlog* содержит тексты о моде, ожидается, что ключевыми словами в нём будут лексические единицы, являющиеся номинациями предметов одежды (*юбка*, *платье*, *блузка*), обуви (*туфли*, *сапоги*), аксессуаров (*сумка*, *шляпа*), материалов (*замша*, *замшевый*, *шёлк*, *шёлковый*) и др. на русском языке. Также ожидается, что среди этих лексем будут английские заимствования и их производные, которые являются либо высокочастотными в текстах о моде (например, наиболее распространённые названия предметов одежды, как *свитер*, *кардиган* и *джинсы*), либо но-

буется составить корпус текстов о кулинарии, ключевыми словами могут быть *еда*, *кулинария*, *рецепт*.

¹ «A general language corpus is a sample of language taken from a very large population – in the case of a general corpus the population consists of all of the language that people produce during a certain period of time» [26. Р. 15].

выми номинациями в области моды и потому употребляются преимущественно в данной сфере коммуникации, редко встречаясь в языке повседневного общения (*аутфит, лоферы, оверсайз, слипоны, тотал-лук* и др.).

После создания корпуса *RuFashBlog* к нему была применена функция *Keyword*, которая в *Sketch Engine* по умолчанию формирует список из 1 000 ключевых слов в фокусном корпусе, сопоставляя его с референтным. Количество единиц в списке ключевых слов можно регулировать вручную, но в рамках настоящего пилотного исследования мы не пользовались этой возможностью.

На рис. 1 представлена первая из двадцати страница результатов поиска после применения функции *Keyword* к *RuFashBlog*.

Word	Score ¹	Word	Score ¹	Word	Score ¹	Word	Score ¹
1 hyperlink	10,802.6 ***	14 колготки	192.4 ***	27 аутфитах	152.3 ***	40 пуховик	126.9 ***
2 аутфит	370.7 ***	15 будничный	187.6 ***	28 миди	148.9 ***	41 стритстайла	124.7 ***
3 кэжуал	349.0 ***	16 гардероб	185.1 ***	29 джинсы	146.6 ***	42 макси	121.8 ***
4 аутфиты	266.6 ***	17 аутфита	184.1 ***	30 ботфорт	143.2 ***	43 miu	121.5 ***
5 тренч	241.1 ***	18 принт	182.2 ***	31 денима	141.8 ***	44 бретелька	118.8 ***
6 жакет	239.8 ***	19 клатч	181.5 ***	32 юбка	136.4 ***	45 оверсайз	114.6 ***
7 тапго	215.2 ***	20 босоножка	178.4 ***	33 рюш	136.3 ***	46 колье	112.5 ***
8 инстаграм	211.8 ***	21 gucci	178.0 ***	34 крой	133.9 ***	47 джинсовая	109.5 ***
9 аутфитов	211.8 ***	22 принтов	175.9 ***	35 зага	132.1 ***	48 бомбер	109.3 ***
10 аутфите	211.7 ***	23 принтом	170.1 ***	36 ботильоны	129.6 ***	49 трендов	108.4 ***
11 кардиган	210.9 ***	24 кардиганы	161.7 ***	37 акцентный	129.5 ***	50 свитер	107.8 ***
12 инстаграме	198.1 ***	25 блуза	156.4 ***	38 а-кроя	129.4 ***		
13 принты	197.1 ***	26 balenciaga	153.9 ***	39 деним	127.7 ***		

Рис. 1. Скриншот первой страницы результатов поиска ключевых слов в *RuFashBlog*

В полученных результатах внимание привлекают три особенности:

Во-первых, согласно приведённому изображению (рис. 1), самым частотным словом в *RuFashBlog* является *hyperlink* (10 802,6¹), что связано с технической особенностью распознавания токенов корпусным менеджером: если к слову привязана скрытая гиперссылка, то она распознаётся как отдельный токен *hyperlink*. Это значит, что перед загрузкой собственно-ручно собранной коллекции текстов в *Sketch Engine* необходимо удалить из текстов все скрытые гиперссылки. Это можно сделать одномоментно во всём документе, применив к нему специальное сочетание клавиш, напри-

¹ Здесь и далее числовое значение, приводимое нами рядом с лексической единицей, означает её вес (score) в *RuFashBlog*, на основании значения которого в *Sketch Engine* формируется список ключевых слов.

Как показано на рис. 1, в *Sketch Engine* десятичные доли отделяются точками, а тысячи – запятыми. В настоящей статье написание чисел адаптировано к системе, принятой в России, то есть в качестве десятичного разделителя используется запятая (1,5 – одна целая пять десятых), а в качестве разделителя для групп разрядов (тысячи, десятки тысяч и т.д.) – пробел (1 000 – одна тысяча).

мер Ctrl+Shift+F9 (на разных устройствах сочетание клавиш для удаления скрытых гиперссылок может отличаться). Такая особенность неверного или нежелательного распознавания знака корпусом создаёт эффект, называемый в корпусной лингвистике шумом (от англ. *noise*) ([42] см. разд. *Лексико-грамматический поиск*).

Во-вторых, в результатах поиска (см. рис. 1) присутствуют нелемматизированные словоформы (*аутфит*, *аутфиты*, *аутфитов*, *аутфите*, *аутфита*; *инстаграм*, *инстаграме* и др.), которых не должно быть, потому что *Sketch Engine* поддерживает автоматическую лемматизацию. Наличие словоформ в нашем списке ключевых слов объясняется тем, что большинство из них – англицизмы и их производные, т.е. лексические единицы, новые для русского языка. Сочетание графем в этих лексических единицах является нетипичным для русского слова, поэтому практически каждая иноязычная словоформа ошибочно распознаётся как самостоятельная лексема. То есть в данном случае в список из 1 000 ключевых слов входят не только слова, но и словоформы. Аналогичная сложность в лемматизации характерна для сложных слов, не являющихся англицизмами. В *RuFashBlog* это, например, словоформы *платье-ночнушку* (14,7), *платья-ночнушки* (14,7) и *юбка-карандаш* (22,0), *юбками-карандаш* (14,7), *юбками-платьями* (14,7), *юбки-карандаш* (23,5), *юбкой-карандаш* (14,5), которые распознаются как самостоятельные леммы. Такие слова попали в список ключевых, поскольку в общеразговорном языке, представленном в нашем случае референтным корпусом *RuTenTen 2011*, они практически не встречаются.

В-третьих, в списке ключевых слов (см. рис. 1) обнаруживаются лексемы, написанные на латинице: *tango* (215,2), *gucci* (178,0), *balenciaga* (153,9), *zara* (132,1), *miu* (121,5). Появление этих лексических единиц в списке ключевых тоже объясняется высокой частотностью наименований брендов в блогах о моде в сравнении с их частотностью в общеразговорном языке и их нетипичным для русского языка сочетанием графем – они написаны латиницей, а не кириллицей.

Таким образом, первая из перечисленных особенностей создаёт шум в результатах поиска, вторая и третья, помимо создания шума, свидетельствуют о необходимости ручной проверки результатов поиска для выявления искомых англицизмов и их производных.

Ручная проверка первой страницы (рис. 1) ключевых слов позволяет увидеть, что в список искомых англицизмов в сфере моды и их производных попало 16 из 33¹ лексем на русском языке: *аутфит* (от англ. *outfit*), *бомбер* (от англ. *bomber*), *деним* (от англ. *denim*), *джинсы*, *джинсовая* (от англ. *jeans*), *кардиган* (от англ. *cardigan*), *клатч* (от англ. *clutch*), *кэжуал* (от англ. *casual*), *макси* (от англ. *maxi*), *миди* (от англ. *midi*), *оверсайз* (от англ. *oversize*), *принт* (от англ. *print*), *свитер* (от англ. *sweater*), *стритстайл* (от англ. *street style*), *тренд* (от англ. *trend*), *тренч* (от англ.

¹ В данном случае имеются в виду 33 лексемы на первой странице результатов поиска, а не 50 ключевых слов и словоформ, которые представлены на рис. 1.

trench). То есть практически половина ключевых лексем на первой странице поиска являются англицизмами и их дериватами.

Как было сказано ранее, в *Sketch Engine* список ключевых слов по умолчанию формируется из 1 000 единиц, что усложняет их ручную проверку и сортировку на сайте менеджера корпусов. Для ускорения и частичной автоматизации ручной проверки дальнейшую работу по обнаружению англицизмов и их производных необходимо выполнять в *Excel*, скачав сформировавшийся список ключевых слов в соответствующем формате (эта возможность предусмотрена *Sketch Engine*).

Для выявления англицизмов в сфере моды и их производных в списке ключевых слов в *Excel* требуется выполнить следующий алгоритм действий:

1. Применить функцию *Таблица* к списку ключевых слов с их числовыми значениями для удобства синхронизированной сортировки строк.

2. Отсортировать строки в алфавитном порядке, в результате чего верхние строки будут заняты словами или словоформами, написанными латиницей, что позволит одновременно их исключить из списка ключевых слов. В нашем случае было исключено 229 слов, написанных латиницей (*adidas, armani, asos, chanel, chloe, cors, dutti, fendi, kari, kenzo, lakbi, lamoda, moschino, prada, valentino, wildberries, zara* и др.).

3. Исключить слова и словоформы, которые не отвечают цели поиска. В нашем случае такими единицами стали:

- англицизмы и их производные, которые не относятся к сфере моды (*кликабельный, лайфхак, лого, экспресс-пост, экспресс-текст* и др.);

- слова и словоформы, которые относятся к сфере моды, но не являются англицизмами и их производными (*балетками, балетки, балеток, бант, воротник, вязаный, капюшон* и др.);

- слова, не имеющие отношения к сфере моды (*как-будто, любимчик, любительница, цейлонский* и др.);

- просторечия и сленгизмы (*адски, ботан, капец, крайняк* и др.);

- имена собственные и их производные (*инстаграм, инста* и др.; *Ай-платов* – фамилия дизайнера; *Винтур* – фамилия главного редактора американского издания журнала *Vogue*; *Честейн* – фамилия актрисы Джессики Честейн).

После исключения нерелевантных слов и словоформ из результатов поиска в нашем списке осталось 250 слов (*джинсовый, тренч, шоппер*) и словоформ (*джинсовая, джинсовой, джинсовую; тренча, тренчами, тренчей; шоппера, шопперы*), которые являются англицизмами и их производными в сфере моды.

4. Лемматизировать словоформы для удобства подсчёта лексем-англицизмов и лексем-производных от англицизмов. Частичное автоматизирование лемматизации возможно с помощью инструментария *Excel*, а именно его функции *Найти и заменить*, в которой в поисковой строке *Найти* необходимо указать основу лексемы со знаком * вместо окончания (*аутфит**), а в окне *Заменить* указать лемму (*аутфит*), на которую необ-

ходимо заменить все словоформы¹. При такой замене все словоформы в таблице (*аутфит, аутфитом, аутфита, аутфиты*) будут автоматически заменены на словарную форму слова (*аутфит*). Более наглядный пример реализации этой функции представлен в прил. I.

В результате лемматизации и подсчёта выявленных лемм список англицизмов в сфере моды сформировали 84 лексические единицы с количеством вхождений в *RuFashBlog* 4 506 (*бини, боди, бойфренды, нюд, оверсайз, свитшот, скини, слипон, стиль, тренд, тренч, тренчкот, чиносы, шоппер* и др.) и 32 производных с количеством вхождений 1 194 (*замиксовать, кэжуальщик, кэжуальность, миксовать, нюдовый, стилевой, топовый, трендовый* и др.) (рис. 2). Полный список обнаруженных слов от английских этимонов приведён в прил. II.

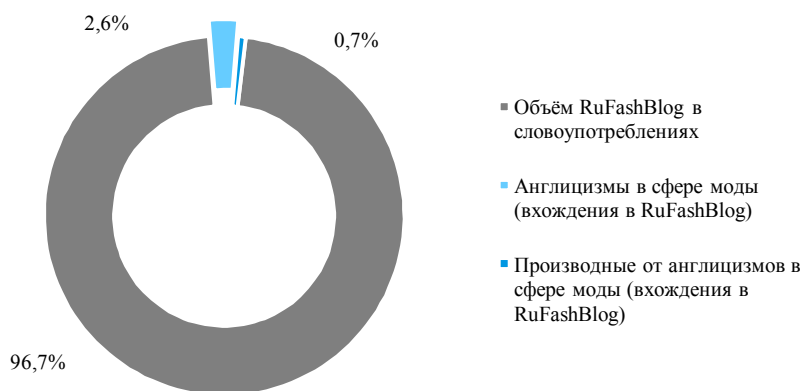

Рис. 2. Процентное соотношение англицизмов и их производных в сфере моды в корпусе RuFashBlog

Описанный способ автоматизировать процедуру обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете с помощью *Sketch Engine* имеет ряд преимуществ перед описанными ранее методами на основе обучения нейронных сетей и с использованием менеджера *AntConc*. С нашей точки зрения, к таким преимуществам относятся:

- отсутствие в результатах поиска (в списке ключевых слов) ошибочных англицизмов и их производных, таких, например, как *Берлин* и *берлинский*, *балалайка* и *мыловарня*;
- небольшие временные затраты, которые зависят от объёма обрабатываемых текстов (в рамках работы над данной статьёй с момента загрузки текстов в менеджер корпуса до составления финального списка англицизмов в сфере моды и их производных прошло примерно 4 часа);
- обнаружение новейших англицизмов, некоторые из которых не зафиксированы НКРЯ и не имеют лексикографической фиксации в искомом

¹ Знак (*) является регулярным выражением, который на языке поисковых запросов означает «Ни одного или несколько любых символов» [43].

значении (в нашем случае – наименование объекта моды), например *гёрлфренды* и *бойфренды* (фасоны джинсов);

– наличие механизма лемматизации в *Sketch Engine*, который если и не работает в случае с англицизмами и их производными, но всё же объединяет все словоформы лексической единицы (*юбкой*, *юбки* и др.) в лемму (*юбка*) и тем самым сокращает излишний шум в результатах поиска.

Безусловно, можно выделить и некоторые недостатки в процедуре поиска слов от английских этимонов с помощью *Sketch Engine*, которыми являются:

– возможность выявления англицизмов и их производных только в текстах, принадлежащих определённой тематике, что обуславливает необходимость предварительной подготовки фокусного корпуса;

– потеря англицизмов, которые являются омонимами лексических единиц, частотных в общеразговорном языке, и которые можно обнаружить только в ходе прочтения текстов из фокусного корпуса, например лексемы *лук* (в общеразговорном языке – овощ, стрелковое оружие, как англицизм – внешний вид), *бокс* (вид спорта и маленькая женская сумочка), *финиш* (конечный пункт дистанции и финальное покрытие обуви), *челси* (спортивный клуб и вид обуви).

Названные достоинства и недостатки описанного метода автоматизированного выявления англицизмов и их производных с помощью *Sketch Engine*, с нашей точки зрения, говорят о том, что на настоящий момент ни один из способов не является полностью автоматизированным, потому что требуется либо предварительная ручная работа, либо последующий ручной анализ результатов поиска, либо и то и другое. Тем не менее метод с использованием корпусного менеджера *Sketch Engine* позволяет нивелировать некоторые недостатки описанных способов автоматизации процесса поиска английских заимствований и их производных, в частности в русском языке.

Заключение

Таким образом, выполненное пилотное исследование на материале небольшого корпуса блоговых текстов о моде показало, что использование менеджера корпусов *Sketch Engine* способствует решению задач по автоматизации поиска англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете. Для реализации описанного метода требуется предварительная подготовка корпуса текстов и последующий анализ ключевых слов.

Предварительная подготовка корпуса текстов предполагает:

– выбор текстов, объединённых общей тематикой (мода), что, во-первых, позволяет предвидеть возможные ключевые слова (*боди*, *деним*, *нюд*, *оксфорды*, *ретро*) или их рубрики (названия стилей, цветов, предметов одежды и обуви) и, во-вторых, обеспечивает высокую частотность лексем в рамках текстов на выбранную тематику, что делает их ключевыми в фокусном корпусе;

– ручное удаление гиперссылок в текстах, если корпус составляется не методом краулинга интернет-страниц, а посредством загрузки текстов, самостоятельно скопированных с интернет-страниц;

– выбор подходящего референтного корпуса, отражающего общеразговорный язык, современный языку текстов в фокусном корпусе.

Последующий анализ ключевых слов включает:

– исключение нерелевантных лексических единиц из списка ключевых слов;

– лемматизацию слов от английских этимонов и сведение к лемме отдельных словоформ в тех случаях, где это необходимо.

Описанный метод может быть использован не только для поиска английских заимствований в русскоязычном Интернете, но и в текстах на других языках, работа с которыми предусмотрена возможностями *Sketch Engine*. Изучение специфики применения данного метода для поиска англицизмов и их производных в других языках, других тематических сферах, а также на большем массиве текстов составляет перспективу его дальнейшего исследования.

Приложение I

Пример использования Excel для автоматической лемматизации

Item	Frequency (focus)	Frequency (reference)	Relative frequency (focus)	Relative frequency (reference)	Score
авиатор	10	26877	45,85242	1,47026	18,967
акцент	134	382947	614	20,9484	28,04
анималистические	5	627	22	0,0343	23,133
анималистический	5	634	22	0,03468	23,124
анималистичный	4	25	18	0,00137	19,315
ауфит	81				742
ауфит	40				987
ауфит	21				263
ауфит	33				263
ауфит	46				736
ауфит	46				759
ауфит	5				918
ауфит	4				336
ауфит	58				509
бини	10				998
боди	15				335
бойфренд	8	13492	36,68193	0,73805	21,681
бойфрендами	5	284	22,92621	0,01554	23,56
бойфрендов	4	883	18,34097	0,0483	18,45

Приложение II

Список выявленных англицизмов в сфере моды и их производных

Англицизмы			Производные
1. Авиаторы	33. Мартенсы	65. Топ	1. Акцентирование
2. Акцент	34. Мастхэв	66. Тотал	2. Акцентный
3. Анималистичный ¹	35. Металлик	67. Тотал-лук	3. Базовость

¹ Лексема *анималистичный* рассматривается нами как англицизм с морфологическим оформлением, а не как производное, поскольку для формирования производного от англицизма необходима производящая основа – английское заимствование. В русском языке такая производящая основа отсутствует (ею могло бы быть слово *анимал* от

Англицизмы			Производные
4. Аутфит	36. Миди ¹	68. Тренд	4. Базовый
5. Бини	37. Микс	69. Тренч	5. Богемный
6. Боди	38. Милитари	70. Тренчкот	6. Джинсовый
7. Бойфренды	39. Минимализм	71. Угги	7. Замиксовать
8. Бомбер	40. Мюли	72. Фэшениста	8. Капроновый
9. Бохо	41. Нейтральный	73. Фэшн	9. Ковбойский
10. Броги	42. Нюд	74. Хаки	10. Коктейльный
11. Гёрлфренды	43. Оверсайз	75. Хантеры	11. Контрастность
12. Гикшик	44. Оксфорды	76. Хит	12. Кроссовки
13. Гламур	45. Пейсли	77. Хобо	13. Кэжуальный
14. Деконструктивизм	46. Пижама	78. Худи	14. Кэжуально
15. Деним	47. Преппи	79. Чиносы	15. Кэжуальность
16. Джемпер	48. Принт	80. Чокер	16. Кэжуальщик
17. Джинсы	49. Ретро	81. Шопер	17. Миксовать
18. Дресс-код	50. Свитер	82. Шопинг	18. Минималистичный
19. Капрон	51. Свитшот	83. Шоппер	19. Нейтральный
20. Кардиган	52. Сет	84. Шорты	20. Некэжуальный
21. Каффы	53. Скини		21. Нюдовый
22. Кеды	54. Слиперы		22. Оверсайзный
23. Клатч	55. Слипоны		23. Оверсайзность
24. Контраст	56. Смартвотч		24. Пижамный
25. Кроп-топ	57. Снуд		25. Стилистический
26. Кросс-боди	58. Стайлинг		26. Стильно
27. Кэжуал	59. Стилизация		27. Стильный
28. Леггинсы	60. Стилист		28. Тимберы
29. Логомания	61. Стилистика		29. Топовый
30. Лоуферы	62. Стиль		30. Трендыбренды
31. Лукбук	63. Стристайл		31. Трендовый
32. Макси ²	64. Тимберленды		32. Футболка

англ. *animal*, но такого заимствования в русском языке нет), а этимолом лексемы *анималистичный* является английское слово *animal*.

¹ В данном случае имеется в виду употребление лексемы *миди* в блогах в значении, заимствованном из английского языка [44] – *длина или одежда длины миди*, например:

• *К миди можно подобрать туфли или же снова ботильоны с коротким голенищем* [37].

• *Носите эту вещь с летящими платьями длины миди и высокими сапогами, брючными костюмами, джинсами клеш и вельветовыми брюками* [38].

² В данном случае имеется в виду употребление лексемы *макси* в блогах значении, заимствованном из английского языка [44] – *длина или одежда длины макси*, например:

• *Мы поломали голову, но нашли идеальный фасон платья: макси на запах* [18].

• *В случае с плиссе мы ушли от макси и дошли до длины миди, складки стали резче и жестче, в цветах появился металлик, а также глубокие насыщенные оттенки, а также появились новые варианты образов и вещей, которые мы носим с такими юбками* [37].

Список источников

1. *Fenogenova A., Kazorin V., Karpov I.* A General Method Applicable to the Search for Anglicisms in Russian Social Network Texts // Proceedings of the Artificial Intelligence and Natural Language AINL FRUCT 2016 Conference. Saint-Petersbourg, 2016. P. 31–36. URL: <https://publications.hse.ru/en/chapters/194779964> (дата обращения: 03.01.2022).
2. *Fenogenova A.S., Karpov I., Kazorin V., Lebedev I.V.* Comparative Analysis of Anglicism Distribution in Russian Social Network Texts // Материалы Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2017» : в 2 т. М. : Изд-во РГТУ. 2017. Т. 1. С. 65–74. URL: <https://publications.hse.ru/books/206282438> (дата обращения: 03.01.2022).
3. *Laursen A.L., Mousten B.* Tracking Anglicisms in Domains by the Corpus-Linguistic Method – A Case Study of Financial Language in Stock Blogs and Stock Analyses // 2015 IEEE International Professional Communication Conference (IPCC). Limerick, 2015. P. 1–7. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7235806?reload=true> (дата обращения: 03.01.2022).
4. *Scherling J.* Holistic loanword integration and loanword acceptance. A comparative study of anglicisms in German and Japanese // AAA – Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2013. Vol. 1 (38). P. 37–51.
5. *Onysko A.* Exploring discourse on globalizing English // English Today. 2009. Vol. 25 (1). P. 25–36. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/abs/exploring-discourse-on-globalizing-english/F0F61668C8BE8866C857AB45B11991FB> (дата обращения: 04.01.2022).
6. *Елифёрова М.* Панталоныфракжилет. М. : Альпина Диджитал, 2020. 157 с.
7. *Артамонов А.* Татьяна Миронова: Переживать надо, когда лингвистика служит сокрытию деяний. URL: <https://omiliya.org/article/tatyana-mironova-perezhyvat-nado-kogda-lingvistika-sluzhit-sokrytiyu-deyaniy> (дата обращения: 03.07.2020).
8. *Галь Н.* Куда же идёт язык? // Слово живое и мёртвое. М. : АСТ, 2017. С. 65–79.
9. *Дьяков А.И.* Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2010. 588 с.
10. *Маринова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка. М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2012. 288 с.
11. *Sketch Engine.* URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 04.03.2020).
12. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
13. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, ЧеРо, 1997. 480 с.
14. *Кожевникова Е.И.* Фонетическая и грамматическая ассимиляция галлицизмов в современном английском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 5 (84). С. 222–225. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/18868> (дата обращения: 04.01.2022).
15. *Володарская Э.Ф.* Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–118. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2002-4/96-118> (дата обращения: 04.01.2022).
16. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.11.2021).
17. *Семантическое освоение заимствованных слов в русском языке.* URL: <http://www.textologia.ru/russkiy/leksikologia/slovo-proishozhdenie/semanticheskoe-osvoenie-zaimstvovannih-slov-v-russkom-yazike/1224/?q=463&n=1224> (дата обращения: 14.01.2020).
18. *7 одёжек.* Свой гардероб – свои правила. URL: <https://7odezhek.livejournal.com/> (дата обращения: 14.01.2019).

19. *AntConc*. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 19.10.2021).
20. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. URL: <http://anglicismdictionary.ru/> (дата обращения: 01.05.2022).
21. Словарь молодёжного сленга. URL: <https://teenslang.su/> (дата обращения: 07.01.2019).
22. *lab533/Anglicisms*. URL: <https://github.com/lab533/Anglicisms> (дата обращения: 14.01.2020).
23. *Glossary*. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/guide/glossary/> (дата обращения: 19.04.2021).
24. Горина О.Г. Методика и математика ключевых слов // Открытое и дистанционное образование. 2017. Т. 2 (66). С. 44–51. URL: http://journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive&id=1579&article_id=35320 (дата обращения: 23.11.2021).
25. Moskvitcheva S. Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: “Native Language” (rodnoj âzyk) and “National Language” (nacional’nij âzyk) // Minority Languages from Western Europe and Russia: Comparative Approaches and Categorical Configurations / ed. by S. Moskvitcheva, A. Viaut. Cham : Springer International Publishing, 2019. P. 49–67. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-24340-1_5 (дата обращения: 23.11.2021).
26. Brezina V. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 314 p.
27. Thomas J. Discovering English with Sketch Engine. 2nd ed. New Delhi : Versatile, 2017. 229 p.
28. Kilgarrieff A. Comparing corpora // International journal of corpus linguistics. 2001. Vol. 6 (1). P. 97–133.
29. *Simple maths*. URL: <https://www.sketchengine.eu/documentation/simple-maths/> (дата обращения: 27.06.2021).
30. Белоусов К.И., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л., Пономарёв Н.Ф., Рябинин К.В. Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 5–26.
31. Pérez M.J.M. Measuring the degree of specialisation of sub-technical legal terms through corpus comparison. A domain-independent method // Terminology. 2016. Vol. 1 (22). P. 80–102.
32. Яхина Р.Р., Ильдуганова Г.М. Особенности модификации заимствований англоязычного происхождения на материале экономической и финансовой терминологии // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 5. С. 67–71.
33. 2015 IEEE International Professional Communication Conference (IPCC). URL: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/7210374/proceeding> (дата обращения: 29.09.2021).
34. *A Practical Handbook of Corpus Linguistics* / ed. by Paquot M., Gries S.Th. Cham : Springer, 2020. 686 p.
35. *Multitran*. URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 20.10.2021).
36. *LiveJournal*. URL: <https://www.livejournal.com/> (дата обращения: 11.11.2021).
37. Стильные заметки, блог о стиле и моде // LiveJournal. URL: <https://upryamka.livejournal.com/> (дата обращения: 03.01.2022).
38. *Lena View* // LiveJournal. URL: <https://lena-view.livejournal.com/profile> (дата обращения: 03.01.2022).
39. Блог визуальных осколков. Иллюстрированный журнал Алексея Наседкина // LiveJournal. URL: <https://nasedkin.livejournal.com/> (дата обращения: 03.01.2022).
40. Дневник очаровательной киберледи // LiveJournal. URL: <https://kibernetika.livejournal.com/367565.html?media> (дата обращения: 03.01.2022).

41. *Anything for a quiet life* // LiveJournal. URL: <https://olga-srb.livejournal.com/> (дата обращения: 03.01.2022).
42. Инструкция для пользователя Национальным корпусом русского языка // Studiorum: Образовательный портал НКРЯ. URL: <https://studiorum-ruscorpora.ru/manual/basic/> (дата обращения: 22.03.2021).
43. *VBA Excel*. Регулярные выражения (объекты, свойства, методы) // Время не ждёт. URL: <https://vremya-ne-zhdet.ru/vba-excel/regulyarnyye-vyrazheniya/> (дата обращения: 08.01.2022).
44. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Fenogenova, A., Kazorin, V. & Karpov, I. (2016) A General Method Applicable to the Search for Anglicisms in Russian Social Network Texts. *Proceedings of the Artificial Intelligence and Natural Language AINL FRUCT 2016 Conference*. Saint Petersburg. 10–12 November 2016. Saint Petersburg. pp. 31–36. [Online] Available from: <https://publicationshse.ru/en/chapters/194779964> (Accessed: 03.01.2022).
2. Fenogenova, A.S. et al. (2017) Comparative Analysis of Anglicism Distribution in Russian Social Network Texts. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii po komp'yuternoy lingvistike i intellektual'nym tekhnologiyam "Dialog 2017": v 2 t.* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue" (2017): in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: RSUH. pp. 65–74. [Online] Available from: <https://publications.hse.ru/books/206282438> (Accessed: 03.01.2022).
3. Laursen, A.L. & Moustén, B. (2015) Tracking Anglicisms in Domains by the Corpus-Linguistic Method – A Case Study of Financial Language in Stock Blogs and Stock Analyses. *2015 IEEE International Professional Communication Conference (IPCC)*. Limerick. pp. 1–7. [Online] Available from: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7235806?reload=true> (Accessed: 03.01.2022).
4. Scherling, J. (2013) Holistic loanword integration and loanword acceptance. A comparative study of anglicisms in German and Japanese. *AAA – Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 1 (38). pp. 37–51.
5. Onysko, A. (2009) Exploring discourse on globalizing English. *English Today*. 25 (1). pp. 25–36. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/abs/exploring-discourse-on-globalizing-english/F0F61668C8BE8866C857AB45B11991FB> (Accessed: 04.01.2022).
6. Eliferova, M. (2020) *Pantalonyfrakzhilet* [Pantaloonsfrockcoatvest]. Moscow: Al'pina Didzhital.
7. Artamonov, A. (2020) *Tat'yana Mironova: Perezhivat' nado, kogda lingvistika sluzhit sokrytiyu deyanii* [Tatyana Mironova: We Should Worry When Linguistics Serves to Conceal Deeds]. [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/tatyana-mironova-perezhivat-nado-kogda-lingvistika-sluzhit-sokrytiyu-deyaniy> (Accessed: 03.07.2020).
8. Gal', N. (2017) Kuda zhe idet yazyk? [Where Does the Language Go?]. In: *Slovo zhivoe i mertvoe* [A Word Alive and Dead]. Moscow: AST. pp. 65–79.
9. D'yakov, A.I. (2010) *Slovar' angliyskikh zaimstvovaniy russkogo yazyka* [The Dictionary of English Loanwords in the Russian Language]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Marinova, E.V. (2012) *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign Words in Contemporary Russian]. Moscow: FLINTA: NAUKA.
11. *Sketch Engine*. [Online] Available from: <https://www.sketchengine.eu/> (Accessed: 04.03.2020).
12. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

13. Rakhmanova, L.I. & Suzdal'tseva, V.N. (1997) *Sovremennyy russkiy yazyk: ucheb. posobie* [Modern Russian Language: Students' Book]. Moscow: Moscow State University; CheRo.
14. Kozhevnikova, E.I. (2010) Foneticheskaya i grammaticheskaya assimilyatsiya gallitsizmov v sovremennom angliyskom yazyke [Phonetic and grammar adaptation of gallicisms in modern English]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 5 (84). pp. 222–225. [Online] Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/18868> (Accessed: 04.01.2022).
15. Volodarskaya, E.F. (2002) Zaimstvovanie kak otrazhenie russko-angliyskikh kontaktov [Loanwords as a Reflection of Russian and English Contacts]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 96–118. [Online] Available from: <https://vja.ruslang.ru/rus/archive/2002-4/96-118> (Accessed: 04.01.2022).
16. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 20.11.2021). (In Russian).
17. Rakhmanova, L.I. & Suzdal'tseva, V.N. (1997) *Semanticheskoe osvoenie zaimstvovannykh slov v russkom yazyke* [Semantic Adaptation of Loanwords in the Russian Language]. [Online] Available from: <http://www.textologia.ru/russkiy/leksikologiya/slovo-proishozhdenie/semanticheskoe-osvoenie-zaimstvovannykh-slov-v-russkom-yazyke/1224/?q=463&n=1224> (Accessed: 14.01.2020).
18. 7 odezhek. (2019) *Svoy garderob – svoi pravila* [Your wardrobe – Your Rules]. *LiveJourna*. [Online] Available from: <https://7odezhke.livejournal.com/> (Accessed: 14.01.2019).
19. *AntConc*. [Online] Available from: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (Accessed: 19.10.2021).
20. D'yakov, A.I. (2022) *Slovar' anglitsizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Anglicisms in the Russian Language]. [Online] Available from: <http://anglicismdictionary.ru/> (Accessed: 01.05.2022).
21. Anon. (2019) *Slovar' molodezhnogo slenga* [Dictionary of Youth Slang]. [Online] Available from: <https://teenslang.su/> (Accessed: 07.01.2019).
22. *lab533/Anglicisms*. [Online] Available from: <https://github.com/lab533/Anglicisms> (Accessed: 14.01.2020).
23. Sketch Engine. (2021) *Glossary*. [Online] Available from: <https://www.sketchengine.eu/guide/glossary/> (Accessed: 19.04.2021).
24. Gorina, O.G. (2017) Methodology and mathematics of key words. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*. 2 (66). pp. 44–51. [Online] Available from: http://journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive&id=1579&article_id=35320 (Accessed: 23.11.2021). (In Russian).
25. Moskvitcheva, S. (2019) Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: “Native Language” (rodnoj âzyk) and “National Language” (nacional'nyj âzyk). In: *Minority Languages from Western Europe and Russia: Comparative Approaches and Categorical Configurations*. Cham: Springer International Publishing. pp. 49–67. [Online] Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-030-24340-1_5 (Accessed: 23.11.2021).
26. Brezina, V. (2018) *Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Thomas, J. (2017) *Discovering English with Sketch Engine*. 2nd ed. New Delhi: Versatile.
28. Kilgarriff, A. (2001) Comparing corpora. *International Journal of Corpus Linguistics*. 6 (1). pp. 97–133.
29. Sketch Engine. (2021) *Simple maths*. [Online] Available from: <https://www.sketchengine.eu/documentation/simple-maths/> (Accessed: 27.06.2021).

30. Belousov, K.I. et al. (2021) Cognitive-information modeling of social reality: Concepts, events, priorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 72. pp. 5–26. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/72/1
31. Pérez, M.J.M. (2016) Measuring the degree of specialisation of sub-technical legal terms through corpus comparison. A domain-independent method. *Terminology*. 1 (22). pp. 80–102.
32. Yakhina, R.R. & Il'duganova, G.M. (2017) Modification features of english origin borrowings in the material of economic and financial terminology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 67–71.
33. IPCC. (2015) *2015 IEEE International Professional Communication Conference (IPCC)*. [Online] Available from: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/7210374/proceeding> (Accessed: 29.09.2021).
34. Paquot, M. & Gries, S.Th. (eds) (2020) *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*. Cham: Springer.
35. *Multitran*. [Online] Available from: <https://www.multitran.com> (Accessed: 20.10.2021).
36. *LiveJournal*. [Online] Available from: <https://www.livejournal.com/> (Accessed: 11.11.2021).
37. LiveJournal. (2022) *Stil'nye zametki, blog o stile i mode* [Stylish Notes, Blog on Style and Fashion]. [Online] Available from: <https://upryamka.livejournal.com/> (Accessed: 03.01.2022).
38. LiveJournal. (2022) *Lena View*. [Online] Available from: <https://lena-view.livejournal.com/profile> (Accessed: 03.01.2022).
39. LiveJournal. (2022) *Blog vizual'nykh oskolkov. Illyustrirovannyi zhurnal Alekseya Nasedkina* [Blog of Visual Fractions. Illustrated Journal of Aleksey Nasedkin]. [Online] Available from: <https://nasedkin.livejournal.com/> (Accessed: 03.01.2022).
40. LiveJournal. (2022) *Dnevnik ocharovatel'noy kiberledi* [Diary of Charming Cyberlady]. [Online] Available from: <https://kibernetika.livejournal.com/367565.html?media> (Accessed: 03.01.2022).
41. LiveJournal. (2020) *Anything for a quiet life*. [Online] Available from: <https://olga-srb.livejournal.com/> (Accessed: 03.01.2022).
42. Studiorum. (2022) *Instruktsiya dlya pol'zovatelya Natsional'nym korpusom russkogo yazyka* [Instruction for Russian National Corpus Users]. [Online] Available from: <https://studiorum-ruscorpora.ru/manual/basic/> (Accessed: 22.03.2021).
43. Vremya ne zhdet. (2022) *VBA Excel. Regulyarnye vyrazheniya (ob'ekty, svoystva, metody)* [VBA Excel. Regular Expressions (Objects, Properties, Methods)]. [Online] Available from: <https://vremya-ne-zhdet.ru/vba-excel/regulyarnyye-vyrazheniya/> (Accessed: 08.01.2022).
44. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 15.09.2021).

Информация об авторе:

Алюнина Ю.М. – канд. филол. наук, Ph.D. in Lexicology and Multilingual Terminology and Translation, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, научный сотрудник Научно-образовательного Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: aliunina-yum@rudn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.M. Alyunina, Cand. Sci. (Philology), Ph.D. in Lexicology and Multilingual Terminology and Translation, teaching assistant at the Department of Foreign Languages of Faculty of Philology, research fellow at the Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 14.02.2022;
approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 811.111

doi: 10.17223/19986645/80/2

Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий

Арсентий Игоревич Бочкарев¹

¹ *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
arsentiy_87@mail.ru*

Аннотация. Анализируется комическая составляющая концепта «глупость» с точки зрения аксиологической лингвистики. Предлагается четырехшаговый алгоритм изучения особенностей актуализации концепта «глупость». Выявлены основные комические характеристики данного концепта. Установлены основные особенности актуализации рассматриваемого концепта при высмеивании социокультурных характеристик комического объекта. Определено, что осмеянию в основном подвергаются этнические, гендерные и профессиональные характеристики человека.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, комический дискурс, социокультурные характеристики, комический объект, стереотипы

Для цитирования: Бочкарев А.И. Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 30–44. doi: 10.17223/19986645/80/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/2

Humorous characteristics of the axiological concept “stupidity” in Anglo-Saxon linguaculture based on stand-up comedies

Arsentiy I. Bochkarev¹

¹ *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation,
arsentiy_87@mail.ru*

Abstract. This article aims to examine a humorous component of the concept “stupidity” in the framework of axiological linguistics. Due to an important role of the axiological concept “stupidity” in humorous discourse, some humorous aspects of this concept have been studied by many researchers; however, according to the author’s data, a detailed analysis of the concept “stupidity” realizing in humorous discourse has not yet been carried out. The empirical base of the work consists of 50 stand-up specials which are more than 4500 minutes long. The first part of the article analyzes the main humorous characteristics of the axiological concept “stupidity.” The following main humorous characteristics were revealed: unreasonable behavior, ignorance

of the language, ignorance of obvious things, violation of logic in statements, stereotyping of thinking. Unreasonable behavior is realized through formal observance of rules/laws, lack of attention to details, meaninglessness of performed actions, senseless risk of life or health, unintentional bodily harm. Ignorance of the language is realized through literal understanding of idioms, equating of meanings of words with similar sounds, ignorance of meaning of words. Violation of logic in statements is realized through violation of the cause-and-effect relationship, the lack of a logical connection between phenomena, the use of quasi-logic, the omission of important information to understand statements, the combination of mutually exclusive statements. The second part of the article examines the implementation of the axiological concept "stupidity" when the socio-cultural characteristics become a humorous object. Ethnic, gender and professional characteristics are mainly subjected to be a humorous object in Anglo-Saxon culture. In American linguistic culture, at the present stage, stupidity is associated primarily with African Americans. In British linguistic culture, stupidity is mostly attributed to Welsh and Americans. In addition, in Anglo-Saxon linguaculture representatives of outskirts and villages are endowed with stupidity. As for the gender aspect of humorous discourse, female stupidity is much more common than male stupidity. While female stupidity is ridiculed by both women and men, male stupidity, as a characteristic of gender, is ridiculed mainly by women. Within the framework of professional humor, politicians, police officers and doctors become objects of humorous discourse more often than representatives of other professions. Professional stupidity is usually realized through ignorance of profession, i.e. ignorance of things which are obvious for this profession. Thus, the main humorous subjects are different axiological concepts which become the basis for ridiculing particular socio-cultural characteristics. During the research, the author has learnt that certain representatives of society are associated with a certain trait of stupidity.

Keywords: axiological linguistics, humorous discourse, socio-cultural characteristics, humorous object, stereotypes

For citation: Bochkarev, A.I. (2022) Humorous characteristics of the axiological concept "stupidity" in Anglo-Saxon linguaculture based on stand-up comedies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 30–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/2

Введение

В статье рассматривается комическое в рамках аксиологической лингвистики. Как отмечает В.И. Карасик, предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [1. С. 4]. Аксиологические смыслы «формируют основу социального взаимодействия и определяют параметры развертывания дискурса» [2. С. 76]. Применение аксиологического подхода к изучению комического представляется нам оправданным, так как комическое является важнейшим инструментом для формирования ценностей и антиценностей определенной культуры. Так, восприятие обществом различных социокультурных явлений напрямую зависит от того, восхваляются ли они в рамках комического дискурса или высмеиваются.

В представленной работе применяется и разрабатывается аксиологический метод исследования комической составляющей различных ценностных явлений. Мы предлагаем следующий алгоритм анализа ценностного концепта «глупость» в рамках комического дискурса. Первый шаг заключается в определении комичности высказываний на основе реакции аудитории. Комичность тех или иных фрагментов текста определяется в основном при помощи такой реакции зрителей, как смех. Второй шаг состоит из выявления основных высмеиваемых характеристик концепта «глупость». Для этого мы анализируем комические текстовые фрагменты, в которых актуализируется данный концепт, и работы, посвященные изучению рассматриваемого концепта. Третий шаг заключается в определении основных высмеиваемых социокультурных характеристик человека. Для исследования мы отобрали те социокультурные характеристики, которые подлежат осмеянию в большинстве рассмотренных нами стендап-комедий. Четвертый шаг представляет собой изучение особенностей актуализации выявленных характеристик концепта «глупость» при высмеивании социокультурных характеристик человека.

В ходе исследования мы выявили, что осмеяние объекта реализуется через определенный набор концептов, т.е. можно выделить довольно ограниченный круг концептов, которые высмеиваются в большинстве современных комических текстов. Подобные концепты, как правило, относятся к антиценностям соответствующей культуры. Как справедливо отмечает Е.Ф. Серебренникова, ценностные концепты реализуются через определенное поведение людей [3. С. 24]. Соответственно ценностные концепты в рамках комического дискурса имеют определенный сценарий реализации, который определяет их как: а) ценности или антиценности; б) элементы именно комического дискурса.

Одним из ключевых высмеиваемых концептов в англосаксонской культуре является концепт «глупость» [4–8], который представляет собой отклонение от медицинской, интеллектуальной или поведенческой нормы [4]. Основным компонентом концепта «глупость» является эмоционально-оценочный компонент [4–5]. Как отмечает Т.И. Полищук, концепт «глупость» репрезентируется преимущественно при помощи отрицательных оценочных единиц [5. С. 8]. Соответственно концепт «глупость» является антиценностью.

Основными концептуальными признаками концепта «глупость» являются следующие характеристики: отсутствие способности к мыслительной деятельности, заторможенность, ограниченность, отсутствие здравого смысла в суждениях и поведении, отсутствие осторожности, доверчивость, инфантильность, невежливость, бессмысленность [4. С. 167].

Следует отметить, что в рамках комического дискурса концепт «глупость» является своего рода метаконцептом, так как реализация любого осмеиваемого концепта может сопровождаться неразумным поведением, которое приводит к негативным последствиям для объекта осмеяния. Таким образом, при помощи реализации концепта «глупость» показывается

неприемлемость того или иного поведения, например жадности или похоти.

Вследствие важной роли концепта «глупость» для комического дискурса, отдельные высмеиваемые аспекты данного концепта изучались многими исследователями (С. Аттардо, К. Дэйвис, В.И. Карасик, М.А. Кулинич, В. Раскин и др. [9–15]), при этом, по нашим данным, еще не проводилось подробного анализа реализации концепта «глупость» в комическом дискурсе.

Зачастую ценностные концепты высмеиваются не сами по себе, а в рамках определенных социокультурных характеристик комического объекта. При этом основными комическими предметами выступают ценностные концепты, так как именно концепты служат источником комического эффекта вследствие того, что они воспринимаются как порицаемые (антиценности) или восхваляемые (ценности) обществом явления.

Соответственно в представленной статье на первом этапе мы анализируем ключевые высмеиваемые характеристики концепта «глупость», на втором этапе исследуем реализацию данного концепта при высмеивании социокультурных характеристик комического объекта.

В качестве практического материала мы взяли записи и скрипты стендап-комедий. В общей сложности было проанализировано 50 выпусков стендап-комедий объемом более 4 500 мин. Безусловным преимуществом данного материала является то, что существует возможность определения уровня комического эффекта, основываясь на реакции зрителя. В данной работе полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались наиболее бурным смехом зрителей. Выбирая примеры для данной статьи, мы старались приводить те примеры, которые либо вызывали наиболее интенсивный смех зрителей, либо встречались в различных вариациях у разных авторов.

Основные комические характеристики ценностного концепта «глупость»

При анализе русских и французских анекдотов Т.И. Полищук выделила следующие высмеиваемые характеристики концепта «глупость»: низкий уровень умственных способностей к познанию, буквальное понимание явлений, принятие одного предмета за другой (французские анекдоты), несоответствие действий общепринятым нормам (русские анекдоты). Кроме того, глупость обычно выражается через нарушение логических правил [5. С. 12].

Анализ практического материала позволил выявить следующие основные высмеиваемые характеристики концепта «глупость» в англосаксонской культуре: неразумное поведение, незнание языка, незнание очевидных вещей, нарушение логики в высказываниях, стереотипизация мышления.

1. Неразумное поведение. Под неразумным поведением понимается такое поведение, которое либо приводит к какому-либо отрицательному

(реальному или гипотетическому) результату для его актора, либо не дает никакого значительного результата, несмотря на существенные усилия актора для достижения определенной цели.

В рамках комического дискурса неразумное поведение выражается через формальное соблюдение правил/законов, отсутствие внимания к деталям, бессмысленность совершаемого действия, бессмысленный риск жизнью или здоровьем, непреднамеренное нанесение телесных повреждений и т.д.

Неразумное поведение может выражаться через *формальное соблюдение правил* без учета ситуации. В следующем примере объект осмеяния подвергает свою жизнь опасности, а именно: переходит дорогу во время движения по ней грузовика на том основании, что горит зеленый свет: *And I looked to the side, and there was this truck that is barreling down the road. And I'm looking at the truck. And as soon as the light changes, the guy next to me, he steps out into the road. Instinctively, I stuck my hand out to protect him. I was like, "Yo, dude, there's a truck." And he was like, "It's okay. We've got the light"* (Noah T. Afraid of the Dark // Netflix).

Неразумное поведение может характеризоваться *отсутствием внимания к деталям*. Это может приводить к разным последствиям. Например, в представленном ниже текстовом фрагменте адресант совершает двойное убийство животных вследствие своей невнимательности: *"What are you doing hitting cats in the face with hammers?" "Oh," he says, "it was in agony." She says, "No, it wasn't, Charlie. "It was sunbathing, I was making scones, and I looked through the windie. "and I saw it sunbathing, and he walked up and hit it in the face with a hammer." "Oh, you don't understand," he says. "I hit it with my van." ... He's on the side, and gets those rubber mud guards at the back. He pulls up, and he looks under. And in the wheel arch there's a dead cat* (Connolly B. High Horse Tout Live // Universal Pictures UK).

Одной из наиболее осмеиваемых характеристик в рамках неразумного поведения является *бессмысленность совершаемого действия*. В приведенном примере адресант высмеивает стремление объектов осмеяния к постоянной смене мест: *Now, the good thing about being out is you don't have to be out for long. Just long enough to get the next feeling, which you're all gonna get. And that feeling is, "I gotta be gettin' back." After all the work you put into getting your ass where it is right now* (Seinfeld J. 23 Hours to Kill // Netflix).

Неразумное поведение может также выражаться через *бессмысленный риск жизнью или здоровьем*. Объекты осмеяния рискуют жизнью для того, чтобы снять торнадо на видеокамеру: *It used to be in the midwest when you had a tornado, it was like everybody get in the root cellar. Not anymore. You fuckers are like "get a video camera! Get outside! Film it, Bobby!" How's the tornado? "it just blew my pants off. Keep shooting* (Williams R. Weapons of Self Destruction // David Steinberg Entertainment).

Также неразумное поведение может стать *причиной боли или риска для жизни окружающих*. В подобных примерах высмеиваются неуклюжие действия человека, которые являются признаком глупости, т.е. если бы

человек обдумывал свои действия, то он бы не причинял боль окружающим: *I know what I'm doing, goddamn it, just walk where I walk. Well, you'll be upwind, he'll smell you. Just bring your... walk in my footsteps, goddamn it. Come on. **Get off my goddamn foot*** (Pryor R. Live in Concert // Compact Video Systems Inc.).

2. Незнание языка. Как справедливо замечает М.А. Кулинич, глупость зачастую высмеивается через языковые отклонения [13. С. 13]. Незнание языка обычно высмеивается через дословное понимание идиом, приравнивание по смыслу слов близких по звучанию, незнание значения слов и т.д.

В основном незнание языка проявляется через *дословное понимание идиом*. В следующем примере выражение «Not a sausage» имеет идиоматическое значение: ничего. Объект осмеяния понимает его дословно, т.е. ни колбасы: *And a guy in the same position joined me on the river bank, he said, "You catching anything?" I said, "Not a sausage." He says, "**There are sausages in here?**"* (Connolly B. High Horse Tout Live // Universal Pictures UK).

Незнание языка также может выражаться через *приравнивание по смыслу слов, близких по звучанию*. По утверждению адресанта читатели газеты нападали на всех и все, что было созвучно со словом pedophile, а именно: paediatrician, pedalo.

*Who can forget the News of the World's high-profile campaign against child sex offenders which led, didn't it, to **News of the World readers burning down the home of a paediatrician. Throwing rocks at a pedalo*** (Lee S. Carpet Remnant World // Comedy Central).

Незнание языка может также выражаться через *незнание значения слов*. В подобных случаях комический эффект может быть основан на замене незнакомых слов синонимами из обценной лексики. В рассматриваемом примере адресант насмехается над глупостью зрителей (т.е., по его мнению, зрители не знают значение таких выражений, как making love и mid-coitus), параллельно актуализируя концепт «цинизм» путем использования обценной лексики (fucking). Комический эффект создается за счет контраста, т.е. в одном и том же фрагменте используется возвышенная making love, mid-coitus и обценная лексика fucking: *They were making love, they were mid-coitus. **Fucking*** (Carr J. Being Funny // Channel 4 DVD).

3. Незнание очевидных вещей. Также концепт «глупость» может реализовываться через *незнание очевидных вещей*. Адресант высмеивает узкий кругозор современных людей, а именно: незнание того, что оппозиция девственности – шлюха используется в искусстве на протяжении долгого времени. По мнению адресанта, люди думают, что данная оппозиция является новой, и в ее основу положено поведение Майли Сайрус и Тэйлор Свифт.

*Art history taught me there's only ever been two types of women. A virgin or a whore. **Most people think that Miley Cyrus and Taylor Swift invented that binary, but it's been going on thousands of years*** (Gadsby H. Nanette // Guesswork Television).

Незнание очевидных вещей может также выражаться через *сомнение над очевидными вещами*. Это сомнение может быть как искренним, так и

неискренним. В данном примере адресант выражает сомнение по поводу того, что красть еду из холодильника в общежитии – это правильно. Хотя очевидно, что кража чего-либо откуда-либо является неприемлемым действием. Комический эффект усиливается за счет использования маркеров категории вежливости (выражение несогласия/сомнения при помощи отрицательных форм глагола: *I don't think...*) в контексте воровства.

And when you've food in the youth hostel you keep it in these cubicles in the kitchen. And they're open to everybody, you can just steal stuff. I don't think that's the general idea of them (Connolly B. High Horse Tout Live // Universal Pictures UK).

4. Нарушение логики в высказываниях. Нарушение логики в высказываниях может реализовываться через нарушение причинно-следственной связи, отсутствие логической связи между явлениями, использование квазилогики, опущение важной информации для понимания высказывания, совмещение взаимоисключающих утверждений.

Нарушение причинно-следственной связи может проявляться через высказывания, которые не объясняют того факта, с которым они соотносятся. В рассматриваемом примере адресант высмеивает адресата, который в ответ на сообщение о смерти их знакомого говорит, что он видел этого знакомого вчера. В свою очередь, адресант отмечает тот факт, что встреча с данным знакомым вчера не делает его смерть необычным явлением, т.е. сама по себе встреча никак не связана со смертью.

"Hey, did you hear? Phil Davis died." "Phil Davis? I just saw him yesterday." Yeah? Didn't help. He died anyway. Apparently, the simple act of your seeing him did not slow his cancer down (Carlin G. It's Bad for Ya. Eardrum Records).

Отсутствие логической связи между явлениями становится предметом осмеяния в тех случаях, когда объект осмеяния находит эту связь. В приведенном примере адресант доказывает, что нелогично требовать от комика писать тексты. Он сравнивает это с ситуацией, в которой от повара требуют быть еще и фермером. Комический эффект основан на сравнении гетерогенных явлений и нахождении у них общей черты: *"You're a standup comedian. Can you act?" "Can you write?" "Write us a script." They want me to do things that's related to comedy. But not comedy. That's not fair. It's as though if I was a cook. And I worked my ass off to become a good cook. They said "all right. You're a cook." "Can you farm?"* (Hedberg M. Mitch Hedberg // Comedy Central Special).

Использование квазилогики связано с употреблением формально логических высказываний, которые не являются логическими по своей сути. Адресант делает вывод о том, что у него нет СПИДа на основании того, что у его друга (со слов последнего) нет знакомых с данным заболеванием: *I don't get the regular AIDS test anymore. I get the roundabout AIDS test. I call my friend Brian. I said Brian "do you know anybody that has AIDS?" "No?" "Cool"* (Hedberg M. Mitch Hedberg // Comedy Central Special).

Опущение важной информации для понимания высказывания реализуется через частичную актуализацию информации с упущением наиболее важной информации. В данном примере объект осмеяния сообщает о смерти человека, при этом он не идентифицирует себя и не сообщает о личности умершего: *Anyone getting messages like, "This is a woman. Goodbye"? Or: "He's dead. Call me back."* *"Who was that?"* (Seinfeld J. 23 Hours to Kill // Netflix).

Совмещение взаимоисключающих утверждений становится предметом осмеяния обычно в тех случаях, когда данное совмещение характерно для большого числа людей. Адресант высмеивает популярную позицию американцев, которые были за ведение войны, но были против ввода войск в Ирак. С точки зрения логики любая война предполагает введение войск на территорию врага: ***I was in the unenviable position of being FOR the war BUT against the troops*** (Hicks B. Relentless // Tiger Aspect Production).

5. Стереотипизация мышления. Стереотипизация мышления часто высмеивается в рамках концепта «глупость», т.е. высмеиваются люди, мыслящие исключительно стереотипами. В приведенном примере объект осмеяния, который является официантом в ресторане, предлагает курицу известному и богатому афроамериканцу на безальтернативной основе. Данный стереотип относительно афроамериканцев является одним из самых распространённых гастрономических стереотипов в американской лингвокультуре:

I was in Mississippi doing a show. And I go to the restaurant to order some food. And, I say to the guy... I say: "I would like to have..." And before I even my sentence, he says: "The CHICKEN" (Chappelle D. Killin' Them Softly // TV Special).

Реализация ценностного концепта «глупость» при высмеивании социокультурных характеристик комического объекта

Как отмечает Е.Н. Бочарова, концепт «глупость» может обуславливаться как возрастной, так и гендерной дифференциацией. Глупость характерна как для представителей молодого поколения, так и для людей, достигших глубокой старости. В рамках гендерной дифференциации обычно женское поведение оценивается как глупое [4. С. 172–173].

В англосаксонской культуре осмеянию в основном подвергаются следующие социокультурные характеристики комического объекта: этнические, гендерные и профессиональные.

1. Осмеяние этнических характеристик. Глупость приписывается в основном представителям периферийных национальностей, этносов и т.д., которые проживают в той или иной стране. К. Дейвис отметила, что в американской лингвокультуре глупость приписывается в основном полякам [10]. По мнению Е.В. Тулиной, в современном американском обществе глупость приписывается мексиканцам [16. С. 13]. Можно прийти к выводу, что глупость приписывается тем национальностям, которые в определенный период времени обширно иммигрируют в США, при этом они испытывают трудно-

сти при адаптации к американской культуре. По наблюдению М.А. Кулинич, именно шутки о глупости являются базовыми этническими шутками, через которые проявляется отношение народа к той или иной нации [13. С. 13].

В американской лингвокультуре глупость чаще всего ассоциируется с афроамериканцами. Так, афроамериканцы могут высмеиваться за проявление глупости на рабочем месте, которая выражается через незнание очевидных вещей. В данном примере объект осмеяния удивляется тому, что он может приготовить кофе, хотя он работает баристой: *And I was like "Hey can I get a cappuccino?" and he's like "Yeah, right on, totally," like he's amazed that he can help me. "Oh yeah, I got all the stuff right here, this is awesome!"* (Louis C.K. Chewed Up // Image Entertainment).

В британской лингвокультуре глупость ассоциируется с валлийцами. Предметом осмеяния может быть незнание языка и/или неразумное поведение. В приведенном текстовом фрагменте валлийцы описываются как люди, ведущие себя растерянно в любой ситуации и не умеющие составлять из слов предложения. Так, в качестве примеров, иллюстрирующих речь валлийцев, адресант предлагает предложения, содержащие лексические ошибки. В предложении *Whose coat is that jacket?* слово *jacket* является лишним, а в предложении *Whose shoes are those trainers?* лишним является слово *trainers*: *Its more a state of mind. To do a good Welsh accent you just gotta sound... Confused. "Whose coat is that jacket?" "Whose shoes are those trainers?"* (Carr J. Being Funny // Channel 4 DVD).

Кроме того, в британской культуре также высмеивается глупость американцев через незнание очевидных вещей. В рассматриваемом примере высмеивается невежество американцев, которые не знают, что США является самой ненавидимой страной в мире: *America is currently the most hated country in the world. Americans don't know that. They don't read, or watch news* (Lee S. Stand-Up Comedian // Avalon).

Зачастую объектом осмеяния в рамках концепта глупости становятся жители окраин, деревень и т.д., они высмеиваются преимущественно через незнание очевидных вещей. В данном примере объект осмеяния предлагает включить НАСКАР в программу Олимпийских игр, что, по мнению адресанта, не может реализоваться в действительности: *You watch NASCAR to see team viagra spin out in flames and the guy get out with his pubes on fire going, "I'm okay!" And there was a guy in the South who said, "they should have NASCAR in the Olympics." And it was like, mm-hmm. At that moment even Darwin was going, "come with me"* (Williams R. Weapons of Self Destruction // David Steinberg Entertainment).

Итак, в американской лингвокультуре на современном этапе глупость ассоциируется прежде всего с афроамериканцами. В британской лингвокультуре глупость чаще всего приписывается валлийцам и американцам. Также следует отметить, что в англосаксонской лингвокультуре глупостью наделяют представителей окраин и деревень.

2. Осмеяние гендерных характеристик. В последнее время появляется все больше работу по гендерному комическому (Дж. Гринграсс, Х. Кот-

тхофф, М. Кроуфорд, О. Нево, М. Толандер, Дж. Холмс [17–21]). К гендерному комическому относятся те случаи, когда определенные высмеиваемые явления закрепляются за мужчинами или за женщинами. Соответственно существует два типа гендерного комического, а именно: осмеяние женщин и осмеяние мужчин [17–18]. Следует отметить, что осмеяние женской глупости встречается намного чаще, чем осмеяние мужской глупости, при этом женскую глупость высмеивают как женщины, так и мужчины. Мужскую глупость, как характеристику гендера, высмеивают преимущественно женщины.

– **Осмеяние женской глупости.** Глупость женщин реализуется в основном через их *неразумное поведение* или *незнание очевидных вещей*. В следующем примере объект осмеяния приходит к выводу, что не существует хороших мужчин, основываясь исключительно на своем негативном опыте, который является следствием ее неразумного поведения: *Like, she will go to a music festival for five days and do drugs the entire time, and then she'll come back and she'll be like, "I told you, there's just no good men out there." No, there are good men out there. They're just at home with their good women. You're never going to meet them, because they're not at Burning Man watching you puke on your slutty Native American Indian costume* (Cummings W. Can I Touch It? // All Things Comedy).

Глупость женщин также может проявляться через их *доверчивость*. Адресант отмечает тот факт, что в гороскопы верят преимущественно одинокие женщины. По мнению адресанта, гороскопы содержат недостоверную информацию, которой нельзя доверять. Отрицательная оценка гороскопов адресантом проявляется через слово *superstition*, которое обычно употребляется для негативного оценивания различных верований и убеждений: *The most common superstition in Britain today is a belief in horoscopes. And there's a name for people that believe in horoscopes. They're called single women* (Carr J. Funny Buisness // Fulwell 73).

Глупость женщин может высмеиваться через *отсутствие у них чувства юмора*. Особенно данная характеристика присуща феминисткам и лесбиянкам: *What sort of comedian can't even make the lesbians laugh? Every comedian ever* (Gadsby H. Nanette // Guesswork Television).

– **Осмеяние мужской глупости.** Концепт «глупость» мужчин в рамках гендера реализуется через *неразумное поведение* или *незнание очевидных фактов* относительно женщин. Адресант высмеивает непонимание мужчинами того факта, что женщин нельзя обнимать на работе: *"What, so I can't even hug a woman at work anymore?" You never could* (Cummings W. Can I Touch It? // All Things Comedy).

3. Осмеяние профессиональных характеристик. Выделяют четыре типа профессионального юмора: осмеяние профессии как формы власти; юмор иерархически замкнутых профессиональных групп; юмор, основанный на столкновении обыденных и узкоспециальных понятий; философский юмор [23. С. 117].

В рамках профессиональных отношений концепт «глупость» является одним из основных осмеиваемых концептов в следующих видах дискурса: политическом, правовом и медицинском.

– **Политический дискурс.** Как отмечает Т.В. Семенова, в рамках политического юмора чаще всего смеются над конкретными представителями власти (мэром, губернатором и т.п.) [24].

Популярным предметом осмеяния является *формальный язык*, за которым скрывается глупость политиков, а именно: *незнание предметов, связанных с их профессией* (т.е. незнание очевидных для политиков вещей). В рассматриваемом примере президент США использует формальный язык, чтобы скрыть тот факт, что он не разбирается в экономических вопросах. Комический эффект основан на гиперболизации реальности (т.е. информация, переданная при помощи формального языка, не имеет никакого смысла) и многократном повторении однокоренных слов (indicators, indicate, indications, indicator): *Mr President, when's the economy gonna pick up?* "Well, we're talking to people, **and economic indicators indicate that indications are coming to the indicator** (Rock Ch. Never Scared // HBO).

Основным объектом осмеяния в современной американской культуре при высмеивании концепта «глупость» является Джордж Буш-младший, при этом глупость также присуща и многим другим политикам. Концепт «глупость» высмеивается через *неразумное поведение, языковые ошибки, незнание известных фактов или утверждение прописных истин*. В анализируемом примере адресант приводит несколько реальных случаев ошибок президента США, а именно: непонимание значения слова импорт (a lot of our imports come from other countries), использование глагола в единственном числе вместо множественного (Is our children learning?), неправильное использование префиксов глагола (misunderestimate): *And I hope they have some of his great quotes on the walls, like, "a lot of our imports come from other countries." Yes! "the question that's never asked: Is our children learning?" Didn't know that "people misunderstand me" that's not even a fucking word* (Williams R. Weapons of Self Destruction // David Steinberg Entertainment).

– **Правовой дискурс.** В рамках правового дискурса обычно высмеивается глупость полицейских, в основном через *нарушение логики в высказываниях*. В представленном примере глупость доведена до абсурда и выражается через отсутствие причинно-следственной связи и стереотипизацию мышления. Полицейские убивают невиновного афроамериканца, который сам же их вызвал, так как грабители забрались в его дом. Кроме того, основываясь на стереотипе о бедности афроамериканцев, они приходят к выводу, что афроамериканец развесил фотографии своей семьи в чужом доме. В представленном примере глупость доведена до абсурда и выражается через отсутствие причинно-следственной связи и стереотипизацию мышления: *Somebody broke into my house once. This is a good time to call him. But I went, I don't know. The house is too nice. It ain't a real nice house but they'll never believe I live in it. They'd be, he's still here! Oh my God. Open and shut case. Johnson. I saw this once before when I was a rookie. Apparently this nig-*

ga broke in and hung up pictures of his family everywhere (Chappelle D. Killin' Them Softly // TV Special).

– **Медицинский дискурс.** В медицинском дискурсе обычно концепт «глупость» реализуется через отсутствие соответствующей квалификации у врачей (т.е. незнание очевидных для врачей вещей), которая может проявляться в использовании врачом *обывательской лексики*. В данном отрывке монолога адресант ссылается на отсутствие точности в словах врача (probably, in her head). Случай определения местоположения опухоли в голове можно считать проявлением неточности, так как адресант ждет название конкретной части головы, в которой развивается опухоль: *So I go to the doctor and say "She can't see out of her left eye at all." And I swear to god he goes, "Well she's probably got a bunch of tumors in her head" I swear to god, that's exactly what he said... I remember it because I was blown away by how none of his education he applied to this particular diagnosis. He said that she's PROBABLY got a bunch of tumors in her HEAD. He's a doctor and he called it her head.. he almost said "fucking head" I swear to god* (Louis C.K. Chewed Up // Image Entertainment).

Таким образом, в рамках профессиональных характеристик комического объекта глупостью наделяются политики (стереотипом глупости является Джордж Буш-младший), полицейские (в особенности по отношению к афроамериканцам) и непрофессиональные врачи.

Заключение

В представленной работе был проанализирован ценностный концепт «глупость», который является одной из ключевых комических антиценностей англосаксонской лингвокультуры. В первой части статьи мы подробно исследовали основные комические характеристики данного концепта и выявили его основные высмеиваемые характеристики. Так, неразумное поведение реализуется через формальное соблюдение правил/законов, отсутствие внимания к деталям, бессмысленность совершаемого действия, бессмысленный риск жизнью или здоровьем, непреднамеренное нанесение телесных повреждений; незнание языка – через дословное понимание идиом, приравнивание по смыслу слов, близких по звучанию, незнание значения слов; нарушение логики в высказываниях – через нарушение причинно-следственной связи, отсутствие логической связи между явлениями, использование квазилогики, опущение важной информации для понимания высказывания, совмещение взаимоисключающих утверждений. Также высмеивание глупости может осуществляться через незнание очевидных вещей и стереотипизацию мышления. Во второй части статьи изучается реализация ценностного концепта «глупость» при высмеивании социокультурных характеристик комического объекта. В англосаксонской культуре осмеянию в основном подвергаются следующие социокультурные характеристики комического объекта: этнические, гендерные и профессиональные. В американской лингвокультуре на современном этапе глупость ассоциируется прежде всего с афроамериканцами. В британской лингвокультуре

туре глупость чаще всего приписывается валлийцам и американцам. Кроме того, в англосаксонской лингвокультуре в целом глупостью наделяют представителей окраин и деревень. В гендерном комическом осмеянии женской глупости встречается намного чаще, чем осмеяние мужской глупости, при этом женскую глупость высмеивают как женщины, так и мужчины. Мужскую глупость, как характеристику гендера, высмеивают преимущественно женщины. В рамках профессионального юмора глупостью прежде всего наделяются политики, полицейские и врачи. Следует отметить, что профессиональная глупость реализуется обычно через незнание профессии, т.е. незнание очевидных для данной профессии вещей.

Таким образом, основным предметом осмеяния являются ценностные концепты, при помощи которых осуществляется осмеяние той или иной социокультурной характеристики, при этом те или иные представители общества ассоциируются с определенной чертой глупости. Так, стереотипные глупые валлийцы не знают язык, а стереотипные глупые врачи не знают очевидных вещей. Дальнейшая перспектива исследования заключается в изучении основных ценностных концептов англосаксонской лингвокультуры.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
2. Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как аксиологическая система // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М. : ТЕЗАУРУС, 2011. С. 58–76.
3. Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологической лингвистики // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М. : ТЕЗАУРУС, 2011. С. 7–26.
4. Бочарова Е.Н. Глупость // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 7. Волгоград : Парадигма, 2009. С. 164–175.
5. Полищук Т.И. Концепт глупость в языковой картине мира (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2012. 18 с.
6. Мишин А.А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2007. 150 с.
7. Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум–глупость в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 168 с.
8. Гафиатуллина Н.Р. Вербализация бинарных концептов мудрость/акыл и глупость/юләрлек в английском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 145 с.
9. Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. N.Y. : Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
10. Davies Ch. Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries // The British Journal of Sociology. 1982. Vol. 33 (3). P. 384–403.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
12. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 448 с.
13. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2000. 35 с.
14. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. 180 с.

15. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston : D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.
16. Тулина Е.В. Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 20 с.
17. Greengross G. Sex and gender differences in humor: Introduction and overview // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2020. Vol. 33 (2). P. 175–178.
18. Kottthoff H. Gender and humor: The state of the art // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38 (1). P. 4–25.
19. Crawford M. Gender and humor in social context // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35. P. 1413–1430.
20. Nevo O., Nevo B., Yin J.L.S. Singaporean humor: A cross-cultural cross-gender comparison // *Journal of General Psychology*. 2001. Vol. 128 (2). P. 143–156.
21. Tholander M. Cross-gender teasing as a socializing practice // *Discourse Processes*. 2002. Vol. 34 (3). P. 311–338.
22. Holmes J. Sharing a laugh: Pragmatic aspects of humor and gender in the workplace // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38. P. 26–50.
23. Сычев А.А. Природа смеха или философия комического. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.
24. Семенова Т.В. Социальная психология комического: социальное познание, компетентное общение, эмоциональная регуляция, личностное саморазвитие, теоретико-эмпирические исследования : учеб. пособие. Самара : ПГСА, 2004. 384 с.

References

1. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow: Gnozis.
2. Kazydub, N.N. (2011) Diskursivnoe prostranstvo kak aksiologicheskaya sistema [Discursive space as an axiological system]. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow: TEZAURUS. pp. 58–76.
3. Serebrennikova, E.F. (2011) Aspekty aksiologicheskoy lingvistiki [Aspects of axiological linguistics]. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow: TEZAURUS. pp. 7–26.
4. Bocharova, E.N. (2009) Glupost' [Stupidity]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 7. Volgograd: Paradigma. pp. 164–175.
5. Polishchuk, T.I. (2012) *Kontsept glupost' v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The concept of stupidity in the language picture of the world (based on the Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaluga.
6. Mishin, A.A. (2007) *Kontsepty um i glupost' v nemetskoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira* [The concepts of wit and stupidity in the German and English language pictures of the world]. Philology Cand. Diss. Vladimir.
7. Kirillova, I.V. (2012) *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika kognitivnoy oppozitsii um-glupost' v russkoy yazykovoy kartine mira* [Linguoculturological specifics of the cognitive opposition wit-stupidity in the Russian language picture of the world]. Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
8. Gafiatullina, N.R. (2012) *Verbalizatsiya binarnykh kontseptov mudrost'/akyl i glupost'/yulärlek v angliyskom i tatarskom yazykakh* [Verbalization of binary concepts wisdom/akyl and stupidity/yulärlek in English and Tatar languages]. Philology Cand. Diss. Kazan.
9. Attardo, S. (2001) *Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis*. New York: Mouton de Gruyter.
10. Davies, Ch. (1982) Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries. *The British Journal of Sociology*. 33 (3). pp. 384–403.

11. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
12. Karasik, V.I. (2013) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language matrix of culture]. Moscow: Gnozis.
13. Kulinich, M.A. (2000) *Semantika, struktura i pragmatika angloyazychnogo yumora* [Semantics, structure and pragmatics of English-language humor]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Moscow.
14. Kulinich, M.A. (1999) *Lingvokul'turologiya yumora (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguoculturology of humor (on the material of the English language)]. Samara: Samara State Pedagogical University.
15. Raskin, V. (1985) *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston: D. Reidel Publishing Company.
16. Tulina, E.V. (2006) *Sposoby realizatsii universal'nykh i natsional'no-kul'turnykh osobennostey anekdota* [Ways to implement the universal and national-cultural features of the joke]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
17. Greengross, G. (2020) Sex and gender differences in humor: Introduction and overview. *Humor: International Journal of Humor Research*. 33 (2). pp. 175–178.
18. Kotthoff, H. (2006) Gender and humor: The state of the art. *Journal of Pragmatics*. 38 (1). pp. 4–25.
19. Crawford, M. (2003) Gender and humor in social context. *Journal of Pragmatics*. 35. pp. 1413–1430.
20. Nevo, O., Nevo, B. & Yin, J.L.S. (2001) Singaporean humor: A cross-cultural cross-gender comparison. *Journal of General Psychology*. 128 (2). pp. 143–156.
21. Tholander, M. (2002) Cross-gender teasing as a socializing practice. *Discourse Processes*. 34 (3). pp. 311–338.
22. Holmes, J. (2006) Sharing a laugh: Pragmatic aspects of humor and gender in the workplace. *Journal of Pragmatics*. 38. pp. 26–50.
23. Sychev, A.A. (2003) *Priroda smekha ili filosofiya komicheskogo* [The nature of laughter or the philosophy of the comic]. Saransk: Mordovia State University.
24. Semenova, T.V. (2004) *Sotsial'naya psikhologiya komicheskogo: sotsial'noe poznanie, kompetentnoe obshchenie, emotsional'naya regul'yatsiya, lichnostnoe samorazvitiye, teoretiko-empiricheskie issledovaniya: uchebnoe posobie* [Social psychology of the comic: social cognition, competent communication, emotional regulation, personal self-development, theoretical and empirical research: a textbook]. Samara: PGSGA.

Информация об авторе:

Бочкарев А.И. – канд. филол. наук, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Bochkarev, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages of Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arsentiy_87@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.06.2021;
одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 22.06.2021;
approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1/.162.1:81`373.2
doi: 10.17223/19986645/80/3

Греко-латинские реминисценции в славянской эргонимии

Наталия Ивановна Данилина¹

¹ *Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
Минздрава РФ, Саратов, Россия, danilina_ni@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – анализ использования античных реминисценций эргонимией разных славянских лингвокультур. Материал – эргонимия шести городов. Установлено, что в восточнославянском ареале чаще используются культурно-языковые реминисценции, преобладают мифонимы, в польском – собственно языковые, ядро образуют иноязычные вкрапления, не входящие в лексическую и морфемную систему современного языка. Античные реминисценции используются номинаторами семантически верно. Выделяется ряд модных и деривационно активных эргонимов.

Ключевые слова: эргоним, мифоним, крылатые выражения, античные реминисценции, латинский язык, русский язык, польский язык

Для цитирования: Данилина Н.И. Греко-латинские реминисценции в славянской эргонимии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 45–61. doi: 10.17223/19986645/60/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/3

Greek-Latin reminiscences in the ergonymy in Slavic languages

Natalia I. Danilina¹

¹ *Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation, danilina_ni@mail.ru*

Abstract. Company names are now being actively studied, as they are able to perform an advertising function. Researchers call the use of foreign language elements one of the important modern trends in the naming of firms. Studies on this topic, which already exist, are based on modern words from the English language; the role of classical languages in the formation of company names does not receive an adequate coverage. The research objective is to identify what the pragmatic possibilities of ancient reminiscences in ergonymy are, and how different Slavic languages use these possibilities. The research material is the array of ergonyms from reference Internet resources of the cities Krakow, Lodz, Lviv, Odessa, Ryazan, Saratov. The author differentiates two blocks of reminiscences: cultural-linguistic and linguistic proper. The first consists of words of Greek and Latin origin in Slavic languages associated in the minds of native speakers with ancient history or mythology; the second consists of untranslated Latin words and phrases that are not included in modern lan-

guages. The volume of material that meets the accepted criteria is 663 names. The author also analyzes related phenomena: the use of Greek and Latin morphemes in ergonymy, which are in new languages, and appellatives derived from ancient proper names. In the study, cultural-linguistic reminiscences are more characteristic of the East Slavic area than of the Polish one. Mythonyms predominate; in most cases they are used semantically correctly. The popularity of individual mythonyms (*Phoenix, Mercury, Hermes*) entails their derivational activity – the creation of complex ergonyms, including appellative and digital components; these motivators are involved in the nomination of a large number of objects. Among non-mythological reminiscences, precedent proper names are used more often than appellatives that name ancient realities. The author considers the array of linguistic proper reminiscences as a field. The periphery consists of morphemes in modern Slavic languages of Greek and Latin origin, which become proper names: radixoids, affixoids, term elements (*cosmo, endo, med, etc.*). The near-nuclear zone consists of Latin words with roots that are radixoids in modern languages (the lexemes *vita, terra, ego* are popular). The volume of the nucleus in Polish is wider than in East Slavic languages. Ergonyms are stable expressions (*Eureka, In vitro, Carpe diem, etc.*), some Latin words (*Officina, Gemini, Aurum*), and nouns with prepositions. The latter phenomenon is typical only for the Polish area, where the “pro + Latin noun” model is regular. Latin vocabulary is used semantically correctly by nominators, but there are isolated grammatical violations. The author concludes that mass proficiency in classical languages is not typical for East Slavic cultures; therefore, mainly cultural ancient reminiscences are used to increase the status of the nominator and the recipient; for Polish culture, which is strongly influenced by Catholicism, it is more typical to use Latin vocabulary for pragmatic purposes.

Keywords: ergonymy, mythological name, ancient reminiscences, Latin, Russian, Polish

For citation: Danilina, N.I. (2022) Greek-Latin reminiscences in the ergonymy in Slavic languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 45–61. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/3

Введение

Эргонимы – один из сравнительно «молодых» и активно изучаемых онимических разрядов. Возникая и сменяя друг друга буквально на наших глазах (об особой подвижности данного разряда пишет И.В. Крюкова [1. С. 70]), они наглядно демонстрируют работу закономерностей ономаσιологического мышления человека-номинатора, а психолингвистические эксперименты позволяют воссоздать и работу языкового сознания реципиента таких имён – потенциального потребителя товаров и услуг (см., например, [2–4]).

Одну из сущностных характеристик периферийных онимов, к которым относятся и эргонимы, составляет наличие мотивировочного признака не только в диахронии (в аспекте этимологии), но и в синхронии: именно явно выраженная мотивация позволяет онимам выполнять такие социальные функции, как информативная и рекламная [5. С. 173]. Не случайно поэтому мотивация эргонимов часто становится предметом исследования, в частности, в работах [6–12]. Актуализацией мотивировочного признака создается

двуплановость семантики эргонимов – взаимодействие доономатического и собственно ономастического значения [5. С. 173]; двум типам значения соответствуют и два типа коннотаций [1].

В данной статье рассматриваются мотивационные модели, номинативным базисом в которых становятся прецедентные имена (как онимы, так и апеллятивы), связанные в сознании современного человека с античностью. Изучая многообразие греко-латинского наследия в современных языках, мы с легкостью обнаруживаем его появление в эргонимии: торговый дом «Меркурий», магазин белья «Венера», центр развития ребенка «Пифагорка» и т.д. Появление таких эргонимов отечественные исследователи относят к началу 90-х гг. XX в. и связывают с проникновением в российскую действительность западных онимических традиций [13. С. 123]. Вместе с тем наши наблюдения над эргонимией Саратова свидетельствуют о том, что не все организации, именуемые онимами античного происхождения, созданы в этот период, большинство возникло гораздо позже, в том числе за последние 5 лет. Вероятно, в данном случае мы имеем дело не с модой, а с формированием устойчивой ономастической традиции, не теряющей актуальности. Обращение к античным именам и реалиям обладает ярко выраженными коннотациями, как доонимическими (связанными с определенными характеристиками и свойствами мифологического персонажа или реального исторического лица, закрепленными в сознании современного человека), так и онимическими (позиционирование номинатора и, предположительно, адекватно воспринимающего такой оним реципиента как людей образованных). Было бы несправедливым не упомянуть, что тема «Античность в современном городе» – одна из регулярно предлагаемых для докладов студентам-первокурсникам, изучающим латинский язык; обращаются к ней и сами латинисты [14]; материал такого рода нередко попадает в общие списки примеров в статьях ономатологов [6, 10, 15]. В то же время целенаправленного сбора подобного материала и его интерпретации не предпринималось. Всё это подтверждает актуальность и прагматическую значимость заявленной темы.

Другое направление, в рамках которого изучение латино- и грекоязычных по происхождению эргонимов представляется нам важным и актуальным, – присутствующая в современной эргонимии общая тенденция к «иноязычию». Понятие иноязычного эргонима трактуется в ономастике довольно широко. Так, Е.С. Самсонова, диссертация которой посвящена иноязычным эргонимам Томска, включает в данный класс весьма разнообразные единицы: иноязычные слова и словосочетания, записанные как в оригинальной, так и в кириллической графике; русские слова, записанные латиницей; искусственные онимы, созданные с помощью аффиксальных, полуаффиксальных или корневых морфем (в том числе усеченных) иноязычного происхождения. Последний случай получает название ксеномотивации. Рассматривая те или иные свойства иноязычных эргонимов, Е.С. Самсонова, а вслед за ней и другие исследователи, например Л.А. Лащина [16], апеллирует преимущественно к англоязычным заимствованиям,

не очень давно появившимся в русском языке. Очевидно, однако, что широкий подход к понятию «иноязычия» в эргонимии логически предполагает включение в обзор и старых заимствований из многих языков, что «размывает» границы обсуждаемого понятия. Именно применительно к материалу классических языков, давших значительный пласт хорошо освоенных лексических заимствований, а также аброморфем, аффиксоидов и связанных корней во многих современных языках, проблема границ «иноязычия» встает особенно остро. Например, в упомянутой статье находим эргонимы *Гармония*, *Алекс Авто*, *Гео-Дейта-Томск* (греч.), *Максимум* (лат). Если включать в число «латиноязычных» или «грекоязычных» эргонимов весь подобный материал, объект исследования окажется практически необозримым, тогда как в действительности восприятие большинства подобных эргонимов в статусе иноязычных трудно предполагать как со стороны номинатора, так и со стороны реципиента.

Е.С. Самсонова и О.Г. Щитова утверждают, что эргонимы, включающие хорошо ассимилированные заимствования, являются наиболее семантически проницаемыми [17. С. 178]; данный тезис, бесспорно, может быть отнесен и к заимствованиям из классических языков, которые прочно закрепились в современных языках и большинством реципиентов практически не ощущаются как иноязычные. Вместе с тем авторы полагают, что семантическую проницаемость иноязычного эргонима повышает знание реципиентом языка-источника [17. С. 176], что для эргонимов греко-латинского происхождения в русской языковой культуре не характерно (вряд ли в полумиллионных городах найдется достаточное количество владеющих хотя бы латинским языком, не говоря уже о греческом). Иная ситуация, по-видимому, имеет место в польской языковой культуре, где исследователи до сих пор отмечают сильное влияние латинского языка, причем именно в эргонимии. Латинский и греческий языки перечисляются ими как источники эргонимов наряду с английским, итальянским и французским (впрочем, также при ведущей роли английского), а не под рубрикой «другие» [18]. Е. Rzetelska-Feleszko связывает данную ситуацию, с одной стороны, с образованием владельцев фирм (медицинским, филологическим или юридическим, т.е. такими, где латинский язык обязателен), с другой – с католичеством, констатируя, что в протестантских странах количество латиноязычных эргонимов меньше [19].

Учитывая обозначенные проблемы, мы считаем необходимым дифференцировать материал, восходящий к классическим языкам, и соответственно его проявление в эргонимии. Примеры такого рода не встречаются массово в отечественных статьях по ономастике, сбор и систематизация этого материала представляют собой отдельную задачу, один из вариантов решения которой будет предложен в ходе исследования.

Итак, предварительный анализ показывает, что античность представлена в эргонимии двумя принципиально различными «блоками»: культурно-языковым и собственно языковым. К культурно-языковому блоку можно отнести лексические заимствования, так или иначе связанные в сознании

носителей языка с античной историей или мифологией. В собственно языковой блок мы включаем непереуведенные латинские и греческие слова и фразы (записанные как латиницей, так и кириллицей), не вошедшие в современные языки в статусе заимствований, в том числе крылатые выражения. Номинации объектов и явлений, вышедших далеко за рамки периода своего возникновения и доживших в той или иной форме до настоящего времени (*империя, триумф*), мы не включаем в число античных реминисценций.

Цель нашего исследования заключается в анализе прагматических возможностей античных реминисценций в эргонимии и специфики использования этих возможностей разными славянскими лингвокультурами. Материалом исследования послужила выборка эргонимов, сделанная по справочным интернет-ресурсам шести городов славянского ареала: Краков (<https://mapa.targeo.pl/lod,24,19.9805098,50.050665?data=eyJmdHMlOnsicSI6ImxvZCJ9fQ>), Лодзь (<https://mapa.targeo.pl/lod,25,19.630632650000003,51.7937893?data=eyJmdHMlOnsicSI6ImxvZCJ9LCJ3aW4iOiJzZWYyY2gtZm9ybSJ9>), Львов (<https://lvov.jsprav.ru>), Одесса (<http://odessaua.com.ua>), Рязань, Саратов (сервис Яндекс-карты). Все города основаны ранее XVII в., не являются мегаполисами, но представляют собой достаточно крупные региональные центры с развитой образовательной и культурной составляющей, относительно сопоставимые между собой также по численности населения: от 534 тыс. чел. (Рязань) до 1 млн (Одесса). Общий объем материала, удовлетворяющего данным выше определениям, составил 663 номинации. Помимо этого был проанализирован ряд смежных явлений: вторичная онимизация (цепочки оним > апеллатив > эргоним и оним > оним₁ > эргоним) и онимизация морфем греко-латинского происхождения, заимствованных современными языками (без точных количественных подсчетов).

Культурно-языковые реминисценции

Культурно-языковые реминисценции представлены в эргонимии тремя группами номинаций: мифонимами, именами собственными реальных объектов и апеллативами. Группа мифонимов, в свою очередь, также неоднородна и включает имена антропоморфных (*Афродита*) и неантропоморфных (*Пегас*) персонажей античной мифологии, мифологических топонимов (*Одеон*) или иных «реалий» мифического мира (*«Арго», Золотое руно*). Следует заметить, что выделение круга античных реминисценций даже в группе мифонимов не представляется однозначным в силу внутрилингвистических причин. Основная проблема заключается в процессах частой апеллативизации (*грация*) и трансонимизации (*Диана, «Афина Паллада»*) античных онимов. В группу онимов, относимых к реальным объектам античного мира, входят антропонимы (*Гиппократ, Пифагор*) и топонимы (*Авентин, Рубикон*). Объекты, называемые такими топонимами, хотя и существуют в настоящее время, ассоциируются у современного человека, прежде всего, с древней историей. Реминисценции-апеллативы обозна-

чают реалии, связанные в сознании современного человека с античным миром (*атриум* ‘внутренний двор древнеримского дома’, *акрополь* ‘возвышенная укрепленная часть древнегреческого города’).

Прежде всего, рассмотрим реминисцентную группу мифонимов, не затронутых процессом апеллятивизации. Количество мифонимов, задействованных в эргонимии каждого региона, представлено в таблице. Данные позволяют отметить различие между восточнославянской эргонимией, более восприимчивой к античной мифологии, и польской. Общий список для восточнославянского ареала насчитывает 83 мифонима, для польского – 32. Численному превосходству соответствует и разнообразие сфер применения эргонимов мифологического происхождения: индустрия красоты (парикмахерская «Астарты»), туризм (турагентство «Одиссея»), строительство (агентство недвижимости «Атланта»), дизайн (салон штор «Веста»), медицина (наркологический центр «Асклепий»), автомобилизм (автошкола «Арго»), магазины различного профиля (мебель «Аргус», бельё «Венера»), газовое оборудование («Гэфест») и др.

Культурно-языковые реминисценции

Город	Саратов	Рязань	Львов	Одесса	Краков	Лодзь
Мифонимы						
Мотиватор	41	29	38	61	20	19
Эргоним	54	40	51	85	23	19
Объект номинации	77	69	56	130	25	21
Онимы-реалии						
Мотиватор	9	10	10	17	5	4
Эргоним	9	13	11	24	5	4
Объект номинации	10	15	12	39	6	4
Апеллятивы-реалии						
Мотиватор	4	4	6	2	2	2
Эргоним	5	4	8	6	3	2
Объект номинации	5	4	9	6	4	3

Стремление номинаторов воспользоваться прецедентным именем в ситуации, когда желаемое имя «уже занято», побуждает пользоваться латиницей, создавать дериваты, присоединяя к имени буквы, цифры (часто это автомобильный код региона), дополнительные слова: *Aurora*, *Галатей-А*, *Гелий 64*, *Афина-строй*. Наибольшую деривационную активность в восточнославянском ареале проявили мифонимы *Феникс* (14 разных эргонимов), *Аврора* (8), *Гермес* (7), *Орион* (6). Впрочем, не исключено и появление омонимичных эргонимов: «Антей» – спортшкола и агентство спецтехники в Рязани; «Арго» – массажный салон, турагентство и магазин БАДов в Саратове, автошкола, сауна и рекламное агентство в Одессе и др.

Самыми популярными у номинаторов оказались мифонимы *Феникс* (31 объект номинации), *Гермес* (18), *Меркурий*, *Орион* и *Аврора* (по 17),

Атлант и *Арго* (по 13), *Одиссей* (11). Причины популярности Гермеса (Меркурия) очевидны: имя покровителя торговли «подойдет» торговой организации любого профиля. Орион, напротив, не имеет в мифологии «четкой специализации», и его именем пользуются, скорее, как «маркером образованности», тем более что оним дополнительно закреплён в сознании как название созвездия. Аналогичную роль играет, по-видимому, и мифоним *Феникс*. Далеко не все объекты с этим именем соответствуют его значению. Семантический перенос понятен в случае с фирмой по ремонту телефонов (сема «восстановление»), магазинами каминов, осветительных приборов (сема «горение, свет»), такси, турагентством (семы «птица» > «перемещение»). Выбор же номинации *Феникс* для строительных фирм, подросткового клуба, юридической конторы представляется нам семантически необоснованным. Популярность мифонима *Аврора* обусловлена его уже развитой трансонимизацией: крейсер > сема «туризм» > турагентство; официальный российский дилер компании Mercedes-Benz > сема «автомобилизм» > автосервис, такси. Имя титана Атланта обычно используется, в соответствии со своими коннотациями, для создания эргонимов в строительной отрасли, имя Одиссея – в туристической.

Практически не ошибаются номинаторы в использовании мифонимов *Афродита* (салон красоты, свадебный салон, сауна), *Галатея* (салоны красоты), *Нептун* (товары для рыбалки, сантехника, автомойка), *Посейдон* (яхтклуб, организация речных круизов, рыбный магазин), *Пегас* (конные прогулки, турагентство, автошкола), *Асклепий*, *Эскулап*, *Панацея* (организации медицинского профиля). Употребляются мотивированно многие мифонимы даже не из самых частотных: *Эдип* (дом престарелых), *Циклон* (клуб спелеологов), *Харон*, *Стикс* (похоронные бюро), *Gorgona* (производство гипсовых изделий). Впрочем, встречаются и номинации, даваемые без опоры на характеристики мифологического персонажа или даже вопреки им: *Аквилон* (строительная компания), *Фемида* (школа танцев), *Ахилл* (центр полиграфии) и др.

В польском языковом ареале, в силу не слишком большой популярности, мифонимы не проявляют деривационной активности, выделить среди них самые частотные также не представляется возможным. Однако роль «маркера образованности», по-видимому, присуща этой категории имён и здесь, о чем свидетельствуют случаи эргонимизации мифонимов безотносительно к характеристикам носителя имени: кинотеатр «Sfinks», строительная фирма «Medea», школа танцев «Escular». По мнению польских исследователей, обращение к античной мифологии призвано актуализировать в сознании потенциального потребителя эстетические ценности [10. С. 123].

Переход «мифоним > апеллатив > эргоним» представлен в нашем материале словами *вулкан*, *гелий*, *грация* (польск. *gracja*), *зефир*, *лабиринт* (польск. *labirynt*), *нектар*, *сирена*, *талия*, *титан* (польск. *tytan*), *фауна*, *фэтон*, *флора* (польск. *flora*), *фортуна* (польск. *fortuna*), польск. *chimera*, *higiena* (11 исходных онимов в русском ареале, 10 в украинском, 6 в польском). В большинстве случаев эргонимы, возникшие на базе этой лексики,

мотивированы апеллятивным доономастическим значением (в том числе с использованием языкового механизма метонимии): «Вулкан» – магазин газового оборудования, «Гелий» – магазин игрушек (в том числе шаров, надутых гелием), «Зефир» – праздничное агентство (вид сладости – зефир – как атрибут праздника), «Chimera» – ресторан, торговая галерея. Однако иногда культурная компетенция номинатора позволяет воспользоваться значением мифонима: *Формула Граций*, *Три Грации* – салоны красоты; *Гелиос* – оконная фирма, *Helios* – кинотеатр, *Zefir* – турагентство, фирма, торгующая вентиляционным оборудованием (Зефир – божество западного ветра). Особенно популярно в роли базиса для эргонимов в восточнославянском ареале слово *фортуна*: от него образовано шесть эргонимов, которыми названо 20 фирм с разнообразным профилем деятельности: *Фортуна-тур*, *Фортуна и К* – туристические агентства, *Фортуна* – магазины косметики, бытовой техники, автозапчастей; сауны; клуб собаководства и др. В польской лингвокультуре выделить в этой группе «модный» эргоним не удалось.

Переход «оним_{ант} > оним_{нов} > эргоним» отмечается несколько реже, чем создание эргонимов на базе отонимных апеллятивов. Если мифоним закрепляется в современной лингвокультуре как антропоним, то номинаторы используют его именно в этом качестве, безотносительно к характеристикам мифологического персонажа. Нам встретились эргонимы *Диана* (химчистка, страховой брокер), *Dianna-agron* (салон красоты), *Майя* (агентство недвижимости) и множество разнообразных объектов с названием *Ника* (свадебный салон, мебельный магазин, художественная галерея и др.). Напомним, что Диана – богиня охоты, Ника – победы, Майя – весны.

В некоторых случаях один и тот же мифоним порождает эргонимы как непосредственно, так и с использованием промежуточного имени. На вторичную номинацию *махаон* (вид бабочек) ориентированы эргонимы *Махаон* – салон красоты, *Махаон Плюс* – торговля окрасочным оборудованием, тогда как название *Махаон* для массажного салона, возможно, отсылает к мифониму: Махаон – один из сыновей Аполлона, легендарный врач греческой армии в Троянской войне. Результат трансонимизации представляют собой эргонимы *Зевс* – строительная фирма (отсылка к компьютерной игре – градостроительному симулятору) и *Zeus* – автосервис (бренд компании «Прайд» в категории «автоаксессуары»), а название *Зевс 62* для массажного салона апеллирует непосредственно к мифониму. Название турагентства *Афина Паллада* связано не с Афиной, а с романом И.А. Гончарова, *Афина* как торговый центр вызывает ассоциацию, скорее, с Афинами, где «всё есть», тогда как салон красоты, безусловно, назван по имени богини, хотя и без учета ее «специализации» (богиня мудрости).

Проанализируем группы немифонимных реминисценций. Самым популярным во всех лингвокультурах оказался мотиватор-топоним *Олимп*: на его основе в России создано 4 эргонима и поименовано 13 объектов, на Украине 12 эргонимов и 22 объекта, в Польше 4 эргонима и 9 объектов. Разнообразие формы соответствует и разнообразие семантических связей.

Часть эргонимов основывается на родовом понятии «гора»: *Олимп* – услуги промышленного альпинизма, строительные фирмы. Некоторые эргонимы, возможно, опираются на знание номинаторами мифологического значения топонима (товары и услуги для «божественных» (VIP) персон): *Олимп* – консалтинговое агентство, кафе, мебельный магазин, *Olimpus*, *Olympia* – торговые галереи, *Olimp* – туристическое агентство. Многие эргонимы восточнославянского ареала (в том числе словообразовательные производные от топонима *Олимп*) связывают объекты номинации со спортом через понятие олимпийских игр: *Олимпия* – спортивный магазин, *Olimpia* – спортивная школа, *Олимпсионик* – детский сад. М.Е. Новичихина, исследовавшая особенности восприятия эргонимов, включала номинацию *Олимп* в эксперименты. По её данным, в свободном ассоциативном эксперименте сема «гора» и «спорт» оказываются равнозначными (21 и 20 реакций соответственно), сема «греческие боги» выражена слабее (11 реакций); однако при восприятии номинации *Олимп* как эргонима (эксперимент с вопросом *Что можно купить в магазине с таким названием?*) сема «спорт» становится практически единственной [3]. Мотивация понятием «олимпийские игры» может иметь место и для тех эргонимов, где смысловой связи со спортом не прослеживается: *Олимпия* – гостиница (построена в 1979 г., т.е. перед проведением в СССР олимпиады), *Олимп 79* – гаражный кооператив. Для польской эргонимии эта семантическая «ветвь» не характерна, так как олимпийские игры в Польше не проводились.

Исключительно на вторичное значение исходного онима («спортивный клуб») опираются также многочисленные эргонимы *Спартак*, представленные на территории бывшего СССР (стадион, бассейн, спортивная школа, фитнес-центр и др., всего 9 объектов).

Довольно многочисленные группы объектов различных сфер получают имена с использованием названий букв греческого алфавита. Однако эти названия не всегда используются самостоятельно, часто в роли компонентов сложных слов, приближаясь по функции к аффиксоидам. Такие онимы мы рассматриваем как периферию поля античных реминисценций – переход от имен реалий к области морфем, заимствованных современными языками. Наиболее популярны *альфа* (от 6 до 11 объектов номинации в каждом городе) и *омега* (до 4 номинаций), в Одессе также *дельта* (8 номинаций). Кроме того, отмечены *сигма*, *зета*, *эта* и *омикрон*. Примеры из восточнославянского ареала: *Альфа* (книжный и мебельный магазины, агентство недвижимости, ремонт оргтехники), *Альфа-строй*, *Альфа-стоматология*, *Дельта-Групп* (строительство), *Delta Clean* (бытовая техника), *Сигма* (строительство), *Sigma-Marine* (школа судовождения), *Омега* (ремонт обуви, рекламное агентство, детский магазин), *Эта* (электротовары), *Zetta* (мебельная фабрика, аптека). Польские примеры: *Delta* (отель), *Alfa edukacja* (полиграфия), *Alpha Glass* (строительство), *Omikron* (велопредприятие), *Omega* (издательство), *Omega Dent* (стоматология).

Статистическое распределение материала по регионам (без учета мотиваторов *Олимп* и *Спартак*, а также наименований греческих букв) отраже-

но в таблице. Как и в случае с мотиваторами-мифонимами, в нашем материале выделяются восточнославянский и польский ареалы, причем в последнем насыщенность античными реминисценциями ниже. Данные таблицы демонстрируют большую популярность имен собственных, содержащих отсылку к античности, в сравнении с апеллятивами, называющими античные реалии. Имена медиков используются для названий медицинских учреждений: аптеки «Парацельс», «Гиппократ», медицинский центр «Гален». Именами философов (в том числе уменьшительными) часто называют учреждения, связанные с образованием или имеющие отношение к детям: начальная школа «Пифагор», центр развития ребёнка «Пифагорка», учебный центр «Аристотель», детский магазин «Маленький Сократ». Иногда задействуются иные коннотации этих имён: строительный магазин «Архимед» (сема «изобретательность»). Впрочем, возможны и семантически непрозрачные эргонимы: изготовление лестниц «Аристотель». Многие антропонимы и даже (без достаточных семантических оснований) топонимы используются для создания названий салонов красоты, ателье, магазинов одежды (*Сафо, Клеопатра, Антоний, Таис, Авентин, Палатин, Александрия, Византия*). Многократное использование одного мотиватора в группе немифонимных реминисценций характерно преимущественно для украинского региона: по 5 эргонимов от мотиваторов *атриум* и *Аркадия* (Одесса), 4 от *Рубикон* (Одесса), 6 от *легион* (Одесса, Львов), 5 от *акрополь* (Краков, Лодзь).

Иногда античные прецедентные имена становятся полем языковой игры. Например, наличие слога *-мед-* (*Андромед* (sic!), *Архимед*, *Медея*) делает оним, независимо от его смысла, «пригодным» для номинации медицинской организации. Встречаются и другие виды игры: закусовая «Пончик Платончик» (рифма), фирма по изготовлению наружной рекламы «Зенон» (рифма-аллюзия к слову *ксенон*), юридическая фирма «Юбикон» (аббревиатура слова *Юридический* + аллюзия к топониму Рубикон), бар «Немезида» (ирония).

Обобщим результаты анализа культурно-языковых реминисценций. По отношению разных языковых культур к рассматриваемому типу реминисценций противопоставляются восточнославянский и польский ареалы; в последнем данный тип реминисценций хотя и присутствует, но не является популярным. В восточнославянской эргонимии культурно-языковые античные реминисценции представляют продуктивный тип номинации. Имена, становящиеся мотиваторами для эргонимов, неоднородны в языковом плане: мифонимы, реалионимы, апеллятивы, а также апеллятивы и онимы, образованные из мифонимов семантическим способом. Количественно преобладает группа мифонимов. Популярность мифонимов влечет за собой их деривационную активность, т.е. создание сложных эргонимов, включающих, наряду с мифонимами, апеллятивные и цифровые компоненты. В процессе исследования оказалось возможным выделить наиболее популярные мифонимы, дающие наибольшее число производных эргонимов и использованные для наименования наибольшего количества объектов: *Фе-*

никс, Гермес, Меркурий, Орион и Аврора. Большинство мифонимов используется номинаторами семантически верно, т.е. в соответствии с культурными коннотациями и особенностями мифологических персонажей. Из мотиваторов-реалионимов наибольшей популярностью пользуется *Олимп*, однако не столько как топоним, сколько как базис понятия «олимпийские игры». В целом, прецедентные имена собственные используются для создания эргонимов чаще, чем апеллятивы, называющие античные реалии.

Собственно языковые реминисценции

Собственно языковое античное наследие в славянской эргонимии, как и культурно-языковое, неоднородно. Во всех городах отмечены эргонимы, представляющие собой результат онимизации морфем греческого или латинского происхождения, регулярно употребляющихся в составе терминов (как правило, медицинских). Например, *Кардио*, *Фарма* (аптеки), *Ventri*, *Эндо*, *Мед+*, *Orto*, *Artro*, *Fren*, *Fizjo+* (клиники), *Cordia* (похоронное бюро). Активно подвергаются онимизации также аффиксоиды греческого и латинского происхождения: *Гео 40* (кадастровое бюро), *Мега* (автомойка), *Макро* (управляющая компания), *Велоб4.рф*, *Cosmo* (салон красоты), *Квадро* (мебельная фабрика), *Космо*, *Сано* (магазины хозяйственных товаров), *Окта*, *Альфа Электро* (магазины электротоваров), *Аэро* (фотосалон), *Аэр* (монтаж вентиляции), *Extra* (ремонт бытовой техники), *Arche* (гостиница), *Maxi* (пиццерия). Грамматическое оформление таких лексем может производиться разными способами, в том числе с помощью греческих и латинских окончаний, в новых языках имеющих статус субморфов: *Авион* (продажа билетов), *Макрос* (строительный магазин), *Квадрос* (мебельная фабрика).

Отдельно следует отметить возможность онимизации связанных корней: *Юрида*, *Юстис* (юридические бюро), *Люмос* (курсы иностранных языков), *Люмина* (мебельная фабрика), *Vario* (магазин обуви). К этой же категории можно отнести онимы, оформляемые концовкой *-ис*, в результате чего принимающие вид форм родительного падежа реальных латинских лексем: *Артис* (мебельная фабрика), *Люменис* (центр эпиляции), *Легис*, *Юрис Групп*, *Приорис* (юридические бюро). Напомним читателю латинские прототипы: *ars – artis*, *lumen – luminis*, *lex – legis*, *jus – juris*, *prior – prioris*. Эргонимы на *-ис* встретились нам преимущественно в Одессе.

Считать весь подобный материал собственно латинскими реминисценциями вряд ли целесообразно. Здесь следует говорить, скорее, о специфическом использовании фонда заимствованных морфем внутри современного языка.

Вместе с тем переход от онимизации связанных корней латинского происхождения к собственно латинским языковым реминисценциям представляется нам градуальным, так как имеют место многочисленные примеры использования в качестве эргонимов форм именительного падежа реальных латинских слов с корнями, выступающими в новых языках как связанные и восходящими к латинской основе родительного падежа: *Prior* (ма-

газин одежды), *Лекс, Avelex* ('Да здравствует закон') (юридические бюро), *ARS* (кинотеатр), *APC Нова* (культурный центр), *Quadrum* (архитектурная студия), *Audiale* (магазин слуховых аппаратов), *INTER-LUMEN* (магазин электротоваров). Отметим также крылатое выражение *Lege artis* в роли эргонима (образовательный центр в Кракове, бюро недвижимости в Лодзи).

Среди эргонимов этой группы особенно популярны образованные от латинских слов *vita* 'жизнь' (10 объектов номинации в России, 9 на Украине, 5 в Польше) и *terra* 'земля' (4, 2 и 6 соответственно): *Buma* (сеть аптек, салон красоты), *Vita* (массажный салон, наркологическая клиника), *Vita studio* (праздничное агентство), *Cor Vita* (центр медицинской опеки), *Vitasana* ('здоровая жизнь' – амбулатория), *VITA PUERI* ('жизнь ребёнка' – педиатрический центр); *Teppa Бамбини* (детский магазин), *Teppa-Булгара* (магазин косметики), *Terra Casa* (строительная фирма), *Terra Trans* (магазин автозапчастей); отметим также имеющую филиалы в разных регионах компанию по торговле бельём и одеждой *Terranova*. Будучи привычными, данные лексемы становятся объектами языковой игры при создании эргонимов: *Sportera* (тренажерный зал), *Bumapyc* (студия дизайна интерьера), *Levita* (школа танца; дополнительная мотивация прилагательным *levis* 'лёгкий' или словом *левитация*). Используется в эргонимии и крылатое выражение *Terra incognita* (магазин подарков в Рязани).

В обозначенную группу можно включить и эргонимы, производные от латинского *lingua*, отмеченные во всех регионах и обозначающие языковые курсы и бюро переводов (по 3 организации на Украине и в Польше, одна в России). Из повторяющихся базисов этой группы назовем также *ego*: *Alter ego* (3 салона красоты, кабинет психотерапии, мебельный магазин), *Ego* (кабинет косметологии, студия дизайна), *Эго* (медцентр), *Эго-Стиль* (салон красоты). Базис, являющийся связанным корнем в современных языках, положен в основу эргонима *Intimissimi* (международный интернет-магазин белья).

Ядром собственно языковых греко-латинских реминисценций в эргонимии выступают лексемы, не заимствованные в новые языки и не подержанные в них связанными корнями, а также предположно-падежные сочетания или фразы. Такие единицы не входят в системы современных языков, а представляют собой включенные в дискурс на славянских языках элементы латинского языкового кода, окказиональные иноязычные вкрапления, понимаемые как «слова и выражения... на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором... для создания... впечатления начитанности или учености» [20. С. 263]. Понимания иноязычных вкраплений как переключения языковых кодов придерживаются и современные исследователи [21]. Использование реминисценций этой группы в разных лингвокультурах характеризуется разной интенсивностью и более характерно для польского ареала, чем для восточнославянского: 32 эргонима в Лодзи, 33 в Кракове, 25 в Одессе, 20 во Львове, 16 в Рязани, 12 в Саратове.

Из эргонимов, повторяющихся в разных регионах, можно назвать прецедентные выражения *Эврика / Eureka* (школа зимнего плавания, центр развития ребенка, ремонт телефонов, салон вечерней одежды, ресторан, гимназия) и *Ave: AVE* (турагентство, торговая галерея), *Ave Cezar* (ресторан). В медицинской отрасли неоднократно встречаются *Salus* ‘здоровье, благополучие’ (медцентр, благотворительный фонд + медицинский магазин *Salutis*) и *Salve / Сальве* ‘будь здоров’ (аптека, фармацевтическая компания, медцентры). Профессиональное медицинское (рецептурное) выражение *Verte* (‘переверни’) встретилось нам в других областях: спортзал, кабинет психотерапии, изготовление окон и дверей.

В целом, эргонимы этого типа разнообразны, употребительны в разных сферах, по большей части индивидуальны и семантически верно отражают специализацию организаций: *Официна* – аптека (лат. *officina* ‘аптека’), *Феррум-Плюс* – изготовление металлоконструкций (лат. *ferrum* ‘железо’), *Аурум585* – ломбард (лат. *aurum* ‘золото’), *Gemini* – магазин обуви (‘близнецы’), *Parens* – центр репродуктивного здоровья (‘родители’), *Otium Old Tawn* – гостиница (лат. *otium* ‘отдых’), *Amicus* – ветеринарная клиника (‘друг’), *EQUUS* – ипподром (‘конь’), *Insomnia* – развлекательный центр (‘бессонница’).

Встречаются и семантически слабо обоснованные номинации, чаще, по видимому, в польском ареале: *Vox* – мебельный магазин (‘голос’), *Cogito* – ресторан (‘я мыслю’), *Litium* – магазин садового инвентаря. V. Jaros, изучавшая названия польских виноградников, обнаруживает среди них 5,4% латинизмов, причем из 13 онимов только *Vinea Domini* семантически соответствует профилю объекта. Другие номинации либо носят символический характер (*Victoria* ‘победа’, *Patria* ‘родина’, *Nobile Verbum* ‘честное слово’), либо лишены семантического соответствия (*Equus* ‘конь’, *Papaver* ‘мак’, *Pinus* ‘сосна’). По мнению исследовательницы, использование латинского языка в данном случае имеет прагматическую цель – перевести объект в сферу элитарных ценностей [9. С. 313–314].

Использование устойчивых выражений и крылатых фраз встречается в эргонимии всех обследованных регионов, чаще других – во Львове (10 объектов) и Кракове (9). Помимо уже упоминавшихся, находим *Perpetuum mobile* (автосервис, Рязань), *Urbis et Orbis* (турагентство, Львов), *Post Scriptum* (архитектурное бюро, Одесса), *Quo vadis* (паб, Лодзь), *Homa bene* (салон красоты, гостиница, Львов), *Carpe diem* (курсы иностранных языков во Львове, ночной клуб в Кракове), *In vino veritas* (алкогольный магазин, Краков) и др. На российской территории встретился также эргоним *Invitro* (‘в пробирке’ – сеть медицинских лабораторий). Нередко эргонимы, восходящие к устойчивым выражениям, реализуют языковую игру: *Ave Бургер* (закусочная, Саратов), *Cogito ergo move* (медцентр, Краков), *U pana Cogito* (гостиница, Краков), *Kana sapiens* (художественный салон, Краков), *Alma dent* (стоматология, Лодзь).

Отдельно следует отметить использование в роли эргонимов латинских предложно-падежных сочетаний, не являющихся устойчивыми выражени-

ями, характерное исключительно для польской лингвокультуры. Особенно активен здесь предлог *pro* ‘для’: *Pro Humana vita* ‘для человеческой жизни’ (психолого-педагогический центр), *Pro arte* ‘для искусства’ (музыкальная школа). При этом отмечены случаи использования неверных падежных форм и слитного написания, что может свидетельствовать о чисто прагматической роли данного предлога – создании дополнительных ассоциаций со словом *profesjonalny*: *Propodis* (геч. *podos* или лат. *pedis* – род.п. от слова *pes* ‘стопа’ – ортопедический центр), *Prodentis* (стоматология). Встречаются и другие предлоги: *Ad Media* ‘для медиа’ (рекламное агентство), *In Centro* ‘в центре’ (пищерия), *De Legem* ‘по закону’ (юридическое бюро; грамматически верно было бы *de lege*).

Обобщим наблюдения над греческим и латинским языковым наследием в славянской эргонимии. Круг явлений, которые возможно включить в данный класс, чрезвычайно широк, но может быть рассмотрен как поле, имеющее компактный центр, околядерную зону и обширную периферию. К периферии целесообразно отнести случаи онимизации морфем латинского и греческого происхождения, заимствованных современными языками: связанных корней, аффиксоидов, терминоэлементов. Околядерная зона состоит из собственно латинских слов с корнями, представленными в современных языках в связанном виде. В ней наблюдается несколько довольно популярных лексем (*vita*, *terra*, *ego*). Ядро собственно языковых античных реминисценций образуют эргонимы, созданные на базе лексики, отсутствующей в современных славянских языках даже в виде связанных корней. Следует отметить, что объем ядерной зоны в польской лингвокультуре значительно шире, чем в восточнославянских. Внутри ядра можно отметить онимизацию единиц разного типа: устойчивых выражений (как профессиональных, так и «крылатых»), отдельных лексем, предложно-падежных словосочетаний.

Выводы

В рамках настоящего исследования был собран и изучен материал античных реминисценций в славянской эргонимии – сплошная выборка наименований организаций в шести городах. Реминисценции были разделены на две группы: культурно-языковые (базирующиеся на античных онимах и заимствованных апеллятивах, называющих античные реалии) и собственно языковые (гетерогенные по языковому статусу мотиваторов). По отношению к выделенным типам реминисценций наблюдается противопоставление лингвокультур: в восточнославянском ареале чаще используются культурно-языковые реминисценции, в польском – собственно языковые. В группе культурно-языковых реминисценций продуктивным типом номинации является эргонимизация мифонимов (преимущественно имен антропоморфных персонажей), которые в большинстве случаев используются семантически верно, в соответствии с характеристиками мифологических персонажей и объектов. Выделяется ряд «модных» мотива-

торов, деривационно активных и задействованных в номинации большого количества объектов (*Феникс, Меркурий, Гермес, Орион, Аврора, Олимп*). Собственно языковые реминисценции составляют случаи эргонимизации лингвистических объектов разного типа: связанных морфем, заимствованных современными языками (периферия поля, не являвшаяся непосредственным объектом нашего анализа), отдельных незаимствованных лексем, «поддержанных» и «не поддерживаемых» в современных языках связанными корнями, предложно-падежных сочетаний, устойчивых выражений (незаимствованные единицы рассматриваем как иноязычные вкрапления). В качестве «модных» выделяется повсеместно несколько латинских лексем с корнями, связанными в современных языках (*vita, terra, ego*), и в польском ареале модель «*pro* ‘для’ + латинское существительное». Использование крылатых фраз в роли эргонимов характерно преимущественно для Львова и Кракова.

Список источников

1. Крюкова И.В. Коннотативная эргонимия // Ономастика Поволжья : материалы XVII Международной научной конференции / сост. и ред. В.Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 68–72.
2. Врублевская О.В. Модный эргоним в языковом сознании современного горожанина: экспериментальное исследование // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 9–10 (104). С. 120–125.
3. Новичихина М.Е. Из опыта экспериментального исследования коммерческих названий // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 67–75.
4. Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 22 с.
5. Крюкова И.В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп, 2017. С. 169–183.
6. Бутакова Е.С. Образная номинативная модель в томской эргонимии // Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. 1. С. 41–45.
7. Самсонова Е.С. Мотивированность эргонимов иноязычного происхождения: семасиологический аспект // Ономастика Поволжья: Материалы XIII Международной научной конференции / под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. Ярославль : Изд-во ЯрГПУ, 2012. С. 266–274.
8. Трапезникова А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2 (14). С. 68–70.
9. Jaros V. Współczesne nazwy polskich winnic // Onomastica. 2015. № LIX. S. 301–319.
10. Matusz O. O tendencjach w nowym nazewnictwie Łódzkich usługowych firm kosmetycznych // Acta universitatis lodziensis. Folia linguistica. 2010. № 45. S. 117–128.
11. Pabiś M. Nazwy krakowskich aptek // Język Polski. 2006. Z. 5. S. 376–388.
12. Woś K. Nazwy aptek w przestrzeni miejskiej Rzeszowa. Analiza semantyczna // Słowo. Studia językoznawcze. 2012. № 3. S. 181–191.
13. Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 120–131.
14. Гончарова Н.А. Классификация латиноязычных номинаций из области городского быта // Классическая филология в Сибири : материалы VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-

исторического языкознания» / под ред. Л.Т. Леушиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 38–43.

15. Коньшова М.В. Прагматические параметры семантической лабильности англоязычных бизнес-эргонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). Ч. 1. С. 111–116.

16. Ласица Л.А. Языковые и структурные особенности иноязычных эргонимов города Оренбурга // Вестник ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 95–100.

17. Самсонова Е.С., Щитова О.Г. Информационный потенциал иноязычных эргонимов // Вестник ТГПУ. 2012. Вып. 1 (116). С. 175–181.

18. Rzetelska-Feleszko E. Nazwy dzisiejszych sklepów i firm w aspekcie kulturowym // Nazwy własne a kultura: Polska i inne kraje słowiańskie. Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003. S. 183–195.

19. Rzetelska-Feleszko E. Polska kultura językowa pod szczególnie silnym wpływem łaciny // Inspiracje chrześcijańskie w kulturze Europy: materiały z konferencji 11–14 maja 1999 r. [Cz. 1]. Łódź : Archidiecezjalne Wydaw. Łódzkie, 2000. S. 91–100.

20. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 342 с.

21. Коломиец С.В. Иноязычные вкрапления в текстах русских рекламных сообщений // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 268–272.

References

1. Kryukova, I.V. (2019) [Connotative ergonymy]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the XVII International Conference. Velikiy Novgorod: Pechatnyy dvor. pp. 68–72. (In Russian).

2. Vrublevskaya, O.V. (2015) Modnyy ergonim v yazykovom soznanii sovremennogo gorozhanina: eksperimental'noe issledovanie [Fashionable ergonym in the linguistic consciousness of a modern city dweller: an experimental study]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 9–10 (104). pp. 120–125.

3. Novichikhina, M.E. (2007) Iz opyta eksperimental'nogo issledovaniya kommercheskikh nazvaniy [From the experience of experimental research of commercial names]. *Voprosy psikholingvistiki*. 5. pp. 67–75.

4. Trapeznikova, A.A. (2010) *Onomasticheskoe soznanie sovremennogo gorozhanina (na materiale ergonimii Krasnoyarska)* [Onomastic consciousness of a modern city dweller (based on the ergonymy of Krasnoyarsk)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

5. Kryukova, I.V. (2017) Periferiynnye razryady onomastiki [Peripheral categories of onomastics]. In: Suprun, V.I. & Il'yasova, S.V. (eds) *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of onomastic and derivatological research]. Maykop. pp. 169–183.

6. Butakova, E.S. (2013) Obraznaya nominativnaya model' v tomskoy ergonimii [Figurative nominative model in Tomsk ergonymy]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (25). Pt. 1. pp. 41–45.

7. Samsonova, E.S. (2012) [Motivation of ergonyms of foreign origin: semasiological aspect]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the XIII International Conference. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 266–274. (In Russian).

8. Trapeznikova, A.A. (2009) K voprosu o klassifikatsii ergonimov (na materiale kommercheskikh naimenovaniy Krasnoyarska) [On the classification of ergonyms (based on the commercial names of Krasnoyarsk)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (14). pp. 68–70.

9. Jaros, V. (2015) Współczesne nazwy polskich winnic. *Onomastica*. LIX. pp. 301–319.

10. Matusz, O. (2010) O tendencjach w nowym nazewnictwie Łódzkich usługowych firm kosmetycznych. *Acta universitatis lodziensis. Folia linguistica*. 45. pp. 117–128.

11. Pabiś, M. (2006) Nazwy krakowskich aptek. *Język Polski*. 5. pp. 376–388.
12. Woś, K. (2012) Nazwy aptek w przestrzeni miejskiej Rzeszowa. Analiza semantyczna. *Słowo. Studia językoznawcze*. 3. pp. 181–191.
13. Kryukova, I.V. (2007) Nazvaniya rossiyskikh delovykh ob'ektov s tochki zreniya yazykovoy mody [Names of Russian business objects from the point of view of language fashion]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 120–131.
14. Goncharova, N.A. (2008) [Classification of Latin-language nominations from the field of urban life]. *Klassicheskaya filologiya v Sibiri* [Classical Philology in Siberia]. Proceedings of the VI All-Russian Conference Topical Issues of Classical Philology and Comparative Historical Linguistics. Tomsk: Tomsk State University. pp. 38–43. (In Russian).
15. Konyshcheva, M.V. (2015) Pragmaticheskie parametry semanticheskoy labil'nosti angloyazychnykh biznes-ergonimov [Pragmatic parameters of the semantic lability of English business ergonyms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (53). Part 1. pp. 111–116.
16. Lasitsa, L.A. (2015) Yazykovye i strukturnye osobennosti inoyazychnykh ergonimov goroda Orenburga [Linguistic and structural features of foreign-language ergonyms of Orenburg]. *Vestnik OGU*. 11 (186). pp. 95–100.
17. Samsonova, E.S. & Shchitova, O.G. (2012) Informatsionnyy potentsial inoyazychnykh ergonimov [Information potential of foreign-language ergonyms]. *Vestnik TGPU*. 1 (116). pp. 175–181.
18. Rzetelska-Feleszko, E. (2003) Nazwy dzisiejszych sklepów i firm w aspekcie kulturowym. In: *Nazwy własne a kultura: Polska i inne kraje słowiańskie*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. pp. 183–195.
19. Rzetelska-Feleszko, E. (2000) Polska kultura językowa pod szczególnie silnym wpływem łaciny. *Inspiracje chrześcijańskie w kulturze Europy: materiały z konferencji 11–14 maja 1999 r.* [Cz. 1]. Łódź: Archidiecezjalne Wydaw. Łódzkie. pp. 91–100.
20. Vlahov, S. & Florin, S. (1980) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. Kolomiets, S.V. (2012) Inoyazychnye vkrapleniya v tekstakh russkikh reklamnykh soobshcheniy [Foreign-language inclusions in the texts of Russian advertising messages]. *Vestnik KemGU*. 4 (52). Vol. 3. pp. 268–272.

Информация об авторе:

Данилина Н.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского Минздрава РФ (Саратов, Россия). E-mail: danilina_ni@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.I. Danilina, Dr. Sci. (Philology), professor, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: danilina_ni@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022;
одобрена после рецензирования 08.07.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 20.06.2022;
approved after reviewing 08.07.2022; accepted for publication 16.11.2022.

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/19986645/80/4

Концептуализация водного пространства в устной речи сибирских старожилов (на материале концепта «Река»)

Татьяна Алексеевна Демешкина¹, Мария Анатольевна Толстова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *tolstova_11@mail.ru*

Аннотация. Работа посвящена выявлению принципов концептуализации водного пространства в устной речи сибирских старожилов на материале концепта «Река». Проанализированы лексические репрезентанты понятийного и метафорического уровней концепта, выявлена аксиологическая составляющая, представленная в диалектных высказываниях. Показано, что река концептуализируется в диалекте как физико-географический объект, как элемент ландшафта, как объект хозяйственной деятельности человека и как водный путь. Выявлен перечень лексем, различающихся по системной принадлежности и происхождению, частотности употребления.

Ключевые слова: концепт, река, природа, диалект, говоры Среднего Приобья

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концептуализация водного пространства в устной речи сибирских старожилов (на материале концепта «Река») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 62–84. doi: 10.17223/19986645/80/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/4

The conceptualization of water space in the oral speech of Siberian old-timers (based on the concept “river”)

Tatyana A. Demeshkina¹, Maria A. Tolstova²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *tolstova_11@mail.ru*

Abstract. The article aims at identifying the principles of conceptualization of the water space in the oral speech of Siberian old-timers based on the material of the concept “river.” The research novelty lies in the attraction of the unique facts of dialect

speech and their association with the socio-cultural processes of the development of Siberia that reflect the interaction with indigenous peoples, including in the language sphere. The analysis uses an interdisciplinary approach based on a research model that includes four components: physical substrate, regulatory systems, interactions and actions, symbolic coding and perception. The authors use the modeling method in the construction of the nominative field of the concept "River," which includes various designations of the river as a water body. The core of the lexical representatives of the concept river is made up of all-Russian lexical units, neutral and complicated by connotations of an emotional-evaluative and expressive nature: *reka* [river], *rechka* [small river], *rechushka* [small river], *rechen'ka* [small river]. The use in speech of combinations with proper names, i.e., the names of specific rivers, characterize common names. The principles of nomination of these rivers reflect different stages of the development of Siberia, which is confirmed by borrowings from the Turkic and Finno-Ugric languages: *Ob'*, *Tom'*, *Ket'*, *Chulym*, etc. The multilateral characterization of the river as a water body is presented in the lexical system of Russian old-timer dialects of the Middle Ob region, including all Russian, proper dialect lexemes, as well as dialect variants of all-Russian words. At the lexical level, the properties of the river are presented as a physical and geographical object, an element of the landscape, an object of human economic activity, and as a waterway. The river as a physical-geographical object includes the following features: the speed of the flow (fast/slow), the nature of water movement, depth (deep/shallow place), width, and the characteristics of the riverbed (shape (straight/winding), channel changes (new/old), location in relation to the center and periphery (main/non-main), characteristics of the water regime. The river as part of the landscape contains names of natural objects located next to it (*yar*, *krutoyar*, *ugol*, *tyup*, *uryum*) or inside it (*oserëdok*, *elban*, *byk*), which help a person navigate in the surrounding space. The lexicon of different thematic groups that describe fishing tackle and the method of catching fish represent the river as a place of economic activity. The river as a waterway includes its characteristics in terms of the possibility of moving large and small vessels along it. At the metaphorical level, there is an anthropomorphic model that represents the river as a living, energetic creature, constantly in motion, characterized by unfriendly behavior. Axiological conceptual meanings lie in the utilitarian sphere associated with human economic activity. The largest number of contexts is on fishing, timber transportation, and human movement along the river. Dialectal lexical expressions characterizing the river are actively used as terms and for special purposes in texts of a geographical orientation, which expands their scope of application as a source of replenishment of the vocabulary of various areas of the Russian language.

Keywords: concept, river, nature, dialect, Middle Ob dialects

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2022) The conceptualization of water space in the oral speech of Siberian old-timers (based on the concept "river"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 62–84. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/4

Водное пространство занимает значительное место в общем пространстве Сибири. Географы отмечают, что «на территории Томской области развита густая речная сеть, много озёр, болот. Так, общая площадь открытых водоёмов – рек и озёр – области составляет 7 803 км², т.е. 2,5% от всей

её территории» [1. С. 133]. По подсчётам Б.Г. Иоганзена, рек длиною более 100 км в области насчитывается свыше 80, их общая протяжённость превышает 18 000 км [2]. «Благодаря равнинности местности, обилию осадков и грунтовых вод, а также ограниченности испарения общая заболоченность составляет почти одну треть площади области» [2. С. 55–56].

Реки сыграли важную роль в освоении Сибири, поскольку в непроходимой тайге часто представляли собой единственно возможный путь для передвижения. Путешественники, описывая встретившуюся на их пути реку, прежде всего отмечали ее хозяйственное значение через указание на обилие и многообразие рыбных ресурсов (*А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великия ловят. А особая рыба есть муксун, которая зело добрая. И кажется, что из моря идет. И толь множество по ней рыбы есть, что ни по одной реке и множество и жырней и невозможно быть. А имя ея кажется, что иноземное, однакожде и латинское тожде есть имя Обь, а Татаровя именуют Обь-Амар; Да на левой стороне Кети речка Рыбная, от озера 2 версты; На левой стороне Кети курья, а ту курью запирают Остяки для рыбной ловли* [3]).

Река выполняла в Сибири роль тракта, вдоль которого располагались (и располагаются) села. Рядом с водоёмами распахивались земли под посевы, находились покосы. В документах XVII в., посвящённых осваиваемому пространству Сибири, наименования водоёмов являются неотъемлемым элементом сообщения: «...было у нас холопеи твоих... пашня зал (и) вная... за Босандаікою рекою возле твоеі гсдрвоі пашни и я холоп твоі тое пашню свою половину отдал безденежно под твою гсдрву пашню і в то мѢсто потвоему гсдрву указу в томском... дали мнѢ под пашню вверхъ томи реки выше Сосновки речки версты з две на томи рѢке возлекурю до уклону болия ялани а с верхнеюи с нижнею сторону до болот... а по мѢре того всево места пахотново и болот і мокрых местъ і кочакъ к лѢсу в длину полторыверсты а поперех верста. А сеньные покосыі скотинноі выпускъ от тово мѢста за курею мѢсто луговое...» [4. С. 82].

Приведёнными фактами определяются экстралингвистические аспекты актуальности исследования природного ландшафта, оказавшего влияние на социальное, экономическое и культурное развитие Сибири как трансграничного региона.

Актуальность изучения ландшафта в собственно лингвистическом аспекте обусловлена несколькими факторами: 1) включенностью данной проблематики в контекст региональных исследований, интенсивно развивающихся в последнее десятилетие [5–8], позволяющей выявить региональную специфику языка и речи, проявляющуюся наиболее отчётливо на лексическом уровне; 2) необходимостью осмысления закономерностей перехода диалектных географических наименований в научную терминологию; 3) междисциплинарным подходом к анализу ландшафта, учитывающим историческое, социокультурное и литературное влияние на формирование речи сибирских старожилов.

Научная новизна проведённого анализа заключается в привлечении уникальных фактов диалектной речи и их сопряжённости с социокультурными процессами освоения Сибири, отражающими взаимодействие с коренными народами, в том числе в языковой сфере.

Результаты анализа послужат основанием для мониторинга реальной языковой ситуации на территории Среднего Приобья; они могут быть положены в основу создания энциклопедии концептосферы Сибири, отражающей региональную специфику не только диалектного, но и литературного языка.

Цель данной статьи – выявление принципов концептуализации водного пространства в устной речи сибирских старожилов (на материале концепта «Река»).

При анализе используется междисциплинарный подход, опирающийся на исследовательскую модель, включающую четыре компонента: физический субстрат, системы регулирования, интеракции и действия, символическое кодирование и восприятие (более подробно об этом см. в [9]). Эти четыре компонента анализируются через обращение к лексической системе диалекта и высказываниям, отражающим восприятие природных и социальных локусов, получающих символическое кодирование в языке.

Метод моделирования применяется при построении номинативного поля концепта «Река», включающего различные обозначения реки как водного объекта. Кроме того, в структуре концепта выделяются понятийный, образный и аксиологический уровни концепта.

Основным источником материала являются записи речи сельских жителей Томской, Кемеровской, Новосибирской и Омской областей, сделанные сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета в диалектологических экспедициях с 1946 по 2021 г. на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья, расшифрованные и размещённые в Томском диалектном корпусе (4237 текстов, количество словоупотреблений – 3 332 006) [10]. При анализе используются лексикографические труды томских диалектологов, выполненные на материале говоров Среднего Приобья [11–14].

Наименования водоёмов (имена собственные и нарицательные) находятся в фокусе внимания разных исследовательских парадигм. Гидронимия, в том числе сибирская, является одним из основных объектов топонимики. Лингвистические данные, полученные представителями этого направления, используются в качестве доказательной базы при выявлении этнических связей и миграционных потоков населения того или иного региона, его хозяйственной деятельности [15–17]. Важную роль в систематизации географических названий сыграл «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева, вышедший в 1984 г. [18] и включающий в себя нарицательные наименования географических объектов. Словарь предоставляет информацию об изучении процессов взаимного перехода лексики из разряда нарицательной в класс собственных имён и наоборот, а также позволяет исследовать процесс формирования и пополнения научной терминологи-

ческой системы за счёт лексики, имеющей диалектное происхождение. Гидронимы анализируются в этимологическом аспекте [19].

Традиции, заложенные в трудах XX века по топонимике, нашли развитие в монографии С.Н. Сорокиной «Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура)» [20], где автор обращается к истокам изучения сибирской гидронимии, ссылаясь на работы В.Б. Шостаковича, который указывает «на значительную роль рек в жизни аборигенов и насельников Сибири в древние времена и отмечает, что для Сибири, в первую очередь, предметом изучения должны стать именно названия рек. Исследователь обосновал приоритетное значение гидрографической речной сети Сибири в качестве основной географической среды обитания первобытных народов, выявил три основные характеристики рек как географических объектов» [20. С. 15]. Тюркские гидронимы Нижнего Притомья описаны в рамках ландшафтной лексики в монографии З.С. Камалетдиновой, интерпретирующей топонимы как географические термины [21]. Автор на материале татарского языка делает те же выводы, которые были сделаны его предшественниками на материале других языков. Исследователь пишет, что «гидронимические термины составляют наиболее обширную часть словарного фонда сибирских татар. Освоение тюрками Западной Сибири было обусловлено многочисленными речными путями, пересекающими эту огромную территорию. Расселение народа происходило среди своеобразных ландшафтов с обилием мелких рек, озер и болот, признаки которых зафиксированы в лексическом составе географической терминологии» [21. С. 122].

В рамках лингвокультурологии водные объекты осмысливаются как концепты, занимающие важное место в языковой картине мира, являющиеся частью национальной культуры. Репрезентативный материал представлен в результате анализа названий таких рек, как Волга [22], Терек [23], выявлена их символическая функция, определён метафорический потенциал в моделировании картины мира.

Актуализация концепта «Река» проанализирована в текстах художественных произведений отечественных и зарубежных авторов в аспекте авторской картины мира, текстовых функций и т.д. [24–28].

Концепт «Река» входит в мегаконцепт «Вода» наряду с концептами «Океан», «Море», «Озеро» и отличается от них концептуализацией в народной культуре по параметру конкретности/абстрактности. «Если океан, море, озеро, болото, как правило, воспринимались обобщенно, часто даже абстрактно, то река всегда виделась конкретно и более детально» [29]. Этот вывод весьма убедительно демонстрируется на материале паремий, представленных в сборнике В.И. Даля [30].

Большая степень освоённости реки по сравнению с другими водоемами послужила одной из причин активного использования лексемы «река» в заговорах, записанных уральскими диалектологами в архангельских говорах: «Река – динамичный элемент ландшафта, имеющий вместе с тем человеческий «масштаб» (море, разумеется, динамично, но для основной ча-

сти населения Русского Севера оно не освоено так, как река). Река «бежит», «говорит» и т.п., поэтому ее образ легко находит себе место в системе выразительных средств текста» [31. С. 521].

Отдельные когнитивные признаки концепта «Река» оказывались в зоне внимания томских диалектологов в связи с моделированием концептов движения [32].

В дефиниции лексемы река в литературном языке отмечены наиболее существенные признаки анализируемой реалии, такие, как естественность происхождения, размер, направленность, непрерывность, текучесть, связь с питающими ее источниками, наличие углубления в почве: *«Естественный значительный и непрерывный водный поток, питающийся поверхностным или подземным стоком с площадей своих бассейнов и текущий в разработанном им русле»* [33. С. 701]. Кроме того, в словаре приведены переносные, образные значения данного слова, базирующиеся на признаках непрерывности и большого количества (*И тихо слезы льёт рекой*). В Вершининском словаре, являющемся словарём недифференцированного типа и включающем слова разной системной принадлежности, значение лексемы определяется с учётом имеющихся контекстов, отражающих обыденное представление говорящих об окружающем мире, и составляет 251 фиксацию: *«Река – это постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья»* [12].

Образная семантика лежит в основе гиперболы *река слез*, зафиксированной в этом же говоре [14. С. 166]: *«И сколько выдюжить только было! Сколько пережить всякой жизни, сколько переработать такой работы тяжелой. Слёз вот така' река протекла»*.

Ядро лексических репрезентантов концепта «Река» составляют общерусские лексические единицы, нейтральные и осложнённые коннотациями эмоционально-оценочного и экспрессивного характера: **река** (1 710)¹, **речка** (1 282), **речушка** (85), **реченька** (9): *А зато река была чистая, рыба была хоро'ша и чистая, а теперь ничего вроде нет; Так-то у нас местность же хорошая. Правда ведь? Вон сразу речку видать, поля; У нас речки не было, озеро. А он нам привозил. Речка была за 6 кило'метров в Соколовке; А е'то ране тут речушка была Цыганка, и цыганка в ей утонула; Ты река ли моя реченька, Ты течёшь ли не колебнешься, прилагательное речной (32): Есь подлёдный лов, и речной, и озёрный. Бреднем бродят. Данное прилагательное встречается в составе словосочетаний и маркирует видовые признаки названий транспорта, приспособлений для ловли рыбы: *Трамвай ходил по речке, по Парабели, речной трамвай; Затон, это я как вот понимаю, это затон это речные эти суда там останавливаются на зимовку. Наибольшее количество сочетаний с прилагательным речной характеризует наличие рыбы и называет снасти для ее ловли: Ну, есь ещё ве'рши речные вместо морды; И речные, и озёрные фитили и какие угод-**

¹ Количество словоупотреблений по данным Томского диалектного корпуса [10] и Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [11].

но. ...Озёрный ставится с одним крылом фитиль, а речной с двумя крыльями; ...и налим, и стерлядь, и всякая рыба попадает, она **речная**.

Наиболее частотными в диалектной коммуникации являются слова **река** и **речка**, при этом в актуализации второй лексемы в ряде случаев нейтрализуется признак размера, о чем свидетельствует сочетаемость с прилагательным **большая**: *Да речка была большая. А тут то...; Пруд у нас один, два километра есть речка Кута'т, Кута'т большая речка, Кайлу'шка вторая... километра есть речка Кута'т, Кута'т большая речка, Кайлу'шка вторая.*

Как представляется, это обусловлено степенью освоенности водного пространства, его включенности в категорию своего, обычного, привычного локуса, что подчеркивается семантикой уменьшительности суффикса -к-.

Для общих наименований характерно употребление в речи сочетаний с именами собственными – наименованиями конкретных рек, в основе которых лежат принципы номинации, отражающие разные этапы освоения Сибири (русский и дорусский), что подтверждается заимствованиями из тюркских и финно-угорских языков: **Обь** (303), **Томь** (117), **Кеть** (190), **Чулым** (159), **Кея** (42), **Яя** (34), **Антибес** (12), **Четь** (5), **Искитим** (5), **Челда'** (2) **Белезатка** (1), **Поло'й** (1) и др.: *Давно так называ'тся. Речка есь, Белеза'ткой называется, красивая речка; Поло'й – едешь по Кете', отворачиваешь – речка эта – Полой, рывина – ста'ра Кеть; У нас тихо. Рядом Чулым-речка. Не маленькая. Не ездят, как в центре; А Мари'нинск была ке'ивска во'лось, там речка-то Ке'я, оте'с-то мой помнил; Работала я на сплаву, какая-то ещё артель была, по Яе сплавлили, далеко уезжали. Раньше речка была шире, тут сгоняли да уезжали на Четь, это в Зырянке; Сперва ведь было простое место, кака' фамилия, така' деревня. <...> речка Искити'м, деревня Искитим, речки ма'леньки, кака' фамилия; Там была речка Челда'. Ну истяки' изве'на. Это ханты, эвенки; Деревня называется Воронино-Яя, на реке Яя она.*

В приведенных примерах отчетливо проявляется роль реки как основы жизнедеятельности человека, что отражается на уровне метонимических переносов «название реки – название села».

Аналогичное направление метонимического переноса зафиксировано в говорах Поонежья, что подтверждает типичность данной модели для топонимической системы той местности, центром которой являются реки [34. С. 666]. В фольклорных произведениях названия рек, как правило, связаны с историями о несчастной любви двух молодых людей, имеющими трагическую развязку: *У Босанда'я была дочь, у Ушай сын, вот они и подружились, а родители не хотели вот и дочь утопилась, и написала записку, пускай на мое имя будет река она-то была То'ма, вот и река Томь. Князь Босанда'й на Босандайке, в Томском Ушай, в Шахтомы'шевом Шахтомышь.*

Ориентационная роль реки как центра окружающего пространства отражена в предложно-падежных сочетаниях:

– около реки (околи реке): *Кислица только сейчас околи реке';*

- возле реки: *Так все кру'ом собрались, так возле реки же живём, на Оби;*
- у реки: *Вообще у нас и песок на берегу, у реки, и в речке на дне тоже песок есть;*
- через реку: *Через реку перевалить – и в Красном Яру;*
- за рекой: *Бывали и бандиты, чаерезы были за рекой;*
- под рекой: *Череда – собачки, от золотухи, растёт под рекой;*
- над рекой: *Чудный месяц плывёт над рекою, И во мраке, в ночной тишине;*
- вдоль реки: *То'ко деревня раньше вдоль реки была. Потом дальше начали строить;*
- на краю реки: *Лес на краю реки;*
- середь реки: *Середь реки палку спускают.*

В системе природных объектов Томской области роль реки как объекта, организующего пространство, является уникальной. Об этом свидетельствуют данные Томского диалектного корпуса, фиксирующие широкую сочетаемость слова «река» с пространственными предлогами и обозначающими как природные, так и созданные человеком локусы.

Многосторонняя характеристика реки как водного объекта представлена в лексической системе русских старожильческих говоров Среднего Приобья, включающих общерусские, собственно диалектные лексемы, а также диалектные варианты общерусских слов.

На лексическом уровне отражены свойства реки как физико-географического объекта, как элемента ландшафта, как объекта хозяйственной деятельности человека и как водного пути. Рассмотрим их с учетом коммуникативной релевантности, зафиксированной в частотности функционирования лексем, а также в количестве номинаций того или иного признака.

Река как физико-географический объект

1. Скорость течения.

а) **Быстрое течение.** Этот признак вербализуется большим количеством единиц, в которых преобладают лексемы с корнями -быстр- и -стрерж-: **стрержь** (81), **бы'стредь** (28), **быстри'на** (14), **быстри'ца** (1), **быстрота** (8), **бой** (2) – место с сильным течением на реке: *Рыба ката'тся по стрерже', где са'ма больша' стрержь, где вода котится сильно; Не могу к берегу: меня в серёдку прёт быстредь; В нашей реке золото. Это же не здесь, на быстреди. Быстредь – там бела глина; Там быстри'ца в реке; Вершо'й в реках ловют на быстротах; Вершой-то можно ловить, её нужно на боя'х, на стрержа'х; Де в водополье промает, бой есь, бой тут идёт; Русло идёт и пробивает в другом месте берег. Быстрое течение реки называется быстро'в'дьем (1): Это когда река быстро течёт, называют быстроводье; А быстроводье – е'то кода' вода большая идёт быстро. Плеса' (2) – быстрое течение реки на глубоких местах между*

двумя островами или у крутых берегов: *Плеса' идёт – вода колыхается, плеса' глубока, а на меле' рябит; У'лово (11) – место на реке с сильным круговым подводным течением: На крутом повороте там у'лово есь; Это у нас называется у'лово, где крутит. Бросишь палочку, её крутит.*

Наибольшей частотностью в диалектной речи характеризуется лексема **стрежь** – вариант которой (**стрежень**), по данным словаря Фасмера, в древнерусском языке имел значение «сердцевина» [35. С. 773]. Лексема *стрежь* выступает мотиватором для прилагательного *стрежевой*, на базе которого образован топоним *Стрежевой* – город в Томской области. Выбор признака номинации подтверждает значимость реки в освоении пространства Сибири.

В ряде лексем, имеющих образное значение, кроме указания на большую скорость течения добавляется характеристика дна (наличие камней), что **подчеркивает** «воинственный» характер реки, создающий препятствия для передвижения: **бое'ц** (2) – место на реке с быстрым течением и подводными камнями: *Раньше плоты плавил. Смотри, как бы не наехать на боец, разобьёт сильно там течение; Боец – быстрое течение, там перекат быстрый, бьёт, вот так бьёт.* В приведенных высказываниях актуализован компонент антропоморфной метафорической модели, используемой и при других обозначениях реки.

б) **Медленное течение.** Этот признак номинируется двумя лексемами: **заводь** (5) – место с медленным течением у берегов рек и озёр: *В ту же заводь рыба пришла; Там идёт река, а я здесь сети ставлю, там за'водь большая; плёсо* (5) – широкий со спокойным течением участок русла: *Плёсо хорошее, мелкое плёсо; Двадцать пять верст плёсо и двадцать пять глыби; Плёса – глубоко место и тихо.*

Таким образом, как показывает количество и частотность функционирования лексем, обозначающих скорость течения, наиболее значимым для обыденной коммуникации является указание на быстрое течение, как представляющее большую трудность для осуществления хозяйственной деятельности и передвижения человека.

2. Характер движения воды в реке.

Наиболее часто в речи фиксируется нарушение непрерывности течения за счет лексем, содержащих в своей семантике сему кругового движения, вращения: **воронка** (35), **за'водь** (8), **кругове'рть** (1), **кружа'ло** (1), **тягу'н** (2), **у'лово** (...): *За'водь это вода кружится воронкой... Сколько и на лодках и все на е'той заводи перевертывались; У'лово – воронка на воде, крутоверть; Вода кружится взад и вперёд. Если попадёшь, то тебя закружит. Сеть закружило, всю её спутало, распутать, не могла. Кружало может быть большое место, как наш огород; Тягун тянет на месте. Тягун – это затяжливая вода. Кру'жево* (1) – место на реке с воронками: *С плотом плывёшь, понесёт в улово и крутит. Воду хватит, где быстрей крутит и крутит. Кружево.*

Большая часть приведенных лексем мотивируется глаголами с семантикой кругового движения, кружения, верчения, что свидетельствует о фикс-

сации отклонения от нормального течения реки (текучести по разработанному руслу, непрерывности): **вертеть, тянуть, водить, ловить, закружить**. Семантическая специфика приведенных глаголов обусловила их участие в моделировании этической сферы диалектной концептосферы. Идея нравственного беспорядка, хаоса реализована через актуализацию семантики кручения, верчения, создающих кривизну прямоугольного пространства и нарушающих тем самым порядок. В семантике вторичных номинаций реализуется идея замкнутого круга, кружения, нерезультативного движения: *крутить пуговицы, закрутить голову, вертеть хвостом, вертихвостка, окрутить...* [36, С. 262].

3. Глубина реки.

а) **Глубокое место** на реке: **глубь** (17), **яма** (4), **глубови'на** (1), **заводь** (1), **углы'ба** (1), **па'ря** (1), **изва'лок** (1): *Заводь* – яма, глубокое место; *Есть и глыбо'ки места, глубь* большая. Да, *глубовина* хоро'ша; На реке перекааты и *углыба*; *Яма* – где густо ложится нельма, осётр; Стерлядей раньше ямами ловили. По пятьсот человек съезжалось на *яму*; *Извалки* – идёт мелко-мелко и сразу обрез – *яма*. Идёт мелко, а потом *извалок, извалок*. Туда осенью стерлядь ложится, а по бокам осетр ложится... *Извалок* большой, глубокий. Вверху-то стрежь, а внизу-то тишина. Вот рыба-то ложится; На *паре* там уже глубоко, там на *паре* рыба стоит; Морды лучше в *закоски* ставить; *Застру'га* (2) – небольшая заводь: *Заструга* небольшая, а *изва'лок*, он большой, глубокой, вверху-то стрежь, а внизу-то тишина. Вот рыба-то ложится. В *застругах* нельзя невод пускать, а есть такие логотины, там невод и пускается.

Слово **заводь** в своей семантике совмещает несколько признаков: скорость течения, характер движения и глубину.

Большое количество лексических репрезентантов данного признака и их частотность в коммуникации обусловлены значимостью глубоких мест для рыболовства, поскольку они представляют собой скопление ценных пород рыб. Знания об этих местах являются залогом успешного рыболовства.

б) **Мелкое место** в реке называется **мель** (35), **перекат** (33), **брод** (23), **свал** (6), **дресва** (5), **россыпь** (4), **перебо'р** (3): *Мель* – на реке песок выработался, мелкое место; *Перебор* или *перекат*, где мелко место, где можно перебрести; Стерлядка по *дресве* выка'тывают, а осётр нет; Так это *переборы*, неводить можно, на песках; *Свал* – е'то через реку мелко место. *Забро'д* (2) – неглубокое ровное место в реке, с песчаным дном: *Заброд* – место в речке, с песочком, без коряг, мелкое, гладкое; *Заброд* – тоже не скажу. Пески. Ну пески, как сказать, где мы рыбачили, в песках неводили. Там тоже определенное место, где надо неводить; *застру'га* – песчаная гряда на дне реки, намытая течением: *Заструга* – более мелкое место, песок, где идёт рыба.

Лексема **мель** мотивируется качественным прилагательным **мелкий**, а по отношению к лексемам **брод, перебор** в качестве мотиваторов выступают глаголы, маркирующие названия тех мест в реке, где есть возможность перехода с одного на другой берег.

4. Ширина реки.

Специальное лексическое обозначение получает узкое место: **горло-ви'нка** (3) – узкое место в реке: *На реке бува'ет узкая горловинка, узкое место, в её надо угодить; Горловинка, если у'зка и глубока. ...На реке же.*

5. Характеристика русла реки.

а) **Форма** (прямая / извилистая): **прямица** – новое прямое русло реки: *Река идёт, а потом сде'лат прямицу.*

Отметим большое количество наименований, в том числе образных, употребляемых в речи для характеристики извилистого русла рек, что обусловлено равнинностью таежной местности, по которой протекают реки в Томской области. Изгиб, сгиб, колено (у реки) имеет такие названия, как **криву'н** (11), **вилюшка** (5), **муча** (8), **прилук** (3) **ло'коть** (2), **муч** (2) / **мыч** (2), **изги'бина** (1), **чигы'н** (2), **куле'га** (1), **кули'га** (1): *А из е'това локтя пошёл Поло'й; Куле'га – речка кривая, кулежица; Кулига называ'тся кривулина, поворот; Запор делали, запирали истоки или чворы', там уж вода мучо'м идёт, из дерева запор делали; Кия у нас проходит, раньше была так, а теперь стала пряма', изгибина осталась, зараста'т Кривуны на реке – это прилук зовут и муча тоже; Есть там Борькина, там прилук восемь километров: прилук большой, прилук маленький – вот где Лена стоит; На реке, где углы, чигы'нами писались. Раскиличев чигы'н; А у нас чигын по Шегарке, его надо объезжать; Мыч называют в речке,... мыч этот не назавают мыс, а мыч, там мычо'м не назовёшь, потому что огибает; У изогнутой реки вилюшки.*

Муч – это также и территория, ограниченная изгибом реки: *Этот путь, называют большой муч.* Наблюдается процесс немотивации, внутренняя форма слова переосмысливается на основании связи с лексическим глаголом мучаться, что расходится с реальной этимологией существительного, заимствованного из селькупского, в котором оно обозначает 'волок, место для перетаскивания лодки по суше по изгибам реки' [37. С. 397]: *Муча? А Муча у нас вот отседа по этой речке. Мысова был посёлок. От этой Мысовой немного проедешь – и там действительно Муча. Вот какую даль едешь – едешь, едешь – едешь и приедешь почти к этому же месту. Муча, это называли Муча. Ну почему? Ну потому что так много надо ехать, приедешь к этому же месту. Ра'зьве не му'ча? Это же мученье. Ведь приедешь к этому же месту!*

б) **Изменение русла** (новое / старое): **старица** – старое русло реки, **прямица** – новое: **Стари'ца** – как ста'ра. *Кеть была, где пе'рво врое – это прямица, а та уж стари'ца остаётся, на ей стре'жи нет, вода тихая; Старица здесь сзаду идёт. Может, бывшая старая течь была. Теперь рыба'чут там. Старое русло реки называется стари'цей.*

в) **Расположение по отношению к центру и периферии** (главное / неглавное). Главное русло реки номинируется образным словом **матка** (4), что свидетельствует о высокой ценности водного объекта в обыденном восприятии жителей села, ассоциируется с лексемой мать, что также является реализацией антропоморфной модели при формировании образа реки:

Плывёшь не где попало, а по **матке** реки; Плывёшь-то **маткой**, русло называ'тся.

6. Характеристика разных участков течения реки.

Осуществляется через оппозицию верх/низ и отражает вертикальное членение пространства, связанное с рекой, в обыденном сознании говорящих.

Верховье реки называется **верха'** (6): *Водоточные места – это те, где вода затопляет, у нас таких нет, а в **верхах** есть*; начало реки – **исток** (110), **вершина** (10): *А **истоком** называли – что из озера в реку течёт; **Вершина** – это река взялась оттуда. Кея вон кака' река, километров двести, триста, а там совсем мелка, из горы взялась.*

Место впадения реки, конечный участок нижнего течения реки – **устье** (23): ***Устьем** называется, это примерно так же там есть три речушки совпадают в одну, вот и называют устье; На крутом яру деревня Усть-Речка, на **устье** тут две речки: Кеть и речка наша; Место, где сливаются две реки – **двоево'дие** (1): Кеть и Старая Кеть отсель выходит, и они встречаются, получается две воды. Кеть идёт, а Старая Кеть выходит к ней, **двоеводие** – две воды. **Трёху'стье** (2) – три устья реки: Речка – **трёхусье**, от же три отверстия, протоки отделяются; Полой выпал в Парабель, называется **трёхусье**.*

Оппозиция верх/низ используется и при характеристике людей, живущих на этих участках и различающихся по этнической принадлежности, языковым особенностям и роду хозяйственной деятельности: **верхо'вский** (12), **верхо'вный** (1) (находящийся в верховье реки, пришедший с верховья) и **низовский** (1) (низовой, расположенный или живущий в нижнем течении): *Туземцев единокорцами звали, тапе'рь здесь **верховный** народ; Если он живет выше на реке, житель такой называется **верховский**; Он **низовский** был, он вёз невесту; Поедешь, и попадётся **низовский** обоз, лошадей по сто; **Низо'вски** ямишки; У нас не ткут. **Верхо'вски** те ткут; Вот когда е'тих **верхо'вских** сюда присылали, они вся'ко называли, ... у нас вообще таких названий нет.*

7. Характеристика водного режима.

Сибирские реки относятся к типу замерзающих рек. Период замерзания является достаточно длительным, что сказывается на возможности передвижения людей, хозяйственной деятельности. Этими факторами обусловлено большое количество лексем, обозначающих состояние воды в реке в разное время года.

Изменения, происходящие с рекой, осмысливаются по аналогии с действиями живого организма, который может осуществлять или прекращать движение: **рекоста'в** (11) – период замерзания реки: *Осенью шугу несёт, потом **рекостав**; **Рекостав** – река стаёт осенью; **ледоход** (10), **располе'ние** (1), **реколо'м** (3), – вскрытие льда, ледяного покрова: *Если весна ранняя, рано начинается таять, лед как пройдет. Значит, идёт уже **ледоход**; Когда **располоение** реки быва'т; Реколомы здесь, паря, большие живут; Весной лёд несёт – **реколом**; Шуга' идёт осенью а весной называ'тся **реколо'м**, запрещают**

ездить тоды'. Река выступает как объект, который испытывает деструктивное воздействие природной стихии в определенное время года (**реколом**).

Состояние реки в самом начале ледохода описывается по аналогии с процессом родов: **пошевёл** (1) – состояние реки в самом начале ледохода: *Реколом пойдёт, успевай сьма'ть; мешево пойдёт – натор пойдёт, сперва пошевёл реки*.

Изменения количества воды в реке получают различные наименования: **прибыли'ца** (1) – время разлива реки: *В прибылицу вода прибыва'т весной; водопо'лье* (4), **распа'л** (3) – наименование половодья *Много воды разлило'сь, значит водопо'лье; Река как скрыва'тся, лёд разнесёт – вот и водопо'лье; Весной вода прибыва'т – это и есь распа'л воды*.

Состояние реки является своеобразным календарем, на который ориентируются те, кто занимается рыболовством: *Когда водопо'лье, неводи'шь; Во время водопо'лья – разлива реки, шшу'ка ловилась*.

Как уже было отмечено выше, период, когда сибирские реки находятся подо льдом достаточно длительное время, обусловил лексическое разнообразие наименований формы, состояния льда: **то'роз** (18) – нагромождение льда, торос: *А ежели тёплая зима, сантиметров 40, 45, 50 [лёд], видите вот. А где **тороза'** – весной говорят: «Лёд несёт». Осенью тоже лёд несёт, намерзает и несет. Его стоймя ставит. Это называется **тороз**. Там сильно промерзает, там даже больше метра промерзает. Потому что **тороз**, да к нему ещё намёрзнет, то это посередь реки; **спрут** (1) – скопление льда на реке: *Мужик плыл раз – и **спрут** попался, и плот пошёл под лёд; нато'р* (1) – нагромождение льдин: *Реколом пойдёт – успевай сьма'ть, мешево пойдёт – **натор** пойдёт. Сперва пошевёл реки; пластуши'на* (1): *Пластушинами она [река] замерзат; шуга* – мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом и во время ледохода: *Шуга когда лёд начинается, шуга идёт, и после шуги ловили. Лыдина на реке – **курга*** (1): *Курга – эт лыдина на реке. Заненастится – значит, погода плоха' становится; **плита'*** (2) – большая лыдина на реке: *Плита – это когда лыдина больша' плывёт*.*

В заключении отметим несколько моментов. Первый момент связан с выявлением специфики метафорического поля концепта, в рамках которого река моделируется по образу человека, включает наименования частей тела (**локоть, плечо, горловинка**), имеет воинственный характер (**боец**). Изменение состояния реки в результате природных процессов **пошевёл, располение** (о реке) описывается через лексемы, обозначающие родовую деятельность.

Наибольшее количество образных единиц выражено глаголами движения, представляющими реку как живое, очень подвижное существо с энергичным характером, что передается семантикой корня и приставками, конкретизирующими направление движения (внутри или наружу): **воткнуться, выкатиться, выпасть, ввалиться, вдарять, падать, выходить из берегов**.

Важным представляется тот факт, что лексемы, характеризующие реку как физико-географический объект, активно пополняют терминологию и специальную лексику географической сферы, что свидетельствует о роли диалекта как источника пополнения словарного состава различных вариан-

тов русского национального языка, а также демонстрирует наиболее активные зоны взаимодействия разных лексических систем. В качестве подтверждения этого наблюдения приведем фрагменты статьи о реке в Большой российской энциклопедии, в которой целый ряд специальных обозначений имеет диалектное происхождение: «У замерзающих Р., текущих в осн. в средних и высоких широтах Сев. полушария, период с ледовыми явлениями делится на три фазы: замерзание, включая такие явления, как первичные формы льда, **забереги**, осенний ледоход, иногда сопровождающийся **зато-рами** льда; **ледостав**; вскрытие – с **закрайнами**, подвижками льда, весенним ледоходом (часто с **заторами** льда), полным очищением ото льда» [38].

Река как часть ландшафта

Река выступает в роли своеобразного организатора пространства и включает природные объекты, расположенные рядом с ней (**яр, крутояр, угол, тюп, урюм**) или внутри неё (**осерёдок, елбан, бык**), помогающие ориентироваться человеку в окружающем пространстве. В приведенных наименованиях отражено взаимодействие стихии воды, существующей в форме реки, и стихии земли в форме объектов, расположенных на суше. Река выступает точкой отсчёта при назывании береговых возвышенностей, форм, параметров и разновидностей лесных массивов, номинируемых относительно реки, части суши, которая со всех сторон омывается рекой:

– **берег**: **яр** (53), **крутояр** (2) – крутой, обрывистый берег: *Яр – это где-нибудь в речку обрывом, бугор это на земле, повыше, чем обнакове'нно; Яр – это обрыв к реке; От реки если идёт крутой берег, то его **круто-яр**ом называют.* Лексема Яр переходит в имя собственное и образует многочисленные топонимы **Яр, Белый Яр, Красный Яр, Высокий Яр** и др.: *Деревня Яр на том берегу есь, а туды' и сюды' к нам пошли, чажело' было; Она в **Белый Яр** и ездила сюда. Они ехали на катере; В сорок втором году поехал учиться в **Красный Яр**.*

– **лес**: **угол** (3) – лес у изгиба реки или между озером и рекой: *Лес у изгиба реки или между озером и рекой называется **углом**... Малинник да кустарник всякий весь этот **угол** переплёл; **забо'ка** (15), **во'ек** (6) – лес вдоль берега реки, озера: Я буду по **во'еку** бегать. **Во'ек** – глухой лес; **Забока** – где-нибудь речка и лес кругом обойдёт; **наволо'к** (1) – лес на берегу реки, на заболоченной местности: **Наволок** край реки, сосняк, на сору;*

– **болотистое место** у реки – **урюм** (1): *Урюм – местность на болоте, по речке;*

– **часть суши**, расположенная между изгибами реки – **тюп** (4): *Тюп – по берегу Чулыма... Тюп – это яса'иные, наверное, так зовут. Оне' на своём языке называли тюп;*

– **остров** посередине реки, образующийся в результате её обмеления – **осерёдок**: *Там за поворотом **осерёдок** должен быть; елба'н* (3) – песчаный остров из наносного песка: *На реках **елбаны** бывают. Вот наносит, намывает бугры. Это и есть **елбан**; **Елбан** посреди реки из песка;*

– **мыс** в реке – **бык** (1): *В реке **бык** выступа'т.*

В состав этой группы входят разные по происхождению лексемы. Наряду с обозначениями, обладающими прозрачной внутренней формой (**крутояр, наволоок, угол**), часто встречаются названия, восходящие к тюркскому языку (**тюп, урюм, елбан**) [34], что отражает языковые контакты русского и исконно сибирского населения. В этой группе лексем присутствует образная единица (**бык**), актуализирующая когнитивную модель «река – крупное рогатое животное с агрессивным поведением».

Река как место ведения хозяйственной деятельности

Лексемы данной группы, так же как и следующей, могут стать предметом отдельного исследования. В рамках статьи они приведены как репрезентанты периферии концепта «Река», описывающей его функциональные признаки.

Рыболовству как основному виду деятельности в Среднем Приобье посвящено большое количество высказываний, в которых представлена лексика разных тематических групп, описывающих:

– рыболовные снасти (**самолов** (332), **перемёт** (66), **намётка** (22), **бродень** (12), **бредник** (2) и др.): *Самоло'вы, переметы были, много удочек, заводят их на лодке; Зимой самоловами рыбачат, на удочку, а так сетями ловят; У нас мужики недавно цуку броднем поймали. Бродень? Это сеть така', с которой бродют; С намёткой туда ходил. Это сачок такой на шесте. Чебаков ловили; Перемёт – это кода' много налепишь живцов и через каждый метр – крючочек, и тянешь его через реку на лодке, и рыба ловится;*

– способ ловли рыбы: **плавёж** (2); **ата'рма** (2): *Пережат – мель, с глубокой воды на мель. Это са'мо хороше место для плавёжу: рыба здыматся тут; Атарма? Атарма – это значит так. Едут к таёжной речке. Загораживают эту речку, допустим вот это речка. Она ширины: вот отсюда до амбара. С этой стороны перегораживают примерно, метров пять и с той пять. Оставшиеся там значит, спускаешь 6–7 метров, делаешь мешок такой, как чердак, и погружают его, значит, с этой такая жердь, такая, и с той, допустим жердь, вот они его топят в реку, вытекает. А течение-то рыбу несёт; закрыва'ть запо'ры (перегораживать реку рыбозаградительными сооружениями): Вот вода пошла назад, скоро запоры закрывать будем. Сейчас рыболовецкая бригада называется человек шесть-сем, а раньше все добывали. По пять сажень запор приходилось закрывать, двенадцать сажень матка длиной.*

Река как водный путь

а) **Характеристика реки с точки зрения возможности передвижения по ней больших и малых судов**: *Она уже была, Иштанка, вброд переходили, неходовая река была; Судходна река Чая; Стари'ца речка, кото'ра раньше была судохо'дна, а потом не стали ездить по ней, обмельчала.*

Путь через реку связан с преодолением препятствий. В высказываниях о передвижении по реке часто употребляется глагол **добратся** в значении 'с трудом или нескоро дойти, доехать и т.п. до какого-либо места, предмета' [39. С. 408]: *Это теперь транспорту много, а раньше сюда на обла-со'чках **добирались**. И пешком ходили, раз на обласочке тонули, и нас из-влекли.... Приехали мы потом мокрёхоньки; А пароходы были, ой, только на пароходу только до Колташево можно было **добратся**, пароход вставал в Тискино, вот уедем, целую ночь, и расписание никакого не было и ждёшь целую ночь, когда он придёт, утром или когда, до Колташево **добирались**; Зимой через речку по льду **добирались**. А летом, кто как может, кто как сумеет. Кому надо – **доберётся**. А паром есь.*

б) **Виды транспорта.** Группа наименований видов водного транспорта пополняется в настоящее время лексемами, обозначающими современные виды транспорта. Наряду с устаревшими наименованиями реальных (**коно-водка** (3), обозначениями традиционных видов передвижения (**обласок** (475), **баржа** (178), **паром** (90)) в речи функционируют лексемы, называющие виды современного транспорта («**Ракета**» (25), «**Заря**» (20): *Было сильно большой путь. **Конководки** ходили по реке; А тут опять переехать надо на лодках, чтобы вот так. Приедем, переехать не на чем, возмём, наворуем **обласки**', перееедем, они потом утром едут за **обласка'ми**; На я'рманку, через реку на **пароме** везут; Вы же на «**ракете**» приехали? Так вот, где вы с пристани выла'зили, там центр, значит, был; Ездил на **ра-кете, пароходу**. Назвать их не могу; Ну, **самоходка** – по реке ходит, груз возит; Река, она больша' бува'ет [А вот это остров?] Да. Стремни'нка там, прото'ка проходит за островом. «**Заря**» по ей ешо ходит. А нынча там **баржеев** грузуют там; Это сейчас есь объездная дорога и есть мост, а вот в те годы в шестьдесят, до восемьдесят по-моему девятого тракт проходил только до той улицы, где мы жили, и через Обь ходил **паром**. И вот, паром с той стороны, с Томска **приплывет** сюда, машины поехали одна за одной. Интересным фактом является, на наш взгляд, функционирование имен собственных, осознаваемых жителями прибрежных сел как обозначения видов пассажирского транспорта (ракета, заря) и употребляемых ими как нарицательные.*

Место и роль реки в обыденной практике жителей Сибири осмысливается в рамках высказываний, позволяющих проанализировать концептуализацию водного объекта в аспекте его аксиологических характеристик. Это отражено в наборе тем диалектного общения, их повторяемости. В Томском диалектном корпусе темы, связанные с природой и использованием ее ресурсов, являются наиболее частотными. Так, тема «рыбная ловля» зафиксирована в 948 текстах из 4 327, что обусловлено развитием рыболовства в Среднем Приобье.

В рассказах сельских жителей содержатся наблюдения за поведением рыбы (*Идёт мелко, а потом извалок, извалок. Туда осенью стерлядь ложится, а по бокам осетр ложится... Извалок большой, глубокий. Вверху-то стрежь, а внизу-то тишина. Вот рыба-то ложится*), местами её оби-

тания и особенностями рыбалки в разные времена года (Только сетями, а зимой рыбачили самоловами; И зимой рыбачили. По метру долбили лёд. Нас возили по болотам. Мы и ездили. Разгребли снег, в середину печь поставили, кровать из веток. Месяц жили. Чебак, окунь, шишук'а и язь есть), описания разных пород рыбы (Рыбы раньше много было, счас спрятались. Здесь в реке вся'ка рыба быва'т и осётра, окунь, муксуны, налим, карась-пятячок; Костерт – маленький, потом – чалбуш, потом – осётр; Северные ветра' делают большой подъём воды в Губе, тогда' наводнение начина'тся, и вся'ка рыба заходит в реку. А счас плохо, неводить нельзя; Если наводнение, воду с каменистых рек видать – тогда рыбы много; Стерлядка, у той носик тоненький, а у этого [осетра] – тупой. Стерлядка по древесу выка'тывают, а осётр нет. Он на корягу приляжет. Он на другой год икру оставляют; Если северо-восточный ветер, то сильное давление и рыбу как придавливает и она не плавает, не играет).

В Западной Сибири развита крупная лесная промышленность, важной частью которой является транспортировка леса, осуществляемая по таежным рекам: Там в лесу валили, обрубали, а потом грузили и он, значит, к речке. А весной сплавляли по реке, вот так; Лес мулем сплавляли. Гнали лес до самых устьев. Лес пучками связывают там по Чулыму, а отте'ду везут сюда. Лес плывёт, а мы сзади едем на лодках и от берегов отгоняем, чтоб не присыхал.

Для местных жителей река является местом профессиональной деятельности, связанным с лесной промышленностью: На реке работал, лес плавили; Работала я на сплаву, какая-то ещё артель была, по Яе сплавляли, далеко уезжали. Раньше речка была шире, тут сгоняли да уезжали на Четь, это в Зырянке. Шёл барак прямо по воде, мы в ём спали.

Вода из реки широко используется прибрежным населением для бытовых хозяйственных нужд: Воду мы, водопроводов не было, мы с вот с этой реки воду таскали. Да. И тот край оттуда таскали; Рубашки стирали без стиралок. В корыте шкворили. Потом на реку то'шшышь полоскать; Пойду на речку полоскать, иль по' воду; Вехотки из травы прямишника, копеечками листики, семена круглые, его рвут, в реке полощут, придавят, с неделю помокнет, станет бела-бела; Из тканного холста шили платье, юбки. Холст стелили в реке, белили, а потом – шили; Мы ведрами собирали щавель. ...топчем. На реке зайдём помоем. Домой приходим, варим суп.

Река для сельских жителей часто является единственной магистралью, связывающей деревню и город: Дороги когда не было, по реке, конечно. У нас место-то овощеводческое, огурцами занимались, и на лодках плавали до города, возили; Машины-то не ходили никаки'. Только по реке.

Взаимодействие человека с рекой как водной стихией отражено в высказываниях, описывающих купание с целью очищения, приятного времяпрепровождения: В жа'рки-то дни ребятишки, как лягуши купаются.

Река представляется как опасная неконтролируемая стихия, несущая угрозу для человека и его имущества: По-моему, в писа'т третьем году было наводнение большое, и в пятьдесят шестом, наверное... Вот у тёт-

ки с огорода баню унесло; Вот в Салыме жили, где вот, откуда, значит, отца взяли, в тот год такое наводнение было большое, от все эти таёжные речки, они вышли из берегов... В тот год ни картошки не посадили, ни коровам сена не заготовили; Кода' наводнение было, целый порядок улицы унесло; Вот река бурна. Они боятся. Утоннешь еишо'; А раньше-то деды и отцы наши сплавляли лес по реке – по Шегарке – она ещё больше раньше была – и шире, и глубже. Вот по ей и сплавляли лесину. Опасно это было – река быстро текёт; Наши народ ездили, таскали лодки, по перекату, там в перекате том тонули много людей, страшно было.

В рассказах о реке находят отражение мифологические представления и суеверия. Характерно, что высказывания фиксируют (пока) только одно мифологическое «речное» существо в Среднем Приобье – русалку, которая может испугать или даже погубить человека: *Здесь таких русалок не было, у нас река-то узка. Она как человек: волосы длинные, чёрные, глаза большие. Так наша мать представляла, а я не видела. Русалка может напугать. Родители, может, тоже не видели, а нам представляли, пугали на С. ...Соберёмся на бережочек, гуля'м. На бережке игра'м, пляса'м и ду'мам, как бы Русалка не вышла и нас не задавила; Ночью боялись купаться, потому что русалки были. Она затаскивает в воду. Говорят, даже у нас на Яе видели.*

Представление о воде как о стихии проявляется в системе бытовых примет, которые надо соблюдать, если хочешь получить результат своей деятельности: *Когда малая вода, тогда огород са'дут; Раньше не купались после Ильина дня. Он большой праздник, тоже гро'зны. Сено метать нельзя.*

В диалектной коммуникации представлена отрицательная оценка действий человека, изменяющего природный ландшафт в процессе хозяйственного освоения пространства Сибири: *Ой, река сильно изменилась. Особенно в последние года. Вот когда этот земснаряд пригнали сюда. Это в 69 году было, года два, наверное, стоял. Потом дальше его перегнали. И всё – стало заносить ее. Она мельче, все мельче. По той стороне было глубоко. Там и нырялка была. Сейчас талиной вся заросла. Раньше даже острова этого не было. Устье очень даже глубокое было.*

В речи диалектоносителей проявляется особое отношение к реке, которую нужно охранять и оберегать: *Вот раньше мы ведь всей деревней собирались и чистили реку от талины. А сейчас что? Вот песок выше по течению добывали, как раскопали, так всё и бросили. Реку губят.*

Таким образом, концептуализация реки как водного объекта осуществляется в диалекте на уровне лексики и на уровне синтаксических единиц, фиксирующих аксиологические смыслы анализируемого концепта. В лексической системе среднеобских говоров вербализуются основные, существенные признаки концепта, представленные в том числе в энциклопедических словарях, но структурированы эти признаки (с точки зрения ядра и периферии) по-разному. В диалектной коммуникации актуализированы характеристики реки как физико-географического объекта, как элемента

ландшафта, как объекта хозяйственной деятельности человека и как водного пути. В понятийной «сетке» номинативного поля отражается природное своеобразие Среднего Приобья как таёжного, равнинного, с холодным климатом региона.

Понятийный уровень концепта структурируется лексическими единицами, различающимися системной принадлежностью и происхождением. Заимствования из тюркских и финно-угорских языков отражают разные этапы освоения Сибири, «рассказывают» о взаимодействии этнических групп и народов, заселявших Среднее Приобье, характеризуют Сибирь как трансграничный регион.

На метафорическом уровне актуализируется антропоморфная (отчасти, зооморфная) модель, представляющая реку как живое, энергичное существо, постоянно находящееся в движении, отличающееся недружелюбным поведением. Аксиологические концептуальные смыслы лежат в утилитарной сфере, связанной с хозяйственной деятельностью человека. Наибольшее количество контекстов посвящено рыболовству, транспортировке древесины и передвижению человека по реке.

Диалектные лексические единицы, характеризующие реку, активно используются в качестве терминов и специальных обозначений в текстах географической направленности (научных монографиях, учебниках, энциклопедических изданиях), что свидетельствует о роли диалекта как источника пополнения словарного состава разных сфер русского национального языка.

Список источников

1. *Евсеева Н.С.* География Томской области (Природные условия и ресурсы). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 233 с.
2. *Иоганзен Б.Г.* Природа Томской области. Томск : Томское книжное издательство, 1959. 150 с.
3. *Восточная литература* – библиотека текстов Средневековья. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spapharij/text2.phtml> (дата обращения: 18.07.2022).
4. *Инютина Л.А.* Лексическое выражение представлений о пространстве в текстах сибирских летописей XVII–XVIII вв. // *Филология и человек*. 2013. № 1. С. 75–87.
5. *Маслова В.А.* Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // *Филологические науки: научные доклады высшей школы*. 2015. № 6. С. 3–8.
6. *Оглезнева Е.А., Парыгина И.А.* О региональной окрашенности лексики (по данным анкетирования носителей русского литературного языка в г. Томске) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. № 4. С. 127–132.
7. *Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И.* Социальное варьирование в региолекте // *Филологические заметки*. 2020. Т. 1. № 18. С. 301–313.
8. *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Региональные разновидности русской речи // *Русская речь*, 2020. № 4. С. 7–18.
9. *Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е.* Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 28–44.
10. *Томский диалектный корпус* // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 09.08.2022).

11. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби* / Том. гос. ун-т, 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (дата обращения: 11.09.2022).
12. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
13. *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др. ; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. А–З. 358 с.
14. *Словарь образных единиц сибирского говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
15. *Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики* // Ученые записки. Сер. «Серия физико-математических и естественных географических наук». Томск, 1950. С. 175–183.
16. *Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики* // Вопросы географии. 1962. № 58. С. 50–84.
17. *Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Западной Сибири* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1962. 17 с.
18. *Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов*. М. : Мысль, 1984. 653 с.
19. *Малыхина Т.М., Летапурс Т.В. Этимологическое исследование древнейших гидронимов Посемья* // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2010. С. 317–326.
20. *Сорокина С.Н. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура)*. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 175 с.
21. *Камалетдинова З.С. Тюркская ландшафтная лексика Нижнего Притомья*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 258 с.
22. *Сарбаи Л.Н. Концепт «Волга» в волжском травелогe XIX века* // Горизонты цивилизации. 2018. № 9. С. 282–293.
23. *Григорьев А.Ф. Концепт реки Терек в фольклорном сознании гребенских казаков* // Власть. 2011. № 9. С. 119–120.
24. *Куреня И.В. Анализ концепта «Река» в авторской англоязычной картине мира* // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. № 2 (13). С. 173–177.
26. *Радбиль Т.Б., Юхнова И.С. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта река в творчестве М. Ю. Лермонтова* // Научный диалог. 2019. № 2. С. 127–142.
27. *Подлеснова Е.А., Торговкина Т.А. Языковая репрезентация концептов «Река» и «Море» и их функциональная значимость в новеллах Ги де Мопассана* // Огарёв-Online. 2016. № 17 (82). С. 5.
28. *Гаврилов В.В. Реализация концепта «Река» в «югорском тексте» (на материале поэзии Ю. Шесталова)* // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 106–112.
29. *Костин А.М. Вода* // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. С. 268–277.
30. *Даль В.И. Пословицы русского языка* : [в 2 т.]. М. : Художественная литература, 1989.
31. *Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера* // Русский Север: лексика и ономастика. М. : Индрик, 2021. С. 494–592.
32. *Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Дорога» в устных рассказах сибиряков* // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 16–28.

33. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 4: П–Р. 1987. 752 с.
34. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Река как социальный символ и знак повседневности // *Русский Север: лексика и ономастика*. М. : Индрик, 2021. С. 665–676.
35. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с
36. *Демешикина Т.А.* Стандарт и нестандарт в диалекте // *ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII: Sbornik prispevku z mezinarodni konference XX. Olomoucké dny rusistu*. Olomouc, 02–04.09.2009. Olomouc, 2009. С. 259–263.
37. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 787 с.
38. *Михайлов В.Н.* Реки // *Большая Российская энциклопедия* / гл. ред. С.Л. Кравец. М., 2016. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/3504515> (дата обращения: 04.08.2022).
39. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 1: А–Й. 1985. 696 с.

References

1. Evseeva, N.S. (2001) *Geografiya Tomskoy oblasti (Prirodnye usloviya i resursy)* [Geography of the Tomsk Region (Natural conditions and resources)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ioganzen, B.G. (1959) *Priroda Tomskoy oblasti* [Nature of the Tomsk Region]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Arsen'ev, A.Yu. (1882) *Kniga, a v ney pisano puteshestvie tsarstva sibirskogo* [The book, and in it the journey of the kingdom of Siberia is written]. *Vostochnaya literatura – biblioteka tekstov Srednevekov'ya* [Eastern Literature – A library of texts of the Middle Ages]. [Online] Available from: <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spapharij/text2.phtml>. (Accessed: 18.07.2022).
4. Inyutina, L.A. (2013) *Leksicheskoe vyrazhenie predstavleniy o prostranstve v tekstakh sibirskikh letopisey XVII–XVIII vv.* [Lexical expression of ideas about space in the texts of the Siberian chronicles of the 17th – 18th centuries]. *Filologiya i chelovek*. 1. pp. 75–87.
5. Maslova, V.A. (2015) *Regional'naya lingvistika: problemy i perspektivy* [Regional Linguistics: Problems and Prospects]. *Filologicheskie nauki: nauchnye doklady vysshey shkoly*. 6. pp. 3–8.
6. Oglezneva, E.A. & Parygina, I.A. (2018) *O regional'noy okrashennosti leksiki (po dannym anketirovaniya nositeley russkogo literaturnogo yazyka v g. Tomske)* [On the regional coloration of vocabulary (according to the survey of native speakers of the Russian literary language in Tomsk)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommu nikatsiya*. 4. pp. 127–132.
7. Erofeeva, E.V. & Erofeeva, T.I. (2020) *Sotsial'noe var'irovanie v regiolekte* [Social variation in the regiolect]. *Filologicheskie zametki*. 18 (1). pp. 301–313.
8. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2020) *Regional'nye raznovidnosti russkoy rechi* [Regional varieties of Russian speech]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 7–18.
9. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) *The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2
10. *Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU* [Laboratory of General and Siberian Lexicography of TSU]. (n.d.) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus>. (Accessed: 09.08.2022).
11. *Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU* [Laboratory of General and Siberian Lexicography of TSU]. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov*

sredney chasti basseyna reki Obi [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects in the Middle Part of the Ob River Basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary>. (Accessed: 11.09.2022).

12. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinin Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

13. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialect Linguistic Personality]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

14. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Dul'zon, A.P. (1950) Drevnie smeny narodov na territorii Tomskoy oblasti po dannym toponimiki [Ancient change of peoples on the territory of the Tomsk region according to toponyms]. *Uchenye zapiski. Ser. "Seriya fiziko-matematicheskikh i estestvenno-geograficheskikh nauk"*. pp. 175–183.

16. Dul'zon, A.P. (1962) Byloe rasselenie ketov po dannym toponimiki [Past resettlement of the Kets according to toponyms]. *Voprosy geografii*. 58. pp. 50–84.

17. Kalinina, L.I. (1962) *Khantyyskie toponimy Zapadnoy Sibiri* [Khanty toponyms of Western Siberia]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

18. Murzaev, E.M. (1984) *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Popular Geographical Terms]. Moscow: Mysl'.

19. Malykhina, T.M. & Letapurs, T.V. (2010) Etimologicheskoe issledovanie drevneyshikh gidronimov Posem'ya [Etymological study of the most ancient hydronyms of the Seym Region]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 317–326.

20. Sorokina, S.N. (2009) *Ugorskie gidronimy Srednego Priob'ya (Semantika i struktura)* [Ugric Hydronyms of the Middle Ob Region (Semantics and structure)]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk Humanitarian University.

21. Kamaletdinova, Z.S. (2019) *Tyurkskaya landshaftnaya leksika Nizhnego Pritom'ya* [Turkic Landscape Lexicon of the Lower Tom Region]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Sarbash, L.N. (2018) Kontsept "Volga" v volzhskom traveloge XIX veka [The concept of "Volga" in the Volga travelogue of the 19th century]. *Gorizonty tsivilizatsii*. 9. pp. 282–293.

23. Grigor'ev, A.F. (2011) Kontsept reki Terek v fol'klornom soznanii grebenskikh kazakov [The concept of the Terek River in the folklore consciousness of the Grebensky Cossacks]. *Vlast'*. 9. pp. 119–120.

24. Kuren'ya, I.V. (2006) Analiz kontsepta "Reka" v avtorskoy angloyazychnoy kartine mira [The concept of the Terek River in the folklore consciousness of the Grebensky Cossacks]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2 (13). pp. 173–177.

26. Radbil', T.B. & Yukhnova, I.S. (2019) Khudozhestvennoe voploshchenie russkogo natsional'no-kul'turnogo kontsepta reka v tvorchestve M. Yu. Lermontova [Artistic embodiment of the Russian national-cultural concept of the river in the work of Mikhail Lermontov]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 127–142.

27. Podlesnova, E.A. & Torgovkina, T.A. (2016) Yazykovaya reprezentatsiya kontseptov "Reka" i "More" i ikh funktsional'naya znachimost' v novellakh Gi de Mopassana [Language representation of the concepts "River" and "Sea" and their functional significance in Guy de Maupassant's short stories]. *Ogarev-Online*. 17 (82). P. 5.

28. Gavrilov, V.V. (2021) Realizatsiya kontsepta "Reka" v "yugorskom tekste" (na materiale poezii Yu. Shestalova) [Realization of the concept "River" in the "Ugra text" (based on the poetry of Yu. Shestalov)]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 106–112.

29. Kostin, A.M. (2007) Voda [Water]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. pp. 268–277.

30. Dal', V.I. (1989) *Poslovitsy russkogo yazyka* [Proverbs of the Russian Language]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
31. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) Toponimiya zagovorov Russkogo Severa [Toponymy of conspiracies of the Russian North]. In: Berezovich, E.L. et al. (eds) *Russkiy Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and onomastics]. Moscow: Indrik. pp. 494–592.
32. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2020) The representation of the concept “road” in oral stories of Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/2
33. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
34. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) Reka kak sotsial'nyy simvol i znak povsednevnosti [The river as a social symbol and sign of everyday life]. In: Berezovich, E.L. et al. (eds) *Russkiy Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and onomastics]. Moscow: Indrik. pp. 665–676.
35. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Progress.
36. Demeshkina, T.A. (2009) [Standard and non-standard in the dialect]. *Rossica Olomucensia XLVIII*. Proceedings of the 20th International Conference. Olomouc. 02–04 September 2009. Olomouc: [s.n.]. pp. 259–263. (In Russian).
37. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleoasian languages]. Moskva; Novosibirsk: Nauka.
38. Mikhaylov, V.N. (2016) Reki [Rivers]. In: Kravets, S.L. (ed.) *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/geography/text/3504515>. (Accessed: 04.08.2022).
39. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Информация об авторах:

Демешкина Т.А. – профессор, д-р филол. наук, зав. каф. русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Толстова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demeshkina, Professor, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language Department, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2022;
одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.17223/19986645/80/5

Уровни концептуального соответствия при кодировании в условиях нарушения и сохранности слуха

Нина Ивановна Колодина¹

¹ Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия, verteria@mail.ru

Аннотация. Предлагается экспериментальное исследование по разработанной методике, позволяющей установить концептуальное соответствие по трем уровням между вторичной эмоцией как концептом и релевантным ему по содержанию концептом-сценарием, которые образуют когнитивный конструкт. В результате в выборке школьников, кодирующих информацию при разных условиях: слышащих ($n = 62$) общеобразовательной школы и с нарушенным слухом ($n = 62$) специальных коррекционных учебных заведений в возрасте 17 лет, установлено полное концептуальное соответствие 32,25 и 6,45% слышащими и с нарушенным слухом соответственно; неполное концептуальное соответствие – 41,93 и 35,48%; отсутствие концептуального соответствия – 19,37 и 14,49% и не справились с заданием – 6,45 и 43,48%.

Ключевые слова: методика концептуального соответствия, респонденты с нарушенным и сохранным слухом, вторичная эмоция как концепт, концепт-сценарий, когнитивный конструкт

Для цитирования: Колодина Н.И. Уровни концептуального соответствия при кодировании в условиях нарушения и сохранности слуха // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 85–112. doi: 10.17223/19986645/80/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/5

Levels of conceptual conformity in coding in conditions of hearing impairment and preservation

Nina I. Kolodina¹

¹ Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation, verteria@mail.ru

Abstract. The article presents an experimental study of the everyday consciousness of two groups of adolescents with different types and conditions of encoding and decoding. Encoded information is transformed in various ways into mental forms that have significant differences in hearing from hearing respondents, and the ability to

speech activity is a necessary condition for the formation of cognitive-associative connections between concepts within cognitive constructs. Therefore, the analysis of the mechanism of formation of a cognitive construct consisting of a concept objectified by the nomination of a secondary emotion and a concept scenario relevant in terms of semantic and content characteristics formed the basis of this work. Two groups of 17-year-olds, 62 people each, participated in the survey. The aim of the work was to identify the conceptual correspondence between the concept nominated by the secondary emotion and the concept scenario in the linguistic representation in two groups of students with different types and coding conditions. The research methods were: the questionnaire method; the method of quantitative calculation and ranking; the developed method of conceptual conformity led to the identification of three levels of conceptual conformity based on the established coinciding conceptual features in the analyzed concepts; the comparison method. The research material was the results of a survey of two groups of adolescents, academic explanatory dictionaries of the Russian language and Russian-language dictionaries and encyclopedias on psychology, since the correctness of cultural and socially conditioned nominations of secondary emotions must be established based on two scientific bases reflecting the mentality of native speakers. The study was conducted according to an algorithm consisting of stages and steps. At Stage 1, the students were shown a photo of a girl crying over a coffin, the teenagers wrote their emotions and feelings as reactions to the stimulus-image. The nominations were counted and ranked in descending order. At Stage 2, the respondents briefly described a situation from the past with similar experiences as when viewing the photo. The stimulus-image served as a tool for programming the thinking process in performing two tasks, and the nominated concept received its justification in writing a script that has cognitive-associative links with the concept. At Stage 3, the conceptual features identified from the concepts were analyzed, and conceptual conformity was established at three levels: full conceptual conformity (FCC); incomplete conceptual conformity (ICC); lack of conceptual conformity (LCC). The article provides examples of analysis for each level of conceptual compliance. The results of the study revealed the mechanism of interaction of concepts nominated by secondary emotions with concept scenarios at the level of establishing cognitive-associative connections in different types and conditions of encoding and decoding. FCC was revealed in 32.25% of hearing students and 6.45% of students with impaired hearing, which is explained by emotional illiteracy and limited vocabulary; ICC was revealed in 41.93% of hearing adolescents and 35.48% of those with hearing problems. The violation of logical and cognitive-associative connections within the construct was established, since it was not possible to identify the correspondence between all conceptual features. LCC was shown by both hearing adolescents (19.37%) and students with impaired hearing (14.49%), because they could not form a cognitive construct. A fairly large percentage of students with hearing impairment (43.48%) and a small percentage (6.45%) of hearing adolescents failed to complete the task. The article explains the result obtained.

Keywords: conceptual conformity methodology, respondents with impaired and preserved hearing, secondary emotion as concept, concept-scenario, cognitive construct

For citation: Kolodina, N.I. (2022) Levels of conceptual conformity in coding in conditions of hearing impairment and preservation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 85–112. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/5

Введение

Теоретической основой разрабатываемой методики установления концептуального соответствия между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием стали результаты психофизиологических экспериментов, проведенных учеными, которые подтвердили непосредственную взаимосвязь между когнитивными и эмоциональными процессами [1–3]. Взаимосвязь когнитивных и эмоциональных процессов нашла обоснование в когнитивно-физиологической теории С. Шехтера, по мнению которого, возникающие эмоции формируются на основе возбуждения и когнитивной оценки события, связанного с конкретным возбуждением. На один и тот же тип возбуждения может быть сформирована разная оценка, от которой и зависит вид эмоции как положительной, так и отрицательной [4]. Другим важным фактором, влияющим на процесс возникновения и взаимодействия когнитивных процессов и эмоций, является память, поскольку яркие и запоминающиеся ответные реакции часто связаны с какой-либо ситуацией в детстве и кодируются как эмоционально окрашенные социально обусловленные единицы знания, имеющие ассоциативные связи со стимулом. Молекулярные механизмы памяти, поддерживающие связь между долговременной памятью и процессом обучения, подробно описаны в работах ряда ученых [5–7]. Особое внимание уделяется эмоциональной памяти, поскольку по результатам исследований млекопитающих доказано, что удаление участков мозга, отвечающих за эмоциональную память, ведет к полному отсутствию проявления эмоционального ответа [1].

Соответственно психофизиологическим исследованиям Н.Н. Даниловой [1], а также дискретной модели деления эмоций [8–11] наиболее яркие реакции представляют собой первичные эмоции, т.е. **аффекты** (например, испуг), а эмоции, возникающие на основе уже сформированных базовых, есть не что иное, как **вторичные эмоции** [8, 9], группирующиеся в определенном спектре. Вторичным эмоциям ребенок учится по мере взросления, поэтому они становятся социально-обусловленными явлениями [12]. Именно вторичные эмоции, закодированные в виде социально-обусловленных единиц знания, рассматриваются в данном исследовании как концепты, которые имеют когнитивно-ассоциативные связи с определенной ситуацией.

Под вторичной эмоцией как концептом понимается осмысливаемая активизируемая единица знаний, закодированная в прошлом опыте и имеющая когнитивно-ассоциативные связи со стимулом, который спровоцировал данную эмоцию.

Номинация вторичной эмоции как концепта требует ее осмысления, которое, в свою очередь, часто влечет активизацию стимула, оформившегося в памяти индивида в когнитивную структуру. Одной из таких структур является *концепт-сценарий, представляющий собой мыслительную структуру, имеющую признаки оценки и динамизма*. Вербализация концепта-сценария происходит в описании каких-либо ситуаций с использо-

ванием глаголов движения и слов эмотивов. Связь между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием обуславливается когнитивно-ассоциативными связями между общими концептуальными признаками двух концептов, что приводит к образованию когнитивного конструкта. В этом случае *когнитивно-ассоциативные связи становятся такими активизированными связями, которые извлекают из долговременной памяти единицы знаний и переводят их в рабочую память индивида как отклик на стимул*. Обнаружение общих концептуальных признаков между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием позволяет установить *концептуальное соответствие*. Если же выявляется отсутствие общих концептуальных признаков, то не образуется когнитивный конструкт и концептуальное соответствие не удастся установить. При этом у индивида возникает проблема формирования картины мира и нарушение логической связи между закодированными единицами знаний. Основываясь на возможности установления концептуального соответствия между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием, можно выделить три уровня концептуального соответствия: полное концептуальное соответствие при обнаружении общих концептуальных признаков; неполное концептуальное соответствие при частично установленных общих признаках и отсутствие концептуального соответствия при невозможности обнаружить общие концептуальные признаки между объективированной вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием.

Если в лингвистике исследуются когнитивные структуры, номинированные в терминах эмоций и чувств [13], которые формируются в обыденном сознании, то подобные структуры далеко не всегда удастся соотнести с толкованиями в академических словарях. Следовательно, при анализе эмоциональной сферы индивида в ракурсе когнитивных исследований необходимо обращаться не только к лингвистическим словарям, но и к словарям и энциклопедиям по психологии и психофизиологии, поскольку обыденное сознание испытуемых не может быть эталоном в корректном понимании продуцируемых эмоций и чувств, хотя следует допускать проявление индивидуальности в выражении и номинации эмоций.

В случае репрезентации эмоций посредством языка становится очевидна тесная связь эмоций и языка, важность которой подробно анализируется в работе Ad Foolen [14], где доказывается, что не только концептуализация, но и выражение эмоций являются естественной функцией языка.

Способы и условия кодирования эмоций как социально обусловленных единиц знаний у слышащих индивидов и с нарушенным слухом имеют специфические отличия, которые можно установить через объективацию языковыми средствами, т.е. на основе декодирования, затем сравнить и выявить влияние пораженности слуха на способность активизировать когнитивно-ассоциативные связи и формировать концептуальные конструкты, в которые входят вторичные эмоции как концепты и концепты-сценарии.

Исследования в когнитивной лингвистике в подобном ракурсе еще не проводились, хотя наблюдается немалое количество работ, посвященных

проблемам развития интеллектуальных и когнитивных процессов у детей как у слышащих, так и с нарушенным слухом в таких смежных науках, как психология и педагогика. Так, например, Е.П. Пономаренко, Ю.В. Красавина, О.В. Жуйкова и Ю.В. Серебрякова сделали упор на выявление особенностей восприятия визуальной геометрической информации студентами с нарушенным слухом, обучающимися в техническом вузе. В результате авторы пришли к выводу, что по сравнению со здоровыми студентами у слабослышащих и глухих студентов наблюдается инертность мышления [15].

В работе Ю.Е. Щуровой большое внимание уделяется именно интеллектуальному развитию у глухих и слабослышащих детей. Исследователь приходит к заключению, что нарушение слуха приводит к несвоевременному формированию взаимодействия между восприятием и речью, что, в свою очередь, отрицательно влияет на осмысление воспринимаемого материала [16].

Влияние нарушения слуха на когнитивные функции и особенно на восприятие и выражение эмоций изучают многие ученые [17, 18]. Установлено, что школьники с проблемами слуха испытывают затруднения в распознавании эмоций в описанной ситуации в тексте, но лучше понимают эмоциональное выражение лица, чем слышащие сверстники. Глухие дети достаточно быстро распознают радость, страх, гнев, печаль, при этом хуже используют словесные обозначения эмоций разной степени выраженности. Помимо этого, затруднения вызывает установление причинно-следственных связей возникновения эмоций человека.

Необходимо также подчеркнуть то, что «глухие дети заметно уступают слышащим детям по точности опознания эмоциональных состояний по их словесной характеристике и раскрытию причин, вызывающих те или иные эмоциональные состояния. Это явление обусловлено недостаточным развитием речи и логического мышления» [19].

Обобщая сказанное выше, мы отмечаем, что в работах по исследованию памяти, восприятия, когнитивных процессов и эмоций у детей с нарушенным слухом не выдвигается предположений о ключевых причинах, которые вынуждают преподавателей и их учеников заниматься многократным повторением материала, т.е. о неустойчивости когнитивно-ассоциативных связей.

В настоящей работе **выдвигается гипотеза**, что у детей с нарушенным слухом когнитивно-ассоциативные связи не имеют достаточно прочной воспроизводимости, что влияет на образование когнитивных конструкторов, принимающих активную роль в расширении познания окружающей действительности. **Основанием для выдвигаемой гипотезы послужили следующие положения:**

1. Исследования памяти детей с нарушенным слухом указывают на необходимость постоянного повторения пройденного материала для удержания получаемых знаний. Отсутствие повторения ведет к более быстрому его забыванию, чем у слышащих детей [20, 21].

2. При отсутствии речевой способности «нарушаются взаимосвязи между пластичностью мозга и формированием слуховой и слухоречевой систем», что также влияет на запоминание материала. Зрительные образы имеют бессистемность хранения, и они подвержены неустойчивости [22].

3. Воспринимаемая зрительная информация имеет тенденцию к быстрому угасанию его сенсорного следа, если не подкрепляется пересказом увиденного. Но и при пересказе увиденного происходит потеря некоторой информации от первоначального восприятия [23].

4. «Внешняя ситуация воспринимается детьми генерализованно, диффузно: слова и вся речь окружающих оказываются как бы слитыми с ситуацией. Это проявляется в том, что называние объекта составляет для ребенка неотъемлемую часть ситуации или объекта [24].

Поскольку же у детей с нарушенным слухом не происходит подобной генерализации, то кодирование поступающей информации проходит через другие этапы, которые отличаются от этапов слышащих детей и которые удастся проследить на примерах языковой репрезентации концептов в настоящем исследовании.

В работе не ставится задача исследовать интеллектуальные и когнитивные процессы слышащих и слабослышащих подростков именно с психологической точки зрения, поскольку подобная работа находится вне области интересов автора. Нашей основной инициативой является разработка методики, позволяющей устанавливать когнитивные соответствия между концептами на основе когнитивно-ассоциативных связей, которые декодируются через языковую репрезентацию, поэтому мы пришли к выводу, что если обучающиеся в специализированных коррекционных заведениях проходят обучение по такой же программе, что и в общеобразовательной школе для слышащих детей, то они обладают необходимыми навыками, чтобы участвовать в анкетировании. Кроме того, школьники с нарушенным слухом в процессе обучения помимо общей программы тренируют правильную артикуляцию, заучивают значения слов, разбирают и анализируют свои эмоциональные переживания и ситуации, в которых они могут оказаться или уже оказывались, обсуждают характеристики героев произведений художественной литературы, что говорит в пользу достаточного уровня накопленного опыта в описании эмоциональных переживаний. Виды вербализации, доступные детям с нарушенным слухом, дополняются жестовым языком, дактильной и письменной речью.

Участие в анкетировании школьников старших классов проходило в соответствии с требованиями проведения экспериментальных исследований, предъявляемых к подобным исследованиям, а именно:

1. Между вузом и общеобразовательными учреждениями, школами-интернатами заключены договоры о сотрудничестве, в том числе о проведении анкетирования.

2. На общем собрании родителям и попечителям подростков были сообщены намерения о проведении и условия эксперимента, затем было дано

время на согласование в семье и при условии положительного решения было предложено подписание формы «Информированное согласие».

3. Участники эксперимента, а также их родители и попечители были информированы о том, что придется делать подросткам в ходе исследования с целью, чтобы они знали, чего ожидать.

4. Участие в анкетировании было строго добровольно.

5. Участники анкетирования были предупреждены, что они имеют право не отвечать на вопрос, если не хотят.

6. Родителям, попечителям и подросткам было подтверждено, что вся полученная информация будет иметь строгую конфиденциальность, а каждая анкета с ответом будет иметь специальный номер без упоминания имени и фамилии школьника.

7. Всем участникам эксперимента, родителям и попечителям был объяснен смысл проведения эксперимента.

8. На протяжении всего анкетирования присутствовали педагоги, психологи, психологи-сурдопереводчики.

9. Подобранный материал для визуализации, процедура и условия проведения анкетирования прошли обсуждение и согласование в Экспертной Комиссии Воронежского государственного педагогического университета (№ 3/2, 2021), которая включает в себя функции Этической Комиссии, поскольку вуз много взаимодействует с учебными общеобразовательными заведениями, в которых обучаются дети с ОВЗ. (Формулировки заданий и материал для визуализации содержатся далее в тексте эксперимента.)

10. Автор работы в подборе материала для визуализации проводил консультации с психологами учебных заведений и опирался на приобретенный опыт подростков, который сформировался ранее при выполнении заданий по таким методам и методикам, осуществляемым в учебных заведениях, как: Тест Р. Темпл, М. Дорки, В. Амен «Тревога»; Тест Р. Жилия для исследования межличностных взаимоотношений в семье; Тест М. Люшера ЦТО; Д. Векслер «Интеллект невербальный компонент. Субтест 8»; Методика оценки уровня зрительного восприятия; Методика «Объяснение сюжетных картинок»; Методика Р.С. Немова «Какие предметы спрятаны в рисунках?»

Критерии отбора для проведения анкетирования были равны для двух групп, а именно: возраст 17 лет, количество участников в каждой группе по 62 человека. В группе школьников с нарушенным слухом участвовали подростки с I–IV степенью глухоты, с сохранностью интеллекта, что подтверждалось медицинскими документами. Процентное соотношение количества подростков I и II степени глухоты к количеству респондентов III и IV степени равно один к трем соответственно. Степень пораженности слуха испытуемых отмечается в полученных результатах. Важно то, что количество испытуемых подбиралось в равных пропорциях, чтобы при подсчете получить наиболее достоверные величины в разнице или совпадении.

Цель исследования – установить уровни концептуального соответствия между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием на

основе разработанной методики в группах испытуемых при условии сохранения и нарушения слуха.

В соответствии с целью исследования в **задачи** вошло следующее:

- выявить совпадения и различия в основных номинациях вторичных эмоций как концептов на предъявленный стимул в группах слышащих респондентов и с нарушенным слухом;
- установить совпадения и различия в языковых объективациях концепта-сценария испытуемых слышащих и с нарушенным слухом;
- определить уровни концептуального соответствия между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием в двух группах с разными условиями кодирования соответственно разработанной методике.

Методы исследования, необходимые для решения задач, следующие: метод анкетирования позволил получить номинации вторичной эмоции как концепта и языковую объективацию концепта-сценария; метод количественного подсчета и ранжирования способствовал возможности соотнесения получаемых величин в группе слышащих респондентов и испытуемых с нарушенным слухом; методика выявления концептуального соответствия привела к установлению трех уровней на основе обнаружения общих концептуальных признаков между предъявленной номинацией вторичной эмоции как концепта и концепта-сценария; метод сравнения применялся при выявлении разницы и совпадений в полученных результатах, что дало возможность отнести установленные данные к одному из трех уровней концептуального соответствия.

Экспериментальная часть. Исследование проводилось по алгоритму, включающему три этапа:

На первом этапе после проведения анкетирования в каждой группе выявлялись основные номинации вторичных эмоций на предъявленный стимул в виде изображения, и испытуемые выполняли задание: *«Посмотрите на фотографию и напишите те эмоции, которые испытываете. Запишите эти эмоции в карточку перед Вами»*.

На втором этапе испытуемые предоставили языковые репрезентации концепта-сценария, выполняя задание *«Опишите кратко ситуацию из Вашей жизни, когда Вы испытывали такие же эмоции, что и при просмотре фотографии»*. Ответы школьников обрабатывались с помощью концептуального анализа, затем определялись количественные данные при совпадении выделенных концептуальных признаков.

На третьем этапе устанавливались уровни концептуального соответствия между номинациями вторичной эмоции как концепта и концепта-сценария на основе разработанной методики.

Поскольку не удалось установить концептуальное соответствие во всех случаях, то все результаты были сгруппированы по трем уровням с указанием процента совпадающих концептуальных признаков и далее на каждом уровне описывались и анализировались отдельные парные примеры языковой репрезентации вторичных эмоций как концепта и концепта-сценария. В итоге третий этап включает три шага с отдельными парными примерами на каждый уровень концептуального соответствия.

Этап 1 нацелен на получение номинаций вторичных эмоций как реакции на визуальное изображение в двух группах подростков.

Задание, выполняемое слышащими респондентами и с нарушенным слухом на Этапе 1: *«Посмотрите на фотографию и напишите те эмоции, которые испытываете. Запишите эти эмоции в карточку перед Вами».*

Условия и процедура эксперимента: перед каждым участником эксперимента в аудитории на специально приготовленных карточках написано задание, на выполнение которого предполагалось отвести 2 мин, но строго не обговаривалось с участниками эксперимента, чтобы не создавать исключительные условия ни одной из групп.

На большом экране демонстрировалось изображение девушки, закрывшей лицо руками и склонившейся над стоящим около самолета гробом, который накрыт флагом США (рис. 1).

Рис. 1. Стимульный материал

Изображение репрезентировалось в виде гештальта, но перед испытуемыми задание описывать изображение не ставилось. При выборе изображения мы опирались на исследования, которые подтверждают, что подростки с нарушенным слухом лучше воспринимают яркие, выразительные, четко оформленные образы, которые имеют контекст, насыщенный содержанием и смыслом [25].

Соответственно выдвигаемой гипотезе предполагалось, что предъявленное изображение имеет такое содержание, которое может вызвать проектируемые ассоциации с опытом респондента в той или иной плоскости. Поскольку же предполагалось, что испытуемые обратятся к вторичным эмоциям как социально-обусловленным единицам, то изображение могло ассоциироваться не с личным опытом школьника, а с просмотром фильмов, картин или с другими возможными воспринятыми ранее стимулами аналогичной природы.

Кроме того, в подборе изображения мы опирались на работы психофизиологов, в которых указывается на необходимость «возбуждения гности-

ческой единицы – нейрона более высокого порядка, для образования гештальта» [1. С. 52]. Активизируемая вторичная эмоция при предъявлении стимула в данном эксперименте будет являться такой гностической единицей, которая необходима для образования гештальта, сохраняющегося в памяти. «При рассмотрении объекта глаза последовательно фиксируют наиболее информативные точки. Цепочка таких фиксаций интегрируется в гештальт на основе иконической памяти» [1. С. 52]. Испытуемые, глядя на изображение, фиксируют гештальт как сценарий, сохраняют его в памяти в виде целостного образа и на последующих этапах эксперимента могут его использовать.

После предъявления фотографии подростки выполняли задание. Каждый участник сидел за отдельным столом в аудитории, не имел возможности советоваться или обсуждать ответ с соседом, не мог пользоваться техническими средствами. На выполнение задания у слышащих испытуемых в среднем потребовалось 1 мин 35 с, у группы школьников с нарушенным слухом – 2 мин 14 с. Большее время, потраченное подростками с нарушенным слухом, объясняется инертностью мышления в ряде работ ученых, исследовавших когнитивные функции детей с нарушенным слухом [25].

Все ответы участников вошли в обработку без отклонений, поскольку допускалась возможность отказа от выполнения задания по условиям проведения эксперимента. Обработанные результаты по Этапу 1 представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Данные, полученные на Этапе 1

№ п/п	Номинации реакций на предъявленный стимул слышащими школьниками	%	№ п/п	Номинации реакций на предъявленный стимул подростками с проблемами слуха	%
1	Грусть	45,16	1	Жалко	54,83
2	Сочувствие	29,09	2	Грустно	32,25
3	Печаль	19,35	3	Печально	19,35
4	Сожаление	19,35	4	Страшно	16,12
5	Жалость	16,12	5	Одиноко	1,61
6	Сострадание	9,67	6	Больно	1,61
7	Соболезнование	9,67			
8	Скорбь	9,67			
9	Страх	9,67			
10	Обида	6,45			
11	Горе	6,45			
12	Боль	6,45			
13	Тоска	1,61			
14	Огорчение	1,61			
15	Одиночество	1,61			

При получении процентного соотношения использовалась следующая формула:

$$x = \frac{(y \times 100\%)}{z},$$

где y соответствует количеству респондентов, назвавших эмоцию или чувство, а z показывает общее количество подростков в группе.

Заметим, что использование статистического критерия (например, Фишера) на данном этапе не представляется возможным, поскольку статистическая достоверность достигается путем предъявления материала, который имеет заранее фиксированный ответ, что позволяет установить точность/неточность ответа.

В настоящем исследовании не проводится подсчет статистической достоверности по двум причинам: 1) на этапе номинаций эмоций допускается индивидуальное проявление субъективного опыта испытуемых в виде эмоционального отклика на предъявленный стимул, где также допускается номинация как спектра эмоций, так и единичных номинаций; 2) статистические данные не имеют практического использования в дальнейшей работе для достижения поставленной цели, поскольку выявляются концептуальные признаки и их соответствие по трем уровням, а полученные процентные соотношения на Этапе 3 показывают возможность подтвердить/опровергнуть выдвигаемую гипотезу.

Анализ результатов. Слышащие подростки репрезентировали 15 номинаций, 2 из которых не являются собственно эмоциями – *боль*, *одиночество*. У испытуемых с нарушенным слухом представлено 6 номинаций, 2 из которых также не являются номинациями эмоций и совпали с репрезентируемыми номинациями слышащих подростков, т.е. *боль* и *одиночество*. Как у слышащих подростков, так и у школьников с нарушенным слухом данные номинации оказались в наименьшем процентном соотношении.

У слышащих испытуемых номинация *грусть* представлена в большем процентном соотношении и заняла первое место – 45,16%, тогда как у подростков с нарушенным слухом та же номинация заняла второе место по процентному соотношению 32,25%. Все номинации, оказавшиеся в списке испытуемых с нарушенным слухом, совпадают с номинациями в списке слышащих школьников.

Далее приводится анализ объективации только некоторых вторичных эмоций как концептов в качестве примера. Все остальные объективации вторичных эмоций были подвергнуты аналогичному анализу за рамками статьи.

Академические словари рассматривают грусть как: «чувство печали, уныния» [26. С. 148]. В другом академическом словаре грусть рассматривается как «отрицательно окрашенное чувство, которое возникает в случае значительной неудовлетворенности человека в каких-либо аспектах жизни. Грусть характеризуется несильным, неглубоким и кратковременным переживанием. В отличие от сходных чувств, грусть имеет наименьшую неприятность переживания» [27]. Причинами возникновения грусти часто называют обиду, какие-либо неудачи, произошедшую ссору с раздражени-

ем и злостью, ощущение одиночества. Поскольку на фотографии изображена плачущая девушка, то, очевидно, что подростки с сохранным слухом не смогли идентифицировать свое отношение к горю девушки и спроецировали переживаемые эмоции изображенной девушки на свое состояние, которое объективировали словом *грусть*. Следовательно, данная номинация, рассматриваемая как «значительная неудовлетворенность в каких-либо аспектах жизни», не соответствует заданию, а ее некорректность может быть объяснена эмоциональной неграмотностью. Понимание эмоциональной грамотности соотносится со способностью распознавать собственные эмоции и корректно номинировать их в соответствии с прикрепленным значением к эмотивному понятию. Обучение эмоциональной грамотности в школьном образовательном цикле не предусмотрено отдельной дисциплиной. Кроме того, репрезентируемые номинации эмоций подростками с нарушенным слухом отразили тот факт, что изучение слов, выражающих эмоции, основывается на заучивании только базовых эмоций, которые в основном и представлены в табл. 1.

Заметим, что все предложенные номинации слышащими испытуемыми были выражены в спектре чувств, например, *сочувствие, печаль, грусть; жалость, печаль, грусть; сожаление, сострадание*. Отличие чувства от эмоции состоит в том, что чувство имеет более пролонгированный характер, тогда как эмоции протекают более быстро и сопровождаются психофизиологическими изменениями (покраснение лица, сердцебиение, дрожь в руках и т.п.). Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что названные эмоции и чувства имеют когнитивный социально-обусловленный характер и являются концептами, но не психологическим процессом в виде реакции на изображение.

Спектральных номинаций у подростков с нарушенным слухом наблюдается ограниченное количество (5 из 62), причем спектральное представление эмоций репрезентировано только испытуемыми с I и II степенью глухоты, т.е. с частично сохранным слухом и речью, например *страшно, жалко; печально, грустно; жалко, грустно*. На данный момент мы не можем утверждать об отсутствии протекания спектральных эмоций у детей с нарушенным слухом, поскольку подобных исследований не проводилось, а в языковых репрезентациях представлены единичные номинации.

У школьников с нарушенным слухом основной номинацией оказалось слово *жалко*, что определяет отношение обучающихся в предъявленной ситуативной фотографии. Номинация *жалость* также нашла отражение в списке переживаний слышащих подростков, но лишь в 16,12%-м отношении. Можно полагать, что под данной номинацией подростки обеих групп подразумевали такую жалость, которая трактуется в толковом словаре С.И. Ожегова как «сострадание, соболезнование» [28. С. 189]. Репрезентация номинаций *сострадание* и *соболезнование* также отражены в списке слышащих подростков и коррелируют с номинацией *жалость*, поэтому можно полагать, что все три номинации имеют близкие значения в понимании испытуемых. Среди психологов нет однозначного понимания чув-

ства жалости, поскольку жалость рассматривается как чувство, а не эмоция. Так, А.И. Козлов жалость относит к состраданию, готовности помочь. Он отмечает, что за жалостью стоит душевная боль [29]. М. Власов полагает, что «жалость – это чувство дискомфорта, которое проявляется в виде снисходительного сострадания» [30]. В любом случае жалость сопровождается *осознанием объекта жалости*, что будет являться основным концептуальным признаком этой вторичной эмоции как концепта. Следовательно, испытуемые осознали девушку как объект жалости, поэтому номинировали свое переживание именно таким образом.

Спорным в отношении корректности может быть репрезентированная номинация *сожаление* в группе слышащих учащихся в 19,35%-м отношении, поскольку лингвистические и психологические объяснения не имеют достаточно четких линий соприкосновений по значению. Так, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова *сожаление* толкуется как «чувство печали, огорчения, вызванное утратой, сознанием невозможности изменить или осуществить что-нибудь» [31. С. 743]. Психологи рассматривают сожаление как осознание, что в прошлом мы сделали неправильный выбор, не сделали что-то нужное и упустили возможность, которая сделала бы нас счастливее [32]. Таким образом, сожаление, требующее осознания того, что не вернуть, является когнитивной структурой, требующей активизации и извлечения из прошлого опыта закодированного концептуального признака *неправильный выбор или упущенная возможность*. В этом ракурсе сожаление не коррелирует с жалостью, которую отметили испытуемые с нарушенным слухом на первом месте, а респонденты с сохранным слухом на пятом месте. Поскольку наблюдается несоответствие концептуального признака вторичной эмоции жалости как концепта (*осознанием объекта жалости*) концептуальному признаку вторичной эмоции сожаление как концепту (неправильный выбор или упущенная возможность), поэтому данная номинация может быть признана некорректной.

Обида, названная слышащими испытуемыми в небольшом процентом отношении, также не может относиться к тем чувствам, которые явились бы реакцией на стимул-изображение, в которой ситуация на предъявленной фотографии не может являться источником обиды, поскольку чувство обиды возникает как реакция на причиненную обиду обидчиком, что по условиям эксперимента отсутствовало.

Таким образом, некорректное номинирование как у слышащих респондентов, так и с нарушенным слухом можно обосновать, с одной стороны, недостаточной развитостью словарного запаса, а с другой стороны, эмоциональной неграмотностью, при которой подмена понятий не осознается. При всем этом автор работы признает индивидуальность личности в номинации и проявлении эмоций согласно приобретенному опыту. Анализ номинаций направлен на установление возможности образования когнитивного конструкта, который базируется на активизации когнитивно-ассоциативных связях. Следовательно, последующее выполнение задания

может логично оправдывать предложенную номинацию испытуемым на первом этапе.

На **Этапе 2** исследования предполагалось, что испытуемые сохраняют в памяти вторичные эмоции как реакции на стимул-изображение и активизируют в памяти ту ситуацию, которая в прошлом опыте вызывала аналогичные эмоции. *Установление связи между зафиксированной реакцией на стимул в виде номинации и ситуацией в прошлом опыте предполагает активизацию когнитивно-ассоциативных связей, которые в итоге приводят к образованию когнитивного конструкта, состоящего из двух концептов.*

Второе задание, выполняемое на Этапе 2: «*Опишите кратко ситуацию из Вашей жизни, когда Вы испытывали такие же эмоции, что и при просмотре фотографии*».

Обобщенные результаты по Этапу 2 представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Результаты, полученные на Этапе 2

Смысловое содержание концептов-сценариев, предложенных слышащими респондентами	%	Смысловое содержание концептов-сценариев, предложенных респондентами с нарушенным слухом	%
Когда умер мой близкий человек (родственник)	35,48	Не помню	43,58
Соболезнование, сочувствие, сострадание, когда у близкого человека кто-то умер	19,35	Когда умер близкий человек (родственник) (воспоминание о смерти родственника)	29,03
Похороны	12,90	Когда умер домашний питомец (кошка, собака)	9,67
Когда умер домашний питомец (кошка, собака, хомяк)	9,67	Жалко умер актер	9,67
Не помню, не испытывал(а)	6,45	Жалко бездомных людей	1,61
Постоянно испытываю грусть (безразличие)	6,45	Жалко нет мамы	1,61
Когда смотрю с высоты	1,61	Родители ругались	1,61
Это личное	1,61	Мне жалко	1,61
Когда умер одноклассник	1,61	Мне больно смотреть	1,61
Приснился страшный сон, убили всю мою семью	1,61		
Когда смотрел видео	1,61		

Анализ результатов. Важно отметить, большая часть слышащих испытуемых (35,48%) проецировала свои эмоции на прошлый опыт, связанный со сценарием предъявленного стимула-изображения, поэтому содержанием концепта-сценария стало «когда умер мой близкий человек», что коррелирует с переживанием горя.

Если на Этапе 1 была номинирована эмоция *сочувствие*, то предполагалось, что должна быть предложена ситуация, когда испытуемый сочувствовал кому-то в ситуации релевантной стимулу-изображению. Вместе с

тем только 19,35% школьников с сохранным слухом описали близкую по содержанию ситуацию из прошлого опыта, преобразованную в субъективно окрашенные концепты-сценарии (соболезнование, когда у близкого человека кто-то умер). Допускаем, что приобретенный опыт, имеющий отношение к смерти, может преобразоваться на основе индивидуальных качеств личности в другое содержание концепта-сценария с субъективной окрашенностью, но когнитивного осознания переживаемых чувств или эмоций в момент проживания такой ситуации в прошлом, видимо, не произошло. Полагаем, что именно по этой причине не все респонденты смогли активизировать релевантные когнитивно-ассоциативные связи с прошлым опытом в процессе выполнения задания.

Достаточно большой процент испытуемых с нарушенным слухом (43,58%) не смогли восстановить в памяти ситуацию, имеющую когнитивно-ассоциативные связи с концептами, объективированными номинациями вторичных эмоций на Этапе 1. Дети с нарушением слуха III и IV степени имеют достаточно развитое образное мышление, но большой сложностью для них является образование ассоциативных связей по аналогии и звукоподражанию. Дети с проблемами слуха часто не могут понять корректность использования слова в определенной ситуации, на что не раз указывалось в исследованиях детей с нарушенным слухом [33, 34].

Третья часть подростков, т.е. только с I и II степенью поражения слуха (29,03%) предъявили языковые репрезентации концепта-сценария, содержание которых связано со смертью близкого человека, что позволяет предположить зависимость установления когнитивно-ассоциативных связей от способности к речевой деятельности. Кроме того, испытуемые с нарушенным слухом (9,67%), предъявившие концепт-сценарий «когда умер домашний питомец», также смогли установить когнитивно-ассоциативные связи гештальта, сохранившегося в памяти при разглядывании стимула-изображения с концептом-сценарием из прошлого опыта. Однако следует помнить, что основными номинациями вторичных эмоций в данной группе были *жалость*, *грусть*, *печаль*, которые не все обнаруживают концептуальные признаки, близкие концептуальным признакам концепта-сценария, предъявленного этими же испытуемыми.

Установление концептуального соответствия

Этап 3. На данном этапе устанавливаются уровни концептуального соответствия между вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием на основе лексического анализа, выявления концептуальных признаков и сравнения последних. Проведенный анализ полученных языковых репрезентаций от испытуемых привел к необходимости разделить все данные на три уровня концептуального соответствия: полное концептуальное соответствие (ПКС); неполное концептуальное соответствие (НКС); отсутствие концептуального соответствия (ОКС). Поскольку результаты, полученные от подростков, оказались значительными (в каждой

группе было по 62 человека), то показать весь объем проведенной работы в рамках данной статьи не представляется возможным. В качестве примеров анализа и установления каждого из указанных уровней концептуального соответствия предлагаются парные языковые репрезентации трех подростков. Каждый уровень подразделяется на три шага: Шаг 1 посвящен анализу номинации вторичной эмоции как концепта и выявлению концептуальных признаков; Шаг 2 нацелен на анализ языковой репрезентации концепта-сценария и установление концептуальных признаков; Шаг 3 представляет собой описание анализа и сравнения концептуальных признаков двух концептов и установление уровня концептуального соответствия по близким концептуальным признакам.

Пример установления полного концептуального соответствия

Шаг 1. На Этапе 1 респондент указал концепт, объективированный номинацией вторичных эмоций *сочувствие, соболезнование чужому горю*, а на Этапе 2 этим же испытуемым представлена языковая репрезентация концепта-сценария «соболезнование другу, когда у него умер дедушка».

Данный шаг предполагает проведение анализа указанной испытуемым единицы по академическим лингвистическим и психологическим словарям и установление концептуального признака. Так, соответственно толковому словарю С.И. Ожегова «Соболезнование – сочувствие, выражения сочувствия, сожаления» [35. С. 740]. Соболезнование выражают обычно тому, кто потерял близкого человека по случаю смерти, а поскольку на предъявленной фотографии на Этапе 1 изображена плачущая девушка, склонившаяся над гробом, то выражение соболезнования, т.е. сочувствия можно считать вполне корректной номинацией переживания как реакции на предложенную ситуацию. Кроме того, *сочувствие* и *соболезнование* содержат такие близкие концептуальные признаки, как *отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других* [36. С. 753]. За счет того, что две номинации объединяются общими концептуальными признаками, то релевантно представить их единым социально-обусловленным концептом.

Шаг 2. На данном шаге необходимо выявить содержание и концептуальные признаки концепта-сценария «соболезнование другу, когда у него умер дедушка», репрезентированного тем же респондентом на Этапе 2. Поскольку номинированные вторичные эмоции *соболезнование* и *сочувствие* как концепты объединены концептуальным признаком *участливое отношение к переживаниям других*, то, очевидно, что подросток осознает, что при потере близкого человека в социальном сообществе принято участливое отношение к человеку, испытывающему горе. Поведению участливого отношения индивид учится у людей, окружающих его. Высказывание соболезнования в момент смерти сохраняется в памяти индивида как осознанное действие, показывающее отношение респондента и к ситуации, и к тому, кто испытывает горе. Соответственно концептуальным признаком концепта-сценария «соболезнование другу, когда у него умер

дедушка», является оценка ситуации, в которой есть *необходимость проявлять участливое отношение к переживаниям людей* в момент потери дедушки другом респондента. Проявление участливого отношения требует действия, т.е. концептуальные признаки концепта-сценария расширяются за счет еще двух признаков: *оценка и динамизм*.

Шаг 3. Чтобы выявить уровень и установить концептуальное соответствие между вторичной эмоцией как концептом *сочувствие, соболезнование чужому горю* и концептом-сценарием, представленным языковой репрезентацией «соболезнование другу, когда у него умер дедушка», необходимо сравнить концептуальные признаки обоих концептов.

А) Номинация вторичной эмоции как концепта – *сочувствие, соболезнование чужому горю*. Концептуальный признак – *отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастьем других*.

Б) Языковая репрезентация концепта-сценария – «соболезнование другу, когда у него умер дедушка». Концептуальные признаки – *необходимость проявлять участливое отношение к переживаниям людей; динамизм и оценка*.

Поскольку на Этапе 1 подросток номинировал вторичные эмоции, которые затем нашли языковое выражение в репрезентации концепта-сценария, то можно констатировать факт установления когнитивно-ассоциативных связей между вторичными эмоциями как концептом и концептом-сценарием. Установленные когнитивно-ассоциативные связи, в свою очередь, привели к образованию когнитивного конструкта, объединенного общими концептуальными признаками, что позволяет говорить об уровне ПКС.

Пример установления неполного концептуального соответствия

Шаг 1. На данном Шаге проводится анализ номинированной вторичной эмоции как концепта *скорбь*, предложенного испытуемым на Этапе 1. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова объясняет скорбь, как «крайнюю печаль, горесть, страдание» [37. С. 724]. Психологи указывают, что скорбь – это «социокультурное поведение, вызванное переживанием горя, связанного с утратой близкого человека» [38. С. 372]. Анализ приведенных толкований позволяет говорить о концептуальных признаках концепта *оценка ситуации утраты и переживание утраты, связанное с потерей близкого человека*, но данный признак не имеет отношения к переживаниям испытуемого в момент разглядывания фотографии с плачущей девушкой, поскольку испытуемый не переживал утрату близкого человека на момент выполнения задания. Другими словами, реципиент спроецировал эмоциональное состояние персонажа на фотографии соответственно ситуации, но не смог осознать и корректно номинировать собственные чувства или эмоции как реакцию на предложенный стимул-изображение. Декодирование эмоционального состояния персонажа на фотографии не входило в задание на данном этапе.

Шаг 2. Языковая репрезентация концепта-сценария того же испытуемого «когда умер мой близкий человек» связана с прошлым опытом переживания горя, которое является аффективным переживанием и может сочетаться с жалостью, гневом, чувством вины. Ученые, изучающие горе, указывают на несколько стадий в процессе, в который вовлечен человек [39. С. 189–190]. Каждая стадия и временные пределы обуславливаются индивидуальностью эмоциональной сферы человека. Переживание смерти родного человека несомненно связано и с переживанием, и с осознанием, т.е. оценкой ситуации утраты. Осмысленность чувств и эмоций в подобной ситуации позволяет в последующем устанавливать когнитивно-ассоциативные связи с другими аналогичными концептами-ситуациями, в которые реципиент уже не вовлечен. Отсюда концепт-сценарий «когда умер мой близкий человек» содержит концептуальные признаки *оценка ситуации утраты, переживание горя, как аффективного состояния*. Концептуальный признак *динамизм* отсутствует, поскольку переживание горя является статическим состоянием и не имеет языковой репрезентации в виде глагола.

Шаг 3. Данный шаг предполагает установление уровня концептуального соответствия вторичной эмоции как концепта *скорбь* концепту-сценарию «когда умер мой близкий человек» на основе анализа и сравнения концептуальных признаков двух концептов.

А) Номинация вторичной эмоции как концепта – *скорбь*. Концептуальные признаки – *оценка ситуации утраты и переживание утраты, связанное с потерей близкого человека*.

Б) Языковая репрезентация концепта-сценария – «когда умер мой близкий человек». Концептуальные признаки – *оценка ситуации утраты, переживание горя, как аффективного состояния*. Концептуальный признак *динамизм* отсутствует.

Репрезентированное испытуемым описание скорби при разглядывании изображения с плачущей девушкой у гроба является необоснованным в той степени, в какой подросток лично не вовлечен в процесс потери близкого человека, который репрезентирован на фотографии. При этом номинация вторичной эмоции *скорбь* характеризуется наличием концептуальных признаков *оценка ситуации утраты и переживание утраты, связанное с потерей близкого человека*, а концептуальные признаки концепта-сценария «когда умер мой близкий человек» коррелируют с личной вовлеченностью в процесс потери близкого человека и переживания. В результате можно признать, что номинация вторичной эмоции *скорбь* некорректно и соотносится только по одному концептуальному признаку с языковой репрезентацией концепта-сценария *оценка ситуации утраты*. Такое соответствие говорит в пользу уровня НКС в образованном когнитивном кон-структе.

Пример установления отсутствия концептуального соответствия

Шаг 1. В процессе анкетирования на Этапе 1 на задание написать об эмоциях, которые испытывает подросток, глядя на фотографию плачущей

девушки у гроба, подросток репрезентировал словами *печаль и тоска*. Соответственно толковому словарю русского языка «печаль – чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [40. С. 516]. На психофизиологическом уровне, если человек испытывает печаль, то происходит торможение моторики, сужение кровеносных сосудов, а также может возникнуть озноб или ощущение холода [41. С. 185]. Печаль связана, прежде всего, с состоянием переживания собственных проблем, неудач. Поскольку печаль является не эмоцией, а чувством, то печаль имеет спектральный характер и появляется совместно с другими чувствами, например в спектре тревоги и беспокойства. Таким образом, основным концептуальным признаком вторичной эмоции *печаль* как концепта является *переживание собственных проблем*.

Тоска рассматривается как «душевная тревога, уныние» [42. С. 805]. Близко к подобному толкованию тоска еще и «тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога. Скука, уныние, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему» [43]. Психологи определяют тоску как «сильное душевное томление, за которым стоит желание обладания вещью или человеком, подпитываемое воспоминаниями из прошлого или мечтами из будущего. Например, тоскую по друзьям (живут сейчас в другом городе) – это значит, очень хочу их видеть, а такой возможности у меня сейчас нет, и я этим томлюсь, терзаюсь» [44]. Основным концептуальным признаком вторичной эмоции *тоска* как концепта будет *тревога и желание обладать вещью или человеком*.

Исходя из приведенных концептуальных признаков номинированных вторичных эмоций как концептов, полагаем, что объективация эмоций, предъявленная подростком, не имеет отношения к смысло-содержательной сути предложенного стимула-изображения с плачущей девушкой у гроба. Можно сказать, что испытуемый, хотя и отразил индивидуальное понимание мира, и он действительно испытывал печаль и тоску, разглядывая изображение, номинация эмоционального состояния на поставленное задание оказалась некорректной.

Шаг 2. Соответственно разработанной методике установления концептуального соответствия на данном шаге необходимо проанализировать языковую репрезентацию концепта-сценария «когда смотрю с высоты», предъявленного тем же испытуемым. Сложность анализа вызывает отсутствие конкретизации места, откуда может смотреть подросток с высоты, например высотное здание, гора, полет в самолете или что-то еще. Предполагается (по вопросу на задание 2), что те номинации вторичных эмоций *печаль* и *грусть*, которые респондент испытал при рассматривании предложенной фотографии на Этапе 1, соответствуют эмоциям при нахождении на высоте.

Если проанализировать смысло-содержательную сторону концепта-сценария «когда смотрю с высоты», то человек, находящийся на высоте, может испытывать страх, боязнь, поскольку падение может грозить причинением вреда здоровью или гибелью. Альпинисты, поднимающиеся

вверх, испытывают восторг и невероятную свободу, когда покоряют вершину. Можно вспомнить о тех, у кого существует панический страх перед высотой, поэтому каждый подъем для них сопряжен с огромными усилиями и преодолением аффективных переживаний.

Языковая репрезентация концепта-сценария «когда смотрю с высоты» не имеет достаточно языковых средств выражения для установления концептуальных признаков помимо тех, которые удалось выявить при анализе вторичных эмоций *печаль, тоска* как концептов (*переживание собственных проблем, тревога и желание обладания*), поэтому необходимо признать, что испытуемый подразумевал одинаковые эмоции и по этой причине языковые репрезентанты концепта-сценария «когда смотрю с высоты» оказались именно такими. Что же касается соответствия концептуальных признаков двух концептов, которые должны находить совпадения, то наблюдается их полное несоответствие на уровне значений. Концептуальные признаки, которые характеризуют концепт-сценарий *оценка и динамизм*, отсутствуют.

Шаг 3. На данном этапе необходимо установить уровень когнитивного соответствия на основе обнаружения общих концептуальных признаков в двух концептах.

А) Номинация вторичных эмоций как концептов – *печаль, тоска*. Концептуальные признаки – *переживание собственных проблем, тревога и желание обладания*.

Б) Языковая репрезентация концепта-сценария – «когда смотрю с высоты». Концептуальные признаки, которые характеризуют концепт-сценарий, *оценка и динамизм*, отсутствуют. Концептуальные признаки не установлены в полной мере из-за недостаточности языкового выражения.

Сравнение концептуальных признаков номинированных вторичных эмоций со смысло-содержательной характеристикой концепта-сценария не приводит к обнаружению очевидных когнитивно-ассоциативных связей между двумя концептами, поскольку, находясь на высоте, переживание таких же эмоций или чувств может и возможно, но при особых обстоятельствах или условиях, которые не имеют языковой репрезентации в предъявленном концепте-сценарии. Недостаточная языковая репрезентация концепта-сценария, позволяющая декодировать когнитивно-ассоциативные связи, не дает возможности делать выводы о соответствии номинации вторичной эмоции как концепта концепту-сценарию. Кроме того, концептуальные признаки *оценка и динамизм*, характерные для концепта-сценария, отсутствуют.

Исходя из полученного результата, можно признать, что номинированные вторичные эмоции как концепты и концепт-сценарий относятся к уровню ОКС.

Все концепты, объективированные номинацией вторичных эмоций на Этапе 1, и языковые репрезентации концептов-сценариев, полученных на Этапе 2, были проанализированы по алгоритму разработанной методики и распределены по уровням концептуального соответствия аналогично при-

веденным примерам. Все проанализированные результаты полученных ответов испытуемых в двух группах были суммированы за рамками статьи и представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Обработанные результаты по установлению концептуального соответствия в группах слышащих подростков и с нарушенным слухом

№ п/п	Количественные результаты в процентном отношении по установлению концептуального уровня, полученные в группе слышащих подростков, %	Уровень концептуального соответствия	Количественные результаты в процентном отношении по установлению концептуального уровня, полученные в группе подростков с нарушенным слухом, %
1	32,25	ПКС	6,45
2	41,93	НКС	35,48
3	19,37	ОКС	14,49
4	6,45	Не выполнили задание / не справились с заданием	43,48

Большой разрыв по процентному соотношению между слышащими респондентами и с нарушенным слухом получился на уровне ПКС, более чем в 5 раз. Уровень НКС был установлен в группе слышащих респондентов и с нарушенным слухом (41,93 и 35,48% соответственно), если обнаруживалось частичное совпадение концептуальных признаков в номинации вторичных эмоций как концептов и концептов-сценариев. Такие результаты обусловлены, с одной стороны, недостаточной развитостью словарного запаса, а с другой стороны, низким уровнем эмоциональной грамотности, развитие которой предполагает обучение самоанализу и корректному использованию понятий.

Выявленный уровень ОКС показал не столь большой разрыв в процентных показателях между испытуемыми с сохранным и нарушенным слухом. Однако 43,48% испытуемых с проблемами слуха не справились с заданием.

Обработанные данные после проведения исследований позволяют сделать следующие **выводы**:

– две группы испытуемых предъявили номинации вторичных эмоций как концептов, среди которых у слышащих подростков оказалось больше номинаций с концептуальными признаками, коррелирующими со смысло-содержательной характеристикой предъявленного стимула-изображения. У подростков с нарушением слуха установлена только одна номинация вторичной эмоции *жalousть*, которая имеет концептуальные признаки, соотносящиеся с закрепленным в памяти гештальтом при просмотре стимула-изображения;

– некорректность номинаций вторичных эмоций как концепта можно объяснить индивидуальным «видением» картины мира, однако отсутствие эмоциональной грамотности стало очевидным при использовании тех слов, которые не имеют отношения к номинациям эмоций или к сценарию стимула-изображения. Поскольку развитию эмоциональной грамотности в образовательных учреждениях не уделяется должного внимания, то испытуемые, номинируя свою эмоцию некорректно, не способны осмысливать собственное состояние и впоследствии не могут образовать когнитивный конструкт, что нашло свое подтверждение в настоящем исследовании;

– установление когнитивно-ассоциативных связей между номинированной вторичной эмоцией как концептом и концептом-сценарием вызвали наибольшие затруднения в группе испытуемых с нарушенным слухом III и IV степени. Так, 43,58% совсем не справились с заданием, а 29,03% испытуемых с поражением слуха I и II степени смогли предоставить языковые репрезентанты концепта-сценария, имеющего концептуальные признаки, коррелирующие с номинированной вторичной эмоцией как концептом. Следовательно, мы находим подтверждение нашей гипотезы, что поражение слуха влияет на способность активизировать когнитивно-ассоциативные связи и образовывать когнитивный конструкт. Вместе с тем 6,45% слышащих подростков также не выполнили задание, сославшись, что не могут вспомнить релевантную ситуацию. Полагаем, что такой результат среди слышащих испытуемых можно объяснить, с одной стороны, нежеланием выполнять задание, которое требует некоторых усилий над собой, а с другой стороны, отсутствием аффекта в прошлом опыте, закодировавшим знание в виде релевантного концепта;

– в обеих группах выявлены уровни отсутствия концептуального соответствия между номинацией вторичной эмоции как концепта и концепта-сценария (19,37% слышащих и 14,49% с нарушенным слухом испытуемых), что показывает ограниченность этой группы подростков в способности расширять границы познаваемого мира, поскольку когнитивно-ассоциативные связи лежат в основе образования когнитивных конструктов как структур, позволяющих пополнять знания.

Практическая значимость работы заключается в возможности применять полученные данные для:

– корректировки некорректного номинирования эмоций как среди слышащих, так с нарушенным слухом подростков;

– формирования и корректировки когнитивно-ассоциативных связей в когнитивных конструктах, что повысит эмоциональную грамотность современных учащихся;

– изучения концептов, объективированных номинациями вторичных эмоций, входящих в когнитивные конструкты, где стимулами могут являться различные источники;

– исследования концептуальной картины мира и механизмов ее формирования.

Перспективы разрабатываемого подхода к изучению когнитивно-эмоциональной сферы видятся в привлечении различных групп испытуемых по другим критериям отбора и в более углубленном междисциплинарном исследовании, что позволит получить данные о механизмах образования когнитивных конструкторов на основе когнитивно-ассоциативных связей.

Список источников

1. Данилова Н. И. Психофизиология. М. : Аспект пресс, 2012. 368 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Серия «Мастера психологии» СПб. : Питер, 2018. 784 с.
3. Wilutzky W. Emotions as pragmatic and epistemic actions // Hypothesis and theory. 2015. № 6. P. 1–10.
4. Шехтер С. Когнитивно-физиологическая теория. Психология // Azps.ru. URL: <https://azps.ru/articles/proc/proc25.html> (дата обращения: 28.08.2021).
5. Анохин К. В. Молекулярная физиология памяти // Российская академия медицинских наук URL: http://nano.msu.ru/files/biotech/VII_2009/molphysiology/Anokhin.pdf (дата обращения: 12.09.2021).
6. Андронникова Е.А., Заика Е.В. Методы исследования восприятия, внимания и памяти: Руководство для практических психологов. Харьков, 2011. 161 с.
7. Зефирова Т.Л., Зиятдинова Н.И., Купцова А.М. Физиологические основы памяти. Развитие памяти у детей и подростков. Казань : КФУ, 2015. 40 с.
8. Plutchik R. Psychophysiology of individual differences with special reference to emotions // The Biology of Human Variation. 1966. Vol. 134. Is. 2. URL: https://nyaspubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1749-6632.1966.tb_43062.x (дата обращения: 03.09.2021).
9. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2008. 464 с.
10. Экман П. Психология эмоций: Я знаю, что ты чувствуешь. СПб. : Питер, 2018. 334 с.
11. Седых А.П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). Вып. 13. С. 108–115. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151224747.pdf>. (дата обращения: 12.03.2021).
12. Landis C., Hunt W.A. The startle pattern // Journal of Mental Science. 1939. Vol. 85. Is. 357. P. 808–809.
13. Камалова А.А., Берестнев Г.И. Эмоции как предмет лингвистического изучения (на материале русского языка) // PRZEGŁAD WSCHODNIOEUROPEJSKI X/2. 2019. P. 349–360. URL: http://www.uwm.edu.pl/cbew/2019-10-2/29_Kamalova_et_al.pdf (дата обращения: 04.09.2021).
14. Foolen A. The relevance of emotion for language and linguistics // Moving Ourselves, Moving Others. Radboud University. John Benjamins Publish Company, 2012. P. 347–368. URL: https://www.researchgate.net/publication/290827825_The_relevance_of_emotion_for_language_and_linguistics (дата обращения: 09.09.2021).
15. Пономаренко Е. П., Красавина Ю. В., Жуйкова О. В., Серебрякова Ю. В. Исследование особенностей интеллектуальных и когнитивных процессов студентов с нарушением слуха в техническом вузе // Педагогический ИМИДЖ. 2019. № 4 (45). С. 664–675. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-4-664-675
16. Щурова Ю.Е. Динамика интеллектуального развития слабослышащих школьников от младшего школьного к подростковому возрасту : дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 165 с. URL: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/201789/d/?#?page=2> (дата обращения: 07.06.2022).

17. Подпругина В.В. Представления об эмоциях у детей с нарушением слуха // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 16 (702) С. 1–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-ob-emotsiyah-u-detey-s-narusheniem-sluha/viewer> (дата обращения: 07.06.2022).
18. Идрисова А.Р., Артемьева Т.В. Особенности понимания эмоциональных состояний младшими школьниками с нарушениями слуха // Психология психических состояний / под ред. А.В. Чернова, М.Г. Юсупова. Казань, 2019. С. 150–154. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/222815717.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).
19. Гадельшина Т.Г., Еремина Ю.А. Специфика распознавания эмоций детьми с нарушением слуха // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 6 (134). С. 103–107. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2013&issue=6&article_id=4186 (дата обращения: 07.06.2022).
20. Бондаренко Е.И. Взаимосвязь между коммуникативной эмоциональностью, как функцией личности, и физиологической, как функцией организма. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/02c/vzaimosvyaz-mezhdu-kommunikativnoy-emotsionalnostyu_-kak-funktsiey-lichnosti_-i-fiziologicheskoy_-kak-funktsiey-organizma.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
21. Маслечкина С.В. Выражение эмоций в языке и речи // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 3. С. 231–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-emotsiy-v-yazyke-i-rechi> (дата обращения: 12.09.2021).
22. Леонгард Э.И., Самсонова Е.Г., Ганькина М.В. Технологии включения детей с нарушением слуха в образовательный процесс класса. Серия «Инклюзивное образование». М., 2013. 48 с. URL: <https://www.inclusive-edu.ru/wp-content/uploads/2017/10/E.I.Leongard-1.pdf> (дата обращения: 08.06.2022).
23. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб. : Питер, 2006. 589 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/solso=cognitive_psychology-6.ru=ann.htm#_Toc129478336 (дата обращения: 11.06.2022).
24. Ушакова Т.Н. Речь и язык в контексте проблем когнитивного развития // Когнитивные исследования: Проблема развития / под ред. Д. В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2009. Вып. 3. 352 с. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document4061.pdf>. (дата обращения: 12.06.2022).
25. Яшкова Н.В. Наглядное мышление глухих детей. М. : Педагогика, 1988. 141 с.
26. Ожегов С.И. Грусть. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С.148.
27. Грусть // АКАДЕМИК. Словари и энциклопедии на Академике URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/632314> (дата обращения: 12.09.2021).
28. Ожегов С.И. Жалость. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С.189
29. Козлов Н.И. Жалость и готовность пожалеть – это хорошо // ПСИХОЛОГОС. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zhalost-i-gotovnost-pozhalet---eto-horoshho-vop-zn-> (дата обращения: 12.04.2021).
30. Власов М. Жалость. // Психология человека. URL: <https://psichel.ru/zhalost/> (дата обращения: 12.09.2021).
31. Ожегов С.И. Сожаление. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С.743.
32. К чему нам о чем-то жалеть? // PSYCHOLOGIES. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/k-chemu-nam-o-chem-to-jalet> (дата обращения: 13.04.2021).
33. Акименко В.М. Особенности применения технологий визуализации в коррекционной работе с детьми, имеющими нарушения слуха //Электронный научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2018. № 6/1(20). С. 173–179.

34. Богданова Т.Г. Сурдопсихология : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2002. 203 с. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-439894.html> (дата обращения: 12.04.2021).
35. Ожегов С.И. Соболезнование. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 740.
36. Ожегов С.И. Сочувствие. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 753.
37. Ожегов С.И. Скорбь. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 724.
38. Ильин Е.П. Скорбь. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2018. С. 372.
39. Ильин Е.П. Горе. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2018. С. 189–190.
40. Ожегов С.И. Печаль. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 516.
41. Ильин Е.П. Печаль. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2018. С. 185.
42. Ожегов С.И. Тоска. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 805.
43. Тоска. КАРТАСЛОВ.РУ. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 16.09.2021).
44. Козлов Н.И. Тоска. // ПСИХОЛОГОС. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/toska> (дата обращения: 16.09.2021).

References

1. Danilova, N.I. (2012) *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. Moscow: Aspekt press.
2. Il'in, E.P. (2018) *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint Petersburg: Piter.
3. Wilutzky, W. (2015) Emotions as pragmatic and epistemic actions. *Hypothesis and Theory*. 6. pp. 1–10.
4. Shekhter, S. (2021) *Kognitivno-fiziologicheskaya teoriya. Psikhologiya* [Cognitive-physiological theory. Psychology]. [Online] Available from: <https://azps.ru/articles/proc/proc25.html> (Accessed: 28.08.2021).
5. Anokhin, K.V. (2009) *Molekulyarnaya fiziologiya pamyati* [Molecular Physiology of Memory]. [Online] Available from: http://nano.msu.ru/files/biotech/VII_2009/molphysiology/Anokhin.pdf (Accessed: 12.09.2021).
6. Andronnikova, E.A. & Zaika, E.V. (2011) *Metody issledovaniya vospriyatiya, vnimaniya i pamyati: Rukovodstvo dlya prakticheskikh psikhologov* [Methods for the Study of Perception, Attention and Memory: A Guide for Practical Psychologists]. Kharkiv.
7. Zefirov, T.L., Ziyatdinova, N.I. & Kuptsova, A.M. (2015) *Fiziologicheskie osnovy pamyati. Razvitie pamyati u detey i podrostkov* [Physiological bases of memory. Development of memory in children and adolescents]. Kazan: Kazan Federal University.
8. Plutchik, R. (1966) Psychophysiology of individual differences with special reference to emotions. *The Biology of Human Variation*. 134 (2). [Online] Available from: <https://nyaspubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1749-6632.1966.tb43062.x> (Accessed: 03.09.2021).
9. Izard, C.E. (2008) *The psychology of emotions*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
10. Ekman, P. (2018) *Emotions revealed: Recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
11. Sedykh, A.P. (2012) Priroda emotsiy i ikh klassifikatsiya v gumanitarnykh naukakh i yazykoznanii [The nature of emotions and their classification in the humanities and linguistics]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*. 6 (125):13. pp. 108–115. [Online] Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/151224747.pdf>. (Accessed: 12.03.2021).
12. Landis, C. & Hunt, W.A. (1939) The startle pattern. *Journal of Mental Science*. 85 (357). pp. 808–809.

13. Kamalova, A.A. & Berestnev, G.I. (2019) Emotsii kak predmet lingvisticheskogo izucheniya (na materiale russkogo yazyka) [Emotions as a subject of linguistic study (based on the Russian language)]. *PRZEGŁAD WSCHODNIOEUROPEJSKI* X/2. pp. 349–360. [Online] Available from: http://www.uwm.edu.pl/cbew/2019-10-2/29_Kamalova_et_al.pdf (Accessed: 04.09.2021).
14. Foolen, A. (2012) The relevance of emotion for language and linguistics. In: Foolen, A., Lüdtke, U.M., Racine, T.P. & Zlatev, J. (eds) *Moving Ourselves, Moving Others*. Radboud University. John Benjamins Publish Company. pp. 347–368. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/290827825_The_relevance_of_emotion_for_language_and_linguistics (Accessed: 09.09.2021).
15. Ponomarenko, E.P. et al. (2019) Issledovanie osobennostey intellektual'nykh i kognitivnykh protsessov studentov s narusheniem slukha v tekhnicheskoy vuzze [Study of the features of intellectual and cognitive processes of students with hearing impairment in a technical university]. *Pedagogicheskiy IMIDZh*. 4 (45). pp. 664–675. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-4-664-675
16. Shchurova, Yu.E. (2007) *Dinamika intellektual'nogo razvitiya slaboslyshashchikh shkol'nikov ot mladshego shkol'nikova k podrostkovomu vozrastu* [Dynamics of the intellectual development of hearing-impaired schoolchildren from primary school to adolescence]. Psychology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/201789/d/?#?page=2> (Accessed: 07.06.2022).
17. Podprugina, V.V. (2014) Predstavleniya ob emotsiyakh u detey s narusheniem slukha [Ideas about emotions in children with hearing impairment]. *Vestnik MGLU*. 16 (702) pp. 1–13. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-ob-emotsiyah-u-detey-s-narusheniem-sluha/viewer> (Accessed: 07.06.2022).
18. Idrisova, A.R. & Artem'eva, T.V. (2019) Osobennosti ponimaniya emotsional'nykh sostoyaniy mladshimi shkol'nikami s narusheniyami slukha [Features of understanding emotional states by younger schoolchildren with hearing impairment]. In: Chernov, A.V. & Yusupov, M.G. (eds) *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of mental states]. Kazan: Kazan Federal University. pp. 150–154. [Online] Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/222815717.pdf> (Accessed: 07.06.2022).
19. Gadel'shina, T.G. & Eremina, Yu.A. (2013) Spetsifika raspoznavaniya emotsiy det'mi s narusheniem slukha [The specifics of emotion recognition in children with hearing impairment]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 6 (134). pp. 103–107. [Online] Available from: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2013&issue=6&article_id=4186 (Accessed: 07.06.2022).
20. Bondarenko, E.I. (2021) *Vzaimosvyaz' mezhdru kommunikativnoy emotsional'nost'yu, kak funktsiyey lichnosti, i fiziologicheskoy, kak funktsiyey organizma* [The relationship between communicative emotionality, as a function of the personality, and physiological, as a function of the body]. [Online] Available from: https://pgu.ru/upload/iblock/02c/vzaimosvyaz-mezhdru-kommunikativnoy-emotsionalnostyu-kak-funktsiyey-lichnosti_-i-fiziologicheskoy-ak-funktsiyey-organizma.pdf (Accessed: 12.04.2021).
21. Maslechkina, S.V. (2015) *Vyrazhenie emotsiy v yazyke i rechi* [Expression of emotions in language and speech]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-emotsiy-v-yazyke-i-rechi> (Accessed: 12.09.2021).
22. Leongard, E.I., Samsonova, E.G. & Gan'kina, M.V. (2013) *Tekhnologii vklucheniya detey s narusheniem slukha v obrazovatel'nyy protsess klassa. Seriya "Inklyuzivnoe obrazovanie"* [Technologies for the inclusion of children with hearing impairment in the educational process of the class]. [Online] Available from: <https://www.inclusive-edu.ru/wp-content/uploads/2017/10/E.I.Leongard-1.pdf> (Accessed: 08.06.2022).
23. Solso, R. (2006) *Cognitive psychology*. 6th ed. Saint Petersburg: Piter. [Online] Available from: http://yanko.lib.ru/books/psycho/solso=cognitive_psychology-6.ru=ann.htm#_Toc129478336 (Accessed: 11.06.2022). (In Russian).

24. Ushakova, T.N. (2009) Rech' i yazyk v kontekste problem kognitivnogo razvitiya [Speech and language in the context of problems of cognitive development]. In: *Kognitivnye issledovaniya: Problema razvitiya* [Cognitive research: The problem of development]. Vol. 3. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. [Online] Available from: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document4061.pdf>. (Accessed: 12.06.2022).
25. Yashkova, N.V. (1988) *Naglyadnoe myshlenie glukhikh detey* [Visual thinking of deaf children]. Moscow: Pedagogika.
26. Ozhegov, S.I. (1999) Grust' [Sadness]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 148.
27. AKADEMIK. (2021) Grust' [Sadness]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/632314> (Accessed: 12.09.2021).
28. Ozhegov, S.I. (1999) Zhalost' [Pity]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 189.
29. Kozlov, N.I. (2021) *Zhalost' i gotovnost' pozhalet' – eto khorosho* [Pity and willingness to regret are good]. [Online] Available from: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zhalost-i-gotovnost-pozhalet---eto-horosho-vop-zn-> (Accessed: 12.04.2021).
30. Vlasov, M. (2021) Zhalost' [Pity]. [Online] Available from: <https://psichel.ru/zhalost/> (Accessed: 12.09.2021).
31. Ozhegov, S.I. (1999) Sozhalenie [Regret]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 743.
32. PSYCHOLOGIES. (2021) *K chemu nam o chem-to zhalet'?* [Why should we regret anything?]. [Online] Available from: <https://www.psychologies.ru/articles/k-chemu-nam-o-chem-to-jalet> (Accessed: 13.04.2021).
33. Akimenko, V.M. (2018) Osobennosti primeneniya tekhnologiy vizualizatsii v korrektsionnoy rabote s det'mi, imeyushchimi narusheniya slukha [Features of the use of visualization technologies in correctional work with children with hearing impairment]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie*. 6/1 (20). pp. 173–179.
34. Bogdanova, T.G. (2002) *Surdopsikhologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Deaf psychology: textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow: Akademiya. [Online] Available from: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-439894.html> (Accessed: 12.04.2021).
35. Ozhegov, S.I. (1999) Soboleznovanie [Condolence]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 740.
36. Ozhegov, S.I. (1999) Sochuvstvie [Sympathy]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 753.
37. Ozhegov, S.I. (1999) Skorb' [Sorrow]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 724.
38. Il'in, E.P. (2018) Skorb' [Sorrow]. In: *Emotsii i chuvstva* [Sorrow]. Saint Petersburg: Piter. p. 372.
39. Il'in, E.P. (2018) Gore [Woe]. In: *Emotsii i chuvstva* [Sorrow]. Saint Petersburg: Piter. pp. 189–190.
40. Ozhegov, S.I. (1999) Pechal' [Sadness]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 516.
41. Il'in, E.P. (2018) Pechal' [Sadness]. In: *Emotsii i chuvstva* [Sorrow]. Saint Petersburg: Piter. p. 185.
42. Ozhegov, S.I. (1999) Toska [Yearning]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. p. 805.
43. KARTASLOV.RU. (2021) *Toska* [Yearning]. [Online] Available from: <https://kartaslov.ru> (Accessed: 16.09.2021).
44. Kozlov, N.I. (2021) *Toska* [Yearning]. [Online] Available from: <https://www.psychologos.ru/articles/view/toska> (Accessed: 16.09.2021).

Информация об авторе:

Колодина Н.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: verteria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.I. Kolodina, Dr. Sci. (Philology), professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: verteria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2021;
одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 06.10.2021;
approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 811.161.1. 81'42

doi: 10.17223/19986645/80/6

Метафора зеркала в процессах моделирования психической деятельности в научном психологическом дискурсе

Анастасия Рамеловна Рахимова¹

¹ *Томский политехнический университет, Томск, Россия, rahimovara@tpu.ru*

Аннотация. Описано метафорическое моделирование знаний о психике человека на основе представлений о зеркале. Методологией исследования послужила теория концептуальной метафоры и метафорического моделирования. Анализ показал, что репрезентация знания о психических процессах осуществляется как трехчастная фреймовая структура и представлена в виде трех базовых метафорических моделей: 1) психическая деятельность уподобляется зеркалу; 2) психика человека моделируется в виде объекта, который может быть отражен в зеркале; 3) социальное взаимодействие структурируется в виде пространства, заполненного зеркалами.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, метафора зеркала, психика человека, психология, психотерапия

Для цитирования: Рахимова А.Р. Метафора зеркала в процессах моделирования психической деятельности в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 113–132. doi: 10.17223/19986645/80/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/6

The mirror metaphor in the processes of modeling mental activity in the scientific psychological discourse

Anastasiia R. Rakhimova¹

¹ *Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, rahimovara@tpu.ru*

Abstract. The study of the metaphor as a mechanism of cognition is an essential direction in modern cognitive linguistics of the 20th and 21st centuries. The epistemological potential of the metaphor is most clearly traced in the representation of knowledge about intangible entities. They include the human psyche which has become an object of study of psychology and related practice-oriented disciplines. Mental activity is a complex formation that includes mental and psychophysiological processes, feelings, emotions that do not have denotative correlations. Therefore, its study is possible on the basis of analogies to objects and phenomena of external reality. The functioning of mental activity consists in the active reflection of objective reality by the subject. As a result, a holistic view of the world is formed in a person's mind. The latter has determined the aim of this work – to consider the human psyche as a mirror that reflects the outside world in the inner world of a person at the cognitive, emotional and bodily levels. The research methodology was based on the theory of conceptual metaphor by George Lakoff and Mark Johnson, and metaphorical mod-

eling. The empirical basis of the study was formed by metaphorical contexts taken from the following fields: general psychology, social psychology, psychiatry, psychotherapy, and psychosomatics. The results of the study show that metaphorical modeling of the human psyche based on ideas about the mirror is carried out as a three-part frame structure and is presented in the form of three basic metaphorical models: (1) mental activity is likened to a mirror; (2) the human psyche is modeled as an object that can be reflected in a mirror; (3) social interaction is structured as a space filled with mirrors. Each metaphorical model contains certain conceptual areas of knowledge. Modeling mental activity as a mirror is connected with the representation of knowledge about the structure of the human psyche. It includes consciousness and the area of the unconscious modeled as mirrors that reflect the outside world in the inner world of a person. Cognitive and unconscious mental processes associated with the process of learning new realities are also structured on the basis of this model. The assimilation of the human psyche to an object is linked to the possibility of studying somatic diseases and bodily manifestations, which are modeled as a mirror reflecting the human mental world, through the body language. Society is presented as a space where each person is likened to a mirror that is reflected in other mirrors surrounding them. Reflection becomes an analogy to the process of social cognition, as a result of which a person forms social knowledge about themselves through a system of ideas about how other people perceive them. Knowledge about psychotherapeutic techniques and the specificity of the work of a psychologist with patients within psychotherapy is structured on the same basis.

Keywords: metaphor, metaphorical modeling, mirror metaphor, human psyche, psychology, psychotherapy

For citation: Rakhimova, A.R. (2022) The mirror metaphor in the processes of modeling mental activity in the scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 113–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/6

Постановка проблемы исследования

Исследование гносеологического потенциала метафоры является активным направлением в развитии когнитивной лингвистики XX–XXI вв. Начиная с эпохи Античности, метафора, понимаемая в качестве средства украшения речи в трудах Аристотеля, Цицерона и др., прошла различные этапы своего осмысления: от признания языковой и стилистической значимости метафоры в рамках лексико-семантического направления (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Г.Н. Складневская) до открытия когнитивной сущности метафоры в работах представителей логико-философского и когнитивно-психологического направлений (Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, А. Ричардс). Понимание концептуальной метафоры в качестве ментальной структуры, отражающей особенности мышления человека, расширило представление о возможностях её функционирования как в художественном и публицистическом, так и в научном дискурсах, как способе познания окружающего мира с помощью процесса аналогий [1–4].

Признание универсального характера метафоры привело не только к пониманию ее лингвокогнитивного потенциала в рамках лингвистических

исследований, но и послужило основанием для изучения функционирования метафоры в различных научных областях. В этом отношении метафора явилась «мостиком», позволившим «перешагнуть через научную однодисциплинарность» [5. С. 31]. Последнее связано с развитием такой отрасли знания XX в., как психология, и её практико-ориентированных направлений, психотерапии и психосоматики, объектом исследования которых является психический мир человека.

Психика человека представляет собой комплексное образование, включающее совокупность психических явлений, таких, как когнитивные и психосоциальные процессы, психофизиологические реакции, чувства и эмоции, поведение и др. В связи с тем, что внутренний мир человека является абстрактной сущностью и не обладает физическими характеристиками, для носителя языка возможно только его метафорическое описание на основе уподобления объектам и явлениям внешнего мира. Проведенные ранее исследования позволили выявить базовые метафорические модели, организующие представления о внутреннем мире чувств и эмоций человека и получающие отражение в параметрической и экспериенциальной лексике: ориентационная метафора [6], метафора дистантного расположения, метафора слоя, метафора содержания и др. [7], импрессивная метафора и метафора интенсивности [8], стадияльная метафора [9]. Было описано представление о психике человека, как о метафорическом пространстве в рамках социальной психологии и на основе психоаналитических концепций З. Фрейда, К.Г. Юнга, И.Ф. Гербарта, П. Жане и др. [10–12]. В работе [13] описана специфика психотерапевтической метафоры, которая применяется как инструмент в особой функции: психотерапевтические притчи содержат сюжетные метафоры, фабула которых воспроизводит аналогичную проблемную ситуацию из жизни пациента и позволяет ему отразить собственную проблему. Аналогии, проводимые между иносказательными образами и реальными событиями, позволяют участникам психотерапевтического общения быть включенными в общую картину мира, «говорить о проблемах на языке, понятном обоим» [13. С. 8–9], и находить различные пути их решения.

Вместе с тем в текстах научного психологического дискурса активно функционируют отдельные метафорические модели, привлекаемые чаще других. К таковым относится, например, артефактная метафора «психика человека – это зеркало». Она представлена уже в определении главного объекта изучения: психическая деятельность человека – это «особая форма активного **отражения** субъектом объективной реальности», в процессе которого происходит проверка адекватности в воспроизведении внешней действительности [14. С. 423]. **Проблему данной работы** определила необходимость выявить гносеологическую роль и описать аспекты функционирования метафорической модели «психика человека – это зеркало» в организации и представлении знания о психической активности человека в психологии.

В этой связи **цель** данной работы – выявить роль фреймовой структуры «зеркало» в организации знания о психической деятельности человека.

Методология, методы и материал исследования.

Основой методологии исследования выступил лингвокогнитивный подход, а именно теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора определяется в качестве ментальной структуры, механизма познания окружающего мира и формы представления знаний о нём [6].

Цель исследования определила ряд методов, которые применяются в данной работе. В качестве основного использовался **метод метафорического моделирования**, позволяющий выявить понятийные области (сферы-мишени), вовлекаемые в процесс метафоризации. В применении данного подхода мы опираемся на результаты работ, представленные в трудах российских исследователей и представителей Томской метафорической школы, которые рассматривали лексическую структуру значений слова в качестве опорного компонента для реконструкции фреймовой структуры, заложенной в основе метафорической концептуализации [2–3, 10–12, 15]. Наиболее детально процедура анализа представлена в работе [12. С. 75–175] и монографии [15. С. 45–49]. Вслед за авторами названных работ мы использовали приемы компонентного анализа для определения исходной и результативной понятийных областей и концептуально-фреймовый анализ для выявления структуры фрейма «зеркало» и проекции отдельных его компонентов в область психологического знания.

Для формирования корпуса материала исследования использовался **метод сплошной выборки** метафорических контекстов и терминов, которые содержат метафорический компонент, а также репрезентируют метафорическую модель в представлении психики человека в качестве зеркала [14, 17–25, 28–36].

Объем проанализированного материала составил **268** контекстов. В ходе работы были проанализированы контексты из разделов теоретической психологии: общая психология (61), социальная психология (42), психиатрия и психопатология (35) – и прикладной (практико-ориентированной) психологии: психотерапия (106) и психосоматика (24).

Результаты исследования

Концептуально-фреймовый анализ позволил определить структуру фрейма «зеркало». Зеркало представляет собой бытовой предмет, имеющий «гладкую, отполированную поверхность, отражающую находящиеся перед ней предметы» [16. С. 364], что актуализирует два важных компонента фреймовой структуры, первый из которых связан с наличием **трех слотов**: 1) субъект, который видит себя в зеркале; 2) объект-зеркало и 3) отражение в нем субъекта. В зависимости от качества получаемого изображения, отражение в зеркале может быть как симметричным – полностью воспроизводящим параметры наблюдаемого объекта, так и асимметричным, в результате чего формируется представление об «искажении»

исходного объекта¹. Последнее определило следующие лексемы в качестве репрезентативных единиц, представляющих фрейм «зеркало»: *зеркало, зеркальный, зеркализация, зеркалить, отзеркаливание, отзеркалить, отзеркаливающий, отражать, отражаться, отражение, отражающий, отраженный, исказить, искажение, искаженный*. Второй аспект связан с представлением о пространстве, когда рассматривается ситуация использования зеркала: оно способно отражать только расположенный перед ним предмет. В этой связи следует подчеркнуть важный параметр в формировании пространственной модели: получить отражение возможно только при наличии дистанции между зеркалом и объектом, что также подтверждается семантикой предлога «перед» – «употребляется при указании предмета, места, напротив которого от лицевой стороны находится кто-либо, что-либо (остановиться перед домом)» [16. С. 799].

Рассмотрим, как проецируется эта структура в различные области знаний о психике человека, но предварительно обозначим различие направлений психологии. Теоретическая психология направлена на систематизацию знаний о психической деятельности человека и представлением универсальной модели ее функционирования. Так, к примеру, общая психология является дисциплиной, которая направлена на «выработку теоретических принципов, обоснование методов психологического познания и исследование основных закономерностей существования и развития психической реальности» [17. С. 1367–1368]; психиатрия является разделом психологии, который посвящен исследованию нарушений психической активности, их профилактике и прогнозу, вопросам диагностики, а также «критериям экспертизы и порядку проведения социально-трудовой реабилитации» [14. С. 1003–1004]. Психопатология является разделом общего учения о болезнях, который изучает «причины, закономерности и механизмы появления, протекания и развития психозов и иных расстройств психических» [17. С. 1420]; социальная психология является отраслью, «изучающей психологические особенности и закономерности поведения людей, обусловленные их включением в группы социальные, а также психологические характеристики самих этих групп» [17. С. 1381–1382]. Прикладная психология и относящиеся к ней направления связаны с использованием практико-ориентированных методов работы (групповых, терапевтических, диагностических), которые направлены на решение психологических проблем человека или социальной группы лиц. Психотерапия, к примеру, определяется как «особый вид межличностного взаимодействия» [18. С. 405], связанный с оказанием психологической помощи лицам, нуждающимся в эмоциональной поддержке и решении внутриличностных или межличностных проблем, «метод работы с пациентами/клиентами в целях оказания им помощи в модификации, изменении или ослаблении факторов,

¹ «*искаженный* – 2. чрезвычайно изменившийся, потерявший обычный, естественный вид (о лице, наружности, голосе)»; «*исказиться* – 1. стать, оказаться неправильным; резко ухудшиться. *Изображение исказилось*» [16. С. 398].

мешающих эффективной жизни» [19. С. 1089]; психосоматика представляет собой направление, которое изучает роль психических, в первую очередь, личностных факторов (мысли, эмоции, действия) в возникновении и течении соматических, телесных заболеваний [19. С. 1085].

Исходя из указанных аспектов и анализа эмпирических данных, можно говорить о трех базовых метафорических моделях в представлении психики человека:

1) объектная модель **«психика человека – это зеркало, которое воспроизводит отражение объектов внешнего мира»**. Ее преимущественно репрезентируют метафорические контексты, функционирующие в текстах общей психологии, психиатрии и патопсихологии;

2) объектная модель **«психика человека – это объект, который отражается в зеркале внешнего мира»**. Она представлена текстовыми фрагментами из работ, которые относятся к разделу «Психосоматика»;

3) объектно-пространственная модель **«психика человека – это зеркало, которое отражается в других зеркалах»**. Эту метафорическую модель представляют метафорические контексты из работ по социальной психологии и психотерапии.

Рассмотрим эти модели подробнее.

1. Психика человека – это зеркало, которое воспроизводит отражение объектов внешнего мира. На основе данной метафорической модели моделируются представления о структуре психики человека: сознании и бессознательном, о психических и когнитивных процессах, а также нарушениях психической активности.

1.1. Психика человека: сознание и бессознательное. Как уже было отмечено выше, психика человека является комплексным, структурным образованием, включающим в себя различные психические процессы и явления, возникновение и природа которых относятся к двум противоположным началам: сфере сознания или области бессознательного. Сознание и бессознательное – две формы психической активности, открытые в XIX в. З. Фрейдом, исследования которого были продолжены в трудах его последователей К.Г. Юнга, П. Жане, М.Г. Ярошевского, А.В. Петровского и др. Бинарность психической активности обусловлена различием деятельности данных структур: сознательное отвечает за осознаваемые процессы, рациональную деятельность человека, бессознательное, напротив, связано с интуитивно-чувственным познанием окружающего мира и его восприятием в целом. Различие природы психических структур и связанных с ними явлений обуславливает различные метафорические подмодели в репрезентации знания о сознательных и бессознательных процессах.

Сознание – это зеркало. В связи с тем, что сознание является высшим уровнем психической активности, присущим только человеку, и связано с возможностью рефлексии, сознательная деятельность уподобляется зеркалу, которое воспроизводит точное отражение внешнего мира в психическом мире человека: *«Сознание (сознательное) – форма отражения активной действительности в психике человека – высший уровень отра-*

жения психического и саморегуляции» [17. С. 1660]; «Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на актуальные представления о “сознании”: для кого-то “сознание” – **это отражение реальности и пространство мышления...**» [20. С. 14].

Бессознательное – это зеркало. Подобно сознанию, бессознательная сфера психической активности, связанная с иррациональным, чувственным, интуитивным познанием, также обозначается в виде зеркала, способного проецировать изображения объектов внешнего мира в психику человека: «Бессознательное – 2) форма психического **отражения**, в которой образ действительности и отношение к ней субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, составляя нерасчлененное целое» [21. С. 21–22].

Уподобление сознания и бессознательного зеркалам, отражающим внешний мир, дополняется представлением об их пространственной организации. В этом отношении показательна психоаналитическая концепция Ж. Лакана о «**стадии зеркала**» [22. С. 89], согласно которой ребёнок, начиная от 6 месяцев, предпринимает первые попытки идентифицировать себя с помощью фигуры родителей, которые служат подтверждением формирующихся образов в психике человека. Фигура родителя выступает зеркалом при развитии моторных и речевых навыков в различных играх, предполагающих имитацию действий или звуков взрослого ребёнком. Последнее связано с устремлением человека к самопознанию и познанию окружающего мира и потому относится к области сознания. В противоположность этому Ж. Лакан выделяет «**дозеркальную стадию**» развития [22. С. 361], согласно которой энергия человека концентрируется только на удовлетворении физиологических потребностей, в связи с чем относится к сфере бессознательного.

Таким образом, сознание и бессознательное моделируются в виде двух зеркал, которые отражают воспринимаемую человеком внешнюю действительность во внутреннем мире человека.

1.2. Психические, когнитивные процессы – это зеркало. В связи с тем, что сознание и бессознательное являются «зеркалами», репрезентация знания о психических и когнитивных процессах также осуществляется на основе данной метафорической модели. В этом случае психика человека выступает в качестве зеркала, которое отражает реалии окружающего мира, фиксирует представление о них и, таким образом, формирует целостный образ внешней действительности. Так, метафора «зеркала» актуализируется в определении:

1) **процесса познания**, которое воссоздает комплексное представление о мире в сознании человека: «*мышление – одно из высших проявлений психического, процесс деятельности познавательной индивида, ...характерный обобщенным и опосредованным **отражением действительности***» [17. С. 849];

2) **процесса восприятия**, которое структурирует представление об отдельных предметах, явлениях и событиях внешнего мира, а также его логических и причинно-следственных связях: «*восприятие – целостное **от-***

ражение предметов, явлений, ситуаций и событий в их чувственно доступных временных и пространственных связях и отношениях; процесс формирования – посредством активных действий – субъективного образа целостного предмета, непосредственно воздействующего на анализаторы» [17. С. 223];

3) **ощущения**, которое фиксирует информацию об объектах внешнего мира в психике человека через его непосредственный контакт с ними: *«ощущение – построение образов отдельных свойств предметов внешнего мира в процессе непосредственного взаимодействия с ними. Обеспечивают непосредственную связь сознания с внешней средой, отражают свойства предметов объективного мира. Отражение в ощущениях – результат не просто воздействия объекта на живое существо, но результат их взаимодействия – взаимодействия процессов, идущих навстречу друг другу и рождающих акт познания»* [17. С. 1043];

4) **чувства, эмоции, эмоциональности**, которые связаны с формированием субъективного, личного отношения человека ко всему, что его окружает. В этом отношении данные психические процессы выступают в качестве зеркала, которое показывает отражение внутреннего мира человека, его эмоциональную реакцию на объект, явление или событие внешней действительности: *«чувство – ... эмоциональные переживания, в коих отражается устойчивое отношение индивида к определенным предметам или процессам внешнего мира* [17. С. 2030]; *«эмоции – особый класс психических явлений, протекающих в форме переживаний, отражающих отношение человека к удовлетворению или неудовлетворению актуальных его потребностей»* [21. С. 132].

1.3. Нарушение психической активности – это искажение исходного изображения объекта. В связи с тем, что познавательные и когнитивные процессы уподобляются отражению в зеркале, знание о нарушениях психической деятельности человека обозначается в виде его искажения: *«Спутанность сознания – искажение структуры внешнего и внутреннего мира»* [23. С. 64], *«делирий – нарушение сознания, искаженное отражение действительности»* [17. С. 350], *«психоз»* [17. С. 1275]. Данная аналогия содержится в репрезентации знания о нарушении:

1) **мыслительной деятельности**: *«при депрессии, как и при других синдромах, когниции полны ошибок, называемых в логике “когнитивными искажениями”»* [18. С. 48];

2) **процессов восприятия**: *«перцептивные искажения (perceptual distortions)»* [23. С. 867], ощущениях, возникающих в психике человека *«дизестезия – искажение качества ощущений (прикосновение расценивается как боль, тепло – как холод и т.п.)* [24. С. 4];

3) **поступлении, переработке и хранении информации** в памяти человека *«Парамнезии (искажения, обманы) или качественные нарушения памяти»* [24. С. 61]. Психическое отклонение, обусловленное полной потерей памяти и невозможностью человека опознать свою личность, обозначается как *«симптом зеркала»*, при наступлении которого *«собствен-*

ное изображение в зеркале принимается за облик незнакомого человека» см. «прогрессирующая амнезия» [24. С. 53].

Все без исключения дефиниции, которые содержат определение термина «иллюзия» и его возможные сочетания, связанные с вымышленным представлением о явлениях внешней действительности, включают в себя аналогию нарушения исходного изображения объекта, не соответствующего оригиналу: «**иллюзии — это ложные или искаженные восприятия окружающей действительности**» [19. С. 365], «**иллюзия контрастная**» [17. С. 518], «**иллюзия окулогравическая**» [17. С. 519], «**иллюзия тяжести**» [17. С. 519] и др.

Расстройства психики, в результате которых нарушается деятельность сознания, обозначаются в виде образования дополнительного психического пространства или измерения, в котором человек оказывается способен увидеть себя. Метафорически данное явление уподобляется образованию зеркала, в котором мы можем наблюдать собственное отражение: «**галлюцинации зеркальные эпилептические — вид эпилептического галлюцинаторного припадка, во время которого больной видит свое собственное изображение**» [17. С. 284].

В моделировании нарушений психической деятельности также следует отметить метонимию, которая образуется на основе представления о зеркале. Известно, что прямое отражение человека в зеркале является реверсивным, или обратным исходному изображению: то, что находится слева, отображается в зеркале как находящееся справа, и наоборот. Данная закономерность лежит в основе образования психических отклонений, связанных с общим нарушением зрительно-пространственного восприятия действительности, «**право-левой ориентировки, зрительно-моторной координации и бикулярного зрения**», см. «**зеркальное отражение**» [25. С. 7]. Кроме того, метонимический перенос по данному признаку содержится в определении терминов, связанных с нарушениями речи и письма, в результате которых человек начинает говорить или писать в обратной последовательности: «**речь зеркальная. Произношение и чтение слов и предложений в обратном порядке, с конца**» [14. С. 474], «**письмо зеркальное. Нарушение письма, соответствующее зеркальной речи**» [14. С. 397].

Таким образом, когнитивные процессы, связанные с восприятием и познанием окружающей действительности, а также формированием образа мира, обозначаются в виде зеркала, которое отражает получаемое человеком знание. Нарушения психической деятельности, связанные с невозможностью объективного восприятия реальности, а также нарушением вида объектов, их симметрии и пропорций, структурируются в виде нарушения исходного изображения объекта на основе метафорического и метонимического типов переноса значений.

2. Психика человека — это объект, который отражается в зеркале внешнего мира. Рассмотрим второй тип метафорического моделирования психики человека, ее актуализация связана с идеей отражения психических процессов и психологических изменений на телесном уровне. Исследование данного вопроса берет своё начало в античной философии, представи-

тели которой говорили о взаимосвязи души и тела (Аристотель, Гераклит, Платон). «Душа» включала в себя различные психические образования: чувство, ощущение, мышление, рассуждение и являлась «движущей» силой, побуждающей тело человека к действию [26], в связи с чем «соразмерность и равновесие» психического и телесного считалось залогом человеческого здоровья [27. С. 495]. Данная идея получила дальнейшее осмысление в ряду современных психологических концепций, к числу которых относится «психосоматика» – направление в психологии, целью которого является исследование влияния психологических факторов на возникновение и течение телесных заболеваний [17. С. 1429]. В рамках данного раздела психологии метафора получает материальное воплощение в связи со стремлением пациента обозначать психические процессы с помощью своего тела. В этом отношении психосоматика интерпретируется как *«телесное отражение душевной жизни человека... “зеркало” иных подсознательных процессов»* [28. С. 8].

В виде зеркал, отражающих внутри личностные проблемы и эмоциональные состояния, выступают наиболее видимые части тела:

1) **кожа**, изменение оттенка которой *«отражает эмоциональное состояние человека: люди краснеют от стыда, бледнеют и потеют от страха, при этом появляется “гусиная кожа”»* [29. С. 252];

2) **лицо**, на котором *«отражаются душевные муки пациента в виде маски застывшего страдания»* [Там же. С. 181];

3) **голова**, боли которой передают *«символическое отражение подавляемых чувств»* [30. С. 195];

4) **опорно-двигательный аппарат**, заболевания которого являются *«отражением пассивной раздраженности жизненной ситуацией, которую человек, с одной стороны, не приемлет (что и служит причиной его раздражения)»* [28. С. 50] и др.

Зеркалом, отражающим психологические проблемы, могут выступать ощущения физической боли в теле или потеря чувствительности, не имеющие при этом каких-либо внешних факторов воздействия: *«Диссоциативная анестезия и утрата чувственного восприятия – психические расстройства кожной анестезии, имеющие границы, не соответствующие клинике органического поражения, но отражающие представления пациента о телесных функциях»* [31. С. 20].

Репрезентация знания о психосоматических болезнях, возникновение которых обусловлено проблемами социальных отношений, моделируется на ином основании. Так, посредством аналогии зеркального отражения межличностных проблем мужчины и женщины, состоящих в близких отношениях, становится сексуальная дисфункция, сигнализирующая о глубинных проблемах между партнерами: *«Необходимо, чтобы партнеры понимали, что симптомы сексуальной дисфункции у пациента отражают сексуальные проблемы пары в целом и ...связаны с недостаточным взаимопониманием супругов»* [29. С. 347], *«Фригидность, таким образом, является не только дефектом жены, но и отражает нарушенные эмоци-*

ональные отношения партнеров» [30. С. 275]. В семейных отношениях в роли зеркала выступает ребенок, психосоматические расстройства которого могут «отражать» проблемы матери: **«детская психосоматика – это отражение психологических проблем матери... ребенок, как в зеркале, отражает ее эмоциональный дискомфорт – только не во «взрослой», словесно-опосредованной форме, а в «детской», телесной»** [28. С. 366].

Таким образом, метафорическое моделирование психики человека в виде объекта, который отражается в зеркале, связано с возможностью исследования психических процессов посредством физиологических и психофизиологических проявлений. В этом отношении тело человека становится зеркалом, показывающим изменения его психической активности или проблемы, которые возникают во взаимоотношениях между людьми.

3. Психика человека – это зеркало, которое отражается в других зеркалах. Перейдем к анализу объектно-пространственной модели, связанной с представлением психики человека в виде зеркала, отражение которого мы можем наблюдать в других зеркалах. Данная метафорическая модель связана с репрезентацией знания из области социальной психологии, психотерапии: социальные и психосоциальные процессы, социальное взаимодействие; психологические приемы и методики, которые используются в психотерапии и направлены на гармонизацию психологического здоровья человека и его отношений с окружающими.

Социальные и психосоциальные процессы. Человек является существом биосоциальным, в связи с чем психика человека содержит информацию не только о явлениях и объектах внешней действительности, но знание о социальных нормах и общественных представлениях. В этом отношении психическая деятельность структурируется в виде объекта-зеркала, которое отражает: социально-исторический опыт общества – **«мировоззрение – ядро общественного и индивидуального сознания. Это отражение, общее понимание мира, человека, общества и ценностное отношение к ним...»** [17. С. 818]; социальные нормы и общественные ценности **«здоровье психическое... в нем всегда отражены общественные и групповые нормы и ценности...»** [17. С. 476]; общественные представления и стереотипы – **«имидж отражает социальные ожидания определенных групп...»** [17. С. 520]; принципы воспитания и поведения – **«в чертах характера отражаются присущие индивиду поведенческие матрицы, которые вначале... воспитываются, ...а затем в определенной степени становятся автоматическими»** [21. С. 203] и др.

Знание о трудностях социализации и сложностях, которые возникают в отношениях между людьми, моделируется в виде зеркала, которое не может воспроизвести симметрическое изображение объекта и отражает его в искаженном виде. На основе данной аналогии представлено знание о социальной дезадаптации человека и его представлений о себе – **«искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям адаптации, крайним выражением чего служит аутизм»** [17. С. 26–27], о нарушении социальных норм – **«социально запущенные дети... усваивают**

искаженные ценностно-нормативные представления и криминальный опыт в асоциальных подростковых компаниях и группировках» [25. С. 23] и др.

Социальное взаимодействие. Метафорическое моделирование психики человека на основе объектно-пространственной модели, а именно в виде зеркала, отражение которого мы можем увидеть в других зеркалах, с одной стороны, раскрывает знание об участниках социальных отношений, и с другой – передаёт информацию об особенностях их межличностного взаимодействия.

Представление о зеркале в качестве пространства, заполняемого отражениями, связано с понятием *«Зеркальной Я-концепции (self-looking glass concept)»* [19. С. 338], или *«концепции “зеркального Я”»* [32. С. 65], введённым американским социологом и основателем социального интеракционизма Ч.Х. Кули [33]. Согласно концепции Ч.Х. Кули, природа человека не сводится к факту его биологической эволюции. Личностное развитие во многом обусловлено возможностью социальной интеракции, благодаря которой мы формируем не только свое социальное окружение, но и представления о том, как нас воспринимают в обществе. Собственное знание человека о самом себе, или *«зеркальное Я»*, складывается из трёх составляющих: 1) информации о том, как, по мнению человека, его воспринимают окружающие; 2) того, как они реагируют в соответствии с этим восприятием; 3) того, каким образом человек воспринимает реакции других людей [32. С. 65]. В этом отношении социум представляется нам в виде пространства, заполненного зеркалами – участниками социального общения, отражаясь в которых человек осуществляет «социальное познание» самого себя через систему представлений о том, как представляют его другие [33. С. 1]: *«Последние становятся своеобразным зеркалом и то, как они интерпретируют нас, отражается в их жестах, выражении лица и высказываниях»* [19. С. 338]; *«Субъектность отраженная – идеальная представленность одного человека в другом, инобытие кого-либо в ком-либо. Отражаясь в других людях, человек выступает как деятельное начало...»* [17. С. 1750]; *«Сопереживание – уподобление эмоционального состояния субъекта состоянию другого субъекта или группы социальной; при этом в индивидуальном сознании субъекта отражается отношение другого человека (группы социальной) к происходящим с ним (с нею) событиям»* [17. С. 1677].

Таким образом, в рамках психологии человек в социуме, с одной стороны, уподобляется объекту, отраженному в зеркалах, а с другой – представляется зеркалом, пространством – вместилищем, заполняемым отражениями – представлениями других людей и их оценками о себе, в соответствии с которыми мы формируем взаимоотношения с окружающими: *«Вторая позиция центрирована в основном на изучении процессов включения в “Я” отраженных оценок и суждений других людей... “Я” при этом рассматривается преимущественно как средство интеграции внутренней картины социального мира, конструирования социальной реальности и самоконструирования»* [34. С. 252].

Психологические методы и психотерапевтические приёмы. Как уже было отмечено выше, восприятие человеком внешней действительности, самого себя и социального окружения не сводится к их объективному «отражению». Во внутреннем мире человека всегда присутствует субъективный фактор, включающий оценку всего происходящего. На основе положительной или отрицательной оценки формируется и отношение субъекта, собственное видение ситуации, которое может быть как позитивным, так и негативным, и потому в рамках психологии принято говорить о субъективности конструируемого внешнего мира в нашем сознании [21. С. 21]. Необъективность восприятия нередко обусловлена стрессом, пессимистичным настроением, негативным опытом или депрессией, в результате которых эмоциональный фон личности, её психологическое здоровье и взаимоотношения с окружающими нарушаются. Данный процесс метафорически номинируется в виде процесса искажения симметричного, полноценного отражения объекта в зеркале – психике человека: *«Мышление депрессивного индивида становится настолько ригидным и абсолютистским, что эти **искажения** проходят без коррекции и негативные мысли становятся все более выраженными и правдоподобными»* [18. С. 48], *«**искажения социальной перцепции, самооценки и уровня притязаний**»* [18. С. 418]. Психологическая помощь, оказываемая психологом или психотерапевтом в данном случае, уподобляется возможности *«разрешения **искажений**»* [35. С. 162], *«коррекции **искажений**»* [18. С. 548] или ослаблении их действия, см. *«ослабить **искажения восприятия**»* [35. С. 408].

Специфика оказания психологической помощи заключается в работе с психологическими глубоко личными проблемами, которые зачастую человек не может осознать самостоятельно, что обуславливает необходимость присутствия квалифицированного специалиста. В процессе психологической работы между врачом и пациентом устанавливаются близкие, доверительные отношения, которые помогают человеку говорить открыто о своих проблемах и обсуждать возможные варианты их решения. В связи с тем, что психологические проблемы носят бессознательный характер, формальные взаимоотношения между врачом и пациентом сопровождаются так называемым эффектом «переноса» [35. С. 46], в результате которого пациент неосознанно проецирует свои чувства и эмоции на психолога, как человека, с которым связана неразрешенная ситуация. Формирование бессознательных реакций пациента по отношению к врачу обозначается в виде нарушения симметричного отображения объекта: *«Если бы дело происходило в процессе индивидуальной терапии, то такое **искаженное восприятие** Вэл завело бы лечение в серьезный тупик: **искажения переноса** были у нее настолько выраженными, что она не доверяла **способностям терапевтов адекватно отражать реальность**»* [35. С. 336].

Психологическая работа, осуществляемая врачом и пациентами, моделируется на основе трехчастной фреймовой структуры представления о зеркале: психотерапевт уподобляется зеркалу, а пациент – человеку, наблюдающему своё отражение в нём: *«**аналитик подобен зеркалу по от-***

ношению к пациенту» [18. С. 150]. При этом психолог должен сохранять объективное отношение к пациенту и его проблемам, выполнять роль *«нейтрального зеркала»* [35. С. 160], сохранять позицию *«зеркала перед глазами пациента»* [18. С. 383], не принося в процесс психотерапевтической работы свою личную оценку.

Как уже было отмечено выше, реализация фреймовой структуры зеркала связана с представлением о дистанции, которая должна присутствовать между зеркалом и объектом, чтобы получить его отражение. Данная закономерность лежит в основе репрезентации знания о специфике психотерапевтической работы, которая заключается в том, что психотерапевт и участники групповой работы должны в точности воспроизводить действия, движения, мимику или речь пациента с целью активизации его возможности увидеть себя со стороны и проанализировать свои проблемы, с целью его саморефлексии. В рамках психологии и психотерапии данное явление связано с эффектом *«зеркализации»* [25. С. 7], *«отражением чувств»* [18. С. 216] и образованием расстояния «от-зеркала», которое актуализируется в виде *«отзеркаливающих комментариев»* психолога, а также в специфике проведения некоторых телесно-ориентированных упражнений: *«Игра «разговор руками». Если партнер четко представляет, что ему говорят, т.е. что делают с его рукой, он должен «отзеркалить» эту фразу, т.е. сделать точно то же самое с левой рукой первого. Первый после этого говорит своей правой рукой вторую фразу второму, второй «зеркалит» ее первому, первый говорит третью фразу и т.д.»* [34. С. 424], *«отзеркаливание – реакция психотерапевта, отражающая переживание клиента»* [35. С. 420]. Аналогия между образованием дистанции «от» чего-либо и саморефлексией является устойчивой метафорой в психотерапевтическом дискурсе и проявляется в способности человека дистанцироваться от своих проблем, «самоотстраниться», и увидеть себя со стороны, подобно отражению, которое мы можем наблюдать в зеркале: *«в данных случаях следует обратиться к столь характерной для человека способности к самоотстранению, которая особенно ярко отражается в юморе. Юмор – важное свойство человеческой личности; он дает возможность занять дистанцию по отношению к чему угодно, в том числе и к самому себе, и тем самым обрести над собой полный контроль»* [18. С. 295].

Специфика оказания психологической помощи может осуществляться как индивидуально, так и в рамках групповой работы, объединяющей людей, которые обладают схожими психологическими проблемами. Как правило, специфика работы внутри группы заключается в моделировании или *«отражении»* социальных взаимоотношений между людьми, с которыми пациент испытывает сложности в общении [18. С. 114]. В силу того, что социальные отношения уподобляются пространству, наполненному зеркалами, в которых человек может наблюдать собственное отражение, метафоризация методик и приёмов групповой психокоррекции строится на аналогичном основании. Так, в рамках психологического приёма *«вол-*

шебное зеркало», зеркалом может стать любой участник группы, задача которого повторять все движения, жесты и мимику человека, чтобы он смог *«увидеть себя со стороны»* [34. С. 376], *«как в зеркале, увидеть свои собственные»* проблемы [18. С. 75]. Пространство внутри психотерапевтической группы может моделироваться в виде *«комнаты зеркал»* [25. С. 290], где *«пациент видит себя как бы в различных зеркалах, которыми являются участники психотерапевтической группы»* [18. С. 286]. Возможность пациентов работать в парах структурируется в виде возможного *«двойного зеркального отражения индивидами друг друга»* [18. С. 715], которое способствует более продуктивному самоанализу и рефлексии человека.

В связи с тем, что «зеркалами» внутри психотерапевтической группы становятся пациенты, имеющие собственные психологические проблемы, их возможная необъективность по отношению друг к другу обозначается в виде кривизны, которой может обладать зеркало и таким образом заведомо искажать изображение объектов – объективное представление о другом человеке: *«смысл проективной идентификации, подсознательного процесса, лежащего в основе эффекта <зеркала>, заключается в проецировании некоторых собственных (хотя и отрицаемых) свойств на другого, с последующим возникновением по отношению к объекту проективной идентификации таинственных чувств притяжения-отталкивания. Проективная идентификация напоминает процесс, протекающий между двумя кривыми зеркалами, установленными друг напротив друга: создавая бесконечные ряды отражений, они многократно усиливают искажение»* [36. С. 292].

Заключение

Итак, проведенное исследование показало, что гносеологическая метафора «психика человека – это зеркало» является базовой метафорической моделью, функционирующей в теоретических и практико-ориентированных разделах психологии, ее терминосистеме.

1. В рамках теоретических направлений психологии, к числу которых относится общая психология, социальная психология, психиатрия и психопатология, формируется комплексное знание о закономерностях функционирования психической активности человека, которое раскрывается на основе трехчастной фреймовой структуры представления о зеркале, его бытовом назначении:

- сознание и бессознательное уподобляются *зеркалу*, которое способно *отражать* внешний мир во внутреннем мире человека;

- когнитивные процессы, направленные на познание окружающей действительности и формирующие представление о ней в сознании человека, моделируются в виде процесса *отражения* (*ощущения отражают свойства предметов объективного мира*);

- нарушение психической активности обозначается как неспособность воспроизводить точное изображение объекта, его *искажение* (*когнитивные искажения, дизестезия – искажение качества ощущений*);

– знание о межличностном взаимодействии людей в рамках социума и процессе социального познания уподобляется пространству, которое заполнено зеркалами, отражающими друг друга.

2. По-иному раскрывается метафорическая репрезентация знания в рамках текстов практико-ориентированных направлений психологии, к числу которых относится психосоматика и психотерапия.

– В текстах по психосоматике, которая рассматривает физиологические проявления и соматические заболевания в качестве источника получения информации о психическом и эмоциональном состоянии людей, психическая деятельность человека моделируется в виде объекта, отражение которого мы можем наблюдать в «зеркале» тела человека: *изменение цвета кожи, головные боли, положение тела, симптомы сексуальной дисфункции у пациента отражают сексуальные проблемы пары в целом и другие.*

– Тексты по психотерапии включают два аспекта, которые раскрывают специфику метафорической организации знания о психике человека в качестве зеркала. Необходимость оказывать эмоциональную поддержку в решении личностных и межличностных проблем определяет метафорическое представление психологической проблемы в виде *искажения*. Поэтому помощь, оказываемая психотерапевтом, структурируется как «исправление искажений».

Представления об особой организации пространственной модели, которая формируется в рамках психотерапевтической работы, между участниками психотерапевтической группы и психотерапевтом, реализованы в рамках социальной психологии. Социальные отношения, которые вызывают психологические трудности у человека, с одной стороны, реконструируются на основе образа *зеркальной комнаты*, в которой можно наблюдать *двойное зеркальное отражение индивидами друг друга*, где каждый участник психотерапевтической группы может увидеть свое отражение на уровне *отзеркаливающих* действий или комментариев окружающих, а также в виде проекции *двух кривых зеркал, установленных друг напротив друга, которые, создавая бесконечные ряды отражений, многократно усиливают искажение*. Сохранение объективности со стороны психолога по отношению к пациентам уподобляется наличию дистанции между зеркалом и объектом, необходимой для получения его отражения.

Таким образом, можно говорить, с одной стороны, о значительной роли исследуемой метафорической модели для формирования и организации знания в различных разделах психологической науки. С другой – очевидна специализация фреймовой структуры «зеркало» в представлении различных знаний. Как можно убедиться, в зависимости от типа представляемой ментальной структуры задействуются разные слоты фрейма. При этом еще одним важным моментом является то, что фреймовая структура включает не только и не столько представление объекта-артефакта, но ситуацию его использования, способов манипулирования им, оценку качества объекта. Таким образом, анализ гносеологической метафоры позволил скорректи-

ровать и значительно расширить структуру значения лексемы «зеркало» и ее производных.

Список источников

1. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
2. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / под ред. З.И. Резановой. Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1. 210 с.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
4. Деева А.И. Лингвокогнитивная специфика метафорического моделирования русской нефтегазовой терминологии : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 241 с.
5. Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. 114 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Рус. словари, 2008. 416 с.
8. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «восприятие»: (на материале английского, русского и французского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 357 с.
9. Ташлыкова М.Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 277 с.
10. Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57–72.
11. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование социализации человека в академическом дискурсе социальной психологии (на основе представления о местоположении в пространстве) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 41–49.
12. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 248 с.
13. Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб. : Белый кролик, 1995. 196 с.
14. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / под ред. С.Н. Бокова. Воронеж : НПО «Модэк», 1995. 639 с.
15. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем) / под ред. Н.А. Мишанкиной. М. : ФЛИНТА, 2018. 272 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : НОРИНТ, 2000. 1536 с.
17. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998. 800 с.
18. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб. : Питер Ком, 1999. 654 с.
19. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
20. Курпатов А.В. Мышление. Системное исследование. Красногорск : Капитал, 2019. 672 с.
21. Гамезо М.В., Герасимова В.С., Машурцева Д.А., Орлова Л.М. Общая психология. М. : Ось-89, 2007. 352 с.

22. Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М. : Территория будущего, 2010. 560 с.
23. Жмуров В.А. Психопатология. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. Ч. 2. 304 с.
URL: https://psychoreanimatology.org/download/books/zhmurov_psihopatologia_1_2.pdf
(дата обращения: 15.02.2021).
24. Жмуров В.А. Психопатология. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. Ч. 1. 240 с.
URL: https://psychoreanimatology.org/download/books/zhmurov_psihopatologia_1_2.pdf
(дата обращения: 15.02.2021).
25. Халтагарова О.Д. Краткий психологический словарь. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2006. 28 с.
26. Аристотель. О душе. М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. 180 с.
27. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
28. Сандомирский М.Е. Психосоматика и телесная психотерапия: Практическое руководство. М. : Класс, 2005. 592 с.
29. Старшенбаум Г.В. Психосоматика и психотерапия: Исцеление души и тела. М. : Изд-во Института психотерапии, 2005. 496 с.
30. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия. М. : Институт позитивной психотерапии, 2006. 464 с.
31. Курпатов А. Психосоматика. Психотерапевтический подход. Красноярск : Капитал, 2019. 480 с.
32. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М. : Аспект Пресс, 2001. 301 с.
33. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги (ДИК), 2000. 312 с.
34. Истратова О.Н. Справочник по групповой психокоррекции. Ростов н/Д : Феникс, 2011. 443 с.
35. Бодалев А.А. Психология общения. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Бодалева. М. : Когито-Центр, 2011. 600 с.
36. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. СПб. : Питер, 2000. 640 с.

References

1. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Rezanova, Z.I., Mishankina, N.A. & Katunin, D.A. (2003) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [A metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: key concepts]. Part 1. Voronezh: Voronezh State University.
3. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
4. Deeva, A.I. (2015) *Lingvokognitivnaya spetsifika metaforicheskogo modelirovaniya russkoy neftegazovoy terminologii* [Linguistic and cognitive specificity of metaphorical modeling of Russian oil and gas terminology]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Laguta, O.N. (2003) *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty* [Metaphorology: theoretical aspects]. Part 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
7. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetanost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Rus. slovari.

8. Merzlyakova, A.Kh. (2003) *Tipy semanticheskogo var'irovaniya prilagatel'nykh v pole "vospriyatie": (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Types of semantic variation of adjectives in the field "perception": (on the material of English, Russian and French languages)]. Philology Dr. Diss. Ufa.
9. Tashlykova, M.B. (2013) *Semanticheskie etyudy o "sintaksicheskoy derivatsii"* [Semantic studies on "syntactic derivation"]. Irkutsk: Irkutsk State University.
10. Mishankina, N.A. & Rakhimova, A.R. (2015) Metaphorical modeling of human psyche structure in scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 57–72. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/35/6
11. Rakhimova, A.R. (2017) Metaphorical modeling of human socialization in the academic discourse of social psychology: Location in space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/6
12. Rakhimova, A.R. (2018) *Metaforicheskoe modelirovanie psikhicheskoy deyatel'nosti cheloveka v nauchnom psikhologicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of human mental activity in scientific psychological discourse]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Gordon, D. (1995) *Terapevticheskie metafory* [Therapeutic metaphors]. Saint Petersburg: Belyy krokik.
14. Bleykher, V.M. & Kruk, I.V. (1995) *Tolkovyy slovar' psikiatricheskikh terminov* [Explanatory dictionary of psychiatric terms]. Voronezh: NPO "Modek".
15. Mishankina, N.A. et al. (2018) *Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti (na materiale metaforicheskikh fragmentov estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh terminosistem)* [Russian term systems in the aspect of semantic selectivity (based on metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian term systems)]. Moscow: FLINTA.
16. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: NORINT.
17. Golovin, S.Yu. (1998) *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a practical psychologist]. Minsk: Kharvest.
18. Karvasarskiy, B.D. (ed.) (1999) *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Psychotherapeutic encyclopedia]. Saint Petersburg: Piter Kom.
19. Korsini, R. & Auerbach, A. (eds) (2006) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological encyclopedia]. Saint Petersburg: Piter.
20. Kurpatov, A.V. (2019) *Myshlenie. Sistemnoe issledovanie* [Thinking. System research]. Krasnogorsk: Kapital.
21. Gamezo, M.V. et al. (2007) *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Moscow: Os'-89.
22. D'yakov, A.V. (2010) *Zhak Lakan. Figura filosafo* [Jacques Lacan. The figure of the philosopher]. Moscow: Territoriya budushchego.
23. Zhmurov, V.A. (1994) *Psikhopatologiya* [Psychopathology]. Part 2. Irkutsk: Irkutsk State University. [Online] Available from: https://psychoreanimatology.org/download/books/zhmurov_psihopatologia_1_2.pdf (Accessed: 15.02.2021).
24. Zhmurov, V.A. (1994) *Psikhopatologiya* [Psychopathology]. Part 1. Irkutsk: Irkutsk State University. [Online] Available from: https://psychoreanimatology.org/download/books/zhmurov_psihopatologia_1_2.pdf (Accessed: 15.02.2021).
25. Khaltagarova, O.D. (2006) *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* [A concise psychological dictionary]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU.
26. Aristotle. (1937) *On the soul*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russian).
27. Plato. (1994) *Collected works: in 4 vols*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. (In Russian).
28. Sandomirskiy, M.E. (2005) *Psikhosomatika i telesnaya psikhoterapiya: Prakticheskoe rukovodstvo* [Psychosomatics and Body Psychotherapy: A Practical Guide]. Moscow: Klass.

29. Starshenbaum, G.V. (2005) *Psikhosomatika i psikhoterapiya: Istsenie dushi i tela* [Psychosomatics and psychotherapy: Healing of the soul and body]. Moscow: Izd-vo Instituta psikhoterapii.
30. Pezeshkian, N. (2006) *Psikhosomatika i pozitivnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and positive psychotherapy]. Moscow: Institut pozitivnoy psikhoterapii.
31. Kurpatov, A. (2019) *Psikhosomatika. Psikhoterapevticheskiy podkhod* [Psychosomatics. A psychotherapeutic approach]. Krasnogorsk: Kapital.
32. Belinskaya, E.P. & Tikhomandritskaya, O.A. (2001) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of an individual]. Moscow: Aspekt Press.
33. Cooley, C. (2000) *Human nature and the social order*. Moscow: Ideya-Press: Dom intellektual'noy knigi (DIK). (In Russian).
34. Istratova, O.N. (2011) *Spravochnik po gruppovoy psikhokorreksii* [Handbook of group psychocorrection]. Rotov-on-Don: Feniks.
35. Bodalev, A.A. (2011) *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kogito-Tsentr.
36. Yalom, I. (2000) *Teoriya i praktika gruppovoy psikhoterapii* [Theory and practice of group psychotherapy]. Saint Petersburg: Piter.

Информация об авторе:

Рахимова А.Р. – канд. филол. наук, старший преподаватель Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: rahimovara@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.R. Rakhimova, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rahimovara@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.08.2021;
одобрена после рецензирования 05.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 12.08.2021;
approved after reviewing 05.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья
УДК 81-13; 81'42
doi: 10.17223/19986645/80/7

Конвергентно-концептуальный алгоритм исследования художественного концепта *Сибирь* в тексте Г.Д. Гребенщикова: опыт системно-уровневой модели

Жанна Болатовна Селиверстова¹

¹ *Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан,
seliverst.zh@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования художественного концепта как смысловой единицы литературного текста. Художественный концепт рассматривается как контекстно-зависимое и динамичное представление о фрагменте мира, выраженное комплексом концептуальных признаков, метафор и блендов. Для исследования концепта предлагается конвергентно-концептуальный алгоритм, активизирующий совокупный массив творческого наследия, что позволяет говорить о постижении авторской художественной концепции в целом. Верификация теоретических положений проводится на литературном материале Г.Д. Гребенщикова. В соответствии с предлагаемым алгоритмом исследуется художественный концепт *Сибирь*.

Ключевые слова: художественный концепт, конвергентно-концептуальный алгоритм, системно-уровневая модель, концептуальные признаки, метафоры, бленды, Сибирь, Г.Д. Гребенщиков

Для цитирования: Селиверстова Ж.Б. Конвергентно-концептуальный алгоритм исследования художественного концепта *Сибирь* в тексте Г.Д. Гребенщикова: опыт системно-уровневой модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 133–161. doi: 10.17223/19986645/80/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/7

Convergent-conceptual algorithm for the research of the artistic concept “Siberia” in the text of Georgy Grebenshchikov: An experience of a system-level model

Zhanna B. Seliverstova¹

¹ *L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan,
seliverst.zh@gmail.com*

Abstract. The article discusses the problem of studying the artistic concept as a semantic unit of a literary text. A system-level model has been developed, according to which an artistic concept is considered as a context-dependent and dynamic representation of a significant fragment of the world, expressed by a complex of artistic

conceptual features, metaphors and blends (hereinafter referred to as ACFs, ACMs and ACBs, respectively). The boundaries between conceptual levels are not impenetrable, since levels and their components are not strictly isolated, but interact with each other. Moreover, within the basic level of the artistic concept, the attributive differentiation of ACFs into universal, national cultural and a is proposed. The quantitative specificity of the organization of levels is determined by the structural hierarchy of the proposed model of the artistic concept: the number of ACFs forming the first, basic, level significantly exceeds the number of ACMs – the second level. ACMs, in turn, are represented in greater numbers than ACBs that form the third level. This hierarchical feature of the model is based on the understanding of the heterogeneous conceptual depth and creative elaboration of a particular artistic concept. The presence of allegorical authorial meanings in the structure of the concept testifies to its cognitive significance in the picture of the writer's world. To research the system-level model of the artistic concept, a convergent-conceptual algorithm is proposed, based on the use of cognitive linguistics tools to adequately extract implicit conceptual meanings embedded in the literary text. This algorithm, in accordance with the three distinguished levels of the artistic concept, integrates three specific research methods (the method of attributive differentiation of conceptual features, the method of reconstruction of conceptual metaphors, the method of deconstruction of conceptual blends). An in-depth, spectral coverage of the three levels of the concept makes it possible to ensure the consistency, completeness and reliability of the linguo-conceptual analysis. Verification of the proposed theoretical positions is carried out on the artistic concept "Siberia," represented in the text of the writer Georgy Grebenshchikov. The study has shown specific positive results: the proposed three-level model is structurally and logically superimposed on the content components of the analyzed concept. The revealed conceptual explications confirm the quantitative and hierarchical specifics of the organization of levels, based on the understanding of the structural vertical of the artistic concept. The advantage of the convergent-conceptual research algorithm lies in the possibility of a spectral coverage of conceptual levels in the "ascending" research logic, which makes it possible to present the integral structure of the artistic concept and ensure consistency, completeness, and reliability of the linguo-conceptual analysis.

Keywords: artistic concept, convergent-conceptual algorithm, system-level model, conceptual features, metaphors, blends, Siberia, Georgy Grebenshchikov

For citation: Seliverstova, Zh.B. (2022) Convergent-conceptual algorithm for the research of the artistic concept "Siberia" in the text of Georgy Grebenshchikov: An experience of a system-level model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 133–161. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/7

Введение

Интерпретация концепта как содержательной единицы когнитивного уровня творческого сознания и смыслового компонента художественного текста последовательно направляет научный дискурс от языкового концепта к концепту художественному.

Художественный концепт есть дериват языкового концепта, поскольку формируется на фундаменте последнего. Однако генезис художественного концепта не находится в прямой линейной зависимости от денотативно-коннотативных значений языкового концепта. Творческое сознание автора,

моделируя свой особый художественный мир, трансформирует содержание языкового концепта, преломляя его сквозь призму собственной творческой лингвокреативности.

В основе индивидуально-авторского видения лежат особенности универсальных и национально-культурных ментальных представлений об анализируемом фрагменте действительности. Вместе с тем, создавая художественный текст, автор не дублирует готовые смыслы, зафиксированные в обыденном сознании. В процессе творчества из многообразного спектра идей и историко-культурных срезов автор отбирает и культивирует концепты, наиболее значимые в его картине мира. На наш взгляд, об иерархии концептуальных приоритетов в творчестве конкретного автора можно судить по степени разработанности отдельных художественных концептов, которые автор последовательно раскрывает в своих произведениях. Исследование «жизни» художественного концепта на протяжении всего творческого периода позволяет обнаружить смысловые приращения и проследить его динамическую трансформацию.

В современный период в научном дискурсе в качестве самостоятельной области изучения прозаического текста выделяется художественная концептология, фокусирующая внимание на исследовании особенностей экспликации художественных концептов [1, 2]. При этом методология исследований, в основном, развивается в двух направлениях: представлении о полевой структуре концепта [3–5] и привлечении инструментария когнитивной лингвистики для анализа метафорических и интегративных высказываний, функционирующих в художественном тексте [6–9].

Структурирование художественного концепта по принципу поля с выделением нескольких смысловых зон, или «слоёв» (Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Н.Ф. Алефиренко, И.А. Тарасова), берет свое начало от метафорического представления языкового концепта в виде «облака» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), «снежного кома» (Н.Н. Болдырев), «плода» (И.А. Стернин). На наш взгляд, такое моделирование может успешно работать в масштабах конкретного художественного произведения, имеющего свои пределы. В то же время однотипные исследования, нивелируя первоначальную идею, ведут к доминированию инвентаризационного подхода [10, 11], поскольку методологическая монополизация направляет художественную концептологию по экстенсивному сценарию развития, при котором упускается видение системообразующих связей. Кроме того, в современной исследовательской практике полевое структурирование авторских концептов нередко совершается на материале одного–двух литературных произведений [12, 13]. Однако для понимания более полной творческой концепции писателя локальный полевой анализ обнаруживает свою недостаточность и относительную бесконечность. Подвергая концептуальному анализу отдельное произведение, исследователь, безусловно, совершает важные шаги к пониманию содержания художественного концепта, но при этом весьма медленно приближается к постижению целостной авторской концепции.

Исследования второго типа, базируясь на подходах зарубежных лингвокогнитологов (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ж. Фоконье, М. Тернер), используют метафорический инструментарий когнитивной лингвистики. Согласно первоисточнику, концептуальная метафора есть «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [14. С. 244], а также «один из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое» [15. С. 45]. Авторы теории, прежде всего, интересовало функционирование метафоры в языке, однако, поскольку метафоричность всегда признавалась важнейшей чертой художественного текста и основой создания художественного мира (А.А. Потебня, Н.Д. Арutyюнова, В.А. Пищальникова), в научном дискурсе формируется направление, интерпретирующее метафору как инструмент концептуализации мира, активно участвующий в построении художественной действительности. Данное направление в настоящее время находится в развитии. Вместе с тем некоторая разрозненность и точечность таких исследований пока не позволяет говорить о сложившейся лингвокогнитивной методике исследования художественного концепта. Полагаем, назревает необходимость разработки системного подхода к экспликации художественного концепта в когнитивном преломлении, что позволит взглянуть на некоторые вопросы художественного смыслообразования с иного ракурса.

Основным способом постижения авторского замысла при этом остается концептуальная интерпретация [16, 17]. Между тем, если интерпретацию языковых и лингвокультурных концептов можно считать в достаточной степени разработанной, методология системного анализа художественных концептов остается пока открытой. Неповторимое авторское восприятие действительности, уникальность художественного опыта, зависящего как от объективных, так и от субъективных факторов, обуславливают экспликативную сложность смыслового содержания художественного концепта и делают непростым определение общих принципов его моделирования.

Системно-уровневая модель художественного концепта

Методология лингвокогнитивного анализа художественного текста должна быть обращена не столько к анализу однородных лингвистических явлений в отдельном литературно-художественном тексте, сколько к анализу авторского дискурса как результату речемыслительной деятельности творческой языковой личности в целом. Работая с художественным материалом, лингвокогнитолог не может ограничиваться исследованием физики текста. Его приоритетная цель – метафизическое основание текста – понимание концептуального замысла автора посредством исследования механизмов индивидуальной лингвокреативной деятельности.

Развивая лингвокогнитивную методологию исследования смысловых единиц творческого сознания, а также учитывая необходимость поисков новых точек роста и ракурсов изучения концептуального смысла литературного текста, предлагаем рассматривать художественный концепт как

динамичное и контекстно-зависимое художественное представление о значимом фрагменте мира, имеющее сложную структуру, выраженную комплексом концептуальных признаков, метафор и блендов. При этом методологически опираемся на теоретические разработки мировой когнитивистики, интегрируя наработанный опыт в области концептуальных исследований.

Исходим из того, что пространство художественного концепта в своей сущности и основе – это интеллектуальное, ментальное пространство. «Нижней» границей пространство концепта сопредельно с лексикосемантическим пространством текста, а «верхней» границей – с персональным авторским сознанием.

В качестве рабочей модели предлагается теоретический подход, согласно которому в пространстве художественного концепта системно выделяются три уровня (рис. 1).

Рис. 1. Системно-уровневая модель художественного концепта

Первый уровень художественного концепта – это уровень художественных концептуальных признаков (далее – ХКП), отобранных, интерпретированных и обогащенных автором. Этот уровень служит концептуальной «почвой», на которой произрастает уникальный художественный концепт.

Второй уровень – это уровень художественных концептуальных метафор (далее – ХКМ). Понимание данного уровня требует реконструкции авторского метафорического замысла и смысла.

Третий уровень – уровень художественных концептуальных блендов (далее – ХКБ), познание и «вскрытие» которых требует системной, глубокой деконструкции авторской логики.

По нашему мнению, границы между концептуальными уровнями не являются непроницаемыми, поскольку уровни и их компоненты не строго обособлены, а взаимодействуют между собой. При этом количественная специфика организации уровней определяется структурной иерархией

предлагаемой модели художественного концепта: число ХКП, формирующих первый, базовый уровень, значительно превышает количество ХКМ – второй уровень. ХКМ, в свою очередь, представлены в большем количестве, чем ХКБ, образующие третий уровень. Эта иерархичная особенность модели основана на понимании неоднородной концептуальной глубины и творческой проработанности того или иного художественного концепта. Наличие иносказательных авторских смыслов в структуре концепта свидетельствует о его когнитивной значимости в картине мира писателя и, как следствие, весомости в лингвоконцептуальном пространстве авторского текста.

Конвергентно-концептуальный алгоритм: методологическая дифференциация

Для исследования системно-уровневой модели художественного концепта предлагается конкретный методологический алгоритм – конвергентно-концептуальный, – основанный на привлечении инструментария когнитивной лингвистики с целью адекватного извлечения имплицитных концептуальных смыслов, заложенных в литературном тексте. Данный алгоритм, в соответствии с тремя выделенными уровнями художественного концепта, интегрирует три конкретных исследовательских метода (метод атрибутивной дифференциации ХКП, метод реконструкции ХКМ, метод деконструкции ХКБ). При этом прагматический исследовательский потенциал предлагаемого алгоритма заключается в масштабном охвате не обособленных «страниц» художественного текста (отдельных литературных произведений), а совокупного массива авторского творческого наследия как единого художественного дискурса и, как следствие, в исследовательской возможности постижения не дискретных авторских концептов, а целостной художественной концепции автора. Рассмотрим методологию данного алгоритма.

Первый уровень: художественные концептуальные признаки (метод атрибутивной дифференциации). По общепринятому мнению, структура концепта формируется концептуальными, когнитивными признаками, отражающими важнейшие для носителя языка впечатления от внешнего мира. Концептуальные признаки выделяются на основании систематизации и семантического описания комплекса языковых средств, вербализующих концепт, различаются по степени яркости в сознании их носителей и реализуются разнообразными языковыми способами и средствами. Они являются отражением в человеческом сознании объективных и субъективных характеристик предметов и явлений. Расположение концептуальных признаков носит индивидуальный характер и не обнаруживает строгой последовательности, что обусловлено корреляционной зависимостью от условий формирования концепта в персональном сознании. При этом на общенациональном уровне содержание концепта подвергается определенной стандартизации, следовательно, в структуре концепта можно выделить как общенациональные признаки, так и индивидуальные [18. С. 38–39].

Подход к выделению признаков в структуре концепта языкового зависит от концептологического направления, которого придерживается исследователь. В рамках когнитивно-дискурсивного направления выделяются классификационные и дифференциальные когнитивные признаки концепта [19. С. 88–89]. Исследователи лингвокультурологического направления выделяют в структуре концепта классы признаков, функционально значимые для соответствующей культуры [20. С. 15].

К изучению признаков художественного концепта, полагаем, затруднительно подходить в рамках конкретного направления. В основе индивидуально-авторского видения лежат особенности общечеловеческих и культурно обусловленных ментальных представлений об анализируемом фрагменте действительности. Вместе с тем, создавая художественный текст, автор не дублирует готовые смыслы, зафиксированные в обыденном сознании. В процессе творчества он отбирает концепты, наиболее значимые в его картине мира, обогащая их художественными характеристиками.

Определяем ХКП как атрибутивное отличительное свойство художественного концепта, характеризующее его существенные стороны. Выделяя в системно-уровневой модели художественного концепта уровень концептуальных признаков и используя метод атрибутивной дифференциации, группируем ХКП следующим образом:

1. Универсальные признаки – это объективные признаки, фиксирующие существенные стороны явлений реальной действительности и присутствующие в глобальном когнитивно-синхронном контексте определенной эпохи, в том числе закрепленные в лексикографических источниках и выявленные в научном дискурсе.

В толковых словарях представлен, как известно, не только этнокультурный, но и универсальный когнитивный опыт употребления слова в определенном значении. С другой стороны, словари представляют собой определенный синхронный «срез» языкового употребления, что также делает их источниками для концептологического исследования.

2. Национально-культурные признаки – это признаки, функционально-значимые для определенной национальной культуры и выработанные в процессе историко-культурного развития этноса. Такие признаки являются вкладом нации в мировую сокровищницу концептов. Как правило, каждый художник формируется в определенной среде, времени и на определенной лингвокультурной основе, поэтому учет национально-культурных признаков необходим для релевантного понимания художественных концептов.

Для выявления данной группы признаков необходимо привлечение лексических источников национального языка, эпоса и фольклора, национальной художественной литературы, а также исследовательских работ, осмысливающих национальные источники в общественно-научном дискурсе. Кроме того, считаем целесообразным включать в этот перечень литературные тексты инационального авторства, в которых адекватно отражены особенности определенной лингвокультуры. Объективная ценность таких источников заключается в том, что они представляют собой не

случайный, а осмысленный и интеллектуально переработанный материал национально-культурных особенностей, которые могут быть более свежо и фактурно представлены в текстах инационального авторства.

3. Собственно-авторские признаки – признаки, которые содержат и отражают уникальные, креативные авторские смыслы, дополняющие и развивающие языковой концепт. Фактически именно эти признаки и делают концепт в полной мере художественным. Собственно-авторские концептуальные признаки, присутствующие в художественном тексте, способствуют развитию, расширению, обогащению концептуального пространства национального языка и универсального человеческого миропонимания.

На наш взгляд, предлагаемая систематизация ХКП позволяет последовательно раскрыть общечеловеческое, национально-особенное и индивидуально-авторское в его содержании.

Второй уровень: художественные концептуальные метафоры (метод реконструкции). Исследование художественного концепта не может ограничиваться лишь выявлением его атрибутивной специфики. Излюбленное средство художественной литературы – метафора, функционируя в тексте и являясь универсальным инструментом мышления и познания мира, активно участвует в построении художественной реальности в силу значительного когнитивного потенциала в порождении новых образов. Метафорический образ является концептуальной доминантой авторского текста и служит особым механизмом моделирования системы художественных смыслов.

Главным источником порождения новых смыслов в художественном тексте становятся авторские ассоциации, присущие конкретной творческой личности и обусловленные ее индивидуально-личностными характеристиками и стилем мышления. Автор осуществляет ряд операций по работе с образами, наиболее важными из которых можно считать «узнавание» как идентификацию объекта, выделенного из множества ему подобных, и его «замещение» на аналогичный объект. При этом незнакомое или «чужое» описывается через известное, подвергается заданной классификации и распознается в качестве «своего». Подобный результат достигается за счет того, что в метафоре «заключено имплицитное противопоставление обычного видения мира... необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета». Употребление метафоры в художественном тексте «всегда ощущалось как естественное и законное», что связано с органической связью метафоры с художественным видением мира [21. С. 16–17]. Поэтому выявление и реконструкция ХКМ является значимым и в системном аспекте «срединным» уровнем познания художественных концептов.

Под ХКМ понимаем иносказательный авторский смысл, реализованный в тексте посредством метафорической проекции смысловых элементов с одной концептуальной сущности на другую на основе когнитивной аналогии. ХКМ воплощает концептуально значимые фрагменты авторского осмысления и структурирования реальной действительности. При этом опираемся на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джон-

сона (далее – ТКМ), ставшую одной из классических теорий западной когнитивной лингвистики. Главное положение ТКМ заключается в том, что метафора является не только языковым явлением, но и явлением, происходящим на уровне человеческого мышления, а ее суть – в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах сущностей другого рода. Поэтому авторы ТКМ представляют модель взаимодействия двух когнитивных структур, в результате которого и возникает концептуальная метафора. Описываемая модель включает, как известно, сферу-источник (source domain), сферу-цель (target domain) и метафорические проекции (metaphorical mappings), которые возникают между взаимодействующими сферами [22].

Понимание метафоры как важнейшего когнитивного механизма осмысления действительности и универсального способа межконцептуального взаимодействия, в результате которого происходит осмысление одной концептуальной сферы посредством другой, позволяет глубже изучить исследуемый художественный концепт, выйти на новый уровень его понимания. Значительный потенциал генерирования новых смыслов и ассоциативных связей, заключенный в ХКМ, дает право предполагать, что «расшифровывая» метафорические модели, заложенные в тексте, исследователь имеет возможность реконструировать скрытый авторский подтекст.

Специфика художественного текста предопределяет функционирование метафоры как способа авторского переосмысления инвариантных смыслов и создания целостной системы художественных концептов. Поэтому считаем использование механизмов концептуальной метафоризации эффективным лингвистическим инструментом для выявления и реконструкции имплицитных авторских смыслов художественного текста, сосредоточенных на втором – концептуально-метафорическом – уровне пространства концепта.

Третий уровень: художественные концептуальные бленды (метод деконструкции). Однако некоторые важные аспекты понимания авторских иносказательных смыслов не могут быть объяснены исключительно теорией концептуальной метафоры. Смысл метафорического высказывания не всегда удастся реконструировать, пользуясь отображением сферы-источника на сферу-цель. Понимание некоторых текстов требует более детальной и более глубинной деконструкции «скрытого» авторского замысла. С учетом сложности ряда авторских метафорических формул, при лингвоконцептуальном анализе художественного текста необходимо использование логического инструмента и механизма выявления и деконструкции ХКБ, под которыми понимаем особый художественный конструкт, обладающий авторской индивидуальностью. ХКБ является результатом максимального концептуального обобщения автором сущностей разного рода, представленного в свернутом виде, и имеет качественно новое значение. Если ХКМ синтезирует признаки сопоставляемых сущностей, то ХКБ есть результат когнитивной селекции смысловых элементов концептуальных сфер, участвующих в образовании бленда. В художе-

ственном тексте ХКБ реализован в глубоко имплицитной форме, что свидетельствует об основательной авторской проработке соответствующего концепта.

Механизм выявления концептуального бленда был предложен Ж. Фоконье и М. Тернером в рамках теории концептуальной интеграции (далее – ТКИ). ТКИ обеспечивает новые перспективы смыслообразования, объединяя анализ метафоры с другими языковыми и концептуальными явлениями. Согласно данной теории, в основе человеческой способности к рассуждению, оценке, принятию решения лежит такая базовая когнитивная операция, как концептуальная интеграция. Суть ее заключается в том, что структуры исходных ментальных пространств (*input space*) отображаются на новое, конструируемое ментальное пространство – бленд (*blended space/blend*), который представляет собой новое концептуальное пространство, не тождественное ни одному из исходных пространств и не сводимое к сумме их элементов. Бленд является качественно новым концептуальным конструктом, обладающим своим собственным, новым значением. Модель концептуальной интеграции также включает в себя общее пространство (*generic space*), представляющее концептуальную структуру, которая содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам, т.е. является основанием для метафоризации на максимально абстрактном уровне [23, 24].

Определенные различия между ТКМ и ТКИ побудили некоторых исследователей рассматривать их как конкурирующие теории [25], однако наличие существенных точек соприкосновения на теоретическом уровне позволяет рассматривать эти научные подходы как комплементарные. Позднее в «Журнале когнитивной семиотики» вышла совместная публикация Ж. Фоконье и Дж. Лакоффа «О метафоре и блендинге». Авторы статьи, отмечая со стороны научного сообщества некоторую тенденцию считать их теории конкурирующими, поэтапно излагают основные события параллельного научного поиска, не видя принципиальных разногласий между своими исследовательскими подходами. В работе подчеркивается, что теории, разработанные для концептуальной метафоры и концептуальной интеграции, глубоко переплетаются, взаимно усиливают друг друга и находятся в «замечательной конвергенции». «Если вы исследователь, – отмечают авторы, – вам обычно приходится выбирать конкретные методы анализа. Если есть необходимость выбора, то, кажется, что выбор должен быть конфликтным. Но не в этом случае. Вы можете выбрать оба подхода для разных аспектов вашего анализа в зависимости от того, что вам необходимо для реализации ваших целей» [26].

В целом, метафорическая концептуализация – процесс двусторонний. С одной стороны, «расшифровывая» метафорические модели, заложенные в художественном тексте, мы имеем возможность лучше понять авторский замысел. С другой, автор, используя метафорические аналогии, может вложить концептуально новые идеи в языковые формы, понятные читателю. Поэтому использование механизмов концептуальной метафоризации

действительно является эффективным лингвистическим инструментом для выявления имплицитных смыслов авторского художественного текста.

Художественный концепт *Сибирь* в тексте Г.Д. Гребенщикова: опыт системно-уровневой реконструкции

Для верификации теоретических положений предлагаемой системно-уровневой модели художественного концепта в качестве эмпирического материала избрано творческое наследие малоизученного писателя, публициста, общественного деятеля, эмигранта первой послереволюционной волны – Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883–1964).

Интерес к художественному тексту Г.Д. Гребенщикова определяется его малой известностью для современного читателя. Между тем имя писателя в истории русской литературы первой половины XX века стоит рядом с именами А.М. Горького, И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, В.Я. Шишкова и др., с которыми Г.Д. Гребенщикова связывали творческие и личные отношения, а как общественный деятель он тесно сотрудничал с Г.Н. Потаниным, Н.К. Рерихом, И.И. Сикорским, Ф.И. Шаляпиным, С.Т. Коненковым, А.Л. Толстой и др.

Несмотря на то, что изучение интеллектуального наследия Г.Д. Гребенщикова уже имеет некоторые традиции, объективная, безусловная значимость творчества писателя еще не получила должного всестороннего освещения и анализа, фокусируясь, как правило, вокруг историко-культурных и литературоведческих тем и методов исследования [27–31]. Однако для дешифровки кода творческой мысли писателя, выявления индивидуально-авторских особенностей в композиционном конструировании художественных концептов необходимо более углубленное проникновение в его когнитивный контекст. С этой целью для анализа художественного концепта *Сибирь*, репрезентированного в тексте писателя (с теоретических позиций, обозначенных выше), привлекаются интерпретативные инструменты когнитивной лингвистики, базирующиеся на системной атрибутивности и метафоричности процессов концептуализации человеческого мышления. В качестве эмпирического материала используются литературные тексты Г.Д. Гребенщикова.

Понимание Сибири как потенциально весьма значимого региона стало одной из ключевых особенностей культурной самоидентификации сибиряков. Многими интеллектуалами Сибирь воспринималась не просто как обычный «внутренний» регион, но как своеобразная страна со своими природными, историческими, этническими, лингвокультурными особенностями. Г.Д. Гребенщиков, несомненно, был одним из заметных сибирских интеллектуалов своего времени, однако в специальных работах, посвященных развитию концепта *Сибирь* [32], не уделяется должное внимание художественному концептуальному видению писателя. Между тем в его произведениях присутствует не только обобщение традиционного понимания Сибири, но и обогащение индивидуально-авторскими характеристиками.

Художественные концептуальные признаки Сибири (метод атрибутивной дифференциации). Реконструкция художественного концепта *Сибирь*, представленного в тексте Г.Д. Гребенщикова, позволяет выделить в его содержании ряд универсальных, национально-культурных и собственнo-авторских признаков. Будучи ограничены объемом статьи, рассмотрим по одному примеру в каждой из групп.

Универсальные признаки. Концептуальный признак *Сибирь как пространство*. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста Г.Д. Гребенщикова выявил ряд универсальных концептуальных признаков СИБИРИ, которые составляют фундамент изучаемого концепта *Сибирь как пространство*, *Сибирь как каторга*, *Сибирь как суровый климат*. В качестве примера рассмотрим концептуальный признак *Сибирь как пространство*, поскольку Сибирь находилась в поле зрения Г.Д. Гребенщикова на протяжении всей его жизни, в первую очередь, как масштабное пространственное явление. В очерке «Я помню родные горы...» писатель дал обобщенную характеристику региона: «Сибирь – это *континент* со всеми климатами мира: от солнечного бесснежного Туркестана до Полярного круга с северным сиянием и девятимесячной ночью. А средняя полоса Сибири, самая богатая, самая черноземная и плодородная, где земля не знает искусственных удобрений и *простирается на тысячи километров, от Иртыша до Ангары, от Урала до Алтая* – равнинами, степями, лесами и реками, длинными, могучими сибирскими реками!.. Что за необъятный, солнечный, вольный *простор на тысячи* – поймите, *на тысячи километров – вдаль и вширь!*» [33. Т. 6. С. 424].

Лингвоконцептуальный анализ показывает, что в картине мира Г.Д. Гребенщикова СИБИРЬ – необъятное и при этом сложное и многомерное пространство континентального масштаба, которое характеризует следующие особенности:

1) Структурность, предполагающая рядоположенность, смежность и взаимодействие различных элементов: «Пора как следует познакомиться с Сибирью, изучить ее прошлое и настоящее, ее *людей, природу, почву, фауну и флору*, ее великие возможности» [33. Т. 5. С. 349]; «Где-то за далекими *равнинами* Сибири лежат Уральские *горы*» [33. Т. 1. С. 66]; «За рекою далеко были видны *пашни и луга*, а дальше – *горы*, укутанные утренним туманом» [33. Т. 1. С. 55]; «...и перед зрителями распахнулось огромное окно, через которое вдали опять заголубели причудливые, посеребренные вечными снегами *горы*, потекли бирюзовые *реки*, заколыхались хвойные кедровые *леса* и появились *люди*, живые настоящие, во плоти и крови» [33. Т. 1. С. 140].

2) Протяженность, предполагающая визуальную неограниченность объекта: «Русская земля с тех пор расширилась в пять раз за счет *необозримых просторов Сибири*» [33. Т. 5. С. 356]; «А населения на всем этом *пространстве* – меньше двадцати миллионов» [33. Т. 5. С. 354]; «...Над *сибирскими просторами* взойдет солнце» [33. Т. 5. С. 349]; «И мы опять не видим на *бесконечных сибирских просторах* никаких следов строитель-

ства» [33. Т. 5. С. 321]; «Так или иначе, народ стихийно заселял Сибирь и все глубже продвигался по долинам рек к северу, к востоку, к югу» [33. Т. 5. С. 329]; «А белый царь все продвигал свои границы в далекие *сибирские просторы*» [33. Т. 5. С. 329].

3) Трехмерность, характеризуемая однородными ортогональными векторами – длиной, шириной, высотой: «Что за необъятный, солнечный, вольный простор на тысячи – поймите, на тысячи километров – *вдаль и вишь!*» [33. Т. 6. С. 424]; «Но не о *шири* и *дали* я вспоминаю в данную минуту... Я вспоминаю о *высотах!* Знаете ли вы, что значит *высота гор* в три плана?» [33. Т. 6. С. 424]; А когда Василий Чураев возвращается из Монголии, после путешествия по Востоку, то, поднявшись на алтайский перевал и охватывая взглядом открывшуюся необъятную ширь, запечатлевает в памяти «неповторяемую *даль*, и *ширь*, и *синь*, и *глубину* видения» [33. Т. 1. С. 296].

4) Сопредельность с другими пространствами: «...подлетая к Байкалу и озирая ширь Сибири, вы налево, вплоть до Ледовитого океана, увидели бы ту же бесконечную равнину лесов, степей и тундр, а направо вы не могли бы не заметить большой и синей *каменной стены*, которая тянется с запада на восток около тысячи верст и *отгораживает Сибирь от Китая...*» [33. Т. 1. С. 139].

5) Значимость местоположения в глобальном масштабе: «Сибирь – это такое *географическое место на земном шаре*, где должно возникнуть теснейшее культурное единение великих наций» [33. Т. 5. С. 350]; «Сибирь географически занимает пространства, могущие стать ареной единения многих народов *Востока и Запада*» [33. Т. 5. С. 348].

Национально-культурные признаки. Концептуальный признак *Сибирь как страна*. В числе национально-культурных признаков концепта *Сибирь* в тексте Г.Д. Гребенщикова репрезентированы следующие признаки: *Сибирь как страна*, *Сибирь как величие*, *Сибирь как воля*. Концептуальный признак *Сибирь как страна* в картине мира писателя уходит корнями в историческое прошлое. Г.Д. Гребенщиков отмечает: на европейских картах XV века сибирская страна именуется «Великой Тартарией», а последующий топоним «Сибирь» связывается с татарским ханством, которое называлось «по имени одной красавицы и легендарной ханши – Чибирь-ханум» [33. Т. 5. С. 324].

ХКП *Сибирь как страна* обладает национально-региональной спецификой и особой когнитивной значимостью, поскольку Сибирь, взятая в целом, не обладала единым суверенным статусом, являясь либо местом расположения локальных государственных образований, либо обширным регионом России. Тем не менее в картине мира сибиряка Г.Д. Гребенщикова СИБИРЬ мыслится как образование «странового типа», обусловленное не только географическим положением, но и культурной, экономической и политической значимостью и концептуализируется как «страна», характеризующаяся тремя модусами темпоральности:

1) прошлое: «...судя по древним картам, писанным просвещенными чужестранцами, *Сибири как страны*, хотя бы и с другим названием, тогда

еще не существовало» [33. Т. 5. С. 324]; «Сибирь еще сравнительно недавно была неведомой *страной* и девственно пустынной среднеазиатской равниной» [33. Т. 5. С. 321];

2) настоящее: «Мы имеем *страну*, на протяжении которой имеются все климаты земного шара и в недрах которой находятся все ископаемые сокровища» [33. Т. 5. С. 354]; «Какое невежество называть Сибирь *страной* морозов и каторги!» [33. Т. 5. С. 342];

3) будущее: «Пусть юбилей этот будет новым толчком к достижению лучшего будущего молодой *страной*!» [34]; «И хочется верить, что великая Сибирь скоро станет наисвободнейшей *страной* мира» [33. Т. 5. С. 340]; «Пусть же вознесется над *сибирской страной* это солнышко...» [33. Т. 1. С. 481].

И если для Г.Д. Гребенщикова Сибирь – страна, то Алтайские горы – естественная граница «между двумя колоссальными странами, Китаем и Сибирью...» [33. Т. 1. С. 514].

Сибирь как страна раскрывается в картине мира писателя через концептуальное сопоставление с собственно Россией: «Пока ехали *Россией*, все думали, что так прямо к куму Симашкину приедут, но чем ближе стали подъезжать к *Сибири*, тем сомнительнее стала эта возможность» [35. С. 148]; «С *Россеи* мы пришедши...» [35. С. 150]; «...новых-то принимать не надо бы, а то, гляди, они всю «*Расею*» выпишут к нам...» [35. С. 154]; «Уже третий год как церковным старостой выбран «*российский*». «*Российского*» же метили и в сельские старосты. Словом, старожилы-сибиряки как-то потонули среди новых и чужих им людей» [35. С. 157].

Собственно-авторские признаки. Концептуальный признак *Сибирь как родина*. Художественный концепт *Сибирь* характеризуется уникальными авторскими признаками, которые репрезентируют индивидуальное видение Г.Д. Гребенщикова: *Сибирь как родина*, *Сибирь как сказка*, *Сибирь как труд*.

В языковой картине мира сибиряка-патриота ХКП *Сибирь как страна* в структуре исследуемого концепта неразрывно связан с ХКП *Сибирь как родина*. Свое отношение к родине Г.Д. Гребенщиков выражает простой, но емкой формулой: «Я скромный сын своего полудикого Алтая» [33. Т. 1. С. 474]. Или: «Вскормленный простором Сибири, я с детства влюбился в две соседние стихии: в высоту гор, цепляющуюся за облака и зовущую к небу, и в степь, напоминающую море» [33. Т. 2. С. 429].

Сибирь для Г.Д. Гребенщикова – это не просто место, где он родился. Это край его предков и отцов, где по-прежнему живут его родные и близкие: «Вспоминая *родину*, я прежде всего слышу *голоса отца и матери*» [33. Т. 6. С. 429]; «...вспомнил, что ведь, в сущности, его *деды и прадеды* вторглись сюда сравнительно недавно» [33. Т. 1. С. 314]; «Так сладко было знать, что в этих горах родился, прожил красочную пору жизни и умер его *родитель*, что здесь живут и носят то же давно сшитое и еще не изношенное праздничное платье его *сестры*, что где-то здесь поблизости и вокруг стоят задолго до его рождения построенные избы и дома, а главное, еще

живет и много лет ждет и ждет возвращения его, ослепшая с тоски по нем его *старушка мать...*» [33. Т. 1. С. 314].

Кроме того, экспликация концептуального признака *Сибирь как родина* обеспечивается употреблением лексем с природно-ландшафтной семантикой: «...слишком хороша вокруг *родимая природа*. Господи, как хороша!» [33. Т. 1. С. 313]; «Да, я помню их [*горы Алтая*] живо и вспоминаю часто, когда есть минута подумать и отдаться сладкой грусти о давно уже потерянной *родине*» [33. Т. 6. С. 424]; «Сидя на своих узлах, Викул поглядел назад, стараясь уловить хоть тонкую полоску *родных далеких гор... Родимых гор*, таких могучих и богатых и святых, как бы и не было совсем на Божьем свете» [33. Т. 5. С. 106].

Любовь к родным местам обостряется при отъезде и становится нестерпимой в разлуке: «И чем дальше уплывал он, тем тоскливее сжималось сердце Викула, тем ярче воскресали в памяти далекие, синие, похожие на облака *горы*, тем дороже и милей казался *отчий дом*, и пасека, и маральи сады, и зеленые *приволья на родных местах*» [33. Т. 1. С. 106]; «Викул замолчал, замкнулся и стал смотреть в окно на быстро побежавшую назад землю, зеленую и кучерявую от березовых перелесков и такую ровную, могучую, великую, что *от любования ею кружилась голова, а на глазах наворачивались слезы*» [33. Т. 1. С. 108]. Безусловно, за диктально-эмотивными смыслами, приписываемыми автором своим литературным героям, присутствуют модальные авторские. Так, в 1912 году Г.Д. Гребенщиков покидает сибирский «родной угол» и едет в Петербург, «чтобы, перекинувшись через Урал, потолкаться... в так называемых центрах русской культуры и цивилизации» [33. Т. 1. С. 472]. Выехав из Сибири на поезде, за Уралом размышляет: «Все дальше к северу, все глубже в Россию, все ближе к ее беспутной голове – Петербургу...» [33. Т. 1. С. 488]. По северной дороге в Петербург он видит маленькие деревеньки, бедноту и нищих на станциях и припоминает «пустынную, забытую и холодную, но пока еще сытую Сибирь...» И припомнив, приходит в ужас от мысли: «А не ухитрятся ли и ее уравнять во всем с черноземной Рассеюшкой?» [33. Т. 1. С. 489]. Прибыв же в Петербург, замечает, что «сразу из вагона, то есть со всем привезенным в нем сибирским духом, вы попадаете сразу в котел, кипящий на парах изысканной цивилизации» [33. Т. 1. С. 489].

Художественные концептуальные метафоры Сибири (метод реконструкции). Исследователи наследия Г.Д. Гребенщикова отмечают высокую метафоричность языка писателя [36. С. 17]. Реконструкция «сибирских» ХКМ позволяет интерпретировать природу концепта *Сибирь* через идентификацию с более конкретными концептуальными смыслами. Так, можно выделить авторские художественные метафоры *Сибирь – Непрочитанная книга*, *Сибирь – Организм*, *Сибирь – Дно морское*. Рассмотрим одну из них.

Художественная концептуальная метафора Сибирь – Непрочитанная книга. Масштабно осмысливая судьбу Сибири, Г.Д. Гребенщиков кон-

цептуализирует ее через артефактную художественную метафору *Непрочитанная книга*: «Мы видим Сибирь как огромную и дорогую книгу с едва начатыми страницами, большинство которых еще совсем чисто в ожидании великого рукописания в будущем» [37. С. 89].

Лингвоконцептуальный анализ текста показывает, что метафорическая модель *Сибирь – Непрочитанная книга* основывается на следующих концептуальных характеристиках, подвергающихся метафорической проекции из сферы-источника *Непрочитанная книга* на сферу-цель *Сибирь* (рис. 2):

1) тайна, загадка: «...Сибирь пока является «заколдованной страной», а ее богатства – *закрытым кладом*, ожидающим каких-то новых времен, новых деятелей и объединений, быть может, совершенно нового подхода к *таящимся* в недрах и в природе Сибири богатствам» [37. С. 95]; «...и хотя Сибирь ныне разрезана тонкой нитью железного пути, она остается все-таки страной почти непочатой, *таинственной* и *заколдованной* в своих извечных синих дымках» [37. С. 59]; «...даже при самых благоприятных условиях для обитателя она [сибирская природа] подавляет его своим величием и какой-то *колдующей* суровой тайной» [37. С. 56];

2) нетронутость, девственность: «...Сибирь еще сравнительно недавно была *неведомой* страной и *девственно пустынной* среднеазиатской равниной» [33. Т. 5. С. 321]; «Обращаясь снова к *целине* и *первобытности* сибирского материка...» [37. С. 89]; «Сибирь... остается все-таки страной *непочатой*...» [37. С. 59]; «...есть *новый, чистый, грандиозный, почти необитаемый* прекрасный “танцевальный зал” – Сибирь» [33. Т. 5. С. 348];

3) предвкушение предстоящего прочтения, радость первооткрывателя: «Начнем же строить *новую радость, новую культуру духа* в чистом и суровом месте [в Сибири]» [33. Т. 5. С. 348]; «Пора как следует познакомиться с Сибирью, изучить ее прошлое и настоящее, ее людей, природу, почву, фауну и флору, ее великие возможности... для *предстоящей* большой работы в этой новой и прекрасной стране» [33. Т. 5. С. 349]; «Не предсказываю, а утверждаю, что над сибирскими просторами взойдет солнце... *общемирового обновления и возрождения*» [33. Т. 5. С. 349].

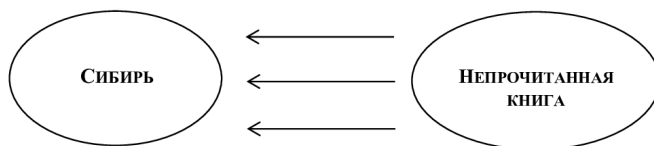

Рис. 2. Метафорическая модель *Сибирь – Непрочитанная книга*

Концепт КНИГА относится к концептам-артефактам, то есть предметам, созданным как в прагматичных, так и в духовных целях. В этом плане создателем Сибири в картине мира писателя является Всевышний Творец, который через свое Божественное «рукописание» создает материально-идеальное единство Сибири, подобно тому, как человек в единстве формы и содержания создает книгу: «Сибирская осень длинна и изменчива. Сего-

дня дождь, завтра снег, потом ветер, солнце и тепло. И снова слякоть или мороз без снега. *Точно кто-то пробует на широчайшем полотне степен и гор нарисовать белыми красками огромную картину. Попишет, смоем, сдует, высушит и начинает снова, нехотя и небрежно*» [33. Т. 2. С. 91]; «Уже давно Бог начертал веления птицам удалиться с севера на теплый юг, и последние станицы журавлей тонкими и высоко закинутыми в небо нитками исполнили эти веления, составив клинья и углы, кресты и дуги *божьего рукописания*» [33. Т. 2. С. 92].

Сибирь – Непрочитанная книга полна новых открытий и самых неожиданных сюрпризов. Неизвестно точное количество страниц в этой книге, но очевидно, каждая из этих страниц наполнена уникальным, неповторяющимся текстом, открывающим Сибирь с новой, ранее неизведанной стороны. Хватит ли жизни, чтобы прочесть ее до конца: «*Открытия все время продолжаются, и результаты их неисчислимы*» [37. С. 99]; «...богатства края все еще можно считать *недостаточно разведанными*, а быть может, *беспредельными*» [37. С. 104].

Беря в руки новую книгу, читатель часто верит предисловию, судит по обложке, забывая, что самая суть прячется где-то там, среди страниц, в маленькой строчке: «А все-таки *многие ошибочно думают*, что на далеком севере Сибири только один мрак и вечная зима. Даже в глубине Якутской области во время лета бывает такое обилие трав, цветов, насекомых, птиц и солнечного света, что по временам это делает похожей якутскую природу на буйную природу под тропиками... Поэтому не мудрено, что люди, случайно попавшие на север с юга и очарованные неожиданной картиной северного лета, из глубоких прозаиков превращаются в восторженных поэтов» [37. С. 60].

Автор предлагает читателю постигать сущность этой книги не только глазами, но и сердцем. Непрочитанная книга *Сибирь* станет понятна только тому, кто взял ее в руки с любовью. Такому читателю, который раскроет эту книгу, чтобы насладиться и разглядеть ее истинную ценность, «и камни скажут истину» [37. С. 78]: «...*прежде чем понять* какую-либо страну, *надо полюбить* ее, а для того чтобы полюбить, надо познать ее настоящее и давно прошедшее. А познавши, мы поймем, как нам очистить и расширить путь к грядущему» [33. Т. 5. С. 321].

Таким образом, рассмотренная концептуальная метафора образована метафорическими проекциями следующих элементов из сферы-источника *Непрочитанная/Начатая книга* в сферу-цель *Сибирь*: *тайна, нетронутость, предвкушение*. Индивидуально-авторская метафора Г.Д. Гребенщикова отражает представление писателя о соразмерности книги, как творения человека, естественному сибирскому миру, как творению Создателя, и дает ключ к успешному и продуктивному прочтению книги под названием «Сибирь».

Художественный концептуальный блэнд Сибири (метод деконструкции). В структуре художественного концепта *Сибирь ХКБ Страна Белых вод* представляет типичный случай концептуальной интеграции и

базируется на двух ментальных пространствах *Легенда о Беловодье* (ИП₁) и *Сибирь реальная* (ИП₂) (рис. 3).

Легенда о Беловодье – это миф о праведной и обильной земле, который, по мнению исследователей, относится к группе социально-утопических легенд об отдаленных вольных землях. К таким легендам также относится, например, легенда о граде Китеже [38. С. 134].

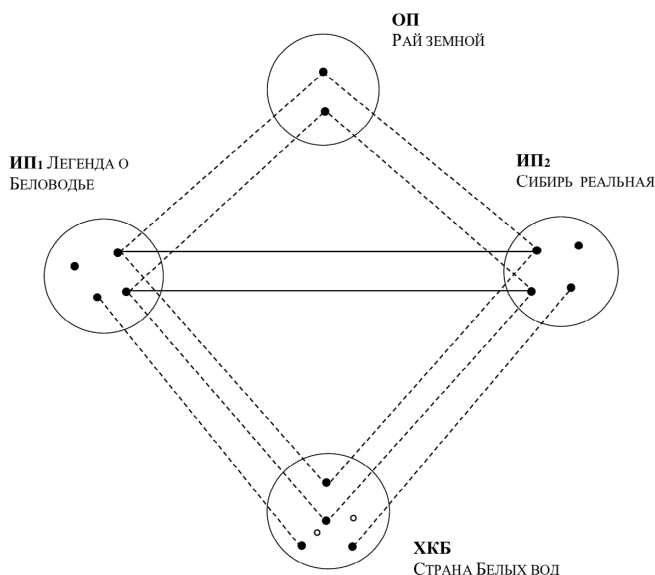

Рис. 3. Модель художественной концептуальной интеграции *Страна Белых вод*

В научном дискурсе «первооткрывателем» легенды о Беловодье считается К.В. Чистов [39. С. 86]. По мнению ученого, беловодская легенда возникла «после присоединения первоначального Беловодья – Бухтармы и Уймона – к России», то есть после 1791 года, и связана с миграционным движением крестьян из центральных губерний в Сибирь. При этом К.В. Чистов отмечает: «Утверждая, что легенда о Беловодье возникла в конце XVIII – начале XIX в., мы не считаем вместе с тем, что у нее не было никаких предшествований, либо сама она не могла существовать в каких-то формах до этого времени» [40. С. 179].

В картине мира Г.Д. Гребенщикова легенда о Беловодье функционировала задолго до 1791 года, когда указом Екатерины II о «прощении разного звания забеглых русских людей» поселенцы в долине Бухтармы (то есть на Южном Алтае) были приняты в состав России «на статусе ясачных иногородцев» [41. С. 10]. В очерке «Алтайская Русь» писатель прослеживает этапы заселения территории Бухтарминской и Уймонской долин, предположительно считавшейся Беловодьем и в научном дискурсе [40. С. 161], и в понимании Г.Д. Гребенщикова [33. Т. 1. С. 515]. По его мнению, население названной территории Алтая формировалось с XVII в. тремя социальными группами:

1) русскими староверами-раскольниками, отделившимися от Русской православной церкви после реформ патриарха Никона, а затем и Петра Великого: «И потекла благочестивая Русь под натиском преследования во все концы от сердца своей родины. В поисках наиболее пустынных и безопасных мест одни уходили в Керженские и Муромские леса, другие – на побережье Белого моря, третьи – за границу, в Польшу, на Ветку и Стародубье, четвертые – в Пермские леса, а пятые – за Урал в Сибирские черные тайги» [33. Т. 1. С. 517]; «...в течение двух столетий сюда, в глухие горы и леса Алтая, пробирались не только ищущие Белых вод, но и гонимые за старую веру» [37. С. 122]; «Русские люди пришли на Алтай, буквально влекомые издревле прослышанной легендой о святости алтайских Белых вод и побуждаемые искренним религиозным чувством о спасении своей души» [37. С. 122];

2) беглыми крепостными с российских горных заводов на Среднем Урале и Северном Алтае: «С передачею же горных промыслов Кабинету Его Величества среди крепостных шахтеров уже ходила легенда о каком-то таинственном Беловодье, которое существует будто бы где-то поблизости, тотчас за Камнем, и которое нашли русские пустынножители-староверы» [33. Т. 1. С. 517]; «Надо представить себе жизнь горнозаводского рабочего начала XVIII столетия, когда кошки и дыбы, кнут и шпицрутен были единственной наградой за его каторжные работы в подземелье, чтобы понять мечту его о заветном Камне» [33. Т. 1. С. 517]; «...в течение двух столетий сюда, в глухие горы и леса Алтая, пробирались... также беглые от тяжелой подневольной жизни, от каторжного непосильного труда в шахтах и от прочих степеней насилия над совестью и волей человека» [37. С. 122];

3) русским крестьянством, мигрирующим из Центральной России в Сибирь: «И каким-то чудом, может быть, в клювах воронов, а может быть, все в той же котомочке, понесли таинственные вести обратно на понизовья, спустились в унылые долины... тяжелой мужицкой долюшки вести о том, что святое Беловодье не сказка, а была настоящая... Что есть оно и что есть уже там подвижники, спасающиеся христиане» [33. Т. 1. С. 521]; «Сибирь стала для нее [Руси] оплотом, надеждой и запасным полем, куда могла откочевать вся тогдашняя лапотно-избяная Русь» [33. Т. 5. С. 330]; «Освободив крестьян от позорной крепостной зависимости, Александр II не наделил их помещичьей землей, и многие из наиболее здоровых и крепких русских землевладельцев, ища вольных земель, стали направляться на окраины России и, главным образом, в Сибирь» [37. С. 58–59].

Однако следует иметь в виду, что Беловодье – это не топоним конкретного географического объекта, это концептуальное представление народной мечты о земном рае, о вольной и щедрой земле, свободной от притеснения. Локализация Беловодья в народном предании была связана с Камнем (народное название Горного Алтая). Именно там можно было увидеть текущие с гор «белые воды», «смесь молока и синьки» [33. Т. 1. С. 313]. Прослышавшие о Камне люди в мечтах и в реальности стремились в эту

заветную «райскую» землю: «Обилие голубых говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых лесами и коврами из всевозможных цветов, – *все это делало Камень земным раем*, и люди от плетей и кандалов, от гонений за веру и от тяжелой работы шли туда, как *в место, уготованное им еще при жизни за их земные мучения*» [33. Т. 1. С. 520]; «И с непоколебимым убеждением они верили, что *святое Беловодье* и есть тот *потерянный и возвращенный рай*, к которому издавна гонимые русские люди шли через пытки и кровь, через истязания и преступления» [33. Т. 1. С. 521].

Каждая из выделенных Г.Д. Гребенщиковым социальных групп шла за собственной мечтой: раскольники уходили, чтобы сохранить в чистоте старый уклад – истинную, изначальную православную веру; горнозаводские рабочие – от тяжелой каторжной жизни на рудниках и заводах; крестьяне мечтали о жизни, свободной от оброков и податей, накладываемых всесильной властью. Так или иначе, в XVII–XVIII вв. эти группы «встретились» в алтайском локусе Сибири, составив его старожильческий народ: «*Слава о заселившихся в глухих Алтайских горах русских людях* перенеслась далеко за пределы Урала, и, хотя там не знали, где находится это *обетованное новое царство, это благочестивое Беловодье*, однако многие согбенные странники двинулись по пыльным сибирским дорогам искать его благодатную сень. Рабы суровой жизни, но богатырски терпеливые русские люди через цепи и плети, сквозь смертельные ужасы и препятствия пошли на Беловодье, а в котомочках, всего только в заплечных котомочках, понесли с собою и *вековой уклад русской были, и свою суровую устойчивость*» [33. Т. 1. С. 521–522].

Сопоставление Сибири и России в тексте Г.Д. Гребенщикова имеет и ретроспективную сторону. Он подчеркивает, что «средневековая Русь раскололась на части» и потекла «за Урал в Сибирские черневые тайги» [33. Т. 1. С. 517]. В результате в Сибири, на алтайском Беловодье сохранился прежний «средневековый» уклад, в то время как Россия предпринимала попытки европеизироваться. Писатель отмечает, что «попавши в Бухтарминский край, вы невольно переноситесь в *седую старину Руси Московской*» [33. Т. 1. С. 516]. Даже села здесь состоят из домов «*древнерусской архитектуры*» [33. Т. 1. С. 533], а «*ясашные люди из бывших рабов* выросли в *почетных бояр и витязей, не знавших над собою никого, кроме Господа Бога*» [33. Т. 1. С. 531]. И когда встречаешь «расфранченных бухтарминцев» – «представительных бородатых мужиков, правящих ретивыми конями, – кажется, что *Московская Боярская Русь ожила и благополучно здравствует*» [33. Т. 1. С. 539]. Та же картина в письме А.М. Горькому: «Вот верхом на лошади подъехал мужчина... Боже мой, да это *сказочный витязь*... Что за осанка, взгляд, борода черная по пояс...» [33. Т. 1. С. 544]. Для Г.Д. Гребенщикова очевидно, что «жизнь этих людей еще полна своеобразной мощи, делающей их совершенно непохожими на приниженного и ограниченного крестьянина Центральной России» [33. Т. 1. С. 540]. Алтайские сибиряки выражают «силу, краски, смех и, главное, ту чисто *сибирскую лесную независимость, какой не знает черноземная Россия*» [33. Т. 1.

С. 333]. Таким образом, полумифическая (для европейской России) «страна Белых вод» обрела в Сибири реальные черты.

Одним из важнейших источников изучения легенды о Беловодье являются «тайные листки, писанные крестьянской рукой», так называемые «путешественники». «Путешественник» представлял собой листовку с описанием маршрута, призывающую идти в Беловодье, и носил тайный характер. Возможно, поэтому сохранилось сравнительно малое количество списков «Путешественника», хотя подобные памятки были довольно широко распространены [40. С. 133].

Концептуальное сопоставление списков «Путешественника», сохранившихся в трех редакциях [40. С. 134–140], с авторским текстом Г.Д. Гребенщикова позволяет выявить общие для ИП₁ (*Легенда о Беловодье*) и ИП₂ (*Сибирь реальная*) элементы, «сплавляемые» в художественном концептуальном блэнде *Страна Белых вод* (таблица).

1) «Древнее благочестие»:

Текст «Путешественника»	Текст Г.Д. Гребенщикова
«Бог наполняет сие место» [40. С. 137]; «...тут и донныне имеется <i>благочестие</i> и живут христиане, бежавшие от Никола-еретика» [40. С. 140]	«В поисках потаенных мест для насаждения <i>религиозного благочестия</i> русские раскольники в виде калик перехожих, горбунчиков и звероловов появились в предгорьях Алтая» [33. Т. 1. С. 517]; «Отшельники-сектанты, пробравшись в Камень, поселялись в наиболее красивых уголках, и <i>спасение души своей</i> соединяли с созерцанием красивой девственной природы, тем более что во всем хотели <i>подражать святым угодникам</i> » [33. Т. 1. С. 520]; «Уединенный в девственных лесах, окруженный только птицами да дикими зверями и обвеянный тишью безлюдья, – человек чувствовал <i>близость Бога</i> и неприкосновенно оберегаемое здесь <i>благочестие</i> » [33. Т. 1. С. 520]; «Как было первым славянам, попавшим на Белые воды, не вообразить себя <i>спасителями истинной веры, нашедшими утраченное благочестие?</i> ...» [33. Т. 1. С. 521]

2) Воля, независимость от центральной власти

Текст «Путешественника»:	Текст Г.Д. Гребенщикова
«Светского суда не имеют; управляют народы и всех людей <i>духовная власть</i> » [40. С. 138]	«И униженные и оскорбленные, рабы и преступники, беглецы и бродяги в дебрях Алтая закладывали свое новое, <i>вольное царство</i> » [33. Т. 1. С. 523]; «...ясашные люди из бывших рабов выросли в почетных бояр и витязей, не знавших над собою никого, <i>кроме Господа Бога</i> » [33. Т. 1. С. 531]

3) Обилие и плодородие земель

Текст «Путешественника»	Текст Г.Д. Гребенщикова
«А <i>земные плоды всякия весьма изобильны</i> бывають; <i>родится виноград и сорочинское пшено и другая сласти без числа</i> » [40. С. 138]	«А <i>земли-то у нас – слава Тебе Господи, её вовеки веков не вспашешь!</i> ...» [35. С. 151]; «Здесь земля, как <i>черный ломоть хлеба, густо смазанный сливочным маслом</i> . Так <i>тучны и жирны</i> здесь <i>привольные луга и пашни</i> » [37. С. 65]

4) Богатая, спокойная жизнь

Текст «Путешественника»	Текст Г.Д. Гребенщикова
«...злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много» [40. С. 138]; «...житие вельми хорошо» [40. С. 140]; «В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает» [40. С. 138]; «...в землю свою никого не пушают, и войны ни с кем не имеют» [40. С. 138]	«Погляди-ка! – взмахнув рукой, показал он развернувшуюся перед ними даль полей, точно золотом, окованных зреющими нивами и озаренных ранним солнцем. – Вот оно, золото – черпай полными горстями!.. Лопатами гребь – не прогребешь... Не одолеешь...» [33. Т. 2. С. 26]; «А жирно вы живёте!.. Сыто, говорю, живёте. Видишь, еды-то сколько прут» [33. Т. 2. С. 248]; «Здесь [в Сибири] никому не знакомо отчаяние живущих на чердаках и в подвалах бедняков, преступников или самоубийц. Здесь все полно крепкой бодрости, теплой, красящей лицо крови и уверенного ожидания завтрашнего, непременно чем-то лучшего дня» [33. Т. 2. С. 92]; «Щедры и обильны были эти дары от праведных трудов неведомых, чужих, странноприимных людей алтайского предгорья» [33. Т. 6. С. 64]

5) Климатические и природные условия

Текст «Путешественника»	Текст Г.Д. Гребенщикова
«Во время зимы мразы бывают необычайны с расселинами земными, а в летное время громы бывают страшны, яко и земли колебаться и трястися» [40. С. 138]; «А тамо леса темная, горы высокия, расселины каменные» [40. С. 139]	«...можно легко себе представить, что переносили первые пришельцы в дикую холодную пустынную Сибирь, где обычно зимние метели носятся семь месяцев в году, а на дальнем Севере все девять» [37. С. 55]; «Сурова и мертва сибирская природа в долгую зимнюю пору» [37. С. 55]; «А дальше – снова даль, леса, тайга и горы, и затерянные в них маленькие и уютные деревни, села и редкие скиты» [37. С. 68]; «На севере стоят непроходимые леса» [37. С. 55]; «...начинаются дремучие леса – извечная сибирская тайга» [37. С. 67]

Авторская интерпретация реалий жизни алтайских старообрядцев и адаптация народной прозаической импровизации, какой является легенда о Беловодье, послужили основанием для возникновения в структуре художественного концепта *Сибирь* концептуального бленда *Страна Белых вод*. То, что в России выглядело как миф о Беловодье (а для исследователей представлялось «беловодской утопией» [40. С. 178]), для Г.Д. Гребенщикова имело конкретный смысл, достигая в лингвоконцептуальном пространстве текста писателя высокого уровня когнитивной абстракции.

Таким образом, деконструкция ХКБ *Страна Белых вод*, репрезентированного в тексте Г.Д. Гребенщикова, позволяет проследить следующие этапы его формирования:

1. Метафорическая проекция содержания исходных пространств *Легенда о Беловодье* (ИП₁) и *Сибирь реальная* (ИП₂).

2. Отображение абстрактных элементов, присущих исходным пространствам (обетованная земля, благодатная жизнь), в общем пространстве *Рай земной* (ОП).

3. Подключение к сформированной структуре общего родового пространства контекстуального содержания, выраженного фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

4. Выделение в исходных пространствах элементов, необходимых для построения бленда, и их последующее «сплавление»: «древнее благочестие», воля, обилие и плодородие земель, богатая жизнь, климат и природа.

Обобщая результаты применения конвергентно-концептуального алгоритма к анализу художественного концепта *Сибирь*, эксплицированного в тексте Г.Д. Гребенщикова, можно утверждать, что исследуемый концепт представляет собой динамичное, структурно-сложное, содержательно-объемное художественное интеллектуальное явление, выраженное комплексом художественных концептуальных признаков, метафор и блендов (рис. 4).

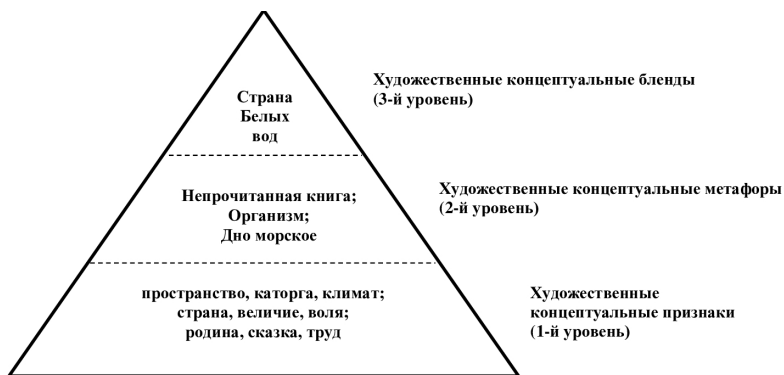

Рис. 4. Системно-уровневая модель художественного концепта *Сибирь*, репрезентированного в тексте Г.Д. Гребенщикова

Концептуальные признаки *Сибири* являются его базовыми компонентами, на основе которых происходит дальнейшее развитие и формирование более сложных концептуальных метафорических смыслов. Применение инструментов концептуальной метафоризации к художественному тексту Г.Д. Гребенщикова позволило реконструировать ХКМ: *Сибирь* – *Непрочитанная книга*. Однако сложность авторского художественного осмысления *Сибири* потребовала привлечения разработок теории концептуальной интеграции. Результатом стала детальная деконструкция ХКБ *Страна Белых вод*. В целом, рассмотренная трехуровневая система дискретных, но находящихся в корреляционных отношениях смысловых компонентов (ХКП, ХКМ, ХКБ) художественного концепта *СИБИРЬ* представляет углубленное понимание концептуализации Сибири в авторском тексте Г.Д. Гребенщикова.

Заключение

Для репрезентативной реконструкции художественного концепта оптимально использование исследовательского алгоритма, позволяющего рассмотреть дискретные компоненты концептуальных уровней и консолидировать значительный массив авторского текста. Предлагаемый конвергентно-концептуальный алгоритм включает систему следующих методов: метод атрибутивной дифференциации (для ХКП); метод реконструкции (для ХКМ); метод деконструкции (для ХКБ). Прагматичное значение имеет дифференциация концептуальных признаков, атрибутивная сочетаемость которых является существенной особенностью художественных концептов, и конвергентное применение лингвокогнитивных инструментов интерпретации. Полагаем, что взаимодействие когнитивного контекста автора с национальным и общечеловеческим ментальными контекстами происходит именно через восприятие, отбор и интерпретацию концептуальных признаков. При этом собственно-авторские признаки качественно обогащают содержание художественного концепта уникальными смысловыми характеристиками.

Системно-уровневая модель художественного концепта и комплекс предлагаемых методов являются эффективными инструментами реализации конвергентно-концептуального исследовательского алгоритма. Опираясь на комплекс концептуальных признаков, на субъективный опыт познания мира и персональную творческую оптику, автор формирует иносказательные смыслы на метафорическом и интегративном уровнях пространства художественного концепта – ХКМ и ХКБ. Метафорические и интегративные репрезентации в наибольшей степени раскрывают авторское своеобразие художественного концепта и являются когнитивными компонентами, определяющими оригинальность художественного концепта по отношению к языковому.

Преимущество конвергентно-концептуального исследовательского алгоритма (по отношению к локальным исследовательским практикам) заключается в возможности спектрального охвата концептуальных уровней в «восходящей» исследовательской логике, что в результате позволяет представить интегральную структуру художественного концепта и обеспечить системность, полноту и достоверность лингвоконцептуального анализа.

Верификация предлагаемых теоретических положений выполнена на материале художественного текста Г.Д. Гребенщикова. Последовательно и в соответствии с предлагаемым алгоритмом реконструирована ключевая концептуальная доминанта в картине мира писателя – *Сибирь*. Проведенное исследование продемонстрировало конкретные положительные результаты: предложенная трехуровневая модель структурно и логично накладывается на содержательные компоненты художественного концепта *Сибирь*. Выявленные смысловые экспликации подтвердили количественную и иерархичную специфику организации уровней, основанную на понимании структурной вертикали художественного концепта. Наличие ХМ

Сибирь – Непрочитанная книга и ХКБ *Страна Белых вод* в системно-уровневой модели художественного концепта *Сибирь* свидетельствует о когнитивной значимости рассматриваемого концепта в картине мира Г.Д. Гребенщикова, а также – о значительных перспективах «прочтения» сибирского региона.

Таким образом, конвергентно-концептуальный алгоритм исследования художественного концепта содержит значительный герменевтический потенциал для интерпретации литературного текста, обеспечивая системный путь приращения концептуального знания об авторской художественной концепции в целом.

Список источников

1. *Сергеева Е.В.* Художественная концептология как раздел лингвистики и методологический подход к анализу художественного текста // *Слова и словари: сборник научных статей, посвященных профессору В.Д. Черняк*. 2015. С. 253–259.
2. *Огнева Е.А., Даниленко И.А.* Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М. : Эдитус, 2021. 208 с.
3. *Корнакова Е.С.* Концепт «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко. М. : Юрайт, 2020. 118 с.
4. *Даниленко И.А., Даниленко А.П.* Архитектура художественного дуального концепта (на материале романа Ф.С. Фитцджеральда «The Great Gatsby») // *Филологический аспект*. 2017. № 6 (26). С. 122–127.
5. *Ермакова М.С.* Пересечение концепта Die Wahrheit (Истина) с концептом Die Gerechtigkeit (Справедливость) на материале немецкой художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 163 с.
6. *Мирзоева Г.Т.* Метафора в науке и языке художественной литературы // *Филологические науки в МГИМО*. 2018. № 16 (4). С. 31–37.
7. *Богданова Е.С.* Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
8. *Новичкова Л.Н.* Теория блендинга как способ декодирования авторского смысла (на материале личного письма Ф.М. Достоевского) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 12 (9). С. 324–328.
9. *Sadecki A.* Kognitywne ujęcia kategorii umysłu w prozie Antoniego Czechowa. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2020. 306 s.
10. *Воробьева О.П.* Концептология в Украине: обзор проблематики // *Лингвоконцептология: перспективные направления* / под ред. А.Э. Левицкого. Луганск : Изд-во ЛНУ им. Тараса Шевченко, 2013. С. 10–37.
11. *Виноградов В.А.* Когнитивная лингвистика сегодня (Вступительное слово при открытии Круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования») // *Виноградов В.А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии* / сост. и ред. К.Г. Красухин. М. : Изд. Дом ЯСК, 2018. С. 461–470.
12. *Толкачева Н.Н.* Лексико-семантическая система концепта «болезнь» в творчестве Л.Н. Толстого: на материале романа «Анна Каренина» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 6 (72). С. 159–162.
13. *Ефанова М.А., Замуленко Э.Ю.* Репрезентация концепта «Неравенство» в произведении Ч. Диккенса «Большие надежды» // *Филологический аспект*. 2017. № 6 (26). С. 67–72.
14. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. by Andrew Ortony. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

15. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York : Basic Books, 1999. 624 p.
16. *Тарасова И.А.* Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 370–374.
17. *Трубкина А.И.* Концептуальная метафора «Человек – Природа» в художественном тексте: прагматика и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 64–71.
18. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 163 с.
19. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
20. *Пименова М.В.* Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово : КемГУ, 2007. 500 с.
21. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
22. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. London : The University of Chicago press, 2003. 276 p.
23. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual integration and formal expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. № 10. P. 183–203.
24. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133–187.
25. *Coulson S.* The Menendez Brothers Virus: Analogical mapping in blended spaces // Conceptual Structure, Discourse, and Language / ed. Adele E. Goldberg. Palo Alto : CSLI, 1996. P. 67–81.
26. *Fauconnier G., Lakoff G.* On Metaphor and Blending // Journal of Cognitive Semiotics. 2013. Vol. 5. № 1–2. P. 393–399.
27. *Росов В.А.* Белый храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. СПб. : Алетей, 2004. 120 с.
28. *Сирота О.С.* Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. 21 с.
29. *Елеукинов Ш.Р.* Евразийский талисман. О литературных истоках движения // Классические исследования. Алматы : Әдебиет әлемі, 2013. Т. 19. С. 255–290.
30. *Черняева Т.Г.* Забытый русский писатель: о собрании сочинений Георгия Гребенщикова // Сибирские огни. 2015. № 1. С. 161–171.
31. *Царегородцева С.С.* Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. М. : Инфра-М, 2019. 128 с.
32. *Литовкина А.М.* Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 204 с.
33. *Гребенщиков Г.Д.* Собрание сочинений в шести томах. Барнаул : Изд. Дом «Барнаул», 2013.
34. *Гребенщиков Г.Д.* Сибирское слово. URL: http://az.lib.ru/g/grebenshihow_g_d/text_1912_sibirskoe_slovo.shtml (дата обращения: 5.06.2022).
35. *Гребенщиков Г.Д.* Избранное. Томск : Издание Томской писательской организации, 2014.
36. *Балакина Е.И.* «Откуда есть пошла земля Сибирская...» // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 13–21.
37. *Гребенщиков Г.Д.* Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 214 с.
38. *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / под ред. В.В. Керова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.

39. Дутчак Е.Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) // Вестник РУДН. Серия История России. 2006. № 1 (5). С. 81–94.

40. Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Вопросы литературы и народного творчества. 1962. Вып. 35. С. 116–181.

41. Островский А.Б., Чувьоров А.А. Беловодье староверов Алтая // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 8–14.

References

1. Sergeeva, E.V. (2015) *Khudozhestvennaya kontseptologiya kak razdel lingvistiki i metodologicheskii podkhod k analizu khudozhestvennogo teksta* [Artistic conceptology as a branch of linguistics and a methodological approach to the analysis of a literary text]. In: Efremov, V.A. (ed.) *Slova i slovari: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh professoru V.D. Chernyak* [Words and Dictionaries: A collection of scientific articles dedicated to Professor V.D. Chernyak]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 253–259.

2. Ogneva, E.A. & Danilenko, I.A. (2021) *Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyy informativnyy kod* [The Duality of an Artistic Concept as a Textual Informative Code]. Moscow: Editus.

3. Kornakova, E.S. (2020) *Kontsept "grazhdanstvennost'" v tvorchestve E.A. Evtushenko* [The Concept of "Citizenship" in the Work of E.A. Yevtushenko]. Moscow: Yurayt.

4. Danilenko, I.A. & Danilenko, A.P. (2017) *Arkhitektonika khudozhestvennogo dual'nogo kontsepta (na materiale romana F.S. Fittsdzheral'da "The Great Gatsby")* [Architectonics of artistic dual concept (based on the novel by F.S. Fitzgerald The Great Gatsby)]. *Filologicheskii aspekt*. 6 (26). pp. 122–127.

5. Ermakova, M.S. (2021) *Peresechenie kontsepta Die Wahrheit (Istina) s kontseptom Die Gerechtigkeit (Spravedlivost') na materiale nemetskoj khudozhestvennoy literatury* [The intersection of the concept of Die Wahrheit (Truth) with the concept of Die Gerechtigkeit (Justice) on the material of German fiction]. Philology Cand. Diss. Moscow.

6. Mirzoeva, G.T. (2018) *Metafora v nauke i yazyke khudozhestvennoy literatury* [Metaphor in Science and the Language of Fiction]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 16 (4). pp. 31–37.

7. Bogdanova, E.S. (2016) *Metafora v khudozhestvennom tekste: funktsii, vospriyatie, interpretatsiya* [Metaphor in a literary text: functions, perception, interpretation]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3 (52). pp. 134–145.

8. Novichkova, L.N. (2019) *Teoriya blendinga kak sposob dekodirovaniya avtorskogo smysla (na materiale lichnogo pis'ma F.M. Dostoevskogo)* [The theory of blending as a way of decoding the author's meaning (based on the personal letter of F.M. Dostoevsky)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (9). pp. 324–328.

9. Sadecki, A. (2020) *Kognitywne ujęcia kategorii umysłu w prozie Antoniego Czechowa*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

10. Vorob'eva, O.P. (2013) *Kontseptologiya v Ukrainie: obzor problematiki* [Conceptology in Ukraine: a review of issues]. Levitskiy, A.E. (ed.) *Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya* [Linguistic Conceptology: Perspective Directions]. Luhansk: Taras Shevchenko National University of Luhansk. pp. 10–37.

11. Vinogradov, V.A. (2018) *Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu, komparativistike, ti-pologii* [Articles on General Linguistics, Comparative Studies, Typology]. Moscow: Izd. Dom YaSK. pp. 461–470.

12. Tolkacheva, N.N. (2017) *Leksiko-semanticheskaya sistema kontsepta "bolezni" v tvorchestve L.N. Tolstogo: na materiale romana "Anna Karenina"* [The lexico-semantic system of the concept "disease" in the works by L.N. Tolstoy: based on the novel Anna Karenina]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (72). pp. 159–162.

13. Efanova, M.A. & Zamulenko, E.Yu. (2017) *Reprezentatsiya kontsepta "Neravenstvo"*

v proizvedenii Ch. Dikkensa “Bol’shie nadezhdy” [Representation of the concept “Inequality” in Great Expectations by Ch. Dickens]. *Filologicheskii aspekt*. 6 (26). pp. 67–72.

14. Lakoff, G. (1993) The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 202–251.

15. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.

16. Tarasova, I.A. (2020) Klyuchevye slova kak instrument interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Key words as a tool for interpreting a literary text]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 4 (20). pp. 370–374.

17. Trubkina, A.I. (2020) Kontseptual’naya metafora “Chelovek – Priroda” v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii [Conceptual metaphor “Man – Nature” in a literary text: pragmatics and functions]. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 3. pp. 64–71.

18. Boldyrev, N.N. (2016) *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive Semantics: Lecture Course in English Philology]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

19. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki.

20. Pimenova, M.V. (2007) *Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simbol* [Concept Heart: Image, concept, symbol]. Kemerovo: Kemerovo State University.

21. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.

22. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors We Live by*. London: The University of Chicago Press.

23. Turner, M. & Fauconnier, G. (1995) Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and Symbolic Activity*. 10. pp. 183–203.

24. Fauconnier, G. & Turner, M. (1998) Conceptual integration networks. *Cognitive Science*. 2 (22). pp. 133–187.

25. Coulson, S. (1996) The Menendez Brothers Virus: Analogical mapping in blended spaces. In: Goldberg, A.E. (ed.) *Conceptual Structure, Discourse, and Language*. Palo Alto: CSLI. pp. 67–81.

26. Fauconnier, G. & Lakoff, G. (2013) On Metaphor and Blending. *Journal of Cognitive Semiotics*. 1–2 (5). pp. 393–399.

27. Rosov, V.A. (2004) *Bely khram na vysokikh gorakh. Ocherki o russkoy emigratsii i sibirskom pisatele Georgii Grebenshchikove*. [White Temple on High Mountains. Essays on the Russian emigration and the Siberian writer Georgy Grebenshchikov]. Saint Petersburg: Aleteyya.

28. Sirota, O.S. (2007) *Problemy sokhraneniya i razvitiya russkoy kul’tury v usloviyakh emigratsii pervoy volny* [Problems of preservation and development of Russian culture in the conditions of emigration of the first wave]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Moscow.

29. Eleukenov, Sh.R. (2013) Evraziyskiy talisman. O literaturnykh istokakh dvizheniya [Eurasian talisman. On the literary origins of the movement]. In: Alektorov, A.E. (ed.) *Klassicheskie issledovaniya* [Classical Studies]. Vol. 19. Almaty: Ədəbiət əlemi. pp. 255–290.

30. Chernyaeva, T.G. (2015) Zabytyy russkiy pisatel’: o sobranii sochineniy Georgiya Grebenshchikova [Forgotten Russian writer: about the collected works of Georgy Grebenshchikov]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 161–171.

31. Tsaregorodtseva, S.S. & Roman, G.D. (2019) *Grebenshchikova “Churaevy” v sotsiokul’turnom kontekste epokhi* [Grebenshchikov “The Churaevs” in the Socio-Cultural Context of the Era]. Moscow: Infra-M.

32. Litovkina, A.M. (2008) *Kontsept “Sibir” i ego evolyutsiya v russkoy yazykovoy kartine mira: ot “Sibirskikh letopisey” do publitsistiki V.G. Rasputina* [The concept of “Siberia” and its evolution in the Russian language picture of the world: from the “Siberian Chronicles”

to the journalism of V.G. Rasputin]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

33. Grebenshchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Barnaul: Izd. Dom "Barnaul".

34. Grebenshchikov, G.D. (1912) *Sibirskoe slovo* [Siberian Word]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1912_sibirskoe_slovo.shtml. (Accessed: 05.06.2022).

35. Grebenshchikov, G.D. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Izdanie Tomskoy pisatel'skoy organizatsii.

36. Balakina, E.I. (2002) "Otkuda est' poshla zemlya Sibirskaya..." ["Where did the Siberian land come from ..."]. In: Grebenshchikov, G.D. *Moya Sibir'* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 13–21.

37. Grebenshchikov, G.D. (2002) *Moya Sibir'* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University.

38. Dutchak, E.E. (2007) *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From Babylon to Belovodie: Adaptive capabilities of the taiga communities of Old Believers-wanderers (the second half of the 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

39. Dutchak, E.E. (2006) Put' v Belovod'e (k voprosu o sovremennykh vozmozhnostyakh i perspektivakh izucheniya konfessional'nykh migratsiy) [The way to Belovodye (to the question of modern possibilities and prospects for the study of confessional migrations)]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. 1 (5). pp. 81–94.

40. Chistov, K.V. (1962) Legenda o Belovod'e [Belovodye Legend]. *Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva*. 35. pp. 116–181.

41. Ostrovskiy A.B. & Chuv'yurov, A.A. (2011) Belovod'e staroverov Altaya [Belovodye of the Old Believers of Altai]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 3 (12). pp. 8–14.

Информация об авторе:

Селиверстова Ж.Б. – доктор PhD, ст. преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: seliverst.zh@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.B. Seliverstova, PhD, senior lecturer, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan). E-mail: seliverst.zh@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 19.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 808.1

doi: 10.17223/19986645/80/8

Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий

Ирина Александровна Айзикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Предпринята попытка типологизации внешних и внутренних взаимодействий литературного процесса Сибири, рассматриваемых как факторы его формирования. Проблема изучается с учетом культурного ландшафта, представлявшего собой социокоммуникативное пространство трансграничья, в рамках которого сибирский литературный процесс развивался в конце XVIII – XIX в. Данный подход позволяет рассмотреть литературное развитие Сибири как процесс, движимый механизмами внешних и внутренних связей региона и внутрилитературными закономерностями.

Ключевые слова: литературный процесс Сибири, типология взаимодействий, культурный ландшафт, социокоммуникативное пространство, трансграничье

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182. doi: 10.17223/19986645/80/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/8

Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions

Irina A. Ayzikova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru*

Abstract. Continuing scientific interest in the literary process of Siberia in general, as well as in the late 18th and in the 19th centuries as its most important transi-

tional stage, in particular, opened many new pages of it, which allows raising new issues. One of the most important is to consider the factors of the formation of Siberia's literary process in this period as a complex socio-cultural phenomenon, which is relevant not only for generalizing the accumulated knowledge about the object of research, but also for understanding the literary process of the region as a structural self-sufficiency and at the same time in its connections with homogeneous elements of the heterogeneous system into which it enters. The stated issue is considered taking into account the cultural landscape within which the Siberian literary process was formed at the specified time. The aim of the article is to raise the question of the typology of external and internal interactions of the literary process of Siberia as mechanisms of its development and influence on the socio-cultural landscape of the region. The article reveals the interactions of the all-Russian and Siberian literary processes at the level of individual works, literary methods, traditions of different literary schools, genre systems, principles of reflecting reality in a work of fiction, concepts of literary development. Turning to the typological method, the author identifies the types of literary interaction of the Siberian literary process with the all-Russian one: dispersal, borrowing, imitation, epigonism. More complex, subtext types of interaction, as well as interethnic and international interactions, were almost not characteristic of the Siberian literature of the decades under consideration, due to the stage of its development, which can be defined as formation. The question of the types of interaction of the literary processes under consideration is also developed in the aspect of their synchrony/asynchrony. In the literature that developed in the territory remote from the capital and traditionally recognized as a generator of institutional activity, including in the field of literature, multilayering was reflected in the imposition of the model of institutional relationships of all-Russian literature on Siberian literature, which does not exclude the specifics of the institutionalization of the Siberian literary process. The discreteness of the cultural landscape of Siberia demonstrates the importance and peculiarities of the influence of external factors on the formation of the regional literary process. The analysis led to the following conclusions. In the real literary process, all types of interactions are intertwined and none of them can be found in its pure form. None of them, taken separately, directly affects the development of literature and the cultural landscape of Siberia, as well as the literary process, taken separately from material culture, the system of regulation of social relations, sociocommunicative interactions, processes of symbolic coding and perception of space, the development of sociocommunicative cross-border space of the region. Arising from the multilayered and discrete nature of the Siberian cultural landscape, interactions represent a vast array of external and internal elements of the formation of the literary process, requiring the construction of the cultural landscape of Siberia in historical and socio-cultural contexts, real and imaginary borders and transborder states, in the dynamics of its development.

Keywords: literary process of Siberia, typology of interactions, cultural landscape, sociocommunicative space, transborder region

Financial Support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8

Непрекращающийся научный интерес к литературному процессу Сибири вообще и конца XVIII–XIX в. как его важнейшего переходного этапа, в частности, открыл многие новые страницы, показывающие его масштаб. Сегодня можно констатировать, что многие его грани осмыслены и документально конкретизированы¹. Это позволяет ставить новые проблемы. Одной из важнейших является рассмотрение факторов формирования литературного процесса Сибири указанного периода как сложного социокультурного феномена с применением междисциплинарного подхода, что актуально не только для обобщения накопленных знаний об объекте исследования, но и для понимания литературного процесса региона, с одной стороны, как структурной самодостаточности, в ее становлении и обособлении от окружающей неоднородной системы, формировании свойственных ей способов идентификации, а с другой – в ее связях с однородными элементами гетерогенной системы, в которую она входит.

Конкретизируя объект исследования, обратимся к заявленной проблеме с учетом культурного ландшафта, в рамках которого сибирский литературный процесс формировался в указанное время². Понимаемый как «система способов репрезентации, структурирования и символизирования окружающей среды» [24. Р. 1], сибирский культурный ландшафт XVIII–XIX в. окончательно утратил свою монолитность в результате заселения Сибири народами из Центральной России. Он позиционировался и представлялся его обитателям социокоммуникативным пространством трансграничья, развиваясь в *регионах* со срединным геополитическим положением, население, история, экономика, политика, культура, язык и литература которых складывались в результате внешних и внутренних переселений, разного рода контактов пришлых этносов, этносов индигенных и пришлых и индигенных этносов. Это было пространство постоянных и разнообразных трансферов сибирского / общерусского, своего / чужого. Предлагаемый подход позволяет рассмотреть литературное развитие региона как процесс, движимый разными формами и механизмами внешних и внутренних взаимодействий: от освоения чужого (в разных формах, на разных уровнях – социальных и государственных институтов Центральной

¹ Вышли в свет обобщающие труды («Очерки русской литературы Сибири» /гл. ред. А.П. Окладников, В.Г. Одинокое и др., монографии Н.В. Серебренникова, К.В. Анисимова, С.А. Комарова, Б.Ф. Егорова, Н.В. Моравского, А.В. Горшенина [1–6] и др.), а также серия научных сборников ([7–10]), ряд библиографических указателей сибирских писателей (составители: Н.Н. Яновский, Т.А. Воробьева, В.П. Трушкин, Р.Ц. Бадмадоржиева, Е.Д. Немаева и др. [11–15]). Отметим и исследования Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской, Ю.С. Постнова, Л.П. Якимовой, К.В. Анисимова, М.А. Кухар [16–22] и др., посвященные литературному процессу Сибири отдельных периодов развития литературного процесса Сибири.

² В данной статье мы не касаемся дискуссии, открытой еще в начале XIX в. и продолжающейся до сих пор, относительно понимания самого понятия «сибирская литература», его границ. Историю этого вопроса см.: [6, 23].

России и Сибири, внутренних институциональных и культурных связей региона и внутрилитературных закономерностей) до соперничества (его мы видим, например, в области концепций сибирской литературы и ее развития, о чем будет сказано ниже).

Исходя из общепринятого представления о литературе как системе, развитие которой, с одной стороны, социально обусловлено, а с другой – определяется имманентными закономерностями, Ю.Б. Боров называет важнейшей категорией, позволяющей понять литературный процесс и обобщенно описать его составляющие элементы, «художественные взаимодействия» [25. С. 3], имея в виду собственно художественные взаимодействия литературы как внутренние факторы ее развития, а также ее корреляции с социальными полями как внешние факторы формирования литературного процесса. Их осмысление в типологическом аспекте и является научной проблемой, предметом данного исследования, выводя его к установлению и детализации корреляционных зависимостей процессов формирования и функционирования культурного и языкового ландшафта региона.

В первую очередь отметим, что литературный процесс сибирского региона рассматриваемого периода, существовавший в активно конструируемом нормативными и властными институтами пространстве постоянно движущихся границ, столь же активно приобретал ключевые характеристики трансграничной территории. Прежде всего, в связи с этим следует говорить о его многослойности, факторами формирования которой стали внутрилитературные и институциональные взаимодействия литератур Центральной России и Сибири. Так, например, сибирский фольклор расслаивается на творчество коренных народов Сибири, которое, в свою очередь, само функционально начинает расслаиваться в конце XVIII – XIX в.¹, и русский фольклор, закреплявшийся в Сибири вместе с укоренением на этой земле переселенцев из Центральной России. На сибирский фольклор (а точнее, на взаимодействующие на разных уровнях уже в силу общих особенностей мифологического сознания, лежащего в основе устного народного творчества, инородческий и русский фольклор, представлявшие при этом специфические жанрово-тематические картины мира) наслаивались собственно литературные общерусские традиции, занимавшие доминирующую позицию в словесности региона, и особенности создававшейся под очевидным влиянием литературы Центральной России литературы сибирских авторов. Отмечая многослойность литературного процесса Сибири, важно принять во внимание объем общерусской литературы, кото-

¹ Кроме передачи мифологического сознания инородцев, оно становится объектом научного собирания, записи и осмысления «пришлыми» сибиряками (здесь нужно, прежде всего, указать на деятельность Г.Н. Потанина, фольклориста К.Д. Логиновского, священника и члена Восточно-Сибирского отдела Российского географического общества Н.И. Зотоплева, этнографа-бурятоведа И.А. Подгорбунского, фольклориста А.В. Анохина, бурятского учителя Ш.Б. Базарова, помогавшего Потанину в собирании фольклора, миссионера В.И. Вербицкого, педагога, этнографа М.Н. Хангалова – см. об этом в исследованиях Н.Р. Ойроткиной, А.П. Казаркина, Е.В. Масяйкиной, Д.А. Носова, И.А. Маласхановой [26–34] и др.

рый был доступен читателям и авторам-сибирякам благодаря таким каналам, как сибирские книжные магазины и лавки, библиотеки и сибирская периодика, нередко размещавшая на своих страницах перепечатки сочинений писателей Центральной России (см. об этом [35–37]). Необходимо учитывать и роль переводной литературы в развитии литературного процесса Сибири указанного периода, которая чаще всего входила в сибирский культурный ландшафт благодаря столичным переводчикам (см., например, [38–40], а также статьи Н.Е. Никоновой, В.Н. Горенинцевой, В.Ю. Родченко, Ю.С. Серягиной и др. в [41]).

Если обратиться к типологии форм собственно художественных взаимодействий двух рассматриваемых литературных процессов, следует, прежде всего, указать на то, что они наблюдаются на разных уровнях.

Взаимодействия возникали на уровне отдельных произведений. Приведем самые яркие примеры такого типа взаимодействия. Это – роман В.В. Курицына (Не-Крестовского) «Томские трущобы», уходящий корнями своей эстетики и поэтики в романтические традиции Э. Сю и в традиции популярного русского беллетриста В.В. Крестовского, переосмыслившего западного предшественника [42]. Здесь же можно указать на роман И.А. Кушевского, первого романиста-сибиряка, «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», который советский литературовед Н.И. Пруцков вставляет в парадигму русского романа о «новых людях», сближая его с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Роман Кушевского, указывает В.А. Доманский, как самобытное явление долгое время практически не прочитывался, а рассматривался лишь в контексте демократической русской беллетристики – повестей Н.Ф. Бажина, В.А. Слепцова, романов Н.А. Благовещенского, А.Г. Шеллера-Михайлова, И.В. Федорова-Омулевского, Д.Л. Мордовцева (см. [43. С. 52]).

Выделяются внутренние взаимодействия сибирской и общерусской литератур конца XVIII – XIX в., происходившие на уровне художественных методов. Так, исследователи С.В. Мельникова и Е.В. Жданова отмечают, что поэтические произведения православного восточносибирского духовенства показывают знакомство авторов с техникой силлабического стихосложения и традициями барочной поэзии [44]. Об актуальности наследия сентиментализма для П.И. Небольсина пишет К.В. Анисимов, усматривая тенденцию взаимодействия сентиментальной стилистики и проблемы национальной консолидации в повествовательной поэтике травелогов сибирского автора [45]. Характерным было и взаимодействие рассматриваемых литературных процессов на уровне традиций разных художественных школ. Например, С.В. Мельникова и Е.В. Жданова утверждают, что священник Роман Алексеев в своих ученических стихах следует традиции переложения псалмов, имеющей в русской литературе собственную богатую историю [44. С. 7]. Исследователи творчества Н.И. Наумова, от А.М. Скабичевского, Г.В. Плеханова и кончая учеными XX–XXI вв. – И.Н. Кубиков, Л.Г. Беспалова, С.Е. Кожевников, Е.Г. Новикова, Н.В. Серебрянников, В.А. Пржигоцкий, – рассматривают его как очевидного приверженца народнической беллетристики.

Назовем также примеры взаимодействия сибирского и общерусского литературных процессов указанного периода на уровне принципов отражения действительности в художественном произведении. Так, принцип историзма в сибирскую литературу входил благодаря творческим усилиям П.А. Слоцова, Г.И. Спасского, П.И. Небольсина, находившихся (каждый, разумеется, по-разному) под влиянием «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, успешно реализовавшего вхождение исторического материала, проблем и т.д. в художественное повествование. Выделим также типизацию и идеализацию, характерные для определенных этапов развития русского литературного процесса, как самые востребованные в сибирской литературе конца XVIII – XIX в. принципы создания художественных образов. Присущая сибирским текстам мифологизация коррелировала с общерусской романтической символизацией сибирского ландшафта.

Одним из самых частотных типов взаимодействия рассматриваемых литературных процессов являлись взаимодействия на уровне жанровых систем. Можно указать как на репрезентативные примеры на жанровую систему общерусской духовной литературы, которая полностью перешла в сибирскую духовную литературу; на один из самых востребованных в Сибири конца XVIII – XIX в. жанр очерка, формировавшийся и в общих жанровых чертах, и в палитре жанровых модификаций под влиянием сочинений русских очеркистов. Обратимся, для примера, и к «Училищу любви» П.П. Сумарокова, которое, являясь переводным произведением, представляет собой ту же жанровую модель, что и «англинские» повести конца XVIII в., перешедшую в русские оригинальные романы этого же времени. Примеры можно продолжать.

Выделим еще один показательный уровень внутреннего взаимодействия интересующих нас процессов – понимание литературы как вида искусства и связанные с этим концепции развития сибирской литературы. Самыми показательными являются теории областников, базирующиеся на «соображениях о сибирской этничности»¹. С одной стороны, в них декларируется отсутствие литературы в Сибири («сибирской литературы еще нет, – пишет Г.Н. Потанин, – она вся в будущем, а пока она только заклю-

¹ О различиях этих «соображений» у Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева пишут К.В. Анисимов и А.И. Разувалова: «если... Г.Н. Потанин, в общем, не преувеличивал этнографическую оригинальность русского сибиряка, предпочитая говорить о влиянии на него естественно-природных условий, а также о взаимодействии Востока и Запада... то Ядринцев, заимствовав многое из радикальных статей А.П. Шапова, создал концепцию жителя Сибири, отличающегося рядом своих главных черт от русского из европейской части страны. Тяготение к индивидуализации и контртрадиционализму отразилось в опыте концептуализации сибирского “типа” весьма явно. Общеизвестно, что в глазах Ядринцева “народно-областной тип” был продуктом метисации. Гораздо важнее, что из этого сравнительно нейтрального тезиса делался политический вывод: новый этнографический тип не столько наследовал черты своих прародителей, сколько ликвидировал их: перемешав в новой комбинации, отвергнув традиции прошлого, он выступал в качестве материала для экспериментов, обращенных в будущее» [46. С. 80].

чается в его (Н.М. Ядринцева. – *И.А.*) письмах ко мне» [47. С. 196]) и новый подход к формированию и развитию сибирского литературного процесса как особого, регионального. В статьях Потанина и Ядринцева его идентификация осуществляется исключительно через идеи своеобразия социально-исторического развития края, а также через соизмерение с идеей неразрывной связи с Сибирью, с мыслью о высоком служении ее культурному и духовному росту. Идентификация сибирского писателя через традиционные характеристики литератора как художника слова, признанного писательским и читательским сообществом, литературной критикой, получающего материальное вознаграждение за свое творчество, входящего в профессиональные объединения, проводится по принципу «от противного» или вообще не проводится. С другой стороны, одним из самых популярных русских клише конца XIX в., поддержанным Потаниным, является модель литературы и ее развития, сконструированная в общерусской литературе на идеях народничества: «...на сибирской почве может обильно развиваться тот род беллетристики, который посвящен описанию народного быта» [48. С. 19]. Потанин строит свое представление о сибирском литературном процессе на фундаментальной в народнической системе взглядов идее о сближении интеллигенции, в частности писательского корпуса, с народом в стремлении найти и сохранить свои корни, осознать свое место в мире, сформировать на этой основе самобытную сибирскую литературу, призванную сберечь и приумножить своеобычность края. Основой формирования и развития сибирской литературы он считает внимание к «простонародному быту», «верное изображение крестьянской жизни» [48. С. 33], дорогу к которому проложили сибирским авторам писатели Европейской России, в первую очередь Г.И. Успенский, Н.В. Шелгунов, К.М. Станюкович.

Н.М. Ядринцев в статье «Судьбы сибирской печати» 1875 г., демонстрирующей, по мнению исследователей, особую ступень в осмыслении литературного процесса Сибири [49. С. 49], как и Потанин, отталкивается от мысли о своеобразии общественной жизни Сибири и утверждает, что только местный автор, живущий одной жизнью со своим краем, «трепещущий его пульсом, разделяющий его горе и радости» [50. С. 79], отдающий сознательное предпочтение местным вопросам перед общими, может способствовать продвижению края и развитию литературы в нем. Ближайшую задачу местного авторского корпуса Ядринцев видит в приучении «публики к печати», в воспитании «людей полуграмотных и общества с бедными вкусами» (в связи с этим деятельность и творчество сибирского писателя сравниваются со «скромной народной школой» [Там же. С. 80]), а с другой стороны, в обретении сибирской литературой своего языка, своего «слова», своего предмета изображения, что не является, по мнению автора, «ни случайностью, ни модой...», а только естественным последствием исторического и органического развития нашей литературы» [51. С. 33, 34, 37].

Опираясь на критерии типологизации текстов Ю.Б. Борева, отметим, что по своему характеру художественные взаимодействия сибирского и общерусского литературных процессов могут подразделяться на сильные и

слабые. Прежде всего, речь в отношении сибирской литературы конца XVIII – XIX в. должна идти об одном из самых распространенных в ней типов слабого художественного взаимодействия — рассредоточении. Сибирские писатели, с одной стороны, не создавали себе «высоких образцов» из творчества какого-нибудь одного крупного русского автора, но при этом влияние общерусской литературы как бы растворяется в сибирском литературном процессе, реализуясь на разных его уровнях в формах как отталкивания, так и притяжения к общерусской традиции, что было показано нами выше. Если говорить о взаимодействиях внутри сибирского литературного процесса, то следует подчеркнуть, что в указанный период в нем также не было фигуры, которая бы являлась «образцом» для остальных писателей края. Время крупных художников в Сибири еще не настало.

В этом плане весьма показательны конволюты томского библиофила Г.К. Тюменцева, представляющие картину литературного процесса Сибири в целом. Так, в коллекции Тюменцева широко представлено творчество сибирского представителя народнической беллетристики, томича Н.И. Наумова, одного из крупнейших представителей сибирского литературного процесса XIX в. Отдельное издание его повести «Паутина», выпущенное в Петербурге в 1888 г. типографией М.М. Стасюлевича, вплетено в конвюлот № 104, в состав которого, кроме него, вошли издание «народной комедии из сибирской жизни в 3-х действиях» В.М. Михеева «По хорошей веревочке (По хорошей дорожке)», подготовленное типографией И.Д. Сытина в 1889 г., отчеты Томского благотворительного общества за 1888 г., Владивостокской городской управы за 1884 г., «очерки из быта самоедов» «Ильдиа» Л. Симоновой (издание журнала «Родник», выпущено петербургской типографией газеты «Новости», 1886). Еще одна повесть Наумова «Деревенский торгаш (предпраздничные сцены)», также в журнальной публикации (Дело. 1871. № 4), с посвящением Е.А. Петровой, входит в состав конвюлота № 10. Кроме сочинения Наумова, в него вшиты «Память праведного (Иннокентия) с Похвалами»; «Речь перед началом молебствия, при открытии Миссионерского общества, произнесенная инспектором С. Петербургской Д.<уховной> Академии Архимандритом Владимиром, назначенным в должность начальника Алтайской духовной миссии 21 ноября 1865 г.»; «Путешествие по Томской губернии великого князя Владимира Александровича»; исторический очерк «Камчатские школы с 1745 по 1783 год» (приложение к № 26 «Сибирской газеты» за 1882 г.), перепечатка из «Русского вестника» фрагмента автобиографических заметок К. Золотилова «Сибирская тайга», очерки Н. Кострова, «Арестантские дети» К. Никифорова – публикация из «Особого приложения» к газете «Сибирь», фрагмент очерков Н. Шелгунова «Сибирь по большой дороге», опубликованный в «Русском слове», «Исправительное значение русской ссылки» Н.М. Ядринцева и др.

Тюменцевская коллекция сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка так же, как и сочинения Н.И. Наумова, распределена владельцем по конвюлотам. В конвюлот № 62 вшиты две публикации: «Дешевка (Из летних экскурсий

по Уралу)» и «Последняя веточка. Из старообрядческих мотивов». Интересен контекст конволюта, в котором по воле владельца оказались названные публикации Мамина-Сибиряка. Конволют открывается майским выпуском 1791 г. первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Кроме того, в него вошли «роман-хроника из времен завоевания туркестанского края» Н.Д. Ильина «В новом краю», извлеченный из «Книжек “Недели”», два стихотворения С.Я. Надсона – «Жизнь» и «Страничка прошлого», стихотворение П.И. Вейнберга «Я лесом прохожу...». В конволют № 52 вшит «очерк из уральской жизни» Д.Н. Мамина-Сибиряка «Старатели» – это оттиск первой его публикации в журнале «Русская мысль» за 1883 г. Кроме данного очерка Мамина-Сибиряка, в конволют вшиты «Сибирские рассказы», цикл, составленный и изданный Н.С. Щукиным, «Записки о Сибири» Благовещенского (И.Г. Пыжов) (перепечатка из № 7 газеты «Сибирь» за 1883 г., в которую публикация попала из сентябрьского номера «Вестника Европы» за 1882 г.) и др.

Преимущественное значение во взаимодействиях двух рассматриваемых литературных процессов имели заимствования, на которые практически всегда наслаивался новый колорит, изменение трактовки темы, образа (самым показательным в этом отношении является образ Ермака в сибирской и общерусской литературе конца XVIII – XIX в. [52]). Имели место и подражания в области жанра, стиля, обладавшие достаточно высоким потенциалом для развития, скорее сибирской литературы в целом, чем отдельного автора. Укажем, например, на очерки и очерковое повествование Н.А. Кострова, Д.А. Поникаровского, на образцы сибирской духовной прозы [53].

Можно говорить и о таком типе взаимодействия, как эпигонство, особенно в сибирской массовой литературе, которое тоже имело свои положительные результаты – расширение читательской аудитории (в пример можно привести романы В.В. Курицына (Не-Крестовского), о котором шла речь выше). Наконец отметим такой тип взаимодействия интересующих нас литературных процессов, как пародирование, чем, как правило, отличалась зарождающаяся сибирская литературная критика, во многом благодаря тому, что у ее истоков стояли областники Потанин и Ядринцев с их концепцией автономного развития сибирской литературы, а круг сибирских литературных критиков чаще всего был представлен политическими ссыльными, продвигавшими в Сибири свои литературные предпочтения (революционно-демократические) и формируя у сибирского читателя комическое и даже сатирическое восприятие отвергнутых ими авторов или произведений¹. Более сложные, подтекстовые типы взаимодействия (реминисценции, парафразы), а также межэтнические и межнациональные взаимодействия (даже в переводной литературе) сибирской литературе рассматриваемых десятилетий были почти не свойственны, в силу этапа ее развития, который можно определить как формирование и становление.

¹ См. об этом работы Н.В. Жиликовой и А.Е. Мазурова.

Вопрос о типах взаимодействия рассматриваемых литературных процессов может быть развернут и в аспекте усвоения сибирской словесностью самой модели развития литературного процесса Центральной России. С одной стороны, развитие сибирского литературного процесса шло по типу «ускоренного», характерного для общерусской литературы, которая «за какие-нибудь два-три десятилетия прошла через такие этапы, через которые западноевропейская литература проходила в течение веков» [25. С. 104]. Так и в Сибири литература конца XVIII – XIX в. развивалась, причудливо сочетая в себе традиции от древнерусской до реалистической. Например, в 1788 г. было создано (а опубликовано в 1885 г.), в духе древнерусских сказаний об иконах, «Повествование о святом нерукотворном образе Спасителеве, приносимом každолетно из села Спасаго в город Томск», вероятно, Андреем Дулеповым, священником церкви с. Спасское (Спасская волость Томского уезда). Оно содержало описание трех чудес: явления иконы и избавление ею Томска от моровой язвы; избавление иконой окрестных сел от ряда случаев падежа скота; и «попытки поновления» иконы иконописцем Даниилом Петровым по приказу игумена Богородице-Алексеевского монастыря Палладия (иконописец попытался удалить старый образ и на его месте написать новый, но образ на иконе не менялся, тогда игумен Палладий поменял решение и распорядился поновить образ) [54]. С другой стороны, Н.Д. Зольникова, указывая на то, что «творчество староверов всегда считалось ориентированным на древнерусскую традицию», далее ставит вопрос о симбиозе традиций древнерусской и новой русской литературы в творчестве сибирских народных писателей-староверов конца XIX–XX вв., называя его одной «из самых увлекательных задач для ученых» [55. С. 351]. Вместе с тем можно привести противоположный этим факт. Примерно в одно время с созданием «Повествования о святом нерукотворном образе Спасителеве...», в 1791 г. в Тобольске из печати вышло переводное произведение П. Сумарокова «Училище любви», органично входящее в контекст современной русской сентименталистской прозы.

Здесь, на наш взгляд, срабатывают общелитературные механизмы имманентных художественных взаимодействий, влияний, взаимосвязей как факторов развития литературного процесса, который Ю.Б. Боров квалифицирует как культурный диалог внутри искусства данной эпохи или современного искусства с прошлым. «В таком диалоге не существует ни пространственных, ни временных преград, ни слишком близкого, ни слишком отдаленного – все рядом, здесь, как в памяти, запечатлевается по соседству давно прошедшее и вчерашнее и нынешнее. Давнее может оказаться более явственным и внятным, чем ближнее. Ведь память избирательна, разборчива и практична. Она отбирает в прошлом все то, что важно для современности, понятой данным автором или целым направлением искусства. Механизм художественных взаимодействий схож с диалогом прошлого и настоящего в нашей памяти, и особенности диалога, и особенности памяти накладывают свою печать на художественные взаимодействия» [25. С. 41].

С этим связано то, как непросто, размышляя о многослойности сибирского литературного процесса, говорить о его синхронности / асинхронности в рассматриваемом периоде с общерусским и западноевропейским¹. Так, «Училище любви» П.П. Сумарокова свидетельствует, как было сказано выше, о синхронности развития общерусского и сибирского литературных процессов и одновременно об их «синхронном» отставании от западноевропейского сентиментализма лет на сорок. Но вот другой не менее типичный пример: в 1867–1868 гг. из печати вышли два сборника сочинений талантливого беллетриста Д.И. Стахеева, судьба которого была связана с Сибирью: «На память многим. Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре» и «Глухие места». Цель своих сочинений, написанных в эстетике и поэтике «физиологического очерка», беллетрист видит в представлении читателям «общей картины», «группировке» «в одно целое различных явлений» [56. С. I], что, с одной стороны, отражает общую тенденцию русской литературы к циклизации, к эпическому повествованию, актуальную вплоть до конца XIX в., а с другой – указывает на «отставание» сочинений Стахеева лет на 20–30 от русской литературы, пережившей период «физиологического очерка», с его важнейшим принципом типизации при изображении мира и человека в литературе, в 1840-е гг. Напомним здесь же, что в жанре «физиологического очерка» и в стиле «натуральной школы» на протяжении всей своей жизни (от 1860-х гг. до начала XX в.) писал один из самых известных писателей-сибиряков – Н.И. Наумов, органично входивший в русло общерусской народнической беллетристики и успешно отвечавший на запросы сибирского социума вплоть до самого конца XIX в. Еще один факт, подтверждающий наши рассуждения о синхронности / асинхронности развития сибирской и общерусской литературы конца XVIII – XIX в.: наряду с мифологизацией как одним из древнейших принципов отображения действительности в литературе, бытовавшей в сибирской словесной культуре вплоть до конца рассматриваемого периода, о чем говорилось выше, в конце XIX в. в литературу региона активно входит автомифологизация, свойственная уже модернистской литературе (назовем здесь, прежде всего, творчество Г.Д. Гребенщикова, по сути, перекинувшего мост литературе региона из XIX в. в XX в. [57, 58].

¹ Об отставании литературы Сибири писали Е.К. Ромодановская, Ю.С. Постнов, К.В. Анисимов. Свои размышления на этот счет изложил А.П. Казаркин в упоминавшейся выше статье «Сибирская классика и литературное краеведение»: ««Иртыш, превращающийся в Ипокрену» выходил, когда классицизм в России закончился; романтизм и натуральная школа также задержались здесь надолго. Собственно сибирская литература началась с отталкивания от романтической экзотики, против нее направлены критические выпады Потанина и Ядринцева. О консервативности сибирской словесности XX в. говорит слабая выраженность в ней модернизма. Этот провинциализм, характерный для всей литературной истории Сибири, от XVII в. доныне, внешне делает ее “запоздалым эхом” европейской традиции. Так сказывается фактор пространства: Иркутск ближе к Дели, чем к Парижу. Но, может быть, здесь не столько “отставание от европейских центров”, сколько конфликт “мирового города” и провинции, о чем говорил О. Шпенглер?» [23. С. 42].

Не менее показательным является почти одновременное погружение общерусской и сибирской литератур в синтез собственно художественного и документального начал. Но если для сибирской словесности это было свойственно с конца XVIII в. и отличало ее на протяжении всего XIX в., являя процесс перехода литературы от синкретизма к синтезу указанных начал, то для русской литературы это было характерным в 20–30-е и потом в 80–90-е гг. XIX в. как сознательное стремление к синтезу, ибо этап синкретизма ею был пережит значительно раньше. По разным причинам возникавшая в литературах центра и региона актуализация функциональной природы текста, точечная (в русской литературе XIX в.) и протяженная (в сибирской словесности этого периода), является одним из определяющих факторов типологической классификации текстов (напр., жанровой или стилевой), наряду с их семантикой и структурой¹. Например, многие тексты сибирских авторов (очерки, путешествия, письма, другие промежуточные жанры и даже жанры собственно художественной прозы – повести и рассказы), как правило, включают в себя документы, цифры, которые в авторском тексте теряют свою отграниченность от художественности, образности повествования и становятся его частью. Включенный в текст с художественной функцией, документ принимает ее на себя и воспринимается как доказательство правдивости художественного текста (напр., именно так строится повествование в очерках Н.А. Кострова, в повестях Н.И. Наумова).

Характерны и корреляции общерусского и сибирского литературных процессов на уровне видовой палитры прозаических текстов. Сибирская литература на протяжении всего XIX в. демонстрирует не только преобладание в ней промежуточных жанров, но и видовое многообразие текстов, публиковавшихся для широкого читательского круга. Более того, главное место в этом многообразии занимала учебная, культурно-просветительская литература, публицистика [59, 60], в недрах которой рождалась, выделяясь в отдельную, самостоятельную ветвь, художественная проза. Для общерусской литературы, как известно, этот этап был пройден еще в XVIII в.

В литературе, развивавшейся на территории, удаленной от столицы, традиционно признававшейся генератором институциональной деятельности, в том числе и в области литературы, многослойность отражалась не только в рассмотренных собственно внутрилитературных взаимодействиях, но и в наложении модели институциональных взаимоотношений общерусской литературы на сибирскую литературу, а вместе с этим и векторов развития литературных процессов России и Сибири. Однако следует говорить о специфике институционализации сибирского литературного процесса и, как было показано выше, направлений его развития (начиная от жанров и кончая художественными методами), диктуемой формирующимися региональными социальными полями (например, идеология областничества, сибирское книгоиздание и книгораспространение, быстро рас-

¹ Об актуализации функциональной природы текста как факторе типологизации текстов пишет Ю.М. Логман в статьях «Типология текстов», «Текст и функция».

пространявшееся поле христианской идеологии, сознательно привносившейся в Сибирь из Центральной России) или фактом их отсутствия (так, в Сибири долгое время, по сути, отсутствовали писательский и читательский корпуса, соответственно литературная критика; ведущую роль в развитии сибирской литературы играла местная периодическая печать, причем не толстые журналы, как это было в Центральной России, а газеты и др.; при всех усилиях сибирских писателей и критиков устремить литературу региона к сибирскому роману, центральное место в ней вплоть до конца XIX в. занимала беллетристика, представленная повестями и рассказами, написанными для массового читателя).

Второй, не менее важной характеристикой сибирского трансграничного пространства является дискретность, ставшая следствием неравномерности освоения края и очагового размещения населения, что, безусловно, также сказалось на литературном процессе Сибири, определяя его дискретность, которая, в свою очередь, влияла на становление сибирского культурного ландшафта. Сибирский литературный процесс формировался в ряде социокоммуникативных ареалов сибирского языкового и культурного ландшафта, отличавшихся разными типами взаимодействия и степенью сохранения идентичности. Речь в связи с этим может идти о «культурных гнездах» региона [61], в которых литературный процесс развивался под воздействием их исторических, политических, экономических реалий, уровня развития науки и образования в них, а также в результате взаимодействия с такими социальными полями региона и Центральной России, как религия, право, философия, мораль. Помимо этого, культурными гнездами Сибири становились города, куда ссылались политически неблагонадежные, которые, как правило, заметно влияли на культурную и литературную жизнь города. Исследователи рассматривают как культурные гнезда Сибири конца XVIII–XIX в., прежде всего, Тобольск, Иркутск, Томск [62].

Дискретность трансграничья Сибири, ее культурного ландшафта, как видим, демонстрирует важность влияния на формирование регионального литературного процесса внешних факторов.

Обобщая всё вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что в реальном литературном процессе все типы взаимодействий (и внешних, и внутренних) переплетены и ни один из них, по сути, нельзя встретить в чистом виде. И ни один из них, взятый в отдельности, напрямую не влияет на развитие литературы и культурный ландшафт Сибири, так же как и литературный процесс, взятый в отдельности от материальной культуры, системы регулирования социальных отношений, социокоммуникативных интеракций, процессов символического кодирования и восприятия пространства (см. об этих характеристиках социокультурного пространства сибирского трансграничья в [63]), не влияет напрямую на развитие социокоммуникативного трансграничного пространства региона. С этим и была связана цель нашей статьи, которая сводилась к постановке масштабного вопроса о типологии взаимодействий литературного процесса Сибири как факторов его развития и влияния на социокультурный ландшафт региона. Вытекаю-

щие из многослойности и дискретности сибирского культурного ландшафта, они представляют собой обширное множество разных и по-разному взаимодействующих внешних и внутренних элементов формирования литературного процесса и культурного ландшафта региона в целом в определенный период, требуя типологизации, выявления ее критериев – в целях конструирования трансграничного региона в исторических и социокультурных контекстах, реальных и воображаемых границах и трансграничных состояниях, в динамике его развития.

Список источников

1. *Очерки русской литературы Сибири* : в 2 т. Новосибирск, 1982.
2. *Серебренников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 307 с.
3. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
4. *Комаров С.А.* Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень, 2016. 197 с.
5. *Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания* / Б.Ф. Егоров, Н.В. Моравский и др. Томск, 2003. 215 с.
6. *Горшенин А.В.* Беседы о русской литературе Сибири. Новосибирск, 2020. 394 с.
7. *Вопросы русской и советской литературы Сибири.* Новосибирск, 1971. 330 с.
8. *Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв.* Новосибирск, 1974. 239 с.
9. *Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.).* Новосибирск, 1976. 284 с.
10. *Литература Сибири. История и современность.* Новосибирск, 1984. 258 с.
11. *Писатели Сибири: (Краткий библиографический указатель)* / сост. Т.А. Воробьева и др. ; ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1956. 74 с.
12. *Писатели Восточной Сибири: биобиблиографический указатель.* Вып. 2. Ч. 1 / сост. Р.Ц. Бадмадоржиева и др. Иркутск, 1973. 267 с.
13. *Писатели Восточной Сибири: биобиблиографический указатель.* Вып. 2. Ч. 2: Писатели национальных литератур Восточной Сибири (1965–1974) / сост. Р.Ц. Бадмадоржиева, М.Л. Дондубон, Е.Н. Жамбалова и др. ; под общ. ред. В.Н. Павловой. Якутск, 1978. 420 с.
14. *Трушкин В.П.* Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири: биобиблиографический справочник / сост. В.П. Трушкин. Иркутск, 1971. 336 с.
15. *Литературная Сибирь: критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири* / сост. В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. Иркутск, 1986–1988. Ч. 1. 1986. 303 с.; Ч. 2. 1988. 351 с.
16. *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. 152 с.
17. *Ромодановская Е.К.* Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. 390 с.
18. *Постнов Ю.С.* Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. 403 с.
19. *Якимова Л.П.* Литература и литераторы Сибири. Новосибирск, 1988. 174 с.
20. *Якимова Л.П., Юдалевич Б.М.* Сибирский очерк, 20–70 годы. Новосибирск. 1983. 185 с.
21. *Анисимов К.В.* Поэтика литературы Сибири 10–30-х годов XIX столетия : учеб. пособие. Томск, 2004. 98 с.

22. Кухар М.А. Литературный процесс Сибири 20-х – начала 30-х гг. XX в.: эволюция сибирской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 25 с.
23. Казаркин А.П. Сибирская классика и литературное краеведение // Сибирский филологический журнал. 2005. № 1-2. С. 38–49.
24. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments*. N.Y., 1988. 318 p.
25. Боров Ю.Б. Художественный процесс – категория эстетики и литературоведения // Теория литературы. Т. IV: Литературный процесс. М., 2001. 624 с.
26. Ойноткинова Н.Р. Текстология шаманских текстов, опубликованных А.В. Анохиным: комментарий к образам, символам и понятиям // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 101–108.
27. Ойноткинова Н.Р. Поэтика шаманского текста, посвященного божеству Алтай-Кудай, в записи А.В. Анохина // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. Вып. 41. С. 71–78.
28. Казаркин А.П. Потанин – фольклорист // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 19–21.
29. Масяйкина Е.В. Совместные работы Н.И. Затопляева и Г.Н. Потанина: по материалам Научной библиотеки Томского государственного университета // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 9–19.
30. Масяйкина Е.В. Фольклор народов Сибири в фонде Г.Н. Потанина в НБ ТГУ: сказки о животных // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей VII Международной научной конференции молодых ученых. Ч. 2. Екатеринбург, 2018. С. 68–75.
31. Масяйкина Е.В. Н. Затопляев – собиратель и переводчик бурятского фольклора: по материалам томского архива Г.Н. Потанина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 2018. С. 354–355.
32. Масяйкина Е.В. Корреспонденты Г.Н. Потанина в архиве Научной библиотеки Томского университета // Материалы VI Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 мая 2018 г. Горно-Алтайск, 2018. С. 60–68.
33. Носов Д.А. Публикации сказок, подготовленные Г.Н. Потаниным, как источник для реконструкции состояния фольклорной традиции монгольских народов во второй половине XIX в. // STUDIA CULTURAE. 2016. Т. 1. № 27. С. 129–137.
34. Маласханова И.А. Вклад М.Н. Хангалова в развитие этнографического отдела иркутского областного краеведческого музея // Вестник ИргТУ. 2013. № 1 (72). С. 251–258.
35. Книжная культура Томска (XIX– начало XX в.). Томск, 2014. 414 с.
36. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск, 2019. 490 с.
37. Читатель и читательские практики Томска и Томской губернии (конец XIX – начало XX в.). Томск, 2020. 305 с.
38. Гориницкая В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 23 с.
39. Родченко Ю.И. Особенности критической рецепции французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 158–177.
40. Никонова Н.Е. Итальянский текст периодики Сибири 1890–1910-х гг. // *Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht : Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten* : Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2021. P. 119–138.
41. Словесная культура Сибири: [электронная энциклопедия]. URL: <http://wiki.lib.tsu.ru>

42. Могилатова М.В. Специфика авантюрного романа в томской дореволюционной периодике: на примере цикла романов В.В. Курицына (Не-Крестовского) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 234 с.
43. Доманский В.А. Первый романист-сибиряк // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск, 2003. С. 50–66.
44. Мельникова С.В., Жданова Е.В. Поэтические опыты восточносибирского православного духовенства XVIII – начала XX в. (по материалам епархиальной печати) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 241–260.
45. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология. 2014. № 1. С. 5–17.
46. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 75–101.
47. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.
48. Потанин Г.Н. Избранное. Томск, 2014. 403 с.
49. История русской литературной критики Сибири. Новосибирск: Проспект, 1989. 132 с.
50. Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей. Красноярск, 1919. 223 с.
51. Литературное наследство Сибири. Т. 5: Н.М. Ядринцев. Новосибирск, 1980. 408 с.
52. Гнусова И.Ф. Книги о Ермаке в библиотеке Г.К. Тюменцева как репрезентант культурной самоидентификации сибирского читателя (по материалам Научной библиотеки ТГУ) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 24. С. 68–95.
53. Айзикова И.А. Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 103–125.
54. Есипова В.А. «Повествование о Спасителев образ»: рукопись ОРКП НБ ТГУ // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 391–405.
55. Зольникова Н.Д. Древнерусское наследие и новая литература в творчестве сибирских народных писателей-староверов конца XIX – начала XX вв. // / Славянский альманах. М., 2003. С. 351–358.
56. Стахеев Д.И. На память многим. Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре Д.И. Стахеева. СПб. : Типография Рюмина и комп., 1867. 303 с.
57. Гробенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 180–192.
58. Масяйкина Е.В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 196 с.
59. Айзикова И.А. Репертуар книжной продукции томских частных издательств конца XIX – начала XX вв. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 103–111.
60. Айзикова И.А. Место учебных изданий в репертуаре книжной продукции томских издательств конца XIX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 4. С. 42–54.
61. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинар. М., 1928. 148 с.
62. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2020. № 67. С. 174–188.

63. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 67. С. 28–44.

References

1. Okladnikov, A.P. (ed.) (1982) *Ocherki russkoy literatury Sibiri* [Essays on Russian Literature of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otделение.
2. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Peculiarities of formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Komarov, S.A. (2016) *Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya* [Literature of Siberia: Mission, ethnicity, axiology]. Tyumen: Tyumen State University.
5. Egorov, B.F. et al. (2003) *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury: Opyt samoopisaniya* [Siberia in the Context of World Culture: Experience of self-description]. Tomsk: Sibirika.
6. Gorshenin, A.V. (2020) *Besedy o russkoy literature Sibiri* [Conversations about the Russian Literature of Siberia]. Novosibirsk: Ridero.
7. Odinokov, V.G. (1971) *Voprosy russkoy i sovetskoy literatury Sibiri* [Issues of Russian and Soviet Literature of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otделение.
8. Postnov, Yu.S. (ed.) (1974) *Problemy literatury Sibiri XVII–XX vv.* [Problems of Siberian Literature in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otделение.
9. Postnov, Yu.S. (ed.) (1976) *Ocherki literatury i kritiki Sibiri (XVII–XX vv.)* [Essays on Literature and Criticism of Siberia (17th–20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otделение.
10. Yakimov, L.P. (ed.) (1984) *Literatura Sibiri. Istoriya i sovremennost'* [Literature of Siberia. History and modernity]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otделение.
11. Yanovskiy, N.N. (1956) *Pisateli Sibiri: (Kratkiy bibliograficheskiy ukazatel')* [Writers of Siberia: (Short bibliographic index)]. Novosibirsk: Kn. Izd-vo.
12. Badmadorzhieva, R.Ts. et al. (eds) (1973) *Pisateli Vostochnoy Sibiri: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Writers of Eastern Siberia: bio-bibliographic index]. 2–1. Irkutsk: Vost. Sib. izd-vo.
13. Pavlova, V.N. (ed.) (1978) *Pisateli Vostochnoy Sibiri: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Writers of Eastern Siberia: Bio-bibliographic index]. Vol. 2–2. Yakutsk: Vost.-Sib. Izd-vo.
14. Trushkin, V.P. (ed.) (1971) *Literaturnaya Sibir'. Pisateli Vostochnoy Sibiri: biobibliograficheskiy spravochnik* [Literary Siberia. Writers of Eastern Siberia: Bio-bibliographic reference book]. Irkutsk: Vost.-Sib. Izd-vo.
15. Trushkin, V.P. & Volkova, V.G. (eds) (1986–1988) *Literaturnaya Sibir': kritiko-biobibliograficheskiy slovar' pisateley Vostochnoy Sibiri* [Literary Siberia: Critical-bibliographic dictionary of the writers of Eastern Siberia]. Vols 1–2. Irkutsk: Vost.-Sib. Izd-vo.
16. Dergacheva-Skop, E.I. (1965) *Iz istorii literatury Urala i Sibiri XVII veka* [From the History of Literature of the Urals and Siberia of the 17th Century]. Sverdlovsk: Tyumen State University.
17. Romodanovskaya, E.K. (2002) *Izbrannye trudy: Sibir' i literatura. XVII vek* [Selected Works: Siberia and literature. 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
18. Postnov, Yu.S. (1970) *Russkaya literatura Sibiri pervoy poloviny XIX v.* [Russian Literature of Siberia in the First Half of the 19th Century]. Novosibirsk: Nauka.
19. Yakimova, L.P. (1988) *Literatura i literaturnyye Sibiri* [Literature and Writers of Siberia]. Novosibirsk: Kn. Izd-vo.

20. Yakimova, L.P. & Yudalevich, B.M. (1983) *Sibirskiy ocherk, 20–70 gody* [Siberian Essay, 1920s–1970s]. Novosibirsk: Nauka.
21. Anisimov, K.V. (2004) *Poetika literatury Sibiri 10–30-kh godov XIX stoletiya* [Poetics of Siberian Literature in the 1810–1830s]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Kukhar, M.A. (2006) *Literaturnyy protsess Sibiri 20-kh – nachala 30-kh gg. XX v.: evolyutsiya sibirskoy prozy* [The literary process of Siberia in the 1920s – early 1930s: the evolution of Siberian prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
23. Kazarkin, A.P. (2005) *Sibirskaya klassika i literaturnoe kraevedenie* [Siberian classics and literary study of local lore]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1–2. pp. 38–49.
24. Cosgrove, D. & Daniels, S. (eds) (1988) *The Iconography of Landscape: Essays on the symbolic representation, design, and use of past environments*. New York: Cambridge.
25. Borev, Yu.B. (2001) *Khudozhestvennyy protsess – kategoriya estetiki i literaturovedeniya* [The Artistic Process as a Category of Aesthetics and Literary Studies]. In: Borev, Yu.B. et al. (eds) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 4. Moscow: IWL RAS.
26. Oynotkinova, N.R. (2014) *Tekstologiya shamanskikh tekstov, opublikovannykh A.V. Anokhinym: kommentarii k obrazam, simvolam i ponyatiyam* [Textualism of the shamanistic texts published by A.V. Anokhin: comments on the images, symbols and concepts]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 101–108.
27. Oynotkinova, N.R. (2021) *Poetika shamanskogo teksta, posvyashchennogo bozhestvu Altay-Kuday, v zapisi A.V. Anokhina* [Poetics of the shamanic text dedicated to the deity Altai-Kudai, recorded by A. V. Anokhin]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 1 (41). pp. 71–78. DOI: 10.25205/2312-6337-2021-1-71-78
28. Kazarkin, A.P. (2011) Potanin is a foliorist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 19–21. (In Russian).
29. Masyaykina, E.V. (2019) *Sovmestnye raboty N.I. Zatoplyayeva i G.N. Potanina: po materialam Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collaboration of N.I. Zatoplyayev and G.N. Potanin: on the materials Scientific Library of Tomsk State University]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 9–19. DOI: 10.17223/18137083/68/1
30. Masyaykina, E.V. (2018) [Folklore of the peoples of Siberia in the fund of G.N. Potanin at the NB TSU: fairy tales about animals]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Actual Questions of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 7th International Conference. Chapter 2. Yekaterinburg. 9 February 2018. Yekaterinburg: UMTs UPI. pp. 68–75. (In Russian).
31. Masyaykina, E.V. (2018) [N.I. Zatoplyayev – a collector and translator of Buryat folklore: based on the Tomsk archive of G.N. Potanin]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical Issues of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 5th International Conference. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: Tomsk State University. pp. 354–355. (In Russian).
32. Masyaykina, E.V. (2018) [Correspondents of G.N. Potanin in the archives of the Research Library of Tomsk University]. *Dialog kultur: poetika lokalnogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of the Local Text]. Proceedings of the 6th International Conference. Gorno-Altaysk. 26–29 May 2018. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 60–68. (In Russian).
33. Nosov, D.A. (2016) *Publikatsii skazok, podgotovlennye G.N. Potaninym, kak istochnik dlya rekonstruktsii sostoyaniya fol'klornoy traditsii mongol'skikh narodov vo vtoroy polovine XIX v.* [Publications of fairy tales prepared by G.N. Potanin as a source for the reconstruction of the state of the folklore tradition of the Mongolian peoples in the second half of the 19th century]. *STUDIA CULTURAE*. 27 (1). pp. 129–137.
34. Malaskhanova, I.A. (2013) *Vklad M.N. Khangalova v razvitie etnograficheskogo otdela irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Contribution of M.N. Khangalov in

the development of the ethnographic department of the Irkutsk regional museum of local lore]. *Vestnik IrGTU*. 1 (72). pp. 251–258.

35. Aizikova, I.A. (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX– nachalo XX v.)* [Book Culture of Tomsk (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

36. Aizikova, I.A. et al. (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh* XIX – nachalo XX v.) [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European Contexts (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

37. Aizikova, I.A. et al. (2020) *Chitatel' i chitatel'skie praktiki Tomsk i Tomskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Reader and Reading Practices of Tomsk and Tomsk Governorate (Late 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

38. Gorenintseva, V.N. (2009) *Retseptsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tomskoy periodike kontsa XIX – nachala XX vv.* [Reception of English and American literature in Tomsk periodicals of the late 19th – early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

39. Rodchenko, Yu.I. (2015) French literature in the critical reception of Tomsk periodicals in the late 19th – early 20th centuries (a case study of Sibirsky Vestnik and Sibirskaya Zhizn) *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (4). pp. 158–177. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/4/9

40. Nikonova, N.E. (2021) Ital'yanskiy tekst periodiki Sibiri 1890–1910-kh gg. [Italian text of Siberian periodicals in the 1890s–1910s]. In: Jandl, I. et al. (eds) *Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht: Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten: Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. pp. 119–138.

41. Slovesnaya kul'tura Sibiri [Verbal Culture of Siberia]. (n.d.) [Online] Available from: <http://wiki.lib.tsu.ru>.

42. Mogilatova, M.V. (2021) *Spetsifika avanyurnogo romana v tomskoy dorevolutsionnoy periodike: na primere tsikla romanov V.V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo)* [The specificity of the adventure novel in the Tomsk pre-revolutionary periodicals: on the example of the cycle of novels by V.V. Kuritsyn (Ne-Krestovsky)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

43. Domanskiy, V.A. (2003) Pervyy romanist-sibiryak [The first Siberian novelist]. In: Egorov, B.F. et al. (eds) *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury. Opyt samoopisaniya* [Siberia in the Context of World Culture. The experience of self-description]. Tomsk: Sibirika. pp. 50–66.

44. Mel'nikova, S.V. & Zhdanova, E.V. (2020) Poetic experiments of east siberian orthodox clergy in the 18th – early 20th centuries (based on the materials of the eparchial press). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State university Journal of Philology*. 66. pp. 241–260. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/66/13

45. Anisimov, K.V. (2014) Vostochnyy travelog russkoy literatury XIX v.: “voobrazhenie” imperskikh okrain i poetika povestvovaniya (predvaritel'nye zamechaniya) [Eastern travelogue of Russian literature of the 19th century: the “imagination” of the imperial outskirts and the poetics of narration (preliminary remarks)]. *Imagologiya*. 1. pp. 5–17.

46. Anisimov, K.V. & Razuvalova, A.I. (2014) Two centuries two versions of the Siberian text: regionalists vs. “village-prose writers”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State university Journal of Philology*. 1 (27). pp. 75–101. (In Russian).

47. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memories]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sib. Kn. Izd-vo.

48. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya poligraficheskaya kompaniya.

49. Yakimova, L.P. (1989) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki Sibiri* [History of Russian Literary Criticism of Siberia]. Novosibirsk: Prospekt.

50. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey* [Selected Articles]. Krasnoyarsk: Tipografiya Yeniseyskogo Gubernskogo Soyuza Kooperativov.

51. Yadrintsev, N.M. (ed.) (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. Kn. Izd-vo.

52. Gnyusova, I.F. (2020) Books about Yermak in the library of Gavriil Tyumentsev as an indicator of the Siberian reader's cultural self-identification (based on materials from the research library of Tomsk State University). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 24. pp. 68–95. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/24/4

53. Ayzikova, I.A. (2021) The cultural landscape of Siberia in the spiritual literature of the second half of the 19th century: imaginary and social geography. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 27. pp. 103–125. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/27/6

54. Esipova, V.A. (2015) “Povestvovanie o Spasitelevе obraze”: rukopis’ ORKP NB TGU [“The Narrative of the Image of the Saviour”: manuscript of the Department of Rare Books and Manuscripts RL TSU]. In: Romodanovskaya, V.A., Silant’ev, I.V. & Titova, L.V. (eds) *Krugi vremen. V pamyat’ Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of Times. In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Vol. 2. Moscow: Indrik. pp. 391–405.

55. Zol’nikova, N.D. (2003) Drevnerusskoe nasledie i novaya literatura v tvorchestve sibirskikh narodnykh pisateley-staroverov kontsa XIX – nachala XX vv. [Old Russian heritage and new literature in the works of Siberian Old Believers folk writers of the late 19th – early 20th centuries]. *Slavyanskiy al'manakh.* pp. 351–358.

56. Stakheev, D.I. (1867) *Na pamyat’ mnogim. Rasskazy iz zhizni v Rossii, Sibiri i na Amure D.I. Stakheeva* [For the Memory of Many. Stories from D.I. Stakheev’s life in Russia, Siberia and the Amur]. Saint Petersburg: Tipografiya Ryumina i komp.

57. Grobenko, A.Yu. (2020) Ovids from the province: self-myth-making of Siberian writers of the end of the 19th to the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 65. pp. 180–192. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/11

58. Masyaykina, E.V. (2020) *Literaturnoe nasledie sibirskogo oblastничества: na materiale arkhivov G.N. Potanina i G.D. Grebenshchikova* [Literary heritage of the Siberian regionalism: on the material of the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikov]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

59. Ayzikova, I.A. (2011) Repertuar knizhnoy produktsii tomkskikh chastnykh izdatel’stv kontsa XIX – nachala XX vv. (na materiale biblioteki G.K. Tyumentseva) [Repertory of the book manufacture at the Tomsk private printing offices at the end of the 19th century and at the beginning of the 20th century (on the basis of data from the G.K. Tyumentsev library)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 3. pp. 103–111. (In Russian).

60. Ayzikova, I.A. (2013) Place of textbooks in the stock of book production by Tomsk publishing houses in late 19th century (by example of the collection of G.K. Tyumentsev). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 4. pp. 42–54. (In Russian).

61. Piksanov, N.K. (1928) *Oblastnye kul’turnye gnezda: Istoriko-kraevedcheskiy seminar* [Regional Cultural Nests: Historical and local history seminar]. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo.

62. Ayzikova, I.A. (2020) The image of a Siberian city in Nikolay Kostrov’s essays. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 67. pp. 174–188. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/9

63. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Professor, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2022
одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 10.10.2022;
approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/80/9

Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»?

**Кирилл Владиславович Анисимов¹,
Максим Станиславович Щавлинский^{2,3}**

¹ *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

² *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

³ *Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского,
Санкт-Петербург, Россия*

¹ *kianisimov2009@yandex.ru*
^{2,3} *maxim.shavlinsky@yandex.ru*

Аннотация. Предложен новый подход к истории текста травелога «Храм Солнца», который анализируется в перспективе сторонних влияний на писателя, находившегося между «силовыми полями» актуальных для него социального и жанрового контекстов. Во всех случаях речь идёт о травелоговых клише, ассоциированных скорее со школами, чем с индивидуально-авторскими версиями жанра. Именно от запечатлённых ранними редакциями «Храма Солнца» следов поздний Бунин, взиравший на литературный процесс 1910-х гг., стремился извлекать.

Ключевые слова: И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, С.Я. Елпатьевский, Е.Э. Картавцев, С.С. Кондурушкин, Пьер Лоти, социология литературы, ориентализм, травелог, текстология

Источник финансирования: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-012-41004.

Для цитирования: Анисимов К.В., Щавлинский М.С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210. doi: 10.17223/19986645/80/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/9

Historical and literary context of Bunin's travelogue *The Temple of the Sun*. Whose background let Bunin "come out as a genius"?

Kirill V. Anisimov¹, Maksim S. Shavlinsky^{2,3}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

³ Central City Public Library named after V.V. Mayakovsky,
Saint Petersburg, Russian Federation

¹ kianisimov2009@yandex.ru

^{2,3} maxim.shavlinsky@yandex.ru

Abstract. The article proposes a new approach to the history of the text of Bunin's travelogue *The Temple of the Sun*, which is analyzed in the perspective of third-party influences on the writer, who found himself between the "force fields" of social and genre contexts relevant to him. At the same time, both kinds of ties, either reliably verifiable (Pierre Loti, Stepan Kondurushkin) or hypothetical (Sergey Elpatyevsky, Konstantin Balmont), are not considered by the authors of the article as deliberately broken by Bunin – on the basis of intertexts that might have been initially actualized and then deactualized. In all cases, the authors speak about travelogue clichés associated rather with literary schools than with individual authors' versions of the genre. The authors' aim is to "return" Bunin's travelogue from the literary environment of the 1930s, when Bunin as an émigré was giving his work the final cut, to the original "habitat" of the 1900s–1910s – the time when "travel poems" were created in a lively dialogue with contemporary travel literature. In a purely practical sense, this means that what Bunin excluded from his text finds multiple parallels in travelogues of the 1890s–1910s, whereas all that remained after edits obtains the highest degree of originality. The authors of the article show a number of examples selected from the thematic repertoire to which Bunin was particularly sensitive: images of local population, narrator's attitude towards Eastern religious practices, his appraisals of Russia. Images of fellahs become the first instance. Readers of typical Egyptian travelogues created by Russian authors had to recognize in the fellah a specific kind of a human, albeit distant in terms of geography and ethnicity, but very close in social and cultural perspective. In works by Evgeny Kartavtsev, Sergey Elpatyevsky, Konstantin Balmont, fellahs are compared with Russian peasants and described precisely within this paradigm, whereas Bunin's fellahs are presented firstly as exotic bearers of ancient culture. From the mystical-esoteric side, Balmont turned out to be closest to the early Bunin. Both are interested in sects and ecstatic cults. Balmont was seeking in Egypt the same themes and motifs that Russian Symbolists valued so much in sectarians' life. On the contrary, Bunin in his early description of dervishes focuses yet on what is valuable for Balmont (personal attitude and historical and cultural retrospection), but later on he eliminates all this, leaving the picture of dervishes' ritual without evaluation and explanation. Another aspect of the travelogue is social. Here Bunin should be compared with Stepan Kondurushkin, who spoke from the position of secularism widely accepted in his milieu. The object of criticism in his essays was Russian pilgrims who were heading en masse to the biblical East. Kondurushkin's narrator is naively biased and in descriptions of life in Mount Athos monasteries he reproduces the

same ideologemes that are contained in characters' monologues. Bunin in the initial edition of "travel poems" was no stranger to similar devices and characteristics. And again, like in other cases discussed above, all these evaluations were removed in the 1930s edition. Bunin's revision of the text of his work touched upon the key nodes of the narrative and ideological organization of the travelogue: its verbal matter was fluid, dynamic and incomplete for a long time. As an aesthetic entity, the work experienced its formation during the most dramatic years of Bunin's life since the early 1910s till the mid-1930s, while the history of the text was inseparably united with the genre context surrounding the *The Temple of the Sun*.

Keywords: Ivan Bunin, Konstantin Balmont, Sergey Elpatyevsky, Evgeny Kartavtsev, Stepan Kondurushkin, Pierre Loti, sociology of literature, orientalism, travelogue, textual criticism

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-41004.

For citation: Anisimov, K.V. & Shavlinsky, M.S. (2022) Historical and literary context of Bunin's travelogue *The Temple of the Sun*. Whose background let Bunin "come out as a genius"? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 183–210. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/9

Весь многолетний путь Бунина на поприще словесности ознаменован борьбой за репутацию «одинокого» гения, единственного законного наследника безвременно и безвозвратно погибшего канона высокой национальной классики. Естественное для каждого писателя стремление к оригинальной манере в случае первого русского литературного нобелиата делалось остроконкурентным, навязчивым противостоянием признанным величинам. Прорывная статья Ю.М. Лотмана 1987 г. [1] впервые позволила увидеть культурно-психологические механизмы этого противодействия и попыток, как сказали бы сегодня, «изобрести традицию» (Э. Хобсбаум). В буниноведении лотмановская статья, посвящённая виртуальному конфликту младшего классика с Гоголем и Достоевским, сформировала целое направление. В русле этого подхода следы избранной Буниным стратегии самоутверждения результативно отыскиваются в интертекстуальной палитре его художественных произведений [2]. Травелог «Храм Солнца» («Тень Птицы») в этом отношении никогда не был горячей темой – ни с точки зрения кардинальных изменений, которые претерпел сам текст, ни в аспекте содержащихся в нём спонтанных переключек и спланированной полемики с собратьями по цеху.

Современный аналитик «Храма Солнца» обязан поместить текстологию, поэтику и историю литературы в пространство социологии, позволяющей увидеть сам план бунинской войны с разными школами, направления манёвров между ориентирами и силовыми центрами «поля литературы». Условия писательского успеха на этом пути определены в известной работе А.И. Рейтблата, посвящённой общественному контексту пушкинской гениальности: 1) «...Сильная потребность в литераторе – выразителе нации, начинающем собой новую, встающую в ряд с европейскими лите-

ратуру». 2) Способность писателя предложить «тексты, отвечающие на этот запрос». 3) Возможности Пушкина «задействовать различные механизмы в рамках литературы как социального института, обеспечивающие формирование у него высокой литературной репутации» [3. С. 56]. Все три позиции находят свои точные соответствия в бунинских биографии и творчестве 1920–1930-х гг. Пользуясь неофициальным (но и не оспариваемым) статусом лидера эмиграции, носителя «литературной святости» [4. С. 265], выйдя на новый профессиональный уровень как автор мастерских, подчас изощренно сложных сочинений, Бунин всё это время вёл изнурительную борьбу за официальное признание, увенчавшуюся нобелевским триумфом 1933 г. [5]. И именно в 1930-е гг. он принимается за новую отделку своих «путевых поэм», созданных ещё в конце 1900-х – начале 1910-х гг., изменяя их тексты в новых редакциях 1931 и 1936 гг. [6, 7] порой до неузнаваемости. Зачем? Постараемся конкретизировать наш материал и наметить более частные подходы к нему.

* * *

Повествовательная природа травелога двусоставна: события и реалии предметно-вещественного ряда требуют от автора наблюдательности и достоверности в передаче подробностей, меж тем как взаимосвязь событий, пунктов путешествия (неочевидная, ибо травелог лишён сюжета в привычном понимании) активизирует разного рода медитации и спекуляции, призванные если не объяснить цель поездки – излишняя целесообразность вредит литературности путешествия как жанра, – то нанизать воспроизводимые локальности на нить авторского восприятия, каковое в итоге позволяет создать виртуальный образ повествователя, т.е. самого героя-путешественника. Избегая перегружать небольшую статью ссылками на громадную литературу, посвященную травелогам, приведём слова Ю.М. Лотмана, сказанные о карамзинских «Письмах русского путешественника», но равно справедливые для любых состоятельных с эстетической точки зрения и влиятельных в литературном процессе путевых записок: «...Если на самой поверхности текста Карамзин давал читателю перечень европейских достопримечательностей (их-то исследователи и называют “познавательным содержанием” книги), то в более глубоком слое мысли создан был образ “русского путешественника”, который сделался реальным фактом русской культуры в её отношении к Европе» [8. С. 532–533].

Нетрудно предположить, что читатель травелога в первую очередь задаётся вопросом «что?». Его (в отсутствие медиального доступа к непосредственному созерцанию) интересуют описываемые автором места – чаще всего далёкие, экзотические, потому и вызывающие любопытство. Однако автор, конструирующий инстанцию повествователя, очевидно ставит вопрос иначе: «зачем?» и «как?». «Что», будучи уже виденным и пережитым, для него вторично. Иногда случается, что экспансивная подача собственного Я, более или менее остранный разными приёмами, полно-

стью подчиняет себе рассказ об увиденном, делая само это увиденное не предметом наррации, но поводом для её развёртывания. Весьма часто таковы модернистские травелоги – вблизи нашей главной темы отметим записки путешествий в Египет, созданные Андреем Белым [9] и К.Д. Бальмонтом (о последнем – см. далее). На противоположном полюсе – добывающиеся от читателя саморастворения в повествуемом мире нарочитые фактичность, эмпиризм рассказа, хотя на поверку подчас избирательные и ангажированные, т.е. так или иначе «проявляющие» нарратора. Контекст бунинского восточного травелога, интересующего нас здесь в первую очередь, почти весь состоял из таких сочинений, которые знакомили русского читателя с Египтом¹, Палестиной, Иудеей. Назовём здесь «По Египту и Палестине» Е.Э. Картавцева (СПб., 1892); «Иерусалим» и «Галилею» Пьера Лоти (обе книги – СПб., 1897); «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина (СПб., 1908, 1910); «Египет» С. Елпатьевского (СПб., 1911); «Край Озириса» К.Д. Бальмонта (М., 1914). Названные источники являлись важными, иногда (как Бальмонт и «русский» Лоти) – поворотными вехами в развитии отечественной ориенталистской словесности, обращённой к восточному Средиземноморью. В чём-то поддаваясь их притяжению, но одновременно и преодолевая их клишированность, Бунин стал мастером травелогового письма, достигнув своей главной цели: «выйти в гении».

* * *

Какие задачи ставит перед исследователем цикл бунинских «путевых поэм» «Храм Солнца»? Во-первых, скажем несколько слов о динамике текста, отразившей эволюцию замысла, самой концептуальной программы рассказа о Ближнем Востоке. Известный современному читателю под заглавием «Тень Птицы», текст представляет собой результат многолетних трудов писателя, который раз за разом перерабатывал своё произведение. Основные этапы его истории – первопубликации 1907–1911 гг., в целом воспроизведённые в Марковом собрании сочинений 1915 г. (заглавие – «Храм Солнца»); отдельное издание «Храма Солнца» 1917 г., дополненное циклом «восточных» стихотворений; редакция 1931 г. под названием «Тень Птицы»; редакция собрания сочинений издательства «Петрополис» 1936 г., в составе которого «путевым поэмам» был возвращён заголовок «Храм Солнца»². Последняя, общедоступная сегодня, редакция, публикуемая в советских собраниях сочинений на основе варианта «Петрополиса», является существенно менее объёмной, чем текст издательства А.Ф. Маркса, и взятая сама по себе, без сопоставления с ранними версиями, скрывает генезис произведения, а также его контекст.

¹ Относительно Египта литература Серебряного века отметилась самой настоящей «египтоманией» [10. С. 141].

² О колебаниях автора между вариантами «Тень Птицы» / «Храм Солнца» см.: [11].

Потому первая наша задача – «вернуть» травелог из литературной обстановки 1930-х гг., в координатах которой Бунин-эмигрант давал своему произведению финальную огранку, в исходную «среду обитания» 1900–1910-х гг. – когда «путевые поэмы» создавались в живом диалоге с современной им литературой путешествий.

Во-вторых, анализ истории текста позволяет выявить эстетический «маршрут» писателя, умело лавировавшего между намеченными выше условными типами травелогового рассказа: преимущественно медитативным и тем, в котором верх брала фактичность. Занявшая два десятилетия редакторская работа Бунина, выразившаяся в кардинальном сокращении текста «поэм» и реконфигурации границ между ними, свидетельствует о вызревании новой поэтики в недрах «старого» материала. Рассуждая в духе Л.С. Выготского, «форма» на пути к новой художественной концепции преодолевала «материал», причём последний включал в себя не только написанное самим Буниным, но также и ближайших жанровых «соседей» его травелога, из поля притяжения которых вырывались переработанные редакции «Храма Солнца».

В чисто практическом смысле это означает, что исключённое Буниным из его текста имело массу параллелей в травелогах 1890–1910-х гг., а сохранявшееся после всех правок располагало наивысшим градусом оригинальности. При этом читал или не читал автор «Храма Солнца» своих современников, писавших о ближневосточных вилайетах Османской империи, не так важно. Интертекстуальность всегда гадательна, в отличие от общей стратегии письма – в целом подлежащей пониманию на основе сопоставления раннего, промежуточного и итогового видов текста. В наибольшей степени контекстуально «нагруженной» предстаёт, как не трудно догадаться, начальная редакция травелога. В основном именно она богата переключками с усреднёнными, типовыми записками путешествий на Ближний Восток.

* * *

Приведём первый пример. Посещавшие Египет русские путешественники не могли обойти вниманием феллахов – коренное население страны, основу её аграрной экономики. В глазах русского наблюдателя социальное положение египетских крестьян было сродни жизни и быту обитателей русской деревни – параллель хоть и натянутая, но ожидаемая с учётом «народолюбия» отечественной словесности. Читатель египетского травелога, созданного русским автором, должен был опознать в феллахе пусть далёкого, но «своего», непохожего внешне, но подчинённого той же судьбе хлебороба, и, преодолев барьеры экзотики, увидеть в обождённом солнцем египтянине не восточного «другого», но в конечном итоге – самого себя. Поэтическую оболочку для такой идеологии предоставил Толстой, а вероятным источником позднейших писаний о Египте выступил пронизанный толстовскими интертекстами рассказ молодого В.М. Гаршина «Че-

тыре дня» (1877), где едва ли не впервые в русской прозе дан подробный портрет феллаха¹.

Автобиографический герой рассказа, вольноопределяющийся в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., убивает турецкого солдата штыком в грудь, сам получает ранение в ноги и, обездвиженный, не замеченный ушедшими вперёд наступающими однопольчанами, четыре дня лежит подле своего мёртвого, разлагающегося на жаре визави.

Он был огромный толстый турок, но я бежал прямо на него, хотя я слаб и худ. *Что-то хлопнуло, что-то, как мне показалось* (здесь и далее везде курсив наш. – К.А., М.Щ.), огромное пролетело мимо; в ушах зазвенело. «Это он в меня выстрелил», – подумал я. А он с воплем ужаса прижался спиной к густому кусту боярышника. Можно было обойти куст, но от страха он не помнил ничего и лез на колючие ветви. Одним ударом я вышиб у него ружье, другим *воткнул куда-то свой штык. Что-то не то зарычало, не то застонало*. Потом я побежал дальше [13. С. 3].

Ср. штыковую атаку юнкера барона Песта в рассказе Толстого «Севастополь в мае»:

Пест был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он шел, как пьяный. *Но вдруг со всех сторон заблестело миллион огней, засвистело, затрепало что-то; он закричал и побежал куда-то*, потому что все бежали и все кричали. <...> Потом, когда он вырвал ногу и приподнялся, на него в темноте спиной наскочил какой-то человек и чуть опять не сбил с ног, другой человек кричал: «коли его! что смотришь?» *Кто-то взял ружье и воткнул штык во что-то мягкое*. «А moi, camarades! A sacre b... Ah! Dieu!» – *закричал кто-то страшным, пронзительным голосом*, и тут только Пест понял, что он заколол француза [14. Т. 4. С. 46].

Турецкий солдат Гаршина – египетский феллах. Читатель узнаёт его историю. «А этот несчастный феллах (на нём египетский мундир) – он виноват ещё меньше. Прежде чем их посадили, как сельдей в бочку, на паром и повезли в Константинополь, он и не слышал ни о России, ни о Болгарии. Ему велели идти, он и пошёл» [13. С. 7]. Толстовская техника остранения («кто-то», «что-то», «куда-то») дискредитирует войну в её жестокой социально-исторической определённости и разрушает преграду между «я» и «он». Неумолимо уничтожаемый природой труп делается в риторике рассказа тенью самого автобиографического повествователя: пережитая главным героем телесная потеря (в финале у него ампутирован ногу) – несомненный мотивный отблеск тела феллаха, превращающегося на солнцепёке в ничто.

¹ Наблюдение подсказано Е.Р. Пономарёвым в устной беседе. Безотносительно к Бунину и вообще к художественной литературе укажем на более ранний и, весьма вероятно, пионерский источник, в котором поднята тема феллахов. Работа принадлежит перу русского ориенталиста А.А. Рафаловича, посетившего Египет в 1847 г. и описавшего быт феллахов [12. С. 11, 14–34].

Так в претексте русских травелогов начала XX в. оформилась «инерция» будущих воспроизведений образа коренного египтянина. «Он» как «я», феллах, как русский мужик – сближения этого рода подчас звучат даже в далёких от толстовской «всечеловеческой» социальной программы сочинениях. Примерно в таком ключе рассуждает К.Д. Бальмонт, создающий «на фоне» Гаршина что-то вроде минус-приёма:

И если попадетсЯ на пути деревушка феллахов, не обрадуешься ей. *Эти глиняные клетушки, которые даже домишками нельзя назвать, так убоги, что Русская изба в сравнении с ними – роскошный дворец.* Пригнетает пустыня. *В мужицкой избе в России есть на оконцах узоры. Это – чувство красоты. Здесь оно отсутствует.* Говорят, им не нужно настоящих домов – всё время на воздухе они, и в Египте всегда тепло. Это – ложь. По ночам здесь вовсе холодно. И беременные женщины не со свиньями же должны рожать. А так рождают. Люди живут по-скотски. В пыли, в прахе [15. С. 23–24].

О возрастающей значимости феллахов для разного рода геостратегических и геокультурных построений свидетельствует написанный за 25 лет до Бальмонта очерк Е.Э. Картавцева, в котором на раннем этапе разработки темы русский чиновник и экономист противопоставил египетских крестьян сильно европеизированному Каиру¹.

Что греха таить! когда я осмотрел европейскую часть Каира, я должен был сказать, что на Руси нет ни одного города, который по чистоте, по красоте отделки и по нарядности мог бы сравниться с этой частью египетской столицы. <...> На материке Африки, едва ли в десяти верстах от безбрежных сыпучих песков Сахары, под самым Макотамским кряжем, пустынным, скалистым и диким, среди черномазых негров, хищных арабов и забитых, тысячами задавленных феллахов – в этой обстановке раскинулся город, могущий соперничать по опрятности, красоте и изяществу с лучшими частями величайших центров европейской цивилизации. Не странно ли это? Правда, достигнуто это путем не только разорения, но даже закабаления Египта. А все же достигнуто и удивляет это во всяком случае» [17. С. 497].

Высокомерно-ориенталистский подход роднит Картавцева с Бальмонтом, но относительно феллахов эта линия оценок в целом является тупиковой. Более привычен подход С.Я. Елпатьевского, разворачивающего уподобление феллахов русским крестьянам в отдельный сюжет. Селяне Египта подаются в предельно конкретной социо-исторической перспективе: выходя из вневременной архаики, они стоят на границе модерна. Вообще, для жаждущих новой жизни египтян Елпатьевский отыскивает подходящую, как ему кажется, русскую аналогию – М.В. Ломоносова, чья репута-

¹ В «Вестнике Европе» позднее был опубликован еще один очерк Картавцева – «Поездка в стовратные Фивы (1889 г.)» (1891. № 5. С. 113–135; № 6. С. 596–630). Позднее записки путешествия вышли отдельным изданием: *Картавцев Е.Э. По Египту и Палестине. Путевые заметки.* СПб., 1892. Переизд. в 1896 г. О параллелях между текстами Картавцева и Бунина [16].

ция основана на мифообразе мужика, своим трудом и талантами ставшего академиком. Рядом закономерно стоит Толстой, совершивший противоположный ломоносовскому социальный манёвр: из аристократа в простолюдина.

Мне удалось познакомиться с вполне осведомлённым человеком. <...> Я знаю, какое огромное значение имела для Египта и для всего Востока буря русской революции, какая непрерывная диффузия людьми и идеями существует между Константинополем и Каиром, какое глубокое захватывающее толщу населения движение идёт в настоящее время на Востоке вообще и в Египте в частности. *Он рассказывает мне, как хорошо пошли его переводы с русского и как интересуются в Египте Толстым, какой особенный успех имела его книжка о конституции и младотурецком движении.* И, – что меня в особенности заинтересовало, – оказалось, что книжка о конституции распространяется главным образом в низах городского населения и деревнях, среди феллахов, – именно в тех слоях, где отрицательно относятся к проповеди узкого национализма и наибольшее распространение имеют арабские конституционные газеты [18. С. 50–51].

Меня тянуло к хозяевам, к подлинным вечным хозяевам Египта, мне хотелось видеть их не в городской обстановке, а дома, у них самих, – если не узнать, то хотя бы почувствовать, что и как они думают, хоть немного понять их душу...

У моего знакомого сирийца оказалось несколько приятелей феллахов в деревнях, и он рассказывал мне, как, в последний приезд его, собралось полдеревни и до ночи не отпускали его, – всё просили рассказать и объяснить им вероучение и философию и жизнь Л.Н. Толстого... [18. С. 54].

А вот новый поэт, появившийся в Каире. «...Этот – новый, смелый, дерзкий, черпающий в других родниках своё вдохновение. Он написал прекрасную большую поэму о телеграфе... Да, о телеграфе, и потом о телефоне и о железной дороге. <...> И вспомнилось мне, как здоровенный архангельский мужик когда-то писал у нас поэму о пользе стекла» [18. С. 51–52; 53].

Далее в разговорах с деревенскими жителями о грамотности – остром вопросе для феллахов и их русских современников, крестьян революционной России, – Елпатьевский фиксирует непосредственное уподобление первых вторым.

Мне хотелось хоть чем-то утешить его. <...> Я приводил пример, что у нас в России, и теперь и перед революцией, было много неграмотных и тоже говорили, чего можно ожидать от неграмотного крестьянина, а когда были выборы в первую и вторую Государственную Думу, народ точно и ясно указал в своих наказах депутатам, что ему нужно от государства.

Он слушал внимательно перевод моего спутника и быстро возбуждённо отвечал:

– *Пламя вошло в сердца ваших феллахов, пламенем зажглись умы их...* [18. С. 68].

* * *

Как на этом фоне строит свой рассказ о феллахх Бунин? Специального разговора требует один из важнейших эпизодов травелога – сцена отбытия

путешественника на поезде из Александрии в Каир¹. В редакции Маркса фрагмент читается в составе очерка «Зодиакальный свет», в то время как в «Петрополисе» он уже часть раздела «Дельта». Поезд стал местом встречи повествователя с диковинными людьми, коптом и феллахом², которые символизировали древний Египет, сохранив самобытность в окружавшем их арабском людском море.

И опять против меня – копт и феллах. Копт – толстый, в чёрном халате, в чёрной и туго завёрнутой чалме, с тёмно-оливковым круглым лицом, карими глазами и раздувающимися ноздрями. *На коленях у него зонт.* Феллах – в белой чалме и грубом балахоне, расстёгнутом на груди. Это совершенный бык по своему нечеловеческому сложению и спокойствию, с бронзовой шеей изумительной мощи. *Но ещё изумительней то, что ему, кажется, совсем не жарко!* [22. С. 150].

И опять против меня – копт и феллах. Копт – толстый, в чёрном халате, в чёрной и туго завёрнутой чалме, с тёмно-оливковым круглым лицом, карими глазами и раздувающимися ноздрями. Феллах – в белой чалме и грубом балахоне, расстёгнутом на груди. Это совершенный бык, по своему нечеловеческому сложению, с бронзовой шеей изумительной мощи. *И сидит он так, как и подобает ему, прямому потомку древнего египетского человека: прямо, нечеловечески спокойно, с поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колени...* [7. С. 219].

Сначала отметим, что Бунин и не думает ассоциировать феллаха ни с собой как перволичной инстанцией, ни с русским крестьянином. Традиция, восходящая к Гаршину, здесь прервана. Вообще, преобладающие в науке суждения о всеединстве мира, переданном Бунину Толстым, и подразумевающим лишь «братские» отношения, говоря толстовским языком, «всего со всем», некритически игнорируют множество исключений, бросающих тень на незыблемость правила. Так, примечателен прецедент устранения звучавшей совсем уж открыто протолстовски декларации повествователя: «И я с наслаждением теряюсь этой толкотне тёплого и тёмного южного вечера, в той возбуждающей атмосфере толпы, *которая охватывает душу и тело горячим веянием жизни и тянет к слиянию с жизнью всего мира*» [22. С. 113]. На страницах «Петрополиса» на месте этих слов показательное зияние (ср.: [7. С. 183]).

Перед нами здесь характерная для Бунина двойственность решения: риторика, допустим, рассказа «Братья» – это одно. Экзотика, в принципе невозможная в эстетике Толстого³, – совершенно другое. В противоположность исторической концепции романиста, прекрасного «летописца современности» (1805–1812 гг. «Войны и мира» в глазах Толстого – та же современность), Бунина волнует проблема древности, исторических циклов,

¹ О важности хронотопа поезда у Бунина см.: [19. С. 70–74; 20].

² Снова безотносительно к Бунину отметим бытование мотива в этнографической литературе. Так, поезд становится местом встречи с феллахом в воспоминаниях русского путешественника и географа М.И. Венюкова (1896). [21. С. 57].

³ Специально на эту тему см.: [23].

рождений и умираний великих империй и созданных ими мировых культур [24]. Всё это неотделимо от экзотики, поскольку подразумевает дистанцию относительно наблюдателя, живущего здесь и сейчас. Для Толстого же проблема культуры, как и тема древности, не просто второстепенна, она несущественна. Приговор ей звучит, например, в ёмких фразах из дневника:

Обыкновенно думают, что на культуре как цветок вырастает нравственность. Как раз обратное. Культура развивается только тогда, когда нет религии и потому нет нравственности (Греция, Рим, Москва), Вроде жирующего дерева, от которого незнающий садовод будет ждать обильного плода от того, что много пышных ветвей. Напротив, много пышных ветвей от того, что нет и не будет плода [14. Т. 54. С. 73].

И совсем кратко: «Культура только при отсутствии религии» [14. Т. 54. С. 234].

Далее обратим внимание на резкие отличия цитированных бунинских пассажей из соответственно ранней редакции Маркса 1915 г. и итоговой «Петрополиса» 1936 г. Несколько обстоятельств требуют здесь особого комментария. Во-первых, перед нами редчайший случай в истории текста травелога: поздняя версия объёмнее ранней. Обычно, как в случае «Храма Солнца», так и иных сочинений Бунина, дело обстояло ровно наоборот. Во-вторых, отметим разное положение фрагментов в композиции «путевых поэм» как целого. В редакции Маркса эпизод затерян примерно в первой половине длинного очерка «Зодиакальный свет», посвящённого Египту. В «Петрополисе» он является последним абзацем очерка «Дельта» – автор усилил его значение, сдвинув к сильной позиции финала. В-третьих, писатель освободил свою зарисовку от излишней – и довольно тривиальной – субъектности повествователя («Но ещё изумительней то, что ему, кажется, совсем не жарко!»), оставив лишь сдержанное «и опять против меня», а также от следа новейших бытовых реалий («на коленях у него зонт»¹), отвлекавших от идеи глубокой древности. Именно эта последняя – вплоть до зверино-первобытных своих коннотаций (к прилагательному «нечеловеческий» потом добавлено наречие «нечеловечески») – должна в первую очередь привлечь внимание читателя, угадывающего под внешностью египтянина то ли быка Аписа, то ли бесстрастного сфинкса.

В свете сказанного неудивительно, что, подходя к двум своим героям, копту и феллаху, Бунин нагнетает экзотику заранее, когда даёт портреты

¹ Зонт в арабском мире начала XX в. был, судя по всему, знаковым бытовым атрибутом. В одном из «сирийских рассказов» С.С. Кондурушкина «Могилищик» главный герой, ретроград Исбир, возмущён тем, что его односельчане, поддавшись моде, стали покупать зонты и часы. Желая их проучить, Исбир, характер которого навеян классическим образом пушкинского Андриана Прохорова, вешает часы на шею своей собаке и над нею же раскрывает зонт. Ход удачен: больше в деревне никто не носил ни часов, ни зонтов.

ещё более аутентичных для Африки «негр[ов] из Судана». В этом месте работа над текстом заключалась в уже знакомой нам акцентуации черт архаики и, как следствие, затемнении реальной картины присутствия аборигенов посреди уже сильно европеизированного (вспомним Е.Э. Картавцева), «гибридного», как и положено колонии, пространства. Вот результат этой работы:

Солнце стояло как раз над головой, и в переулке не было ни тени, когда я шёл после того на площадь Консулов. По торговой улице, пересекавшей его, по-прежнему гудел трамвай, кричали водonoсы, бежали ослы под босыми загoрелыми всадниками в голубых рубахах и белых чалмах, из какой-то лавки страстно-жалобным гнусавым фальцетом орал арабскую арию граммофон. На площади вокруг сквера, в жаркой лёгкой тени подсыхающих деревьев, стояли коляски, дремали лошади. Смуглые, в белом, извозчики, вместе с прочей арабской толпой, занимавшей несметные столики сквера, пили воды, курили, болтали и читали уличные газеты. А недалеко от меня сидели два негра из Судана. Их чёрные скуластые лица и чёрные палки ног в огромных пыльных туфлях казались ещё чернее и страшнее от белых кидар; сверх рубашек на них были короткие халаты цвета полосатых гиен. С раздувающимися ноздрями раздавленных носов, с блестящими глазами, с нагло вывороченными губами, негры радостно и удивлённо рассматривали проходящих женщин [22. С. 147–148].

На площади Консулов, вокруг сквера, в жидкой лёгкой тени подсыхающих деревьев, стояли коляски, дремали лошади. Смуглые, в белом, извозчики, вместе с прочей арабской толпой, занимавшей несметные столики сквера, пили воды, курили, болтали. Сидели два негра из Судана. Их чёрные скуластые лица и чёрные палки ног в огромных пыльных туфлях казались ещё чернее и страшнее от белых кидар; сверх рубашек на них были короткие халаты цвета полосатых гиен. С раздувающимися ноздрями раздавленных носов, с блестящими глазами, с нагло вывороченными губами негры радостно и удивлённо рассматривали проходящих женщин [7. С. 216].

Наряду с тем, что Бунин ликвидирует мешающие ему признаки субъектности повествователя («когда я шёл», «а недалеко от меня»), избавляется от докучливых примет вездесущего модерна – трамвая, граммофона, уличных газет, – он незаметно преобразует всю поэтику цитированного фрагмента: в нём исчезает контрастное противопоставление пёстрой толпы, наполняющей европеизированную Александрию, суданским неграм как реликтам доисторического прошлого. После всех сокращений негры, алчно взирающие на местных женщин, остаются безраздельно господствовать в эпизоде, предвосхищая копта и феллаха в поезде. Похожа там и обстановка: «Вагон был переполнен женщинами, до глаз закутанными в чёрное и белое...» [7. С. 218].

Очевидно, что если словесные средства объективного описания не годились для концепта первобытной древности (поэтому первоначальная

фотографически достоверная зарисовка современной александрийской улицы Буниным вычёркивается), то тогда нужно было модифицировать поэтику. Предпринятое русским писателем путешествие всё более напоминает вояж не только в пространстве, но во времени, а вектор странствия контрпрогрессистски устремляется в прошлое (ср. для контраста переполненные остроосовременной повесткой записки Елпатьевского). «Поезд уносил меня к югу, и всё живее чувствовал я, что нигде так быстро не падаешь в глубь времён, как здесь» [7. С. 218]. Минувшее начинало пониматься как эссенциальная данность, до поры укрытая от взора, но тем не менее всегда присутствующая посреди обманчивого настоящего, а точнее незримо изнутри пропитавшая всё это иллюзорное «настоящее», вплоть до – временами – полной его отмены. О таких «временах» резкого восстановления до-социальной, едва не животной архаики Бунин напишет потом в «Окаянных днях», «Несрочной весне», «Безумном художнике» и «Богине Разума».

Как видим, и поначалу, т.е. в Марксовой редакции 1915 г., описание египтян было безмерно далеко от образцов Гаршина и Елпатьевского, развивавших толстовскую антропологию, интертексты и прямо, как Елпатьевский, ссылавшихся на своего колосса-предшественника. Но здесь Буниным был правдиво выписан хотя бы социально-бытовой контекст. Однако в конце многолетней работы над текстом, готовя его к первому тому «Петрополиса», писатель решил сфокусировать свой взгляд исключительно на экзотических чертах своих персонажей, сведя конкретно-историческую социальную детализацию к едва заметному минимуму.

Не менее важно также то, что в дуализме, с одной стороны, «подробных», событийно и фактографически насыщенных записок путешествия, а с другой – рефлексивного, импрессионистического травелога, Бунин ведёт своё повествование по необычному «третьему пути». Начальная редакция Маркова собрания, отразившая ещё первую публикацию, была ближе к полюсу эмпирики. Но, существенно проредив частоту деталей и подробностей, Бунин не просто не привёл своего читателя к созерцанию лишь одинокого *Я* путешественника – мало того: следы субъектности, как мы видели, устранялись автором столь же решительно. Текст сокращался словно с двух этих противоположных «концов». Уместная аналогия для полученного в итоге художественного продукта – *кадр*. Извлечённый из череды смежных с ним изображений, кадр воедино соединяет взгляд на него со стороны субъекта (без последнего видение невозможно в принципе) и саму воспроизведённую реальность, на которую, именно потому что она – кадр, а не растянутый «фильм», взор читателя способен направляться предельно сосредоточенно.

* * *

Присмотримся внимательнее к этой очевидно совсем «не бунинской» версии путевых заметок – модернистскому восточному травелогу, один из

самых показательных примеров которого принадлежит перу К.Д. Бальмонта, опубликовавшего в 1914 г. свою книгу «Край Озириса». Отличительными чертами произведения являются следующие: полное подчинение всего рассказа двуединому образу Солнца и Осириса, непохожие культы которых Бальмонт волевым усилием совместил воедино («...И лишь бог Солнца, Ра, сочетая своё имя с именами других богов, достигает, под именем Амон-Ра, все-Египетского значения, делается вышним царём всех богов, единым Богом, и постепенно принимает вторичный свой все-Египетский лик, лик бога убитого и воскресшего, пред-Христианский лик Озириса» [15. С. 28]¹); тотальностью этой установки задана сосредоточенность автора на одном Египте, понимаемом в эзотерическом ключе и в отрыве от остального Ближнего Востока; нарратив представляет собой не *описание* виденного, а *использование* его в интересах лирико-импрессионистической риторики (проза записок перемешивается Бальмонтом с его же стихами); в итоге текст «привязан» не столько к «месту», сколько к сознанию, словно «раскрывшемуся» для этого «места»; абсолютный пассеизм, заключающийся во всемерном превознесении Древнего Египта при полном игнорировании современного арабского протогосударства («Ведь я же еду в Египет. Вовсе не в Аравию» [15. С. 9]), оценки которого порой граничат с расизмом.

Мир бунинских «путевых поэм», напротив того, полицентричен, что определило циклообразовательную природу сложно устроенного целого (ср. постоянные перекройки границ между разделами и «побеги» новых очерков, вырастающих из «разобранного» корпуса старых), сверхобраз Солнца сбалансированно соотносён с не менее значимым для Бунина образом Христа, причём этим обстоятельством задаётся и более широкий хронотоп (Палестина и Иудея равносуверенны Египту), и историко-идеологическая трёхчастность: Египет мыслится в перспективе трёх религий – как страна пирамид, часть исламского мира, но также как убежище Марии и младенца Иисуса от гонений Ирода. Интерес писателя к современному населению Ближнего Востока хоть и окрашен экзотикой, является всеобъемлющим: на древних египтян и иудеев Бунин предпочитает смотреть как бы «сквозь» жителей современных провинций империи Османов.

Однако вместе с тем есть у автора «Храма Солнца» несколько черт, роднящих его с Бальмонтом². Неудивительно, что со временем перо Бунина-редактора начнёт безжалостно вычёркивать очень многое, что могло напомнить об этой – скорее всего типологической, продиктованной пафо-

¹ Причина тому: «Как Солнце, каждый день умирая, каждое утро рождается вновь, <...> и так Озирис, а вместе с Озирисом всякий умерший, живший достойно, завершив свою жизнь сном смертным, возрождается для жизни бессмертной в закатном крае Аменти» [15. С. 21]. Ср.: «С конца Нового царства Осириса связали с богом Ра (Ра-Осирис) и стали изображать с солнечным диском на голове» [25. С. 268].

² Ряд наблюдений об общности Бунина и Бальмонта см. в [26, 27].

сом эпохи – взаимосвязи. Речь идёт о трёх особенностях, которые мы рассмотрим ниже: насыщении травелога многословными историософскими рассуждениями на тему религий и культур; акценте на экстатическом компоненте ряда восточных религиозных практик; «теоретизирующем» текст раскрытии его ключевого религиозно-философского концепта, определяющего потенциально *всё* – от заглавия до жанра.

Начнём с первого пункта, ради которого «Край Озириса», собственно, и писался. В существенно более гибкой и динамичной структуре «Храма Солнца» намеренно «высоколобые» эскапады начитанного и образованного путешественника изначально смотрелись неорганично. Они-то и становятся наиболее массовыми жертвами правок и вычёркиваний.

Выписывать из Бальмонта череду примеров, относящихся к интересующей нас рубрике, в целом бессмысленно: в массиве его рассказа приходится как иголку в стоге сена искать, скорее, противоположное – редкие реальные наблюдения, затерянные в бесконечных перечнях прочитанных книг, переводов древнеегипетских текстов стихами и прозой, отвлечённых рассуждениях о религии и культуре древней страны. Потому приведём только одно свидетельство:

Египетские гробницы многократно и всесторонне описаны такими добросовестнейшими исследователями, как Шамполлион, Мариэтт, Масперо, Лепсиус, Бэдж, Флиндерс-Петри, Навилль, и многими другими. Опираясь на их книги, и главным образом на книгу Лапиноса-Паши, посвящённую могильным памятникам Древнего Египта, а равно и на собственные свои впечатления, вынесенные из путешествия по Египту, постараюсь свести в цельную картину – многоликую Египетскую гробницу с многовековой ее жилищей, Мумией [15. С. 48].

Далее следует хитроумное рассуждение об истории и структуре пирамид, в котором нет и тени обещанных «собственных своих впечатлений».

От подобной интеллектуалистской установки создатель «Храма Солнца» последовательно избавляется¹. Из множества подобных изъятий для примера приведём только одно, содержащее историю города Александрии и адресованные «посвящённому» читателю намёки на её основателя:

Александрия, Дельта, Нил! Я хорошо знал, что почти ни единого следа великолепнейшего в древнем мире города не осталось теперь на песчаной косе между морем и огромной лагуной Мереотис. Но ведь именно на этой косе впер-

¹ Нормативность такого двухпланового подхода – сначала историческая справка, а затем собственное бытовое описание увиденного – была привычным ходом в травелогах ещё конца 80-х гг. XIX в. См., например, «Прогулки по Палестине в 1889 году» А.И. Якубовича. Автор предваряет разговор о местечках в Галилее, Палестине и окрестностях Иерусалима подробной исторической справкой и только потом описывает своё путешествие. В 1890 г. заметки Якубовича были опубликованы отдельной книгой, полностью сформировавшей 8-й том «Православного палестинского сборника» (см. новейшее издание [28]). Бунин ощущает избыточность исторической справки как приметы травелога по двум причинам: во-первых, это уже клише, а во-вторых, читательская аудитория уже достаточно осведомлена о Востоке.

вые осуществилось и изменило лицо земли то «великое смешение народов», о котором грезил человек, равный Колумбу [22. С. 143].

И чуть ниже читаем аллгорию миссии Александра – как она видится из XX столетия «человеку эпохи модернизма».

Ведь сюда и донныне текут торговые пути Европы и Азии, Нубии Аравии, Индостана и Австралии. А когда-то стеклись чуть не все древние религии и цивилизации, которые уже свершили свои пути и, воздвигнув им памятники, искали спасения в космополитизме, готовые возвратиться к первобытному братству и к первобытному Безыменному Богу. Через пятьдесят лет после основания Александрия стала величайшим портом, через сто – городом, блистающим мраморными театрами, храмами, портиками, библиотеками, Серапеем – «храмом погребённого Солнца», – и вот в нём сошлись жрецы, философы, грамматики, софисты, поэты и учёные всех стран, дабы Солнце возродилось... [22. С. 144].

Повторим, всё это, как и много другое аналогичное, из редакции «Петрополиса» Бунинным исключено.

* * *

Другой мотив, потенциально роднящий обоих авторов, – характерное для русского модернизма увлечение сектами и экстатическими культами¹. Наблюдавший пляску дервишей ещё в Константинополе, Бунин обильно снабдил её описание выражением личного отношения и добавил экскурс в историю движения этих странствующих суфийских монахов-нищих. У Бальмонта на месте бунинских дервишей – русские голуби-хлысты, о которых, без всякой связи с Египтом, русский поэт вдруг вспомнил, увидев африканских голубей. Они инспирировали целую главу – «Египетская горлица».

Голуби-горлицы. Мне, Русскому, сладостно слышать два эти слова. Я знаю, что так именуют себя, друг друга, вдохновенные песнопевцы *Радений Белых Голубей*, чьи экстатические песни и напевные вскрики образуют целую сокровищницу Русской Народной Песни, где в причудливой и красочной смене испуганная влюблённость тела переплетается с влюблённым просветлением души. *Белые голуби*, душевные состояния которых чрезвычайно родственны мистическим состояниям всех экстатических сект, без различия веков и народностей [15. С. 138].

Мы привели лишь начальный фрагмент объемистого пассажа, в котором Бальмонт говорит о древнеегипетских единомышленниках и предшественниках русских хлыстов, об их поэзии, переплетавшей «птичьи» образы с любовными мотивами – всё, что так ценили в сектантах русские символисты, отождествлявшие любовный пыл с религиозным рвением. Отличительная особенность Бальмонта – рассуждение безо всякой опоры на наблюдаемые реалии. Прочитанное в Египте и о нём подталкивает к собственному стихотворчеству, а от него – к смелым сближениям и обоб-

¹ Подробно см.: [29].

щениям. «Говоря о Египте, мы заранее склонны видеть в Египтянах лишь неустанных молельников, заботящихся о построении храмов и созидании гробниц. Но воистину там умели целоваться. Папирусы опять об этом говорят» [15. С. 138–139] и т.д.

В своей зарисовке дервишей Бунин ликвидирует именно то, что представляло ценность для Бальмонта: личное отношение и историко-культурный экскурс. В итоге на страницах «Петрополиса» читатель наблюдает танец дервишей как таковых, видит *кадр*, а не развёрнутый нарратив с «историей» и «образом автора». Вот позднее убранное свидетельство «лирической» вовлечённости путешественника в созерцаемое действо:

И скоро весь зал наполнился белыми вихрями и раздувшимися в колокол юбками.

И, по мере того, как всё выше и выше поднимались голоса флейт, жалобная печаль которых уже перешла в упоение этой печалью, всё быстрее неслись по залу белые кресты-вихри, всё бледнее становились лица, склонявшиеся на бок, всё туже надувались юбки и всё крепче топал ногою шейх.

— *Крепче! Крепче!* — *внутренно восклицал и я, опьянённый музыкой и кружащимися, среди которых всё ярче мелькали чёрные полоски смыкающихся ресниц на помертвевших от счастья лицах. И голова мутилась* — приближалось сладострастное «исчезновение в боге и вечности»...

Теперь, на башне Христа, я переживаю нечто подобное тому, что пережил у дервишей [22. С. 128].

И скоро весь зал наполнился белыми вихрями и раздувшимися в колокол юбками.

И, по мере того, как всё выше и выше поднимались голоса флейт, жалобная печаль которых уже перешла в упоение этой печалью, всё быстрее неслись по залу белые кресты-вихри, всё бледнее становились лица, склонявшиеся на бок, всё туже надувались юбки и всё крепче топал ногою шейх: приближалось сладострастное «исчезновение в боге и вечности»...

Теперь, на башне Христа, я переживаю нечто подобное тому, что пережил у дервишей [7. С. 199].

Аналогичным образом из текста изымается и фрагмент с историей явления.

От древнейших хороводов, знаменовавших сперва вихрь планет вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца, идут и вихри дервишей. От экстаза «отрешения» суфи идёт экстаз, которому предаются Ревущие и Кружащиеся дервиши и доньне.

В Константинополе большинство из них — плуты и актёры, холодно доводящие себя до головокружения... как современные поэты.

Но когда-то были иные дервиши.

Они по праву носили имена поэтов, святых, созерцателей. И были они вне узаконений религий, вне государств, вне обществ [22. С. 128].

Всё это рассуждение, чем-то напоминающее реконструкции акад. А.Н. Веселовского и О.М. Фрейденберг, с содержащимся в нём выпадом против современников (очевидно, таких, как Бальмонт), а также отнюдь не короткое продолжение этого пассажа Бунин решил удалить.

Важной чертой травелога Бальмонта является умышленное подсвечивание замысла – так автор надеялся сообщить своему сочинению необходимый градус глубокомыслия и направить читателя к силовому полюсу, вокруг которого организован весь нарратив. Причём такой приём отнюдь не говорил об упрощении восприятия текста: поскольку идею отличал немалый эзотеризм, реципиенту было доступно лишь отдалённое её мерцание – в итоге он получал не тривиальную подсказку, а как бы «проверялся» на соответствие «высокой» тематике.

Выше мы кратко отметили, что таким полюсом у Бальмонта выступает соединение воскресающего и воплощающегося Осириса, аллегорического предшественника Христа, с Солнцем, тоже проходящим каждые сутки путь нисхождения / гибели и восхождения / воскресения.

Для убийства к столбу привязанный: – Озирис. Бог жизни и воскресения. Убитый, но возродившийся. *Великий прообраз Христа* [15. С. 30].

Но когда сменились в призрачном своем существовании все солнца Египетского неба, повисшего звёздным пологом над цветными хорами, я увидел, что в западной стене, похожей на горный оплот со многими ущельями, означалась *тень человека-бога, тень Озириса, что, будучи богом, воплотился как человек, и был земножителем, и был царём, и был растерзан, и, убитый, воскрес, и стал владыкой царства бессмертного, куда есть доступ всем. Человекобог Озирис стоял просветленный, указуя безмолвно на Поля Тростников, Край Закатный, Аменти, и над ним, над стремниной, готовясь укрыться в горах, медлило красное-красное закатное Солнце* [15. С. 69].

Многое из подобного встречается на страницах Марксовой редакции «Храма Солнца». Вот разъяснение замысла в его жанровой – поэмной и одновременно элегической – составляющих:

Поля Мёртвых – так хотел я назвать свою путевую поэму¹. Разве не Поля Мёртвых – Баальбек и Пальмира, Вавилон и Ассирия, Иудея и Египет? Разве не сплошное Поле Мёртвых Константинополь? Его погосты – величайшие в мире – так и называются: Поля Мёртвых. И сколько их, этих погостов? [22. С. 126–127].

¹ К идее озаглавить книгу «Поля мертвых» Бунин, видимо, возвращался позднее, когда задумывал французское издание «путевых поэм»: «В письме к издателю Боссару 21 июня 1921 г. он <Бунин> говорит о своих путешествиях: “...меня занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические”. Книгу о своих странствиях Бунин хотел назвать “Поля мертвых”» [30. С. 655–656. Комментарий]. Ср.: [31]. Боссар опубликовал на французском «Господина из Сан-Франциско» и в этом издании в качестве предисловия приводится «Письмо к Боссару» [32]. Интересно, что впервые относительно Востока (в данном случае речь шла о Турции) Бунин высказался ещё в 1907 г. На это указала В.Н. Муромцева «– И все это Поля Мертвых, – грустно говорит Ян. – И в этом запустении и умирании и есть бесконечная прелесть этой страны» [33. С. 74]. Проект французского издания «путевых поэм», впрочем, так и остался на уровне замысла и не был реализован.

Разумеется, из текста «Петрополиса» пассаж изъят без остатка, как и этот приводимый ниже двойник абстрактных построений Бальмонта, читавшийся в составе посвящённого Египту очерка «Зодиакальный свет»:

Вера Египта в основе своей, в первоисточниках признала единого Бога и множество светозарных форм его. Она была, по чудесному выражению Шамполиона, пантеистическим единобожием. *«Я – всё, что есть и будет. Солнце – рождение моё, и никто из смертных не поднимет покрывала моего»*. Так сказала Праматерь Вселенной, Ну <...> Всё в Творце и во всём Творец. Смерть его всё проникающего и бессмертного духа незаказно светит во тьме зла и смерти. *Озирис – один из его солнечных ликов – как Христос, погиб в борьбе со злом и воскрес в образе Гора* [22. С. 152].

То, что Бальмонт выдвигает на передний план, то Бунин, спонтанно говорящий здесь со своим бывшим соратником по литературной жизни 1890–1900-х гг. буквально одними словами, безжалостно вымарывает из своего текста.

* * *

Если не уходить далеко от религиозной мотивной компоненты восточных травелогов, создатели которых описывали, не будем забывать, крайне важный регион – колыбель трёх мировых религий и перекрёсток нескольких мировых империй, остановимся на социальном измерении конфессиональной проблематики. Отметим, что далеко не все авторы глубоко погружались в эту тему, требовавшую и особого душевного настроя, и широкой исторической осведомлённости. С мистико-эзотерической стороны ближе всех к раннему Бунину оказался, как мы уже поняли, Бальмонт, а вот с социальной – один из «знаньевцев», прочно находившихся в орбите Горького, С.С. Кондурушкин, с которым в конце 1900-х – начале 1910-х гг. Бунин регулярно контактировал [34].

Как таковые, две эти формы человеческого существования – религиозность и социальность – противоположны: первая тяготеет ко всеобщности и единению людей, вторая подразумевает дифференциацию социальных групп и страт, понимание несходства их интересов. При этом критика религии как устаревшего мировоззрения становилась тем сподручней и успешней, чем более она опиралась на социологизм, подразумевавший противодействие не конфессиональной идентичности как таковой, а косному, замкнутому, основанному на вертикальной иерархии сообществу, в которой та нашла себе прибежище. С.С. Кондурушкин выступал с позиций именно такого, принятого в его среде, секуляризма. Объектом критики в его сильно похожих на очерки «Сирийских рассказах» стали русские паломники, массами направлявшиеся кораблями Добровольного флота из Одессы на библейский Восток и встречавшиеся путешественникам на всём их пути от Константинополя до Святой Земли. Самым характерным в этом отношении является рассказ «В сетях дьявола», датированный революционным 1906 годом и посвящённый жизни монахов на Афоне.

В одном крошечном эпизоде этого многословного и аморфного текста сосредоточен весь его конфликт: один из только что прибывших из России паломников-крестьян неожиданно интересуется у афонского старца «насчёт земли». Два мировоззрения сталкиваются, обнаруживая свою полную взаимную непереводимость:

– А вот как теперь нам, святой отец, насчёт земли поступать? – вдруг заговорил седой Назар. – У нас в селе говорят, будто помещики несправедливо завладели землёй, и будто её нужно у них взять. Как теперь быть нам, неизвестно...

Настроение круто изменилось. Все перестали рассказывать свои грехи и остановились, в ожидании ответа. *Старец почувствовал, что под сводами маленькой церкви прилетело совсем необычайное настроение, что эти мужики привезли с собой из России нечто совершенно новое, чуждое монашескому слуху* [35. Т. 2. С. 155].

Указав на два этих сознания, Кондурушкин как типовой писатель второго ряда и не думает скрывать, как сказал бы Достоевский, «рожу сочинителя». Его рассказчик наивно ангажирован и в своих характеристиках афонской жизни воспроизводит те же идеологемы, что содержатся и в монологах героев: например, доктора Леднёва или «взбунтовавшегося» о. Анании, выступающих с антицерковными речами в роли камертона повествователя. А ввиду того, что последний характеризует Афон особенно хлестко, сама чёткая оформленность его идеологической позиции сдвигает художественный по замыслу текст – фикциональную прозу «с сюжетом» и «героями» – в сторону документального очерка и, в конечном счёте, травелога, из которого «Сирийские рассказы» и вырастают. Из-за однотипности примеров нам будет достаточно только одного:

Пароход везёт много русских паломников к святым местам. Они *набили своими телами и мешками все свободные на палубе помещения и проходы, улеглись рядом с коровами и лошадьми, развесили на борты грязные тряпки. Их постели напоминают кучи мусора. Молодой француз, проходя мимо них по палубе, каждый раз брезгливо фыркал и дрыгал ногами, точно чистоплотный кот. При взгляде на эту грязную толпу взрослых бородатых людей, с широкими угрюмыми лицами, грустными выпавшими глазами, мысль невольно переносится к началу крестовых походов, когда из Западной Европы к святым местам двинулась многотысячная «сволочь» Петра Амьенского. По-видимому, Россия только теперь дожидается до своих крестовых походов и совершает их под видом мирного паломничества* [35. Т. 2. С. 108].

Общий тон эпизода ясен, как понятно и назначение нехитрого приёма – внедрение «просвещенной» точки зрения европейца в картину нарочито «посконного» национального быта.

Интересно, что безотносительно к действительно имевшим место контактам с Кондурушкиным, Бунин в начальной редакции своих путевых поэм был не чужд аналогичных ходов и характеристик. И опять, как и в иных рассмотренных выше случаях, все эти оценки к финалу работы над текстом в середине 1930-х гг. были сняты. Обратимся к этой тяжёлой теме порицаний русского простонародья.

Критика России однообразна. У бунинского нарратора, выступающего с позиций секуляризма (скорее, впрочем, поверхностно-эстетствующего, чем убежденно-атеистического, по крайней мере не такого воинствующего и декларативного, как у Кондурушкина), всякий раз вызывают раздражение уже знакомые нам русские паломники, а также обстановка и служители русских храмов в Константинополе и Палестине. Однако при, казалось бы, частном характере инвектив, налицо их глубокая историко-конфессиональная подоплёка, так как под удар на страницах травелога попадает также Византия, следы которой в регионе встречались повсеместно, а чувство связи с которой было отечественной мыслью рубежа веков резко усилено. В этом отношении при условном сходстве стартовых позиций Бунин несравненно информированней и глубже Кондурушкина.

Отдельными вопросами здесь являются два. Первый – насколько близко Бунин был знаком с кратко упомянутыми выше произведениями Пьера Лоти (1850–1923), в которых настойчивым лейтмотивом звучит восторг изъязвленного неверием европейца перед истинной, «природно-наивной» (французский автор наверняка держит в памяти Ж.-Ж. Руссо) религией русских странников? Опираясь нашим материалом, можно сказать, что герой Лоти совершенно не похож на брезгливого «молодого француза» из очерка «В сетях дьявола».

И второй – не случилось ли так, что, отдав дань негласному этикету эмиграции (о погибшей монархической и православной России – *aut bene aut nihil*) и потому справедливо сочтя свои ремарки оскорбительными для читателей-изгнанников, Бунин дезавуировал критику как избыточную также и с историософской точки зрения? Приведём сначала примеры.

Привратник, спящий в прохладных сенях, за тяжёлыми полукруглыми дверями, не спеша отворяет – и, вместе с темнотою, меня охватывает *знакомый русский запах – плесени и отхожего места* [22. С. 114].

Привратник, спящий в прохладных сенях, за тяжёлыми полукруглыми дверями, не спеша отворяет – и, вместе с темнотою, меня охватывает запах плесени, сырости [7. С. 196].

Эпизод посещения русского подворья в Константинополе продолжен такой характеристикой служителя, затем полностью удалённой: «Пожалуйста-с, пожалуйста-с, – бормочет он. И с умилением предлагает мне то то, то другое на том противном русском языке, который почти сплошь состоит из уменьшительных и ласкательных имён» [22. С. 115]. А вот также впоследствии, разумеется, убранный сценка с русскими паломниками в турецкой (подчеркнём – бывшей византийской) столице: «Неуклюжей толпой проходят русские лохматые ротозеи, наступающие всем на ноги, замученные тяжестью тёплых поддёвок...» [22. С. 116]. Вот почти щедринская травестия главного события национальной истории, приуроченная к созерцанию закрытых турками в Айя-Софии византийских фресок:

Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские.

– Я победил тебя, Соломон! – с восторгом вспоминает один слова тщеславного Юстиниана, этого варвара, загромоздившего дивное создание золотом и серебром.

– Нет таковыя красоты и славы нигде на земле! – повторяет другой слова киевских мужиков – послов Владимира.

И в один голос все клянут турок, осквернивших великую и несравненную святыню христиан [22. С. 121].

Понятно, что в «Петрополисе» всё это отсутствует, как и читавшийся далее в редакции Маркса длинный пассаж, в котором припоминаются злодеяния крестоносцев, прегрешения «варварски-пышной, содомски-развратной и люто-жестокой в убийствах и вероломствах Византии», «её императоров, подобных идолам» [22. С. 121] – и всё это на резко контрастном фоне восхваления ислама, «страстной и всепокоряющей веры, не нуждавшейся в золоте, парче, брильянтах, капеллах и органах» [22. С. 122].

О паломниках в Иерусалиме:

Русские живут в скучных казённых корпусах Православного Общества за Западными Воротами, *убивая время едой, перебранками, хождением ко Гробу, в Вифлеем, на Иордан – и просто по базарам: там они приторговываются и к луку, и к картофелю, и к чёткам, и к лубочным афонским картинкам – без даже малейшего намерения купить хоть на копейку* [22. С. 178].

Русские живут в скучных казённых корпусах Православного Общества за Западными Воротами [7. С. 251].

Проясняя контекст, обратим внимание на то, что П. Лоти придерживался здесь диаметрально противоположной точки зрения. Да, паломники из России казались европейцу и мужиковатыми, и малоцивилизованными, но воспринимались тем не менее совершенно иначе:

Малейший догмат также не допускается нашим разумом, как ладан или образки. Так с какого же права презираем мы эти невинные вещички? Позади всего этого в неизмеримой дали, если хотите, – но всё-таки стоит Христос, невыразимый, непостижимый, тот, который допускал к себе малых и детей, и который, если бы увидел теперь этих идущих к нему верующих полуязычников, этих мужиков, пришедших в Вифлеем из глубины России, со свечкой в руках и с глазами, полными слёз, наверное широко раскрыл бы объятия, чтобы принять их [36. С. 21].

Впрочем, едва ли здесь перед нами адресно направленный спор Бунина с Лоти. Скорее – близость контекстов и соотнесённость оценок: оппозитивность – тоже разновидность связи.

Интереснее другое: риторическая триада «русского» как «церковного» и «византийского» была давно и прочно укоренена в отечественном либе-

рально-прогрессистском дискурсе. Один из его зачинателей, В.Г. Белинский, в знаменитом письме Гоголю 1847 г. обвинял писателя в том, что его рукой водил «византийский бог», излагавший с помощью создателя «Выбранных мест...» свою «византийскую мысль» [37. С. 216]. Однако среди выразителей прямо противоположных взглядов риторико-политическая связка России и Византии была не менее востребована. К.Н. Леонтьев, один из создателей отечественного консерватизма, говорил в статье «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880) о том, что мужикам, сколь бы ни были они «нравственно ниже дворян», «жестоки, до глупости недоверчивы», пьяны, вороваты, «недобросовестны в сделках» и т.д. (отметим здесь спонтанное совпадение оценок Леонтьева с пафосом будущего создателя «Деревни» и «Окаянных дней» Бунина), всё же нравится честная и решительная власть, она импонирует мужицким «византийским чувствам» [38. Т. 2. С. 130]¹. Да и вообще, как сказано в другой работе, «Как надо понимать сближение с народом?», «...народ наш не европеец; скорее его можно назвать византийцем, хотя и не совсем...» [38. Т. 2. С. 159].

Не углубляясь в давно прояснённые наукой расхождения отечественных прогрессистов и консерваторов XIX – начала XX вв., отметим структурную особенность мысли Леонтьева: публицист явно руководствуется идеей извечных, неотчуждаемых качеств простолюдина – в отличие от Белинского, который присоединял византийство скорее к образу власти, мужика же показывал стихийным атеистом и вольнодумцем (вспомним зацитированные слова критика о «заднице» и «похабной сказке»). Белинский, как позднее Толстой, рассматривал власть в качестве репрессивного инструмента сдерживания «естественного» народного демократизма: у Белинского – светского, у Толстого – сектантского. По Леонтьеву, однако, выходило наоборот, «византизм» народа – извечное свойство, противопоставленное псевдоевропеизму «ряженой» под Европу элиты.

Как и Леонтьев, зрелый Бунин ощущал в социуме неизменное присутствие архаики (ср. в «Окаянных днях» о революции как времени, когда «в человеке просыпается обезьяна» [39. С. 91]), причём поначалу – и именно об этом свидетельствует Марксова редакция «Храма Солнца» – «византийские» привычки народа казались ему частью этой косной старины. Однако в революцию «проснувшаяся» вдруг «обезьяна» обрушила свой иррациональный гнев именно на «византийскую» православную церковь, точно так же, как, по логике рассказа «Богиня Разума», восставшая в Париже чернь лишь использовала энциклопедистскую идею рациональности, а на самом деле учинила чисто языческий спектакль, осквернив образ Богородицы. Иными словами, эпицентр деструктивной энергии оказался вовсе не там, где предполагали его нахождение. В 1920–1930-е гг. церковь предстала не сдерживающей прогресс силой, а одним из неотъемлемых слагаемых высокой культуры. Об этом Бунин расскажет в другом своём травелоге – «Серп и молот.

¹ Детальное определение историческому феномену византизма дано Леонтьевым в широко известной специальной работе «Византизм и славянство» [38. Т. 1. С. 81–82].

Записки неизвестного» (1930). Пока же, редактируя «путевые поэмы» о ближневосточном турне, он снимает потерявшие всякую риторическую убедительность выпады против русских паломников.

Правка, вносимая Буниным в текст его произведения, затрагивала, как мы стремились показать, ключевые узлы повествовательной и идеологической организации травелога: его словесная материя в течение долгого времени была текучей, динамичной, «не готовой». Как эстетическое единство, произведение переживало своё становление в течение самых драматических лет жизни автора с начала 1910-х по середину 1930-х гг., при этом история текста находилась в неразрывном единстве с окружавшим «Храм Солнца» жанровым контекстом.

Список источников

1. *Лотман Ю.М.* Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 781. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 1987. С. 34–52.
2. *Риникер Д.* Подражание – пародия – интертекст: Достоевский в творчестве Бунина // Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. Ж.-Ф. Жаккара и У. Шмида. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. С. 170–211.
3. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : НЛЮ, 2001. 336 с.
4. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова М. : Книжница – Русский путь, 2010. 928 с.
5. *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2007. 626 с.
6. *Бунин И.А.* Тень Птицы. Париж : Современные Записки, 1931. 209 с.
7. *Бунин И.А.* Храм Солнца // Бунин И.А. Собр. соч. : в 11 т. Т. 1. Берлин : Петрополис, 1936. С. 169–308.
8. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л. : Наука, 1984. Сер. «Лит. памятники». С. 525–606.
9. *Шатин Ю.В.* Африка Андрея Белого и Николая Гумилёва: лики травелога // Русский травелог XVIII–XX веков / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. С. 378–392.
10. *Панова Л.Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина : в 2 кн. Кн. 1. М. : Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. 680 с.
11. *Пономарёв Е.Р.* «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
12. *Рафалович А.А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты. СПб. : Тип. Я. Трея, 1850. XII, 433 с.
13. *Гаршин В.М.* Сочинения. М. : ГИХЛ, 1955. 438 с.
14. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1935–1964.
15. *Бальмонт К.Д.* Край Озириса // Бальмонт К.Д. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 7–164.
16. *Аникеева Т.А.* Два путешествия и один текст: Е.Э. Картавцев и И.А. Бунин в Каире // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 29–36.

17. *Картавец Е.Э.* В Каире // Вестник Европы. 1891. № 12. С. 485–536.
18. *Елпатьевский С.* Египет. СПб. : Изд. т-ва «Общественная польза», 1911. 213 с.
19. *Анисимов К.В.* «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск : Изд-во СФУ, 2015. 147 с.
20. *Николаев Д.Д.* Поездка в поезде как сюжетный приём в творчестве Бунина. Статья первая: Запад и Восток // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 355–370.
21. *Венюков М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова : в 3 кн. Кн. 2: 1867–1876. Амстердам : Тип. А. Рейфа, 1896. 287 с.
22. *Бунин И.А.* Храм Солнца // Бунин И.А. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 4. Пг. : Изд-во Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С. 100–220.
23. *Успенский Б.А.* Пушкин и Толстой: тема Кавказа // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М. : ЯСК, 2004. С. 27–48.
24. *Карпенко Г.Ю.* Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998. 114 с.
25. *Редер Д.Г.* Осирис // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1982. С. 267–268.
26. *Васильева М.Ю.* Художественная специфика очерка Н.С. Гумилева «Африканская охота». Его место в ряду произведений этого жанра других писателей начала XX века (Ив. Бунин «Тень птицы», К. Бальмонт «Край Озириса») // Казанская наука. 2010. № 8. С. 414–419.
27. *Молчанова Н.А.* Путевые книги И.А. Бунина и К.Д. Бальмонта: «Тень птицы» и «Край Осириса» // И.А. Бунин в диалоге эпох : межвуз. сб-к науч. тр. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. С. 55–61.
28. *Якубович А.И.* Прогулки по Палестине в 1889 году // Федотов П.В. Русские учителя на Ближнем Востоке: Бытовые зарисовки 1889–1895 гг. М. : Индрик, 2021. С. 145–240.
29. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М. : НЛО, 1998. 688 с.
30. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М. : Худ. лит., 1987. 671 с.
31. *Бунин И.А.* Избранные письма. Письмо к Боссару // И.А. Бунин: pro et contra. СПб. : РХГИ, 2001. С. 30–33.
32. *Bounine I.* Le Monsieur de San-Francisco / Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst. Paris : Editions Bossard, 1922. P. 7–12.
33. *Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. СПб. : ИГ-Лениздат, 2014. 320 с.
34. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952.
35. *Кондурушкин С.С.* Сирийские рассказы : в 2 т. СПб. : Изд. т-ва «Знание», 1908–1910.
36. *Лоти П.* Иерусалим. Дневник путешествия. 2-е изд. СПб. : Изд. Н.Ф. Мертца, 1897. 104 с.
37. *Белинский В.Г.* <Письмо к Н.В. Гоголю> <15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрун> // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 10. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 212–220.
38. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство : сб. ст. : в 2 т. М. : Типо-литография И.И. Кушнерова и К°, 1886.
39. *Бунин И.А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подг. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М. : Сов. писатель, 1990. 414 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1987) Dva ustnykh rasskaza Bunina (K probleme “Bunin i Dostoevskiy”) [Two oral stories of Bunin (On the problem of “Bunin and Dostoevsky”)]. *Uchenye zapiski Tartusko gosudarstvennogo universiteta*. 781. pp. 34–52.

2. Riniker, D. (2008) Podrazhanie – parodiya – intertekst: Dostoevskiy v tvorchestve Bunina [Imitation – parody – intertext: Dostoevsky in Bunin's work]. In: Jaccard, J.-P. & Schmid, U. (eds) *Dostoevskiy i russkoe zarubezh'e XX veka* [Dostoevsky and Russian Diaspora of the 20th century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 170–211.
3. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin Became a Genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: NLO.
4. Mel'nikov, N.G. (ed.) (2010) *Literaturnyy mir o tvorchestve I.A. Bunina. Kriticheskie otzvy, esse, parodii (1890–1950-e gody). Antologiya* [The Literary World about the Work of I.A. Bunin. Critical reviews, essays, parodies (1890s–1950s). Anthology]. Moscow: Knizhnitsa – Russkiy put'.
5. Marchenko, T.V. (2007) *Russkie pisateli i Nobelevskaya premiya (1901–1955)* [Russian Writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
6. Bunin, I.A. (1931) *Ten' Ptitsy* [Bird's Shadow]. Paris: Sovremennye Zapiski.
7. Bunin, I.A. (1936) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Berlin: Petropolis. pp. 169–308.
8. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1984) “Pis'ma russkogo puteshestvennika” Karamzina i ikh mesto v razvitií russkoy kul'tury [“Letters of a Russian traveller” by Karamzin and its place in the development of Russian culture]. In: Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveller]. Leningrad: Nauka. pp. 525–606.
9. Shatin, Yu.V. (2015) Afrika Andrey Belogo i Nikolaya Gumileva: liki traveloga [Africa of Andrei Bely and Nikolai Gumilyov: faces of the travelogue]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Russkiy travelog XVIII–XX vekov* [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 378–392.
10. Panova, L.G. (2006) *Russkiy Egipet. Aleksandriyskaya poetika Mikhaila Kuzmina* [Russian Egypt. Alexandrian poetics of Mikhail Kuzmin]. Vol. 1. Moscow: Vodoley Publishers; Progress-Pleyada.
11. Ponomarev, E.R. (2021) Temple of the sun or bird's shadow? The poetics of the travel poems by Ivan Bunin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 298–320. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/69/15
12. Rafalovich, A.A. (1850) *Puteshestvie po Nizhnemu Egiptu i vnutrennim oblastyam del'ty* [Journey through Lower Egypt and the Interior of the Delta]. Vol. 12. Saint Petersburg: Tip. Ya. Treya.
13. Garshin, V.M. (1955) *Sochineniya* [Works]. Moscow: GIKhL.
14. Tolstoy, L.N. (1935–1964) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: GIKhL.
15. Bal'mont, K.D. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek. pp. 7–164.
16. Anikeeva, T.A. (2020) Dva puteshestviya i odin tekst: E.E. Kartavtsev i I.A. Bunin v Kaire [Two journeys and one text: E.E. Kartavtsev and I.A. Bunin in Cairo]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2 (12). pp. 29–36.
17. Kartavtsev, E.E. (1891) V Kaire [In Cairo]. *Vestnik Evropy*. 12. pp. 485–536.
18. Elpat'evskiy, S. (1911) *Egipet* [Egypt]. Saint Petersburg: Izd. t-va “Obshchestvennaya pol'za”.
19. Anisimov, K.V. (2015) “Grammatika lyubvi” I.A. Bunina: tekst, kontekst, smysl [Grammar of Love by Ivan Bunin: Text, context, meaning]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
20. Nikolaev, D.D. (2020) Poezdka v poezde kak syuzhetnyy priem v tvorchestve Bunina. Stat'ya pervaya: Zapad i Vostok [A train ride as a plot device in Bunin's work. Article one: West and East]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 355–370.
21. Venyukov, M.I. (1896) *Iz vospominaniy M.I. Venyukova* [From the Memoirs of Mikhail Venyukov]. Vol. 2. Amsterdam: Tip. A. Reyfa.

22. Bunin, I.A. (1915) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Petrograd: Izd-vo T-va A.F. Marks. pp. 100–220.
23. Uspenskiy, B.A. (2004) *Istoriko-filologicheskie ocherki* [Historical and Philological Essays]. Moscow: YaSK. pp. 27–48.
24. Karpenko, G.Yu. (1998) *Tvorchestvo I.A. Bunina i religiozno-filosofskaya kul'tura rubezha vekov* [Art of Ivan Bunin and Religious and Philosophical Culture at the Turn of the Century]. Samara: Izd-vo Samarskoy gumanitarnoy akademii.
25. Reder, D.G. (1982) Osiris. In: Tokares, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 267–268.
26. Vasil'eva, M.Yu. (2010) Khudozhestvennaya spetsifika ocherka N.S. Gumileva “Afrikanskaya okhota”. Ego mesto v ryadu proizvedeniy etogo zhanra drugih pisateley nachala XX veka (Iv. Bunin “Ten’ ptitsy”, K. Bal'mont “Kray Ozirisa”) [The artistic specificity of the essay by N.S. Gumilyov “African hunting”. Its place among the works of this genre by other writers of the early 20th century (Iv. Bunin’s Bird’s Shadow, K. Balmont’s The Land of Osiris)]. *Kazanskaya nauka*. 8. pp. 414–419.
27. Molchanova, N.A. (2002) Putevye knigi I.A. Bunina i K.D. Bal'monta: “Ten’ ptitsy” i “Kray Ozirisa” [Travel books by Ivan Bunin and Konstantin Balmont: Bird’s Shadow and The Land of Osiris]. In: Nikonova, T.A. et al. (eds) *I.A. Bunin v dialoge epokh* [Ivan Bunin in the Dialogue of Epochs]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 55–61.
28. Yakubovich, A.I. (2021) Progulki po Palestine v 1889 godu [Walks in Palestine in 1889]. In: Fedotov, P.V. *Russkie uchitelya na Blizhnem Vostoke: Bytovye zarisovki 1889–1895 gg.* [Russian Teachers in the Middle East: Household Sketches 1889–1895]. Moscow: Indrik. pp. 145–240.
29. Etkind, A.M. (1998) *Khlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya)* [Whip (Sects, Literature and Revolution)]. Moscow: NLO.
30. Bunin, I.A. (1987) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
31. Bunin, I.A. (2001) Izbrannye pis'ma. Pis'mo k Bossaru [Selected letters. Letter to Bossar]. In: Burlaka, D.K. (ed.) *Ivan Bunin: pro et contra*. Saint Petersburg: RKhGI. pp. 30–33.
32. Bounine, I. (1922) *Le Monsieur de San-Francisco*. Traduit du russe par Maurice [Parijanine]. Paris: Editions Bossard. pp. 7–12.
33. Muromtseva-Bunina, V.N. (2014) *Besedy s pamyat'yu* [Conversations with Memory]. Saint Petersburg: IG-Lenizdat.
34. Shchavlinitskiy, M.S. (2021) “Khram Solntsa” I.A. Bunina – neokonchennyy proekt osvoeniya Vostoka [“Temple of the Sun” by Ivan Bunin – an unfinished project for the development of the East]. In: Dvinyatina, T.M. & Morozov, S.N. (eds) *I.A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [Ivan Bunin and His Time: Contexts of fate – the history of creativity]. Moscow: IWL RAS. pp. 934–952.
35. Kondurushkin, S.S. (1908–1910) *Siriyskie rasskazy* [Syrian Stories]. Saint Petersburg: Izd. t-va “Znanie”.
36. Loti, P. (1897) *Ierusalim. Dnevnik puteshestviya* [Jerusalem. Travel diary]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izd. N.F. Merttsa.
37. Belinskiy, V.G. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: USSR AS. pp. 212–220.
38. Leont'ev, K.N. (1886) *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [East, Russia and Slavdom]. Moscow: Tipo-litografiya I.I. Kushnerova i K°.
39. Bunin, I.A. (1990) *Okayannye dni. Vospominaniya. Stat'i* [Cursed Days. Memories. Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Информация об авторах:

Анисимов К.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Щавлинский М.С. – аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); библиограф 1 категории Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: maxim.shavlinsky@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Anisimov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Journalism and Literary Studies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

M.S. Shavlinsky, postgraduate student, junior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); bibliographer, Central City Public Library named after V.V. Mayakovsky (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: maxim.shavlinsky@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья
УДК 82-6+821.161.1
doi: 10.17223/19986645/80/10

**«Милый друг Жуковский...»: письма И.И. Козлова
к В.А. Жуковскому (1819–1839 гг.)**

**Иван Олегович Волков¹, Нинель Евгеньевна Генина²,
Елена Юрьевна Кильмухаметова³**

^{1, 2, 3} Томский государственный университет, Томск, Россия,

¹ wolkoviv@gmail.com

² ninelgenina@gmail.com

³ vademecum72@mail.ru

Аннотация. Исследуется обнаруженное в архивах ИРЛИ и РНБ эпистолярное наследие русского поэта романтической эпохи И.И. Козлова. Описываются и анализируются 34 письма, адресованные В.А. Жуковскому и охватившие почти 20 лет жизни и деятельности их автора. Делается попытка систематизировать переписку И.И. Козлова, исходя из ее эстетического содержания. Письма к В.А. Жуковскому как документ эпохи оказываются уникальным источником, реконструирующим картину взаимоотношений двух поэтов и раскрывающим творческую лабораторию их автора, погруженного в социокультурную жизнь своего времени.

Ключевые слова: И.И. Козлов, В.А. Жуковский, письма, переписка, романтизм, А.А. Воейкова, русская литература

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Волков И.О., Генина Н.Е., Кильмухаметова Е.Ю. «Милый друг Жуковский...»: письма И.И. Козлова к В.А. Жуковскому (1818–1839 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 211–235. doi: 10.17223/19986645/80/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/10

“Dear friend Zhukovsky ...”: Letters from Ivan Kozlov to Vasily Zhukovsky (1819–1839)

Ivan O. Volkov¹, Ninel E. Genina², Elena Yu. Kilmukhametova³

^{1, 2, 3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ volkoviv@gmail.com

² ninelgenina@gmail.com

³ vademecum72@mail.ru

Abstract. The article explores the epistolary heritage of Ivan Kozlov (1779–1840), a famous Russian poet of the romantic era. The heritage was discovered in the Manuscript Department of the Pushkin House (Institute of Russian Literature, RAS) and the National Library of Russia. The article analyses 34 letters addressed to Vasily Zhukovsky, which were mentioned only in a few fragmentary works. The letters cover almost 20 years of the life and work of the blind poet: from 12 June 1819 to 9 January 1839, that is, they fully embrace the period of progressive illness and, at the same time, the intensified development of Kozlov’s poetic talent. Most of the letters (two thirds) are written either entirely in French, or in a mixed format alternating between Russian and French. The poet, already almost or completely blind, wrote 14 letters himself, as a result of which they present the main difficulty for decoding, translation and publication. Kozlov’s daughter Alexandra, who early became a kind of secretary to her father, put the rest of the letters on paper for him. The article attempts to systematize Kozlov’s correspondence internally. All letters addressed to Zhukovsky, in accordance with their content, are divided into three thematic blocks. The first, the largest, is the poet’s creative laboratory. In these letters, Kozlov tells his friend about the texts on which he is currently working, or about those that he has already completed. This information allows the poems mentioned in the dialogue to receive an exact dating, previously unknown or approximate. The second thematic block of Kozlov’s letters is associated with the literary life of the era. First of all, this includes the poet’s reading circle, his aesthetic preferences, as well as individual facts and phenomena of the literary process contemporary to him, the main material of which was the works of Zhukovsky himself. The third block is based on Kozlov’s active participation in the life of Zhukovsky’s youngest niece Alexandra Voeikova, her family affairs, as well as the fate of her three children. This group also includes letters referring to the sudden death of Maria Moyer. As a result, Kozlov’s letters to Zhukovsky as a unique document of the era turn out to be an important source that helps to reconstruct the picture of the relationship between the two poets, to reliably reveal the creative laboratory of their author, who was completely immersed in the socio-cultural life of his time. The complete corpus of this correspondence will soon be prepared for publication as part of the next academic collection *Zhukovsky: Research and Materials*.

Keywords: Ivan Kozlov, Vasily Zhukovsky, letters, correspondence, romanticism, Alexandra Voeikova, Russian literature

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

For citation: Volkov, I.O., Genina, N.E. & Kilmukhametova, E.Yu. (2022) "Dear friend Zhukovsky ...": Letters from Ivan Kozlov to Vasily Zhukovsky (1819–1839). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 211–235. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/10

Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт, переводчик, один из ярчайших представителей эпохи русского романтизма, автор лироэпического шедевра «Чернец» и многих непревзойденных поэтических откровений. «Поэт-слепец» – так, вероятно по аналогии с Гомером, современники нарекли обездвиженного и потерявшего зрение Козлова, в котором на одре болезни зажегся огонь творчества. В.Г. Белинский в статье о посмертном издании козловских стихотворений повторил устоявшийся взгляд на природу его поэтического дара: «...несчастье заставило его познакомиться с самим собою, заглянуть в таинственное святилище души своей и открыть там самородный ключ поэтического вдохновения» [1. С. 73]. Однако физические страдания не могли составить единственный фактор лирического развития Козлова, хорошо образованного и ранее имевшего склонности к литературе, – для этого в первую очередь был необходим огромный контекст культуры, живительная атмосфера пушкинского времени. Немоощный, он мог так и остаться лишь переводчиком-дилетантом и поэтом-самоучкой, достойным стороннего внимания и сострадания, если бы не оказался в кругу талантливейших людей своего времени: братья А.И., Н.И. и С.И. Тургеневы, П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, В.А. Жуковский и многие другие. Одно имя в этой романтической плеяде имело для Козлова значение особое, едва ли не ключительное – это Жуковский.

Дата точного знакомства Козлова с Жуковским документально никак не зафиксирована, однако И.Д. Гликман в качестве таковой называет очень убедительный 1808 г. [2. С. 10]. В это время Козлов служил в канцелярии московского главнокомандующего Т.И. Тутолмина, а переехавший из Белёва в Москву Жуковский тогда же начал свою деятельность по редактированию «Вестника Европы». А.И. Козлова, дочь поэта, в биографической заметке, составленной для Я.К. Грота, сообщала, что ее отец сошелся с Жуковским «в первой молодости в Москве» [3. С. 78], а в 1808 г. ему как раз еще не было и 30 лет. Сам же Жуковский в письме к Н.М. Лонгинову от 3 сентября 1819 г. писал, что с Козловым «давно знаком» [4. С. 51] (очевидно, порядка 10 лет). Немаловажно и то, что уже в апреле 1814 г. А.И. Тургенев в письме к А.Я. Булгакову называл Козлова «приятель мой» [5. С. 143]. Можно предположить, что первое знакомство двух поэтов не послужило поводом возникновения между ними сколь-либо серьезной привязанности, хотя Жуковский уже тогда не мог не оценить в Козлове «литературные интересы и образованность» [2. С. 10]. Встретиться вновь они вполне могли уже в 1812 г. в общем деле защиты «первопрестольной столицы». С 20 июня по 30 августа Козлов находился в комитете по образованию Московской военной силы, а Жуковский 10 августа добровольно

вступил в Московское ополчение. Началом же подлинной дружбы между ними должен был стать 1818 г., летом которого автор знаменитого «Певца во стане русских воинов» вернулся в Петербург, где уже пять лет жил со своим семейством и два года искал исцеления от усиливающейся болезни Козлов. В своем дневнике 14 января 1819 г., сразу после заметки о приходе Николая Тургенева, он делает запись: «Жуковский мне принес свои сочинения; обедал с нами» [6. С. 39]. А 22 октября того же года П.А. Вяземский писал Александру Тургеневу: «Постараюсь прислать тебе перевод И.И. Козлова, бывшего танцмейстера, лишившегося ног, но приобретшего вкус к литературе и выучившего в три месяца (*sapienti sat!*) по-английски Байрона...» [7. С. 335–336].

Жуковский, «ангел-хранитель» русской литературы, свою дружбу к Козлову сделал «постоянной утешительной спутницей» [3. С. 78]. Он не только ввел Козлова в свой дружеский поэтический круг, но и позволил ему стать верным и желанным другом собственной семьи, в частности А.А. Воейковой, а также и семью самого Козлова взял под покровительство, наказывая ближайшим своим знакомым не оставлять ее вниманием и заботой. На протяжении более чем двадцати лет Жуковский поддерживал духовные силы страдальца («...мне от дружбы твоей на сердце не так тяжело и горестно» [8. Л. 52 об.], – признавался Козлов) и, как мог, облегчал его жизненные тяготы, ходатайствуя о нем перед императорской фамилией и руководя изданием его стихотворений и переводов, в том числе посмертных. Он же, присутствуя при последних часах Козлова, прочитал над ним отходную и фактически исполнил роль его душеприказчика.

Отношение же Жуковского к Козлову как к поэту не только и не столько имело преимущественно наставнический или покровительственный тон, но во многом определялось искренностью его восхищения масштабом, глубиной и чистотой романтической экзальтации слепца, основу которой составило движение к всестороннему изучению художественного мира Дж. Байрона. Красноречиво об этом увлечении свидетельствует запись поэта в дневнике от 31 января 1819 г.: «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, – я в восхищении от него... Но он уж чересчур мизантроп; я ему пожелал бы только – более религиозных идей, как они необходимы для счастья. Но что за душа, какой поэт, какой восхитительный гений! Это – просто волшебство!» [6. С. 40]. Козлов был особенно дорог Жуковскому именно стремлением, во-первых, во всей полноте проникнуть в эстетический космос английского романтика, при этом и другие поэтические явления (У. Шекспир, В. Скотт, Т. Мур, Л. Ариосто, Данте и пр.) усваивая в том же чувственно высоком звучании и значении, а во-вторых, сделать эмоциональную стихию поэзии Байрона («Кипучая бездна огня и мечты») своим достоянием, согласовать его трагическую силу и пафос с собственной жадой творчества.

Личные взаимоотношения и творческие связи Козлова и Жуковского достойны отдельного самостоятельного изучения, предпосылки к которому намечены в работах К.Я. Грота [3], К.А. Труша [9], Н.М. Данилова [10] и, особенно, Н.В. Соловьева [11]. Частично восполнить эту лауну попытался В.В. Афанасьев двумя своими книгами [12–13], однако не очень строго выдержанными и точными в научном плане. Достоверно воссоздать историю многолетней дружбы и литературных связей двух поэтов во многом помогает их переписка. Письма Жуковского к Козлову в отдельных подборках появились уже в 1867 г. на страницах «Русского архива», ныне же они выходят в составе его Полного собрания сочинений и писем, выпускаемого коллективом ученых Томского государственного университета. Что касается писем Козлова к Жуковскому, то не только в полном, даже в сколь-либо избранном виде они никогда не публиковались. Исключение составляют лишь два письма, полностью приведенные Н.М. Даниловым в его статье [10. С. 103–104]. В остальных же случаях обращение к «жуковскому» эпистолярию Козлова носило характер фрагментарный: два отрывка из него были воспроизведены И.Д. Гликманом в издании стихотворений Козлова [2. С. 21–22, 40], еще восемь совсем небольших выдержек сделал В.В. Афанасьев [12. С. 227; 13. С. 85, 112, 143, 146, 150, 151, 167, 171].

Письма Козлова к Жуковскому, находящиеся в рукописных отделах Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Российской национальной библиотеки, насчитывают 34 единицы и в хронологическом плане охватывают практически 20 лет: с 12 июня 1819 г. по 9 января 1839 г., т.е. целиком обнимают период прогрессирующей болезни и одновременно усиленного развития поэтического таланта их автора. Две трети из общего числа писем написаны либо полностью на французском языке, либо в смешанном формате чередования русского и французского текстов. Несмотря на то, что в 1821 г. Козлов полностью ослеп, он вплоть до середины 1825 г. пишет Жуковскому собственной рукой. Эти 14 писем, редко когда датированные, представляют основную трудность эдичионной подготовки козловского эпистолярия, которая и не позволяла до сих пор явить его в необходимой полноте. В самом начале в 1820-х гг. А.А. Воейкова писала Козлову: «Не будучи волшебницей, я расшифровала ваше письмо» [11. Т. 2. С. 50]. Именно расшифровывать приходилось всем, кому поэт писал собственноручно, включая и Жуковского. Сам Козлов, еще до потери зрения, сравнивал свой почерк с кошачьим царапаньем: «Я пишу, как кошка, разлиновывая бумагу и увеличивая буквы» [8. Л. 17]. Буквы и правда увеличивались и отрывались друг от друга, разрастающиеся слова взаимно отдалялись, строки теряли равновесие и перемешивались, то перекрещиваясь, то наплывая одна на другую. Если бумага с еще не успевшими высохнуть чернилами быстро складывалась вдвое, то написанное отпечатывалось на обеих сторонах, и дружеское послание превращалось в настоящий ребус. Но каждое такое письмо Жуковский всегда разгадывал и старался ответить, пусть даже небольшой запиской.

Когда же владение пером для Козлова стало практически невозможным, он почти полностью перепоручил эпистолярные заботы своей дочери Александре, которая очень рано вошла в роль личного секретаря при отце. Но чуть ли не обязательством поэт считал для себя поставить почти на каждом письме свой автограф вместе с прощальной фразой – в последних письмах эти малоразборчивые каракули действительно больше похожи на царапины. Дочь Козлова, которую близкие называли Алиной и которую корреспонденты поэта не упускали случая упомянуть в своих ответах ее отцу [З. С. 89, 82], справляла свои обязанности не одна, поскольку почерк в полученных Жуковским письмах нередко разнится. Иногда под диктовку Козлова писала какая-нибудь его гостья, которой можно было доверить эпистолярное содержание. Например, одно из писем к Жуковскому было написано рукой Т.С. Вейдемейер, хорошей знакомой поэта и его круга, которой Козлов посвятил стихотворение «Вечерний звон».

Письма Козлова к Жуковскому по их содержанию можно разделить на три основных тематических блока. Первый, наиболее объемный, составляет творческая лаборатория поэта. В них Козлов рассказывает своему другу о произведениях, над которыми он в текущий момент работает, или о тех, что уже им окончены. Жуковский с самого начала дружбы с Козловым стал его старшим товарищем в деле литературы, поэтому в письмах закономерно идет речь о правке отдельных слов и выражений в поиске наиболее подходящего звучания или смыслового сочетания. Нередко Козлов включает в свои письма свежие стихотворения целиком, либо дает их в сопровождении, ожидая в ответ отзыва и рекомендации. Так, уже первое по дате написания сохранившееся послание к Жуковскому связано с переводом Козловым отрывка из байроновского «Гяура»; 12 июня 1819 г. он пишет о том, что «traduite mot pour mot»¹ исповедь Гяура, стараясь, «garder autant que possible le caractère du texte anglais»² [14. Л. 17]. К письму приложены 12 листов, сшитых в одну тетрадь, на которых действительно дано прозаическое переложение исповедального отрывка из восточной поэмы Байрона. Перевод выполнен с английского языка на французский, что делает его уникальным в наследии поэта.

До сих пор было известно лишь об одном-единственном байроновском тексте, который Козлов в самом начале своего творчества переложил на французский язык, – это «Абидосская невеста», считавшаяся его первым поэтическим произведением. Перевод поэмы ныне утрачен, но за него автор был удостоен от императрицы Елизаветы Алексеевны бриллиантового перстня. Работу над «Абидосской невестой» Козлов завершил в конце июля 1819 г. и тут же познакомил с ним Жуковского, о чем записал в своем дневнике: «Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я ему читал мой перевод „Bride of Abydos“» [6. С. 41]. Этот хронологический факт делает прежде не известный перевод из «Гяура» самым ранним

¹ Перевел слово в слово (*фр.*). Здесь и далее перевод наш.

² Насколько это возможно, сохранить характер английского текста (*фр.*).

опытом Козлова – как на французском языке, так и вообще в литературе. Вероятно, работу над ним он начал весной 1819 г. и не случайно фиксировал в дневниковой записи от 11 марта: «Читал с Жуковским “Гяура”. Как я люблю этого милого Жуковского! Я много занимаюсь английским языком» [6. С. 40]. Оба поэта в это время испытывали чрезвычайное увлечение Байроном¹, зачитываясь его произведениями. Козлов останется верен своему идеалу до конца жизни, ему даже придется защищать этого «мятежно-англичанина» от критики Жуковского (см. об этом ниже).

В следующем по хронологии письме, приблизительно датированном декабрем 1822 г., идет речь о переводе поэзии уже другого автора – Ш. Мильвуа. Козлов советуется с Жуковским относительно отдельных слов и выражений в стихотворении «Фея Моргана к Олиберу». Очевидно, это одно из нескольких писем по поводу этого перевода или продолжение недавней беседы, поскольку поэт в краткой записке сразу начинает с уже знакомых Жуковскому мест: «On peut laisser²: “Уж вечер был”, или “То вечер был”, или “Раз вечером”, или “День красный час – Был вечер”» [8. Л. 27]. К моменту написания письма стихотворение вчерне, вероятно, было закончено, и далее шла его стилистическая правка. Приведенные строки относятся к самому началу текста, которое в итоговом варианте оформилось так: «Уж вечер был; я, в терем поспешая». Само слово «терем» тоже было предметом обсуждения, Козлов писал: «...je veux garder la tourelle “терем”, et non³ “темница”» [8. Л. 27–28]. И Жуковский в кратком ответе согласился с этим выбором, предполагая возможность еще поработать над дальнейшей формой стиха: «Оставь, пожалуй, *терем*; после можно придумать, как лучше сделать» [4. С. 171].

Одновременно с «Феей Морганой» Козлов трудился над еще одним переводом, снова из Байрона. В начале 1823 г. он писал Жуковскому о том, что закончил работу со стихотворением «Fare thee well», которое в русском варианте получило название «Прости» и жанровый подзаголовок «элегия». Свое сообщение о новом переводе, который, без сомнения, был приложен к письму, Козлов также облек в стихотворную форму. В рифмованном восьмистишии, написанном четырехстопным ямбом, поэт обращается к «Морвены певцу» и в шутливой форме рассказывает о муках перевода, которые в итоге дали свои чудесные плоды. Элегию «Прости» Жуковский,

¹ П.А. Вяземский писал 11 октября 1819 г. А.И. Тургеневу: «Я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за скала, из коей бьет море поэзии! Как Жуковский не черпает тут жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов! Без сомнения, если решусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за английский язык единственно для Байрона». Тургенев отвечал ему 22 октября того же года: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето читали. Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона. Я нагреваюсь им и недавно купил полное издание в семи томах» [7. С. 326, 349].

² Можно оставить (*фр.*).

³ я хочу оставить «башенка»..., а не... (*фр.*).

таким образом, получил одним из первых, с самого рабочего стола поэта, но Козлов не просит здесь о правках или возможных изменениях. Стихотворение, уже законченное, предназначалось именно Жуковскому, потому что его первоисточник – Байрон, а тема связана с одними из самых важных для автора понятий в сфере поэтического творчества – любовь и страдание. Козлов предоставлял другу первенство и право без посредника оценить получившееся откровение. Много позже, в письме от 27 ноября 1838 г., он назовет перевод «Fare thee well» Байрона вместе с «Sparsa le tresce morbose»¹ Мандзони своими любимыми, характеризуя при этом саму поэтическую работу как способ ощутить «связь с двумя гениями, которые наиболее созвучны моему сердцу» [8. Л. 58].

С подобным же доверительным жестом и в еще более сокровенном желании поэтического единения Козлов обращается к Жуковскому по поводу своих оригинальных произведений. В этом смысле показательна история создания баллады «Венгерский лес», представленная на страницах переписки. Впервые упоминание о ней возникает в точно датированном письме Козлова от 16 октября 1823 г. Именно по этому свидетельству можно уверенно говорить о времени начала работы поэта над балладой, а также о степени завершенности замысла к означенному моменту. Судя по содержанию письма, в котором из «Венгерского леса» цитируются отдельные фразы: «девичья красота», «дымчатая фата», «радужный жемчуг», «Киев-град», баллада к осени 1823 г. была в черновом варианте уже практически окончена. Поэт оговаривает, что его «маленькая поэма», «успокаивающая слух и волнующая сердце» [8. Л. 5], состоит из двух частей («песен»), которые, в свою очередь, разбиты на строфы («куплеты»). Особенно волнует его вопрос верной рифмовки, которая должна передавать гармонию всего стиха. Прося мнения и совета, Козлов указывает на начальные строки тех строф, что планирует изменить в стремлении добиться верности в передаче смысла: «И на холмах уже горит», «Смерть бледней лик его мрачит», «И к ней лишь звезды нам блеснут». По публикации в «Невском альманахе» (1827) хорошо видно, что эти места действительно подверглись правке, и произошло это, конечно, не без участия Жуковского.

В этом же письме говорится об окончании работы над еще одним произведением – «Молодым певцом». Это уже переводное стихотворение, заимствованное из цикла Т. Мура «Ирландские мелодии». Козлов сообщает, что отправил «Певца» «Блудову через Тургенева». Он сравнивает Мура, у которого «есть <места> восхитительные, но их очень много», с байроновскими «Еврейскими мелодиями» и отдает последним преимущество, поскольку они «красивее и имеют совершенно различный характер» [8. Л. 6].

Творчество Мура послужило Козлову источником нескольких лирических текстов, включая две «Ирландские мелодии» (1824 и 1828 гг.), «Бессонницу» (1827) и знаменитый «Вечерний звон» (1828). В письме от ноября 1823 г. он посылает Жуковскому стихотворение «К радости» и кратко

¹ Расправьте мягкие косы (*ital.*).

рассказывает историю возникновения замысла. По словам Козлова, к его написанию подтолкнул один примечательный момент в поэзии Мура, услышанный им в беседе: «Блудов <...> m'a dit qu'il y a dans Moore la comparaison de la lune qui éclairé la mer sans l'échauffer, j'ai fait ces stances sur cette idée»¹ [15. Л. 1]. Столь популярный у английского поэта лунный образ в стихотворении «К радости» оказывается частью возникающего в финале водного пейзажа. Козлов осмысливает лирическое изображение холодного лунного света через контрастные метафорические сочетания: «Река в сиянии пламя льет, / Горит его лучами».

В письме от конца мая (не позднее 29) 1824 г. Козлов делится ходом работы над русским переводом уже хорошо знакомой ему восточной поэмы Байрона «Абидосская невеста». К этому моменту поэт успел перевести всю первую песню и приступил ко второй. Он выражает особое удовольствие по поводу того, как ему удалось передать «описание Зюлейкина гарема»: «Хотел послать, но сам лучше в первый раз прочту» [8. Л. 8]. Эта сцена дана Байроном в пятой строфе второй части «турецкой повести», и Козлов, усердно над ней работая, не отдал ее в «Московский телеграф», где в 1825 г. (№ 19, октябрь) были опубликованы отрывки из второй песни (строфы 2–4). О переводе «Абидосской невесты» Козлов пишет в примечательное время – месяц спустя после смерти английского романтика, и вся работа поэта над текстами его кумира овеяна особой атмосферой. Не случайно он в конце письма замечает Жуковскому о необходимости отдать Байрону дань памяти в русском стихе, прибегая к упреку П.А. Вяземского из письма Александру Тургеневу: «...если ты ничего не напишешь о Бейроне, то твой пламень погас» [Там же. Л. 8 об.]. Сам Козлов в это время создает стихотворение «Бейрон», посвященное Пушкину. Желая обратить монаршую милость на поэта и его семейство, Жуковский советует автору посвятить перевод «турецкой повести» молодой императрице. Этот знак «чувства сердечного благоговения» был оценен Александрой Федоровной, подарившей поэту свой перстень².

Переложение «Абидосской невесты» Козлов совмещал с другим своим трудом, тоже лироэпическим, но уже оригинальным. Находясь под влиянием байроновской поэзии, а в особенности под впечатлением от поэмы «Гяур», он создает в 1824 г. романтическую повесть в стихах «Чернец». Первый, кому Козлов рассказал о завершении своей работы, – это, конечно, Жуковский, который не только хорошо знал о давно вызревавшем замысле, но и поторапливал с его непременным воплощением. В письме к нему от 28 сентября того же года поэт сообщал «милому другу»: «...мой “Чернец” кончен. Его переписывают, и тотчас пришлю к тебе» [8. Л. 9].

¹ Сказал мне, что у Мура есть сравнение с луной, которая освещает море, но не нагревает его. Я написал эти строфы на эту идею (*фр.*).

² А.А. Воейкова писала Жуковскому по этому поводу: «Козлов поднес свою “Невесту” царице, и она, т.е. молодая, прислала ему прекрасный перстень в 1000 руб. с очень лестным письмом, которое, хотя от Шамбо, Козлов почти стер поцелуями» [16. С. 152].

Жуковский оценил поэму очень высоко, назвав ее «шедевром от начала до конца» и решив, что она будет открывать «печатание Ваших сочинений» [4. С. 244]. В качестве отдельной книги «Чернец» вышел действительно очень быстро – уже в первых числах февраля 1825 г. было подписано цензурное разрешение. В подготовке этого издания Жуковский принял живейшее участие, наметив пути редакции поэмы уже с самого момента получения белой рукописи. Он же явился и автором небольшого предисловия «От издателей». После выхода «Чернеца», на которого Жуковский и Александр Тургенев организовали подписку, особый его экземпляр в сафьяновом переплете был преподнесен императрице Елизавете Алексеевне. Идею такого жеста Козлов снова получил от своего друга и наставника, который сочинил также и дарственную надпись. За создание и преподнесение романтической поэмы поэт был высочайше пожалован драгоценным перстнем. По этому поводу Козлов в середине апреля 1825 г. писал Жуковскому: «...la seule idée d'intéresser un peu Sa M. l'impératrice Elisabeth est un véritable bonheur pour moi»¹ [8. Л. 25].

Вскоре на страницах переписки возникает название нового лироэпического опыта Козлова: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая». В письме от 28 июня 1826 г. поэт извещал Жуковского, находящегося в Эмсе, о своем продвижении в написании поэмы: «Что касается моей “Княгини Долгорукой”, я занимаюсь ей с любовью. Ее разговор со священником почти закончен, может быть, Вы будете им довольны» [8. Л. 16]. Видимо, к этому моменту поэт разрабатывал стихи уже для девятой песни первой части поэмы, которая как раз и открывает диалог княгини Долгорукой, скрытой под ремаркой «Путница», со святым старцем. Жуковский в ответ призывал Козлова к усердной и плодотворной работе над поэмой, желая по своему возвращению найти ее «почти готовую вступить в свет и принести славу отцу своему» [4. С. 339]. Поэт же следом, в письме от 22 августа, уверял друга в том, что «“Княгиня Долгорукая” уже написана целая половина», и признавался, что сцена со священником «много мне стоила труда» [8. Л. 17]. Создание поэмы становится темой нескольких последующих (к сожалению, несохранившихся или неизвестных) писем Козлова к Жуковскому, который наглядно наблюдает процесс творчества, знакомясь с присылаемыми ему отрывками. Автор старается завершить свое произведение к приезду путешествующего друга домой, он проговаривает это намерение в письме от 24 мая 1827 г.: «...а к твоему возвращению и “К<нягиня> Д<олгорукая>”, надеюсь, будет готова» [8. Л. 20]. В конце весны означенного года Козлов действительно был близок к ее окончанию, сообщая о готовящемся оформлении двенадцатой песни второй части: «...мы с ней почти на Днепре». Жуковский вернулся в Петербург в октябре, а 22 ноября отдельное издание «Княгини Долгорукой» получило цензурное разрешение. В приведенном выше письме Козлов также говорит о том, что его по-

¹ Одна только мысль вызвать малейший интерес ее высочества императрицы Елизаветы – это настоящее счастье для меня (*фр.*).

эма будет иметь важное для него посвящение: «Желаю, чтоб она тебе была столько же приятна, сколько усадительно для меня посвящать её тебе и приобщить мое имя к твоему, добрый друг мой» [8. Л. 19 об.].

И снова работа над собственным произведением у Козлова сопровождается переводческими занятиями. В творческой лаборатории поэта романтическая поэма на материале русской истории XVIII в. непосредственно соседствует с поэзией Байрона, которую он продолжает осваивать. Пообещав Жуковскому подготовить в срок «Княгиню Долгорукую», Козлов не преминул сообщить и о том, что «Incantatrix Манфреда я перевел, но еще не печатаю» [8. Л. 19 об.]. Под латинским словом «Incantatrix» (т.е. чародейка, ведьма) поэт подразумевал волшебный дух, появляющийся в образе прекрасной женщины и произносящий над героем заклинание в первой сцене драматической поэмы «Манфред». Заклинательную песню байроновской чародейки Козлов перевел под названием «Обворожение» и посвятил ее князю Вяземскому. Публикация этого отрывка состоялась в 1828 г. в «Невском альманахе», при этом до сих пор точная дата его создания была под вопросом (как и в случае с большинством произведений поэта и переводчика). И.Д. Гликман в «Полном собрании стихотворений» Козлова в угловых скобках пометил «Обворожение» 1827 г., и извлеченное письмо автора подтверждает это предположение, позволяя даже конкретизировать: конец мая, до 24 числа.

«Жуковский» эпистолярный Козлова дает возможность установить верную датировку еще двух его стихотворений. В письме от 27 августа 1829 г. он приводит целиком только что им оконченный небольшой вольный перевод («вольное подражание») из первой песни поэмы Байрона «Дон-Жуан». Стихотворный текст, помещенный на странице послания к Жуковскому, почти идентичен тому, что появился год спустя в «Северных цветах». Разнятся лишь два слова в конце подражания: «любо слушать» заменилось на «любо слышать», «голос дев» был изменен на «песни дев». Снова приходится угадывать, что даже эти небольшие правки сделаны не без руки адресата Козлова, причем последний сам его к этому подталкивал, оговаривая в письме и делая ударения подчеркиванием: «я знаю, ты не любишь слова “люблю”, но тут оно, кажется, на месте. Ни “*радушно*”, ни “*с любовью*” его не заменяют» [8. Л. 60].

Здесь же поэт отмечает готовность другого стихотворения, взятого «из Andre Chenier». Хотя он не приводит в письме ни одной строки, обещая вскоре прислать стихи отдельно («теперь совместно их диктовать моему секретарю») [8. Л. 60], несложно догадаться, что речь идет о тексте, который начинается со слов: «Ко мне, стрелок молодой, спеши!» В общей логике своих переводов Козлов, как и в случае с отрывком из «Дон-Жуана», дает стихотворению обозначение «вольное подражание». Временем его написания считался 1832 г., поскольку цензурное разрешение альманаха «Комета Белы», в котором оно было опубликовано, помечено 30 октября того же года. Однако короткое эпистолярное свидетельство дает основание отодвинуть дату создания на три года назад.

Сохранившиеся письма Козлова к Жуковскому позволяют устранить неопределённость и по поводу датировки стихотворения «Воспоминание 14-го февраля». Названное первоначально просто «14-е февраля», оно ровным и аккуратным почерком целиком выведено на обороте одного из «французских» писем поэта. Козлов представляет его Жуковскому как «русские рифмованные октавы», которые сложились словно сами собой («Je ne sais trop comment je les ai faites»)¹ [15. Л. 3 об.]. Этот намек на «бессознательность» написания стихотворения, действительно состоящего из четырех восьмистиший, конечно, связан с его «мемориальным» назначением: 14 февраля – это день смерти А.А. Воейковой, памяти которой и посвящено «Воспоминание». И.Д. Гликман датирует стихотворение «февралем 1830 или 1831 г., поскольку слово “год” здесь можно рассматривать и как синоним “годовщины”» [17. С. 466]. Из двух вариантов верным оказывается первый, поскольку письмо к Жуковскому относится именно к 1830 г.

Последними на страницах писем Козлова (от 23 августа 1832 г.) появились одновременно два стихотворения: «Жалоба» и «Мечтание». Их аккуратно выписывает дочь поэта, полностью помещая в «эпистолярные рамки». Посылая стихотворения, Козлов по обыкновению ожидает от Жуковского непременно реакции, но тот, видимо, получил их не сразу, поскольку находился на лечении за границей (второе заграничное путешествие). В последующем письме (уже от 13 февраля 1833 г.) Козлов сетует: «Как грустно, что ты не отвечал мне на мое длинное письмо, где было говорено о многом и где были мои стихи: “Жалоба” и другие о герцоге Рейхштадском» [8. Л. 42]. Под именем герцога Рейхштадтского подразумевается сын Наполеона, ранней кончине которого и посвящено «Мечтание». В известных письмах Жуковского ответа на присланные Козловым произведения не содержится, видимо, их обсуждение состоялось по возвращении поэта в Петербург, но уже после того, как оба текста вышли в составе второго собрания стихотворений Козлова (1833).

Второй тематический блок, на который условно подразделяется эпистолярный Козлова, связан с литературной жизнью эпохи. Прежде всего сюда относятся круг чтения поэта, его эстетические предпочтения, а также отдельные факты и явления современного ему литературного процесса, главным материалом которого явилось и непосредственно творчество его адресата.

Так, уже в самом первом письме от 12 июня 1819 г., рекомендуя свой французский перевод байроновского «Гяура» и рассказывая об усиленных занятиях английским языком, Козлов выражает восхищение поэтическим даром Жуковского: «Я воображаю вас в вашем Павловском лесу за работой чего-то столь же восхитительного, как “12 <спящих> дев”, “Людмила”, “Ахилл”, “Певец”, “Эолова арфа”» [14. Л. 17]. В другом письме от августа–сентября 1823 г. он даже пробует выступить для своего друга в качестве

¹ Я не знаю, как я их сделал (*фр.*).

советчика-наставника в деле творчества. Козлов, упоминая о работе Жуковского над переводом из поэмы Вергилия «Энеида» («Разрушение Трои», 1824), высказывается о природе его таланта и настаивает на заключенной в нем силе оригинального искусства: «Я хотел бы, чтобы вы сделали что-то помимо того, что сочиняете сейчас, потому что как бы великолепно ни была ваша “Энеида”, вы не должны растрачивать на перевод свой творческий гений и свой поэтический огонь. Вы достигли зрелости вашего таланта, и ваша душа, мой дорогой, теперь витает в области столь же чистой и духовной, сколь пылкой и поэтической» [8. Л. 37–37 об.]. Весьма примечательно, что по этому же поводу несколько лет спустя выскажется А.С. Пушкин в письме к Вяземскому, где при этом справедливо назовет Жуковского «гением перевода»: «Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать» [18. С. 183]. Тем не менее Козлов, сам отдавая должное и даже больше поэтическим переводам, продолжает восторгаться уже созданными Жуковским шедеврами, основанными на материале мировой словесности. Например, в 1824 г. он знакомится с переводным отрывком «Цейкс и Гальциона» (1820) из «Метаморфоз» Овидия и пишет автору: «Какая прелесть твоя “Гальциона и Сейкс”» [8. Л. 8].

Жуковский, входя в общения с Козловым в его творческий мир, конечно, отвечал ему взаимностью, приоткрывая завесу собственных планов и замыслов. В этом контексте примечательно упоминание в письме поэта о ранее не известном намерении Жуковского творчески, в форме драмы или поэмы, обработать историю Иоанна Богослова. И 15 (27) апреля 1833 г. Козлов пишет: «Не оставляйте свои планы написать о Святом Иоанне, но поверьте мне, составьте пьесу из двух частей, представьте в одной юного друга Иисуса Христа и вдохновенного пророка – в другой» [8. Л. 45]. Козлов дает идею того, как образно и сюжетно развить наметившийся на основе библейского мифа замысел, делая упор на двухчастную структуру произведения, определённую дуализмом самого героя. Однако этот эпизод переписки далее никак не был развит ни одной из сторон, а из-под пера Жуковского ни тогда, ни после не вышло ничего подобного. Мелькнувший в письме Козлова «план», вероятно, отсылает к последней и незаконченной поэме Жуковского «Странствующий жид». Упомянутый Козловым апостол и евангелист в ней представлен в качестве одного из действующих лиц, хотя до сих пор было принято относить историю создания поэмы как минимум к 1841 г. Как пишет Ф.З. Канунова, поэт во время работы над «Странствующим жидом», ставшим его творческим завещанием, «придавал исключительное значение откровению Иоанна Богослова, стремясь разобраться в сложной системе его образов» [19. С. 214–215]. Видимо, лироэпический замысел Жуковского 1833 г., пусть и слишком туманный, уже тогда не мог пойти по тому пути, что ему прочертил Козлов. Жуковский мыслил о совершенно иных сюжетно-тематических акцентах, но одно это случайно проявившееся намерение «написать о Святом Иоанне» подвигает к тому, чтобы пересмотреть, пусть и не кардинально, истоки возникновения поэмы.

Если вплоть до 1825 г. письма Козлова в большинстве своем представляют неразвернутые записки, небольшие послания с лаконичным содержанием, то в период заграничного путешествия их адресата они приобретают эпический размах. Этому способствовал сам Жуковский, который со своим отъездом стал присылать поэту «панорамные» письма, ставшие своеобразным дневником его путешествия. Козлов под впечатлением таких объемных «документов» сам бросается в описания и перечисления, спеша поделиться литературными и светскими новостями, а также выразить свои ощущения. Так, в письме от 24 мая 1827 г. он рассказывает о текущем состоянии дел в российской словесности с личной оценкой некоторых ее моментов: «Наша литература обогатилась “Цыганами”. Пушк<ин> ещё печатает какие-то повести и Баратынск<ий> свои сочинения. Но нового Барат<ынский> ничего не сделал отлично-прекрасного, так же как и Языков, который всё пишет удивительные стихи, но слишком растянутые и не оживленные никаким сильным чувством. Дельвиг же и Плетнёв ничего не пишут. “Телеграф” очень хорош, но брань В<оейко>ва с Гречем и Булгаринным хуже и отвратительнее, чем когда-нибудь» [8. Л. 20]. Очень показательны в эстетическом плане слова Козлова о сочинениях Баратынского и Языкова. Требуя от них выражения «отлично-прекрасного» и передачу «сильного чувства», он, конечно, ориентируется на байроновский пример поэтической экспрессии.

Перед именем и творчеством Пушкина Козлов прямо благоговел. В письме от конца сентября (после 27) 1824 г. он с нескрываемым удовольствием сообщает Жуковскому: «Надо похвастаться – Пушкин пишет к Дельвигу: обнимаю Матюшкина как истинного лицеиста, а Козлова как истинного поэта, *se qui m’a fort plus*¹» [8. Л. 10 об.]. При этом в известных пушкинских письмах, адресованных Дельвигу, ничего подобного нет. Безусловно, эта похвала – реальная или мнимая, но не столь далекая от правды – была устно передана поэту кем-то из его гостей, возможно, даже самим бароном, который очень схоже заключал свое послание к Пушкину от 10 сентября 1824 г.: «Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне» [20. С. 377]. Однако пиетет, испытываемый к кумиру, не мешал Козлову делать и несколько критические («вкусовые») замечания в направлении вновь появлявшихся сочинений поэта. В еще одном «новостном» письме «об нашей литературе» от 15 (27) апреля 1833 г., перечисляя издательские новинки («Одоевский и Даль издают – один “Пестрые повести”, другой “Были и небылицы”». Я их прочту на днях. Очень хвалят “Последний Новик”»), он замечает Жуковскому: «...ты получил “Новоселье”, где в нем найдешь много хорошего, много и нехорошего. “Домик в Коломне”, невзирая на легкость стихов, очень мне не нравится» [8. 44 об.]. Разумеется, Козлов не мог принять веселого озорства Пушкина, который в стихотворной повести живописует жизнь траве-

¹ Что доставило мне большое удовольствие (*фр.*).

стейно-пародийным образом. Исключительная ориентация на возвышенно-поэтическое искусство романтического мироощущения не позволила ему по достоинству оценить и экспериментальность, новаторство «Домика в Коломне». Для оформления «непритязательного, почти анекдотического сюжета бытовой повести» [21. С. 406] Пушкин использовал октаву, изысканную итальянскую строфу, которую Козлов признавал только в ее высоком исполнении – творчество Тассо и Ариосто.

Помещаемые Жуковским в письмах описания мест своего пребывания за границей заставляют воображение Козлова активно работать и создавать собственные картины, которые по сути своей литературны, то есть основаны на хорошо отложившихся в его памяти живописно-поэтических моментах в произведениях европейской литературы. Характерно его признание в одном из последних писем от 19 ноября 1838 г.: «Ах, какое для меня счастье жить с Данте, Ариостом и Тассом и слушать их песни так, как они их пели, также восхищаться Шекспиром и любить, как я люблю, буйного лорда Байрона» [8. Л. 54 об.]. Так, вдохновившись полученными подробностями того «поэтического места» в Швейцарии, где остановился Жуковский, Козлов в письме от 15 февраля 1833 г. пишет ему в ответ: «Vous avez le bon lac de Genève devant vous, d'un côté Clarent avec l'ombre de Julie, de l'autre cet antique château de Chillon dans lequel vous êtes Byron vous-même, vos rêveries sont douces car votre conscience est pure et votre cœur aime tout ce qui est beau»¹ [8. Л. 45]. Не менее показательно и более позднее письмо от 19 ноября 1838 г., передающее воображение уже итальянских мест: «Вы теперь в прекрасной Италии, где все дышит поэтической прелестью. На том озере Комо, где бродят тени превосходного романа Манцони» [8. Л. 54].

Поэт, не чуждый некоторого тщеславия, но без крайностей, в том же письме просил Жуковского, намеревавшегося встретиться с Манцони: «Если его увидишь, напости ему обо мне, он меня знает» [8. Л. 54]. И в ответ Жуковский сообщал, что итальянскому писателю действительно оказался небезызвестен русский стихотворец: «Я не пропустил этого случая и рассказал Манцони о тебе; а он мне сказал, что знает тебя и подал мне экземпляр твоих стихов с твоей подписью, поручив при свидании сказать от него тебе поклон» [22. С. 440]. Можно только догадываться, каким образом к автору «Обрученных» попало отдельное издание стихотворений Козлова. Вполне возможно, он сам послал его почтой или же попросил кого-то из знакомых, отправлявшихся в Италию, лично передать книгу.

Рассказ Жуковского о посещении им дома Манцони, который сверх ожидания принял поэта и очень любезно, по-настоящему взбудоражил Козлова и заставил мысленно погрузиться в атмосферу его знаменитого романа. В письме от 27 ноября 1838 г. он опять же по-французски выража-

¹ Перед вами прекрасное Женевское озеро, с одной стороны Кларан с тенью Жюли, с другой стороны этот старинный Шильонский замок, в котором вы сами являетесь Байроном, ваши мечты приятны, ибо ваше сознание чисто, и сердце ваше любит все то, что прекрасно (*фр.*).

ет свои ощущения: «...chaque jour encore je jouis du souvenir charmant que m'ont laissé "*I Promessi sposi*", que j'ai lu délicieusement avec mon cher abbé Campodonico; c'est le plus beau roman que je connais, je suis toujours au bord du lac de Como, avec l'intéressant *Renzo* et la gracieuse *Lucia* et ce bonhomme *Don Abondio*, que j'aime de tout mon cœur; quelle diversité dans les caractères, toujours quelle morale évangélique, l'innominate les religieux, – tous ces tableaux offrent un charme ineffable»¹ [8. Л. 58].

Эстетические суждения Козлова по поводу произведений литературы, подобные тому, что высказано им в отношении романа Мандзони, в его письмах не редки. Особенно развернуты они именно в ответах на заграничную корреспонденцию Жуковского, что, конечно, дает ценный материал для составления эстетического портрета Козлова. Например, предельно краткий отзыв о неудаче трагедии А.Н. Муравьева «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине» демонстрирует присущее Козлову чувство жанра: «Mouravieff nous a lu «Битву при Тивериаде» (qui est tombée au théâtre) parce que ce n'est pas une tragédie, mais un poème dramatique fort agréable»² [8. Л. 42 об.].

Чрезвычайно важны в плане характеристики эстетических воззрений Козлова его суждения, вошедшие в ответ на письмо Жуковского от 8 февраля (27 января) 1833 г. В этом послании с берегов Женевского озера дана откровенная критика Руссо («нет ничего скучнее "*Новой Элоизы*"»); «...для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез») и Байрона («...в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам – утешителям жизни») [23. С. 836], вызвавшая в Козлове горячий протест. 15 (27) апреля 1833 г. он с вдохновением пишет «милому другу», абсолютно не соглашаясь с ним и особенно останавливаясь на любимом Байроне: «...ты несправедлив в отношении к Жан-Жаку и, мне кажется, на Байрона смотришь не с настоящей точки зрения. S'il y a des longueurs dans les romans du premier, il y a aussi de ces choses que tout cœur sensible sait par cœur; Dans son *Emile*, dans ses *Confessions* il est souvent grand et élevé, et son éloquence est entraînante; il n'a point passé comme un météore, mais cet astre a pâli, et cela devait être ainsi; quant à Byron pourquoi cher chez-vous en lui un poète consolateur? Byron est le peintre des passions songeuses, d'un cœur éminemment Sensible et qui se croit blessé dans ce qu'il avait de plus cher au monde. Il réveille dans notre cœur des sons qui vibrent

¹ ...Каждый день я наслаждаюсь очаровательным воспоминанием, которое мне оставили «Обрученные», которые я прочитал с восхищением с моим дорогим аббатом Камподонико. Это самый прекрасный роман, который я знаю, я все еще на берегу озера Комо, с ловким Ренцо и грациозной Люцией и этим простодушным доном Абондио, которого я полюбил всем сердцем. Какое разнообразие в характерах, все-таки какая евангельская мораль, безымянная религиозность – все эти картины обладают невыразимым очарованием (*фр.*).

² Муравьев нам прочитал «Битву при Тивериаде» (которая провалилась в театре), потому что это не трагедия, но драматическая поэма, очень приятная (*фр.*).

avec un charme entraînant malgré l'aiguillon de la peine qu'il réveille en nous. Toujours sombre dans Childe Harold, le Giaour, c'est-à-dire *toujours lui*, il est céleste dans Leila, Zuleika et toutes les autres femmes, si séduisantes qu'il produit dans ses ravissantes poèmes»¹ [8. Л. 45–45 об.].

Развернуто высказывается Козлов также по поводу Шекспира, которого много читает и, конечно, только в подлиннике. Содержащийся в письме к Жуковскому от 7 ноября 1837 г. отзыв о трагедии «Ричард III» является единственным прямым отражением взгляда поэта на творчество английского драматурга, из которого в его собственный художественный мир вошла лишь трагедия «Отелло» – через вольный перевод знаменитой песни Дездемоны (1830). Козлов пишет: «Я схожу с ума от сцены “Ричарда III” между королевою Елизаветою, жены Эдварда IV, Марьи Данжу и герцогини Йоркской, я ее четыре раза читал с одним очень ученым англичанином, сын и дочь несколько раз мне ее прочитывали, я, можно сказать, выжал сок из каждого ее стиха. Если бы Шекспир кроме ее ничего другого не написал, уже он был бы бессмертный, перечти ее со вниманием» [8. Л. 52 об. – 53]. Козлов останавливает взгляд Жуковского на четвертой сцене IV акта, рисующей жестокою скорбь трех царственных жён. Сцена предваряется известием о гибели в Тауэре малолетних наследников, что доводит до предела драматическое отчаяние. Три вдовы и осиротевшие матери, встречаясь, сначала произносят в своем горе взаимные упреки, а затем объединяются в общем несчастье и ненависти к Глостеру. Поэта здесь привлёк именно чрезвычайный накал трагизма, который проявляется в абсолютной женской скорби, перемежаемой проклятиями.

Наконец, в письмах к Жуковскому Козлов открыто выражает свое восхищение еще одним английским автором – В. Скоттом; 24 мая 1827 г. он сообщает: «...читаю с великим наслаждением Вальтер Скот<та> романы. Великий писатель!» [8. Л. 20]. А на следующий год А.И. Тургенев во время своего путешествия в Англию в личной беседе будет рассказывать «шотландскому барду» об одном его страстном почитателе – слепом поэте из России [24. С. 342]. Интерес Козлова к Скотту шел сначала от увлечения его поэмами («Рокби», «Мармион»), в которых он находил лирическое выражение увлекательной и привлекательной, связанной с далью рыцарских времен и романтическими чувствами жизни. Поэтическое впечатление,

¹ Если в романах первого есть длинноты, то есть и вещи, которые каждое чуткое сердце знает наизусть. В его «Эмиле», в его «Исповеди» он часто велик и возвышен, и его красноречие увлекательно; он совсем не прошел как метеор, но его звезда потускнела, и это именно так и должно было быть. Что касается Байрона, зачем ищите вы в нем поэта-утешителя? Байрон – художник задумчивых страстей, с сердцем в высшей степени чувствительным, которое считает себя раненным в том, что он имел самое дорогое в мире. Он пробуждает в нашем сердце звуки, которые вибрируют с увлекательным очарованием, несмотря на острие страдания, которое он в нас вызывает. Всегда мрачный в Чайльд-Гарольде, в Гяуре, то есть *всегда он сам*, он божественен в Лейле, Зулейке и всех других женщинах, таких соблазнительных, которых он создал в своих восхитительных поэмах (*фр.*).

очевидно, было перенесено и на прозу Скотта: не случайно, создавая в 1832 г. вольный перевод отрывка из поэмы «Мармион» и называя его «Берверлей» (т.е. *Waverley*, герой одноименного романа), он соединяет в самостоятельно определяемой жанровой форме баллады лирическое содержание и память об исторических романах.

Третий тематический блок, составляющий содержание писем Козлова к Жуковскому, связан с деятельным участием поэта в жизни А.А. Воейковой и судьбе ее детей. По предположению Н.В. Соловьева, с младшей племянницей Жуковского поэт мог познакомиться уже в 1818 г. Поддерживает такую датировку и И.Д. Гликман, допуская лишь небольшую вариацию: 1818–1819 гг. Встреча Козлова с Александрой Воейковой и всё их общение на протяжении десяти лет имели огромное значение для обезноженного страдальца. Светлана, как поэтически нарекли Воейкову с легкой руки Жуковского, стала для поэта ангелом-утешителем¹, который поддерживал в нем жизненный и творческий огонь, одарял сердечным вниманием его жену, сына и дочь. Не случайно тем первым стихотворением, что явило российской публике Козлова-поэта, стало послание «К Светлане», которое заканчивается символическими и пророческими словами: «навсегда / Там будешь другом мне сердечным!» Свидетельством сложившейся между Воейковой и Козловым атмосферы нежной дружбы и взаимного расположения оказывается их переписка. Эти 39 писем-записок Светланы к поэту (опубликованы Н.В. Соловьевым) [11. Т. 2. С. 24–54] и всего три ответных (только в рукописи) можно назвать настоящим памятником духовно-эстетических взаимоотношений Козлова и Воейковой.

Письма к Жуковскому обогащают эти представления, открывая дополнительные свидетельства заботы и посильной помощи, которые уже слепой поэт старался оказать своей «кузине», как он сам именует ее, словно отвечая на явленное по отношению к нему трогательное сострадание. Воейкова писала Козлову в 1823 г.: «Действительно, дорогой друг, я страдаю от Ваших страданий гораздо больше, чем от моих собственных, это не фраза, так как моя жизнь только у меня в сердце» [11. Т. 2. С. 36].

В письме от начала февраля 1823 г. Козлов с чрезвычайной тревогой и опасением пишет Жуковскому о планируемой поездке Воейковой в Дерпт к матери и сестре, которая ждала разрешения от бремени. На деле это путешествие к Мойерам являлось вынужденным бегством Александры от ставшего невыносимым семейного существования рядом с ревнивым мужем, опускавшимся в своих помыслах и домыслах до унижительных вещей. Козлов, очевидно, не знал всех деталей задуманного Жуковским предприятия по отдалению племянницы и ее детей от супруга (впоследствии временно принявшего форму так называемого разъезда). Он писал другу в очень встревоженных чувствах о том, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вместе со Светланой в Дерпт также поехал ее муж А.Ф. Воей-

¹ Именно так, «ангелом-утешителем всей нашей семьи», позже называла Воейкову дочь Козлова [25. Л. 36].

ков: «...ni moralement ni physiquement il n'en peut résulter que quelques de très mauvais. Songez à ce tête à tête pendant la route, aux reproches, aux scènes devant les enfants, aux couchées, en un mot à tout le mal qu'on peut et qu'on ne peut pas dire»¹ [8. Л. 1]. Поэт, прекрасно понимая, насколько ненавистна стала личность этого злобного интригана, предостерегает друга о возможных последствиях: «...dans un moment si critique sa présence sera tout à la fois un scandale à peu près et une gêne pénible pour les deux sœurs»² [8. Л. 1 об.]. Его особенно беспокоит именно то, что присутствие Воейкова может нарушить «совершенный союз, царящий между двумя ангельскими сестрами», и поэтому он просит Жуковского оградить их от «сплетен, пересудов и инсинуаций этого злого и коварного существа» [8. Л. 2]. Козлов также упоминает о негативном влиянии приезда Воейкова на «достойного Мойера», которому еще в период своей женитьбы собственноручно довелось узнать подлую природу свояка.

Обрисовав подробно всю неприглядную картину возможного прибытия Воейкова в Дерпт, Козлов далее не случайно переходит к А.И. Тургеневу, который был одним из главных виновников существенного обострения и без того напряженных отношений в семье Светланы. Александру Воейкову и Александра Тургенева связывали взаимные романтические чувства, развившиеся в период первого заграничного путешествия Жуковского (3 октября 1820 г. – 6 февраля 1821 г.), поэтому отъезд из Петербурга был еще и способом прекратить их общение, ставшее не только предосудительным, но и получившее подлое поэтическое обличение в печати [26. С. 18–19]. Более того, Козлов принимается и лично убеждать Тургенева в том, что нужно «уважать вечные и святые основания чистоты сердца, а также долг супружества и материнства» [8. Л. 2 об.]. В ответ на свои старания поэт, как сказано им в письме к Жуковскому, получил от Тургенева заверение в том, что «он желает только ее счастья» [Там же]. Впоследствии Козлову доводилось не раз наблюдать всю нежность отношения Тургенева к Светлане: вместе с ним он, например, читает пересланные Жуковским письма Воейковой («...очаровательные письма Александрины, одновременно трогательные и утешительные. Вот они. Т<ургенев> держал их несколько часов, а я – полтора дня»; «я снова попросил Тургенева, которого не видел с 7 августа, возратить письмо Александрины») [8. Л. 36, 31]. Важно заметить, что Козлов действительно имел право вмешиваться в сердечные дела Тургенева, поскольку его с ним связывали «тесные узы дружбы» [27. С. 469]. Их дружеские отношения зачинались, очевидно, еще в 1814 г., когда «А.И. Тургенев заблаговременно принялся за хлопоты о Козлове» [27. С. 469], потерявшем все свое имущество в московском пожаре Отече-

¹ Ни морально, ни физически из этого не может выйти ничего хорошего. Подумайте об этом тет-а-тет во время дороги, об упреках, о сценах перед детьми, о ночлегах, одним словом, обо всем зле, о котором можно и нельзя говорить (*фр.*).

² В такой критический момент его присутствие будет одновременно скандалом и неприятным замешательством для обеих сестер (*фр.*).

ственной войны. Ярко характеризует их отношения и проявленная слепцом искренняя обеспокоенность здоровьем С.И. Тургенева¹, с которым он тоже был знаком достаточно давно².

Жуковский, считавший, что и его собственной совести принадлежит недопустимое сближение Воейковой и Александра Тургенева, своей непримиримой позицией вызвал жестокие и несправедливые обвинения последнего, который даже заявил о разрыве многолетней дружбы. Козлов воспринял очень тяжело возникшую между Жуковским и Тургеневым размолвку и своими силами старался разрешить сложившееся недоразумение. Так, он писал Жуковскому в декабре 1823 г.: «...я огорчен тем, что произошло вчера вечером; но такой друг, как он, всегда будет другом, достойным тебя, и ты ему друг не менее достойный, <...> в момент исступления он говорил безрассудные вещи – будь то сердечная горячка или бред воображения, это всегда бред...» [8. Л. 13 об. – 14]. Очевидно, по возвращении из очередной поездки в Дерпт, откуда Жуковский уже обратно привез семью Воейковых, между ним и Тургеневым состоялось объяснение (относительно запрета на его общение со Светланой), и, возможно, Козлов был даже свидетелем их жесткой перепалки. Поэт призывал обоих друзей к благоразумию и взаимному пониманию, беря на себя роль своеобразного посредника: «У меня на сердце вас помирить» [8. Л. 14].

Посреди драмы семейных отношений Воейковых, за которой Козлов внимательно следил³, а также драмы чувств Тургенева и Светланы в марте 1823 г. произошла внезапная трагедия: во время неудачных родов скончалась Мария Мойер. На известие о случившемся несчастье Козлов откликается сразу же, он пишет Жуковскому полное искреннего сочувствия письмо, сбиваясь с русской речи на французскую: «Друг, обнимаю тебя, об том, что я почувствовал, узнавши твой ответ, говорить нечего. Признаюсь, что не просто один промысел Божий нахожу я в этом печальном случае, но зная ее душу и то, что жизнь ее возвышенная и прекрасная была самая, то и в кончине ее я вижу что-то великое, таинственное, милосердное» [8. Л. 3 об.]. Утешая друга, он одновременно старается предупредить его в тотальном отчаянии и всеохватной, подавляющей горести: «Нельзя вам не плакать, но остерегайтесь отчаяньем или упорной горестью помрачить райскую улыбку этого ангела. Elle est aux cieux mon cher devant un Dieu de justice et de miséricorde⁴» [8. Л. 3 об.]. Десять дней спустя, 4 апреля 1823 г., Козлов адресует новое письмо Жуковскому и – Светлане, обращаясь со словами

¹ В письме к Жуковскому от конца сентября (после 27) 1824 г. Козлов сообщал о том, что «Сергей болен, эта болезнь – вид психического расстройство» [8. С. 15].

² Сохранилось одно письмо С.И. Тургенева к Козлову, которое датировано 12 (24) июня 1817 г.

³ В письме от июля 1823 г. Козлов писал Жуковскому с вопросом о предстоящей тому поездке в Дерпт к Воейковой, в которую хотел вмешаться ее муж: «В<оейков> говорит, что он уезжает 27, и что вы уезжаете 4. Не знаю, чем закончится поездка» [8. Л. 29 об.].

⁴ Она на небесах, мой дорогой, перед Богом справедливым и милосердным (*фр.*).

поддержки уже преимущественно к своей «кузине»: «Почему ваша горесть так сильна, дорогая подруга? Надеемся на Бога, просите его, там теперь у него есть за вас верный и милый-сердечный молеельщик, так надеемся же очень. Берегите себя ради ваших детей и ее. Утешьте вашу матушку, окружите дружбой достойного Мойера и будьте сердечным другом Жуковскому» [8. С. 38 об.].

После смерти Марии Мойер Козлов проявляет особое беспокойство по поводу здоровья ее младшей сестры. Не случайно Жуковский иногда кратко сообщал ему в своих записках: «она здорова» или «Насчет ее здоровья будь спокоен» [4. С. 171, 199]. Но когда летом 1827 г. Жуковский находился в Эмсе на лечении, уже ему приходилось отчаянно добиваться от Козлова известий о состоянии Воейковой: «...получил письмо и от тебя, и в нем об ней почти ни слова. Не понимая этого неизъяснимого молчания с твоей стороны, остаюсь в жестоком недоумении, не знаю, сколько еще времени должен в нем остаться» [4. С. 477]. Его просьбы были услышаны, и вскоре он получил подробный отчет о здоровье Светланы и о том, какие шаги в своем лечении она хочет предпринять. 21 июня 1827 г. Козлов писал: «...в конце мая – в первые дни июня кровохарканье и боль возвратились вместе с лихорадкой и с большей силой, что вызывает опустошающую слабость» [8. Л. 21]. Причиной такого резкого усугубления в течении болезни поэт называет переживание от «проклятого пожара, вспыхнувшего утром на той же улице, где она живет» [8. Л. 21]. Ухудшившееся состояние Воейковой заставило ее врача, лейб-медика Н.Ф. Арендта, рекомендовать немедленный отъезд в Ниццу, однако Козлов был против этого, поскольку «воздух в Ницце слишком холодный» и совсем не способствует выздоровлению. Недоволен он был и окончательным пунктом назначения – Грасом, так как тот «находится всего в нескольких лье» от Ниццы [8. Л. 21 об.]. Рассказывая Жуковскому о поиске (путем совещания с несколькими знакомыми) спасительного для Воейковой места лечения, он сам ищет у него помощи и успокоения в собственной тревоге за Светлану и задается вопросом: «Но что делать?» [8. Л. 21 об.].

Воейкова скончалась в Италии в начале февраля 1829 г., после ее смерти дети оказались на попечении в разных местах: сын Андрей оставлен в женевском пансионе Ж.Ф. Прива, старшие дочери Екатерина и Александра поступили на средства императрицы в Екатерининский институт, младшая Мария осталась с бабушкой Е.А. Протасовой. В письме от 27 августа 1829 г. Козлов писал Жуковскому о том, как его семья не оставляет заботой заболевших коклюшем и находящихся на попечении графини П.В. Толстой Екатерину и Александру: «Жена с дочерью по два и по три раза навещают больную Катеньку и Сашу; смею сказать и говорю с наслаждением, тень Алекс<андры> Андр<еевны> должна быть довольна сердечной привязанностью жены моей к ее детям» [8. Л. 60]. Когда старшие дочери Воейковой поступили в Екатерининский институт, родные Козлова продолжали их навещать, а после определения туда младшей, то и ее они старались окру-

жить своим вниманием: «жена с Алинькой, по обыкновению, пойдут в институт к милой Машиньке» [8. Л. 53].

Помимо трех основных выделенных в письмах Козлова блоков – творческая лаборатория, современная литературная жизнь, судьба Александры Воейковой, – их содержание пронизано многими мотивами, связанными с непосредственными впечатлениями автора от соприкосновения с невидимым им миром, но которому он страстно внимал. К таковым относятся нарастающее восторженное отношение к императорской фамилии вообще и к наследнику в частности, изложение (не без сетований) собственного болезненного положения, предельным выражением которого стало письмо от 14 октября 1837 г.¹, усиливающееся религиозное чувство, в котором поэт находит для себя успокоение, жадный интерес к светским событиям и происшествиям, описание неутешительных семейных обстоятельств и связанные с ними просьбы (одолжение денег, хлопоты о заложенной деревне). Сквозное присутствие всех этих моментов в письмах Козлова вполне естественно, однако важно, что художественно-эстетическая линия в них является все же определяющей, она же во многом и подвигала Жуковского не только поддерживать эпистолярное общение, но и увеличивать его объемы.

Таким образом, сохранившаяся переписка Козлова с Жуковским обладает глубоко самостоятельным значением. Она восстанавливает неизвестные страницы творчества и биографии слепого поэта, заполняет лакуны, связанные с датировкой отдельных его произведений и содержанием непосредственной правки некоторых текстов. «Жуковский» эпистолярный Козлова представляет личность его автора погруженной в свою эпоху, в живом литературно-бытовом пространстве и времени, во взаимодействии с выдающимися представителями русской культуры XIX в. С обнаружением и публикацией этих писем реконструкция диалога двух колоссальных фигур русского романтизма обретает необходимые полноту, объем и достоверность.

Список источников

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1954. Т. 5. 862 с.
2. *Гликман И.Д.* И.И. Козлов // Козлов И.И. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1956. С. 5–67.
3. *Грот К.Я.* К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова (по поводу смерти его дочери) // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9. Кн. 2. С. 74–95.
4. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : ЯСК, 2019. Т. 16. 1148 с.
5. *Письма Александра Тургенева Булгаковым.* М. : ГСЭИ, 1939. 375 с.

¹ «Скажу тебе, что я слепой и безногий, теперь лишаюсь рук, нервы в руках под локотьями и под мышками сжимаются, я чувствую в них необыкновенную тяжесть и долгую боль, что же касается до пальцев, то я уже ими почти совсем не владею, они разошлись, скорчились, онемели, мне чашку чаю держат у самого рта, придерживают ложку, и я в них чувства не имею» [8. Л. 50].

6. Дневник И.И. Козлова // Старина и новизна. 1906. Кн. 11. С. 34–66.
7. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. 735 с.
8. РО ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28088.
9. Труш К.А. Очерк литературной деятельности И.И. Козлова. М., 1899. 32 с.
10. Данилов Н.М. Материалы для полного собрания сочинений И.И. Козлова. (Поправки, варианты, неизданные стихотворения и письма) // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1917. Т. 12. Кн. 2. С. 72–105.
11. Соловьёв Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана» : в 2 т. Пг., 1915–1916.
12. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая Гвардия, 1987. 397 с.
13. Афанасьев В.В. Жизнь и лира. М. : Детская литература, 1977. 190 с.
14. РО ИРЛИ. Онегинское собрание. № 27853.
15. РО РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 186.
16. Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 462 с.
17. Гликман И.Д. Примечания // Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1960. С. 5–51.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : АН СССР, 1948. Т. 13. 684 с.
19. Канунова Ф.З. Религиозно-мифологические основы итоговой поэмы В.А. Жуковского «Странствующий жид» // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 206–218.
20. Переписка А.С. Пушкина : в 2 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 1. 494 с.
21. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века. М. : ФЛИНТА: Наука, 2015. 746 с.
22. Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. 782 с.
23. Письма В.А. Жуковского к И.И. Козлову // Русский архив. 1867. № 6. Ст. 820–842.
24. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX). М. : Наука, 1982. 864 с.
25. РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 71.
26. Березкина С.В. «Думать об тебе есть уже рай Божий!» (переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой) // Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 3–39.
27. Сиверс А. Письма И.И. Козлова // Звенья. М. : ГИКПЛ, 1951. Т. 9. С. 469–486.

References

1. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow: USSR AS.
2. Glikman, I.D. (1956) I.I. Kozlov. In: Kozlov, I.I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–67.
3. Grot, K.Ya. (1904) K biografii, tvoreniyam i perepiske I.I. Kozlova (po povodu smerti ego docheri) [To the biography, works and correspondence of Ivan Kozlov (on the death of his daughter)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 9. Pt. 2. pp. 74–95.
4. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: YaSK.
5. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters from Alexander Turgenev to the Bulgakovs]. Moscow: GSEI.
6. Grot, K.Ya. (1906) Dnevnik I.I. Kozlova [Diary of Ivan Kozlov]. In: *Starina i novizna* [Antiquity and Novelty]. Vol. 11. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha. pp. 34–66.
7. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafiev Archive of Princes Vyazemsky]. Vol. 1. Saint Petersburg: Sheremet'ev.

8. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). *Oneginskoe sobranie* [Onegin Collection]. Item 28088.
9. Trush, K.A. (1899) *Ocherk literaturnoy deyatel'nosti I.I. Kozlova* [Essay on the Literary Work of I.I. Kozlov]. Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
10. Danilov, N.M. (1917) *Materialy dlya polnogo sobraniya sochineniy I.I. Kozlova. (Popravki, varianty, neizdannye stikhotvoreniya i pis'ma)* [Materials for the complete works of Ivan Kozlov. (Corrections, variants, unpublished poems and letters)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 12. Pt. 2. pp. 72–105.
11. Solov'ev, N.V. (1915–1916) *Istoriya odnoy zhizni. A.A. Voeykova – “Svetlana”* [The Story of One Life. A.A. Voeykova – “Svetlana”]. Petrograd: [s.n.].
12. Afanas'ev, V.V. (1987) *Zhukovskiy*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian).
13. Afanas'ev, V.V. (1977) *Zhizn' i lira* [Life and Lyre]. Moscow: Detskaya literatura.
14. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). *Oneginskoe sobranie* [Onegin Collection]. Item 27853.
15. Manuscript Department of the National Library of Russia (RO RNB). Fund 286. List 2. Item 186. (In Russian).
16. Berezkina, S.V. et al. (eds) (2020) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy: 1811–1829* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova: 1811–1829]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Glikman, I.D. (1960) *Primechaniya* [Notes]. In: Kozlov, I.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–51.
18. Pushkin, A.S. (1948) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
19. Kanunova, F.Z. (2005) *Religiozno-mifologicheskie osnovy itogovoy poemy V.A. Zhukovskogo “Stranstvuyushchiy zhid”* [Religious and mythological foundations of the final poem by V.A. Zhukovsky “The Wandering Jew”]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 7. pp. 206–218.
20. Tyun'kin, K.I. et al (eds) (1982) *Perepiska A.S. Pushkina* [Correspondence of A.S. Pushkin]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Yanushkevich, A.S. (2015) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: FLINTA: Nauka.
22. Zhukovskiy, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKhL.
23. Russkiy arkhiv. (1867) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k I.I. Kozlovu* [Letters from V.A. Zhukovsky to I.I. Kozlov]. *Russkiy arkhiv*. 6. Art. 820–842.
24. Alekseev, M.P. (1982) *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX)* [Russian-English Literary Relations (18th century – the first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka.
25. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). Manuscript I. List 9. Item 71.
26. Berezkina, S.V. (2020) “Dumat' ob tebe est' uzhe ray Bozhiy!” (perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy) [“Thinking about you is already heaven of God!” (correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova)]. In: Berezkina, S.V. et al. (eds) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy: 1811–1829* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova: 1811–1829]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–39.
27. Sivers, A. (1951) *Pis'ma I.I. Kozlova* [Letters of Ivan Kozlov]. In: Bonch-Bruевич, V., Kamenev, L.B. & Lunacharsky, A.V. (eds) *Zven'ya* [Links]. Vol. 9. Moscow: GIKPL. pp. 469–486.

Информация об авторах:

Волков И.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Генина Н.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ninelgenina@gmail.com

Кильмухаметова Е.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vademecum72@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.O. Volkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volkoviv@gmail.com

N.E. Genina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ninelgenina@gmail.com

E.Yu. Kilmukhametova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vademecum72@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья
УДК 821.134:769.2
doi: 10.17223/19986645/80/11

Рецепция личности и творчества Мольера в литературном и графическом наследии Обри Бердсли

Ирина Александровна Новокрещенных¹,
Нина Станиславна Бочкарева²

^{1, 2} *Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

¹ *ira-tabunkina@mail.ru*

² *nsbochk@mail.ru*

Аннотация. Исследуется вербальная и визуальная рецепция личности и творчества французского драматурга и актера Мольера в произведениях английского иллюстратора и литератора Обри Бердсли. Последовательно анализируются акварельный портрет Мольера, образ Титуреля де Шантефлера в незаконченном романе «Под Холмом», рисунок «Дон Жуан, Сганарель и нищий» и фрагменты ненаписанной повести о Дон Жуане. Делается вывод о том, что художественная рецепция обусловлена культурной дистанцией, эпохой «fin de siècle», синтезом искусств, биографией и индивидуальным стилем Бердсли.

Ключевые слова: Мольер, Бердсли, рецепция, Дон Жуан, синтез искусств, декаданс

Для цитирования: Новокрещенных И.А., Бочкарева Н.С. Рецепция личности и творчества Мольера в литературном и графическом наследии Обри Бердсли // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 236–253. doi: 10.17223/19986645/80/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/11

Reception of Moliere's personality and works in the literary and graphic heritage of Aubrey Beardsley

Irina A. Novokreshchennykh¹, Nina S. Bochkareva²

^{1, 2} *Perm State University, Perm, Russian Federation*

¹ *ira-tabunkina@mail.ru*

² *nsbochk@mail.ru*

Abstract. The article considers the verbal and visual reception of the personality and works of Moliere, a French playwright and actor of the 17th century, in the works of Aubrey Beardsley, an English illustrator and writer of the late 19th century. The appeal to Moliere is explained by the interest of the English artist in the era of Louis

XIV, commedia dell'arte, and French literature. The watercolor portrait of Moliere (1891), the image of Titurel de Schentefleur in the unfinished novel *Under the Hill* (1894–1898), the drawing *Don Juan, Sganarelle and the Pauper* (1896), and fragments of an unwritten story about Don Juan (1897) are successively analyzed. The analysis involves Moliere's *Les plaisirs de l'île enchantée* (1665), *La Pastorale comique* (1666), *Les Amants magnifiques* (1670), and *Dom Juan ou le Festin de Pierre* (1665). The authors infer that the features of Beardsley's artistic reception are determined by cultural distance, the era of "fin de siècle," synthesis of arts, his biography and individual style. Beardsley reinterprets Moliere's personality and works through the prism of the European art and culture of the 18th–19th centuries, actualizing the theatricality, mysticism and rationalism of the 17th century and the late 19th – early 20th centuries. The stylized details of the portrait of the French playwright and actor (facial features, wig) and the characters of his plays (clothes) serve as both a mask and a multi-valued symbol in the verbal and visual works of the English artist. "Melancholy sadness" characterizes the scruffy figure and dark sad eyes of Moliere's "hilarious comedian" in front of the theater curtain in a watercolor portrait by Beardsley. Explicit and implicit references to Moliere's appearance and theater can be traced in the novel *Under the Hill*, or *the History of Venus and Tannhäuser*, in the image of the conductor Titurel de Schentefleur and in the description of the ballet *Les Bacchantes de Sporion*. The image of Titurel was created through the synthesis of numerous cultural associations (Italian, German, French). The plot of the unfinished Beardsley's novel and the orgy of Venus Hill resembles "amusements" at the court of Louis XIV, in the creation of which Moliere took an active part. To illustrate Moliere's play *Dom Juan ou le Festin de Pierre*, Beardsley chooses the scene with a beggar in which the dual character of the protagonist manifests itself. The disguised Don Juan and Sganarelle resemble the stylized characters of the Italian commedia dell'arte, transformed by the European tradition into the Poet and the Black Doctor (*Stello* by Alfred de Vigny). Analysis of Beardsley's sketches for books from the Pierrot Library series (1896) and other illustrations allows us to combine Pierrot's figures, in which Beardsley saw himself, and Harlequin, whose proud pose is inherent in Don Juan and Tannhäuser. The coin in the open palm of Don Juan combines the gospel motives of the temptation of Christ and the playful interpretation of the motive of fate (fortune telling). The image of Don Juan in prose fragments called the "Celestial Lover", like in the picture, seems estranged from the world, associated with the motives of imaginary adventures and wanderings. Combining of all interpretations, melancholic irony, loneliness and mystery characterize not only the comedian Moliere and the adventurer Don Juan with their life energy, but also Beardsley's self-reflection in his "passionate journey" (it was not by chance that he adopted Catholicism before his death).

Keywords: Moliere, Beardsley, reception, Don Juan, synthesis of arts, decadence

For citation: Novokreshchennykh, I.A. & Bochkareva, N.S. (2022) Reception of Moliere's personality and works in the literary and graphic heritage of Aubrey Beardsley. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 236–253. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/11

Французская литература вызывала большой интерес у английского иллюстратора Обри Бердсли (Aubrey Beardsley, 1872–1898), «владельца» целого европейского поколения («бердслеевский период»), «своего рода визитной карточки английского декаданса» [1. С. 273–274]. В возрасте восемнадцати лет он сам сообщает, что на французском языке читает почти так же легко, как и на английском («I can read French now almost as

easily as English» [2. P. 18]). М. Стерджис (Matthew Sturgis) уточняет, что к концу своей недолгой жизни (Бердсли умер от туберкулеза в двадцать пять лет) он «хорошо читал по-французски и был достаточно образован даже для того, чтобы поправлять известного франкофила Эндрю Лэнга в старофранцузском», но говорил «неуверенно» [3. С. 359]. Проживая в Англии, Бердсли периодически бывает во Франции в путешествиях и на отдыхе во время болезни.

А. Саймонс (Arthur Symons) писал, что английский художник уважал Париж «больше любого парижанина» [4. С. 348]. Весной 1891 г. Бердсли впервые побывал в Париже, где с папкой своих рисунков нанес визит Пюви де Шаванну, а в мае 1893 г. отправился туда с матерью и сестрой, посещая новых друзей и выставки картин, выезжая в Версаль и Сен-Клу [3. С. 119–122, 154–159]. В июле и сентябре 1895 г. он пишет письма из Дьеп-па [2. P. 93, 94, 99], в феврале и марте 1896 г. и с апреля по май 1897 г. живет в Париже [2. P. 115, 296], с конца мая до первых чисел июля 1897 г. находится в Сен-Жермене, приезжая в Париж [2. P. 321–345]. В письме А. Раффаловичу (André Raffalovich) от 11 апреля 1897 г. Бердсли удивляется, как благотворно действует на его состояние Париж: «It is quite wonderful how well Paris air suits my trouble» [2. P. 299]. Проведя лето в Дьеппе с июля по сентябрь 1897 г., он уезжает в сентябре в Париж, а в ноябре отправляется в свое «последнее путешествие» – в Ментону [2. P. 1970: 395].

В Ментоне Бердсли умирает, он похоронен на кладбище Трабюке. Во Франции умирает и О. Уайльд (Oscar Wilde), к чьей пьесе «Саломея» (Salomé, 1891), написанной на французском языке и переведенной на английский, Бердсли сделал иллюстрации. По мнению С. Кэллоуэя (Stephen Calloway), свойственное Бердсли «ощущение того, что французское общество обладает гораздо большей широтой взглядов», как и «уважительное отношение» к французским писателям и художникам, объединяло его и Уайльда «в тот недолгий период, когда они тесно общались» [5. С. 22]. В письме Р. Россу (Robert Ross) от 3 января 1894 г. Бердсли выражает надежду, что журнал «The Yellow Book», где он стал художественным редактором, будет похож на «обычный французский роман» («ordinary French novel») [2. P. 61]. Номера журнала представляли «главный центр литературно-художественной жизни девяностых годов XIX в. и изменили традиционное представление о периодическом издании» [1. С. 301].

Актуальность темы нашего исследования обусловлена, прежде всего, огромным интересом к английскому декадансу в России в начале XXI в. не только среди искусствоведов, но и литературоведов, и широкой публики. Об этом свидетельствуют, в частности, монография К.Н. Савельева «Литература английского декаданса» (2007) и его перевод в 2014 г. биографии М. Стерджиса «Обри Бердслей», а также выставка «Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России», проходившая с 22 сентября по 1 декабря 2014 г., для которой был собран и осмыслен учеными разных стран уникальный материал [5]. Более того, с 13 октября 2020 г. по 10 января 2021 г. в Музее д'Орсе в Париже проходила выставка, посвященная жизни и твор-

честву знаменитого английского графика и подготовленная совместно с лондонской галереей Тейт.

К сожалению, литературные произведения Бердсли до сих пор находятся на периферии академического интереса. Так, незаконченный роман «Под холмом», чья жанровая природа остается дискуссионной, переиздавался в популярных изданиях в 1992, 2001, 2017 гг. в переводе на русский язык М. Ликиардопуло, выполненном в 1912 г. и научно не отредактированном. Многие аспекты многогранного творчества Бердсли до сих пор не исследованы. В частности, влияние на английского графика и литератора французской культуры в основном только констатируется, не проанализирована глубоко и всесторонне рецепция в его текстах и рисунках творчества отдельных писателей.

Между тем значительную часть графики Бердсли составляют иллюстрации, рисунки и наброски, листы к произведениям французской литературы, театра, истории, выполненные в разные периоды его творчества. Об этом неоднократно писали его друзья, биографы и исследователи Р. Росс [6. Р. 46], А. Саймонс [7. Р. 35], А. Лаверс [8. Р. 246, 250], С. Уэйнтрауб [9. Р. 211], М. Истон [10. Р. 116, 122–123, 128–130], К. Кларк [11. Р. 94, 106, 108], М. Бенковиц [12. Р. 167], М. Хейд [13. Р. 23], И. Флетчер [14. Р. 111], К. Слессор [15. Р. 71], С. Кэллоуэй [16. Р. 92, 94], П. Рэйби [17. Р. 51, 75, 90, 101], П. Бэйд [18. Р. 89], А.А. Сидоров [19. С. 102–103]. Особое приращение «одного из самых сильных мастеров графики модерна» [20. С. 124] к французским писателям XVII–XVIII вв. отмечали М. Истон [10. Р. 122], И. Флетчер [14. Р. 111; 21. Р. 239], А. Лаверс [8. Р. 251], Л. Затлин [22. Р. 3], А.А. Сидоров [23. С. 18]. В письмах Бердсли упоминаются имена и произведения Паскаля, Расина, Кребийона, Прево, Лакло, Казотта, Вольтера, Дидро [24, 25]. Среди них есть имя драматурга и актера Мольера (Jean-Baptiste Poquelin, 1622–1673), чье влияние на творчество Бердсли до сих пор специально не рассматривалось.

Цель нашей статьи – исследовать особенности художественной рецепции и интерпретации творческой личности Мольера и образов его комедии «Дон Жуан» в литературном и графическом наследии Бердсли. Для этого были поставлены следующие задачи: 1) обосновать обращение Бердсли к французской литературе и культуре; 2) выявить непосредственные упоминания Мольера и его произведений в творчестве Бердсли; 3) проанализировать интерпретацию личности и творческой деятельности Мольера в акварельном рисунке и незаконченном романе «Под Холмом»; 4) обосновать рецепцию образа Дон Жуана из одноименной комедии Мольера в графической иллюстрации и прозаических фрагментах Бердсли. Цель и задачи исследования обусловили соединение разных методов, объединенных историко-поэтологическим и культурно-историческим подходами к анализу и интерпретации сложных художественных явлений, представленными ранее в нашей монографии «Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли» (2010). Новые задачи этой статьи по-

требовали обращения к биографическому, компаративному, рецептивному, интертекстуальному и интермедияльному методам исследования.

По словам А.А. Сидорова, Бердсли «очень увлекался» Мольером [23. С. 18]. В иконографии, составленной Э. Валлансом, художественным критиком, преданным поклонником Бердсли, в разделе «Произведения зрелого периода» под номером 24 обозначена растушевка голубой акварелью «Мольер» [4. С. 182]. Этот «фантастический портрет» начинает целый ряд «вымышленных портретов» – причудливых «изображений любимцев» Бердсли [23. С. 18, 76]. Образ Мольера на рисунке – «дикий», «поражающий тонкостью» и «высокой живописной поэтичностью», его автор сумел «привидеть меланхолическую грусть в веселом комедианте» и выбрал синюю краску для создания «таинственного общего облика, расплывающегося в темноте» [23. С. 18]. В комментариях к портрету отмечается влияние прерафаэлитов, а также японцев и Уистлера [23. С. 18, 76]. В нижнем правом углу листа расположена фигура Мольера, который сидит слегка наклонившись вперед и втянув голову в плечи, как нахохлившаяся птица. Взгляд направлен в нижний левый угол и ограничен темной полосой, напоминающей театральные занавес. Пышные кудрявые волосы, спадая по плечам, обрамляют тонкое лицо с выдающимся острым подбородком и большим острым носом с горбинкой. Полные чувственные губы и темные печальные глаза напоминают персонажей на картинах Россетти и Берн-Джонса.

В письме к Раффаловичу от 11 апреля 1897 г. Бердсли сообщает, что купил «интересную книгу о Мольере и итальянской комедии с забавными гравюрами» («an interesting book on Molière and the Comédie Italienne, that's has very amusing cuts») в «прекрасном книжном магазине» («charming bookshop») в Париже [2. Р. 299]. Этот магазин находился рядом с отелем «Вольтер» («one door from the Voltaire»), где проживал в то время Бердсли. В письме он упоминает, что сидит в кафе, которое «становится очень людным местом во время антрактов в Théâtre Français, когда идет утреннее представление “L'Avare”» [4. С. 233]. Для обозначения театра (Théâtre Français), утреннего представления (matinée) и названия пьесы Мольера «Скупой» («L'Avare») он использует французские слова [2. Р. 300]. Интерес к личности Мольера и его театру особенно отчетливо проявился в единственном и незаконченном романе Бердсли «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера» («Under the Hill, or The Story of Venus and Tannhäuser», 1894–1898).

Прежде всего, портретные черты и творческая манера французского драматурга и актера обнаруживаются в образе дирижера Титуреля де Шантефлера (Titurel de Schentefleur), одного из вымышленных художников в романе [26]. В развернутой портретной характеристике дирижера эксплицируется сравнение с Мольером: «A delicate, thin, little man with thick lips and a nez retroussé, with long black hair and curled moustache, in the manner of Molière» [27. Р. 95]. «Вздернутый» нос назван Бердсли по-французски «nez retroussé». Характерная линия изящных усиков Мольера представлена на

портретах 1660-х гг. работы Шарля Лебрена, Пьера Миньяра, Мишеля Комейлля и др. Другие детали внешности французского драматурга – длинные завитые волосы, полные губы, выдающийся нос – тоже присутствуют в его визуальных и вербальных портретах. М. Булгаков в романе «Жизнь господина де Мольера» (1962) акцентирует внимание на глазах Мольера: «Он среднего роста, сутуловат, со впалой грудью. На смуглом и скуластом лице широко расставлены глаза, подбородок острый, а нос широкий и плоский. Словом, он до крайности нехорош собой. Но глаза его примечательны» [28. С. 26]. Исследователь О.В. Егошина создает другой образ, отмечая «маленькие глаза» и «высокий рост» драматурга: он был «некрасив, большая голова на короткой шее, маленькие глаза, толстый нос, большой рот, черные густые брови, высокий рост» [29. С. 174]. На проанализированном выше рисунке Бердсли, как и в портрете дирижера Титуреля, «выдающиеся» черты лица подчеркивают внешнее и внутреннее изящество художника.

Поистине «королевское» величие придает образу Титуреля покровительство Венеры и профессия дирижера: «His hair was curled in resplendent ringlets that trembled like springs at the merest gesture of his arm, and in his ears swung the diamonds given him by Venus» [27. P. 95–96]. Движение руки дирижера и блестящих локонов его черных волос подхватывают раскачивающиеся в ушах алмазы, подаренные богиней любви. Титурель одновременно загадочен и одинок. Никто под холмом Венеры не мог ничего сказать о его вкусах, однако его называли «The Solitaire» (с фр. и англ. – ‘бриллиант’, ‘отшельник’, ‘ленточный червь’). Ироническая эстетизация и демонизация образа подчеркивается игрой английского и французского языков. Использование французских слов вместо английских (например, «chevelure» вместо «hair», «pantoufles» вместо «slippers») как стилевую черту прозы Бердсли отмечает А. Саймонс [7. P. 18]. М. Хейд связывает использование французского языка с пристрастием Бердсли к французской культуре и особенно к костюмам и прическам [13. P. 23]. Создавая портрет дирижера Титуреля, Бердсли часто вставляет французские слова: «The wonderful Titurel de Schentefleur was the chef d’orchestre, and the most insidious of conductors. His bâton dived into a phrase and brought out the most magical and magnificent things, and seemed rather to play every instrument than to lead it» [27. P. 95]. Титурель назван дирижером по-французски («chef d’orchestre») и по-английски («conductor»). Английские слова использованы Бердсли для характеристики Титуреля одновременно как «прекрасного» (wonderful) и «самого коварного» (most insidious of) персонажа. Его дирижерская палочка обозначена французским словом «bâton», но по-английски охарактеризовано умение пользоваться ею: «dived into a phrase and brought out the most magical and magnificent things, and seemed rather to play every instrument than to lead it» [27. P. 95].

Образ Титуреля де Шантефлера создан через синтез разных культурных ассоциаций. В романе он сравнивается с итальянским и немецким композиторами – Скарлатти (1685–1757) и Бетховеном (1770–1827), – творчество

которых определяет границы классицизма в европейской музыке: «He could add grace even to Scarlatti and a wonder to Beethoven» [27. P. 95]. Одним из прототипов дирижера можно считать Рихарда Вагнера (1813–1883), чье оперное творчество и теория синтеза в музыкальной драме оказали большое влияние на Бердсли [30]. Имя Titurel de Schentefleur составлено из имен двух персонажей немецких средневековых романов Вольфрама фон Эшенбаха «Титурель» и «Парцифаль». В письме к Раффаловичу от 13 июля 1897 г. Бердсли спрашивает, где можно найти хорошие издания Вольфрама фон Эшенбаха [2. P. 346]. Titurel – герой одноименного романа Эшенбаха и король Грааля в опере Вагнера «Парцифаль» («Parsifal», 1882). Schentefleur – рыцарь, упоминаемый в романе «Парцифаль». В романе Бердсли Титурель де Шантефлер не только дирижер, но и автор балета для вечернего дивертисмента, основанного на вымышленной комедии де Бержерака «Вакханалии Спориона» («De Bergerac's comedy of “Les Bacchanales de Sporion”»). Мольер в «Проделках Скапена» («Fourberies de Scapin», 1670) заимствовал сцены из первой на французском языке прозаической комедии Сирано де Бержерака «Одурченный педант» («Le Pédant joué», 1654). Как известно, у Сирано де Бержерака был самый выдающийся французский нос [31. P. 3]. В романе Бердсли балетное представление «Вакханалии Спориона» от начала до конца сопровождается «странными мелодиями» Титуреля, которые играл оркестр под его управлением: «the orchestra kept playing, playing the uncanny tunes of Titurel» [27. P. 100].

Удовлетворяя пристрастие Людовика XIV к балету, Мольер разработал новый тип сценических представлений, который получил название комедий-балетов. Музыку к ним создавал в основном композитор Ж.-Б. Люлли (1632–1687). «Увеселения волшебного острова» («Les plaisirs de l'île enchantée») – первые в серии блестящих придворных празднеств, организованных в Версале в 1664 г. в честь фаворитки короля, но официально адресованных его матери и супруге. Это празднество было запечатлено в превосходных гравюрах и подробных описаниях [32. С. 557–559], оказавших влияние на содержание и стиль романа Бердсли. Основной сюжет «Увеселений» – эпизод VII песни поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» («Orlando furioso», 1516), история пленения рыцаря Роже (у Ариосто – Руджеро) волшебницей Альсиной (Альчиной) и его освобождение из-под власти ее чар, – напоминает историю «пленения» рыцаря Тангейзера богиней Венерой. Описание ритуалов, танцев, костюмов, обстановки, персонажей (например, свита Времен года, несущая на голове большие корзины с кушаньями, в том числе «сборщики винограда» [33. С. 573]) обнаруживает параллели не только в романе Бердсли, но и в его графике («The Snare of Vintage», 1894; «The Fruit Bearers», 1898). На третий день празднеств на острове, посреди бассейна версальского парка, был представлен балет «Волшебница Альсина», завершившийся грандиозным фейерверком, после чего король пожелал продлить празднество разного рода развлечениями не театрального порядка [32. С. 558]. В романе Бердсли балетное представление «Вакханалии Спориона» переходит от торжественного шествия к непри-

стойной вакханалии: певец Спорион со свитой денди и франтих привлекает изысканными движениями, запахами и напитками невинных, как дети, фавнов и сатиров, после чего во второй (не переведенной на русский язык) части главы соблазненные фавны и сатиры насилуют свиту Спориона [27. Р. 98–100]. При этом изощренная утонченность денди оказывается порочнее грубой плотской страсти сатиров.

Хотя описание празднеств под названием «Увеселения волшебного острова» выпустил Баллар, Мольер имел непосредственное отношение как к этому описанию, так и к самим празднествам: «Все четыре комедии, исполненные во время празднества, принадлежали его перу. Кроме того, в первый день празднества труппа Мольера участвовала в аллегорическом шествии, открывавшем пифийские игры, а в третий день празднества – в балете *Волшебница Альсина*» [32. С. 558]. Описание балетного представления в романе Бердсли «Под Холмом» по месту действия (Темпейская долина), античным реминисценциям, сюжету и персонажам (жрец, пастухи, сатиры, фавны) восходит и к таким произведениям Мольера, как «Комическая пастораль» («*Pastorale comique*», 1666) и «Блистательные любовники» («*Les Amants magnifiques*», 1670). В «Блистательных любовниках», как и в «Увеселениях...», представлены развлечения, которые король задумал устроить для двора. Объединяющим сюжетом на этот раз служит история двух принцев-соперников, однако Мольеру важнее другая сторона придворной жизни – разоблачение обмана и лицемерия астролога и подкупавших его принцев. Любовь пастухов к пастушке и даже пьянство сатиров, представленные в интермедии, кажутся невинными по сравнению с интригами придворных [34. С. 629–637].

В финале первой главы своего романа «Под Холмом» Бердсли сравнивает поведение Тангейзера с «восхитительной уверенностью и безукоризненной учтивостью Дон Жуана» («the admirable aplomb and unwrinkled suavity of Don Juan») [27. Р. 77]. К пьесе Мольера «Дон Жуан» («*Don Juan ou le Festin de Pierre*», показ в 1665, публ. в 1682) Бердсли создал лист «Дон Жуан, Сганарель и нищий», помещенный в декабрьском (восьмом) номере журнала «*The Savoy*» (1896) [35. С. 166]. Все рисунки Бердсли, опубликованные в этом журнале с января по декабрь 1896 г., по мнению И. Флетчера, имели сильный французский оттенок [14. Р. 111]. Дон Жуан – это образ, пришедший из Испании, из легенд XIV и XVII вв. [36. С. 5–7], и получивший первую драматургическую обработку в комедии Тирсо де Молина «Севильский оболститель, или Каменный гость» (1619–1623, публ. в 1630). С 1620–30-х гг. «история дерзкого соблазнителя, пригласившего к себе на ужин статую убитого им человека, разошлась по Италии и Франции вместе с итальянскими актерами комедии дель арте, которые взяли ее на вооружение и переработали» [37. С. 10]. Дон Жуан Мольера – «парная фигура к Тартюфу» [37. С. 12]. Можно обнаружить «постепенное нарастание у Дон Жуана отрицательных качеств (1-е и 2-е действия – соблазнитель, 3-е действие – безбожник, богохульник, 5-е действие – лицемер)» [38. С. 4]. По утверждению Дж. Фаулза, «сам Дон Жуан должен

нести в себе проклятье и распутнику, сознательно оправдывающему распутство, и лицемеру; то есть он как бы обоюдоострый клинок, одновременно и кара, и преступник, ангел и демон, обвиняющий и обвиняемый» [39. С. 237–238].

Бердсли заинтересовался так называемой «сценой с нищим» из III акта комедии Мольера. Ее подробный пересказ в письме к издателю Л. Смитерсу (Leonard Smithers) от 3 октября 1896 г. говорит о внимательном прочтении произведения: «I am sending you by this Molière's *Don Juan* (Act III Sc.2). It is in the scene where Don Juan and Sganarelle meet the beggar in the wood. Don J. offers him a Lois d'or if he will curse and blaspheme. The beggar refuse to do so and at last Don Juan gives him the money 'pour l'amour de l'humanité'» [2. Р. 176]. У Мольера Дон Жуан трижды подстрекает нищего на богохульство:

Дон Жуан. Ну так я тебе дам сейчас луидор, но за это ты должен побогохульствовать.

Нищий. Да что вы, сударь, неужто вы хотите, чтобы я совершил такой грех?

Дон Жуан. Твое дело, хочешь – получай золотой, не хочешь – не получай. Вот смотри, это тебе, если ты будешь богохульствовать. Ну, богохульствуй!

Нищий. Сударь!..

Дон Жуан. Иначе ты его не получишь.

Сганарель. Да ну, побогохульствуй немножко! Беды тут нет.

Дон Жуан. На, бери золотой, говорят тебе, бери, только богохульствуй [40. С. 205].

И когда нищий отказывается богохульствовать («Нет, сударь, уж лучше я умру с голоду»), Дон Жуан отдает ему луидор «из человеколюбия» («pour l'amour de l'humanité»). Бердсли оставляет это словосочетание на французском языке, подчеркивая его значимость. Сразу после этих слов Дон Жуан бросается на помощь человеку, на которого напали разбойники: «Va, va, je te le donne pour l'amour de l'humanité. Mais que vois-je là? un homme attaqué par trois autres? La partie est trop inégale, et je ne dois pas souffrir cette lâcheté» [41. Р. 85]. Благородство Дон Жуана в этот момент усиливает неоднозначную интерпретацию его образа в сцене с нищим.

По мнению О.В. Егошиной, Дон Жуан отдал нищему луидор, поскольку он «не чужд жалости» [29. С. 171]. Не исключено, что его поступок продиктован благодарностью за предупреждение о разбойниках, которое Дон Жуан и Сганарель получают от нищего в самом начале встречи. По словам С.А. Бекасовой, Дон Жуан «честолюбив, для него имеет важное значение чувство собственного достоинства и благородства, он способен нести ответственность за свои высказывания» [42. С. 24]. М. Булгаков утверждал: «Герой Мольера Дон-Жуан явился полным и законченным атеистом, причем этот атеист был остроумнейшим, бесстрашным и неотразимо привлекательным, несмотря на свои пороки, человеком» [28. С. 128]. Многие ис-

следователи значение сцены с нищим видят в том, что «за мольеровским персонажем прочно закрепляется репутация атеиста» [37. С. 11].

По словам Г.Н. Бояджиева, это «очень важная сцена» [43. С. 649]. Однако Людовик XIV, как полагают, сам приказал Мольеру убрать эту сцену после второго представления [39. С. 234–236]. В стихотворной версии Тома Корнеля, созданной в 1673 г. и играемой на сцене на протяжении XVIII и первой половины XIX в., сцена с нищим тоже убрана из III акта и сокращен предшествующий разговор Дон Жуана и Сганареля о вере [37. С. 16]. В печати «Дон Жуан» Мольера в полном виде выходит во Франции только в 1819 г., когда удастся обнаружить один из неотцензурованных экземпляров издания 1682 г. [37. С. 34]. В первом русскоязычном переводе В. Строева (опубликован в журнале «Репертуар и Пантеон». 1843. № 9) сцена переделана: в образе нищего представлен еврей, который отказывается есть свинину по предложению Дон Жуана [43. С. 649].

В письме к Л. Смитерсу от 4 октября 1896 г. Бердсли называет изображенных на рисунке Дон Жуана, Сганареля и нищего «фигурами из “Дон Жуана” Мольера» («Figures from Molière’s *Don Juan*») [2. P. 177]. В отличие от проанализированного выше портрета Мольера, где Бердсли отказывается от линии «во имя чисто живописных общих впечатлений» [23. С. 76], иллюстрация к пьесе «Дон Жуан» выполнена в новой графической технике линий и точек. Высокая и объемная фигура Дон Жуана в белом костюме занимает большую часть листа. Его правую руку закрывает расположенная рядом фигура Сганареля в черном костюме, а левая рука с монетой на ладони протянута к расположенной в правом нижнем углу рисунка согбенной фигуре нищего в серых лохмотьях. Фигуры Сганареля и нищего в разной степени «обрезаны» краями листа, что создает впечатление их постепенного появления из-за кулис и придает символическую динамику изображению, еще больше принижая фигуру нищего.

В пьесе Мольера Дон Жуан и Сганарель скрываются от братьев обманутой Эльвиры и в начале III акта (в первой сцене) предстают переодетыми. Дон Жуан «сменил городской наряд, подробно описанный в предшествующем действии, на более простой, подобающий сельскому дворянину» [37. С. 36]. А.В. Федоров переводит выражение «*habit de campagne*» как «одежда крестьянина» [40. С. 201], хотя Дон Жуан носит шпагу и Дон Карлос принимает его за дворянина. В пьесе дважды с разных точек зрения подробно описывается только роскошный костюм Дон Жуана до переодевания. Сначала Сганарель (I акт, вторая сцена): называет хорошо завитый белокурый парик, шляпу с перьями, платье, шитое золотом, ленты огненного цвета («*pour avoir une perruque blonde, et bien frisée, des plumes à votre chapeau, un habit bien doré, et des rubans couleur de feu*» [41. P. 37]). Потом это описание иронически обыгрывается в словах крестьянина Пьеро (II акт, первая сцена), перечисляющего детали костюма дворян: «волосы у них такие, что на голове не держатся, они их напяливают на себя, как колпак из кудели. На рубашках у них такие рукава, что мы с тобой, ты да я, целиком бы в них залезли. Заместо штанов у них вроде как передник, а уж

велик, что твой великий пост; заместо камзола кацавеечки какие-то, и не доходят даже до пупа, а заместо воротничка большой шейный платок, сетчатый и с четырьмя большущими кистями из полотна, свисают они им прямо на живот. А еще у них воротнички, совсем маленькие, на рукавах, а на ногах – бочки целые, обшитые позументом, и повсюду столько лент, столько лент, что просто жалость. Даже башмаки – и там понатыкано лент с одного конца до другого, и так они устроены, что я бы в них шею сломал» [40. С. 190]. Комические замечания Пьеро отражают суть костюмов дворян XVII в., состоящих из большого количества лент и украшений, великолепных тканей, многослойных париков. Р. В. Захаржевская называет целый этап в истории театрального костюма «периодом Мольера» и отмечает, что «пьесы Мольера немыслимы без этих костюмов, они являются яркой сценической характеристикой, дополняющей острый юмор и сарказм гениального писателя» [44. С. 116, 118–119].

Бердсли изображает похожий роскошный костюм у Тангейзера (в другой версии – аббат Фанфрелюш) на иллюстрации к первой главе романа «Под Холмом», где герой сравнивается с Дон Жуаном. А на иллюстрации к пьесе Мольера переодетые Дон Жуан и Сганарель напоминают стилизованных персонажей итальянской комедии дель арте. Костюм Дон Жуана (белый мешковатый балахон) напоминает крестьянскую одежду дзанни [45. С. 166], которая впоследствии закрепились за образом французского Пьеро. Под маской Пьеро «Обри видел себя самого» [3. С. 165]. Не случайно последнюю главу биографии Бердсли писатель и критик М. Стерджис называет «Смерть Пьеро» («The Death of Pierrot»). К концу XIX столетия Пьеро из «отвергнутого несчастного влюбленного» превратился в «символ одинокого артиста, выброшенного на обочину жизни и находящего утешение в роковой страсти и искусстве» [3. С. 97]. В графике Бердсли он становится «интеллектуалом-эстетом» [46. С. 92]. На эскизах Бердсли для книг из серии «Библиотека Пьеро» (1896) изображена пара персонажей в одинаковой одежде, но с разным характером [47. С. 101]. Один – в маленькой шапочке, печальный и музыкальный, – похож Пьеро и на самого Бердсли. Другой – в объемном берете, надменный и самоуверенный, – больше напоминает Арлекина (эта аллюзия подчеркивается заплатой на панталонах, их острыми краями). Выражением лица и горделивой позой этот второй персонаж похож на Дон Жуана (и Тангейзера) в иллюстрациях Бердсли.

Сганарель в пьесе Мольера переодевается в Доктора, который в итальянской комедии дель арте облачен в черную мантию: «под мантией на нем черная куртка, черные короткие панталоны, черные чулки, черные туфли с черными бантами, черный кожаный пояс с медной пряжкой. На голове черная ермолка (Serratesta) и черная шляпа с огромными полями, приподнятыми с двух сторон. Эта черная симфония костюма слегка оживляется большим белым воротником, белыми манжетами и белым платком, заткнутым за пояс» [45. С. 158–159]. Складки черной мантии Сганареля Бердсли обозначает рядами белых точек. На черных туфлях вместо бантов белые помпоны. Кистью одной руки, не закрытой мантией, Сганарель-

Доктор опирается на трость. Примечательно, что Сганареля играл сам Мольер [37. С. 38]. Диалог героя со своим слугой, начатый Мольером, продолжит Д. Дидро в философской повести «Жак-фаталист и его хозяин» («Jacques le fataliste et son maître», 1768–1780). А в романе А. де Виньи «Стелло» («Stello», 1832) поэт беседует по ночам с Черным доктором (вариант Мефистофеля), как если бы вели диалог его «сердце и голова» [48. С. 570].

Сцена с нищим вызывает аллюзии к евангельским искушениям Христа сначала дьяволом (в пустыне), а потом фарисеями (динарий кесаря). Графическая экспликация этих смыслов (монета на ладони Дон Жуана) усиливается сходством очертаний монеты и язвы на ноге нищего. Мотивы судьбы и тайны, обозначенные раскрытой ладонью и закрытыми глазами Дон Жуана, подчеркивают загадочность его образа и вызывают множество интерпретаций. В пьесе Мольера Дон Жуан насмешливо предлагает нищему вместо того, чтобы беспокоиться о делах других, помолиться, чтобы Бог дал ему платье. На листе Бердсли взгляд дрожащего от голода и страха нищего направлен на лицо Доктора (Сганареля), а фигура Дон Жуан возвышается над ними (или встает между ними), как божество. Отрешенность, эстетство, величие фигуры Дон Жуана в сочетании с обозначенными выше мотивами помогают увидеть в этом образе Художника (Поэта, Актера, Творца), бросающего вызов Богу и принимающего свою судьбу.

В декабрьском номере журнала «Savoy», кроме рисунка к «Дон Жуану» Мольера, были опубликованы также листы Бердсли с изображениями героев из английской драмы XVII в. У. Уичерли «Деревенская жена» (лист «Мисс Марджери Пинчуайф») и французского романа XVIII в. Ш. де Лакло «Опасные связи» (лист «Виконт де Вольмон»). В обоих произведениях ключевую роль в сюжете играют мотивы переодевания и обмана. В этом контексте саморефлексия Дон Жуана получает подчеркнuto игровой характер (монета на раскрытой ладони как игра с судьбой – орел или решка). Очевидно, что визуальная рецепция мольеровского образа Дон Жуана выражает авторское самосознание художника, поэта и театрала Бердсли, отразившего в своем творчестве культурную ситуацию рубежа XIX–XX вв. и воплотившего идею художественного синтеза исторических эпох и видов искусства [49].

Наконец, персонаж по имени Дон Жуан (Don Juan) появляется в первом из двух прозаических фрагментов Бердсли, публикуемых под названием «The Celestial Lover» (1897). На русский язык название переводится как «Небесный любовник» (А.А. Сидоров) [35. С. 275], «Небесный возлюбленный» (Л. Володарская) [4. С. 93], «Небесная возлюбленная» (К.Н. Савельев) [3. С. 352]. Биограф М. Стерджис отмечает, что созданию «The Celestial Lover» предшествовало увлечение графика произведениями французского автора XVIII в. Жака Казотта (Jacques Cazotte, 1719–1792), «пристрастившегося к мистике и каббале и ставшего мартинистом. Мартинисты, исповедовавшие мистическое и эзотерическое христианство, описывали падение первого человека из божественной сути в материальную, а также способ его возвращения с помощью духовного просветления, до-

стигаемого при сердечной молитве» [3. С. 352]. В письме к Раффаловичу от 26 марта 1897 г. Бердсли признается, что Казотт вдохновил его на создание «нескольких маленьких contes» [2. Р. 285], но планы остались незавершенными. В известной «испанской» повести Казотта «Влюбленный дьявол» («*Le diable amoureux*», 1772) герой (Дон Альваро), увлекшись каббалой, соблазняется дьяволом, меняющим свой облик (мальчик-гарсон и молодая женщина).

У Бердсли в первом прозаическом фрагменте «*The Celestial Lover*» Дон Жуан забрел позавтракать в почти пустое кафе Стрелиц («*Café Strelitz*») в жаркий июльский полдень. Подчеркиваются его «оторванность от остального мира» («*he had left the rest of the world*») и «поиски приключений» («*in search of some adventure*») [50. Р. 157]. Второй фрагмент сближает с первым пустота «самого модного из ресторанов» («*the most fashionable of Restaurants*») и скачки в Валдау («*Valdau races*»). Белизна пустых столиков («*white empty tables*») дополняется величавой неспешностью официантов («*magnificent waiters sat about in magnificent unruffled expectation of the telegrams from the racecourse and rose reluctantly when there came some demand for coffee or the addition*» [50. Р. 157]). С этим описанием ресторана можно соотнести лист «Три Гарсона» («*Les Garçons du Café Royal*»), выполненный еще в 1894 г. для второго выпуска «*The Yellow Book*». Причудливое соединение немецких и французских названий, динамики и статики, «графичность» описаний характерны для стиля Бердсли. Образ Дон Жуана в этих фрагментах выглядит еще более загадочным и одиноким, отрешенным от мира, связанным с мотивами воображаемых приключений и странствий.

Итак, обращение Бердсли к Мольеру объясняется его интересом к эпохе Людовика XIV, театру дель арте и французской литературе. Особенности художественной рецепции обусловлены культурной дистанцией, эпохой «*fin de siècle*», синтезом искусств, биографией и индивидуальным стилем Бердсли. Стилизованные детали портрета французского комедианта и актера XVII в. (черты лица, парик) и персонажей его пьес (одежда) служат одновременно маской и многозначным символом в вербальных и визуальных произведениях английского графика конца XIX столетия. Различные интерпретации драматурга (портрет Мольера перед занавесом и образ Титуреля де Шантефлера) и его героя (Дон Жуан как Пьеро/Арлекин в сцене с нищим и в «*The Celestial Lover*») объединяет меланхолическая ирония декаданса. Общие для этих интерпретаций одиночество и загадочность характеризуют не столько комедиографа Мольера и авантюриста Дон Жуана с их жизненной энергией, сколько саморефлексию Бердсли в его «страстном путешествии» (не случайно перед смертью он принял католичество). Личность и творчество Мольера переосмысляются Бердсли через призму европейского искусства и культуры XVIII–XIX вв., актуализируя театральность, мистицизм и рационализм XVII столетия на рубеже XIX–XX вв.

Список источников

1. Савельев К.Н. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление: монография. Магнитогорск : МаГУ, 2007. 344 с.
2. Beardsley A. The Letters of Aubrey Beardsley / ed. by H. Maas. L. : Rutherford, Fairleigh Dickinson university press, 1970. 472 p.
3. Стерджис М. Обри Бердслей: биография / пер. с англ. К. Савельева. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 432 с.
4. Бердслей О. Многоликий порок: История Венеры и Тангейзера, стихотворения, письма / сост. Л. Володарская. М. : Эксмо-пресс, 2001. С. 340–359.
5. Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России: каталог. М. : ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2014. 146 с.
6. Ross R. Aubrey Beardsley / rev. iconography by Arthur Vallance. L. ; N.Y. : Lane, The Bodley Head, 1909. 112 p.
7. Symons A. Preface // Beardsley A. The Art of Aubrey Beardsley / introd. by A. Symons. N.Y. : The Modern library, 1925. P. 15–36.
8. Lavers A. Aubrey Beardsley, Man of Letters // Romantic Mythologies / ed. by I. Fletcher. L. : Routledge & Kegan Paul, 1967. P. 234–270.
9. Weintraub S. Beardsley. A biography. N.Y. : Braziller, 1967. 293 p.
10. Easton M. Aubrey and the Dying Lady. A Beardsley riddle. L. : Secker & Warburg, 1972. 272 p.
11. Clark K. The best of Aubrey Beardsley. L. : Murray, 1979. 173 p.
12. Benkovitz M.J. Aubrey Beardsley. An Account of His Life. N.Y. : S. P. Putnam's sons, 1981. 200 p.
13. Heyd M. Aubrey Beardsley: Symbol, Mask and Self-irony. N.Y. : Lang, 1986. 247 p.
14. Fletcher I. Aubrey Beardsley. Boston : Twayne Publishers, 1987. 206 p.
15. Slessor C. The Art of Aubrey Beardsley. L. : The Apple press, 1989. 128 p.
16. Calloway S. Aubrey Beardsley. L. : V&A Publication, 1998. 260 p.
17. Raby P. Aubrey Beardsley and the Nineties. L. : London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p.
18. Bade P. Aubrey Beardsley. N.Y. : Parkstone Press Ltd, 2001. 96 p.
19. Сидоров А.А. Обри Бердслей. Жизнь и творчество. М. : Венок, 1917. 88 с.
20. Сарабьянов Д.В. Модерн. История стиля. М. : Галарт, 2001. 344 с.
21. Fletcher I. Inventions for the Left Hand: Beardsley in Verse and Prose // Reconsidering Aubrey Beardsley / ed. by R. Langenfeld. L. : UMI Research Press, 1989. P. 227–266.
22. Zatlin L.G. Aubrey Beardsley and Victorian Sexual Politics. Oxford : Oxford university press, 1990. 234 p.
23. Сидоров А.А. Искусство Бердслея. Juvenilia. М. : Г.А.Х.Н., 1926. Вып. 1. 78 с.
24. Пикулева И.А., Бочкарева Н.С. Французская культура в письмах О. Бердсли и С. Дягилева: попытка сравнительного анализа двух тезаурусов // Взаимодействие литературы с другими видами искусства: XXI Пуришевские чтения : сб. статей и материалов Междунар. конф., 8–10 апреля 2009 / отв. ред. Е.Н. Черноземова. М., 2009. С. 14–15.
25. Бочкарева Н.С., Табункина И.А. Живописный тезаурус Обри Бердсли и Сергея Дягилева // С.П. Дягилев и современная культура : материалы Междунар. симпозиума «VIII Дягилевские чтения» (Пермь, 15–18 мая 2009 года). Пермь, 2010. С. 108–122.
26. Табункина И.А., Бочкарева Н.С. Образы вымышленных художников в романе Обри Бердсли «Под Холмом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 101–112. doi: 10.17072/2037-6681-2016-2-101-112
27. Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill. L. : Creation Books, 1996. P. 65–123.

28. Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера. М. : Молодая гвардия, 1991. 224 с. (Жизнь замечат. людей).
29. Егошина О.В. Французский театр // Западноевропейский театр от эпохи Возрождения до рубежа XIX–XX вв. / отв. ред. М.Ю. Давыдова. М. : РГГУ, 2001. С. 143–188.
30. Sutton E. Aubrey Beardsley and British Wagnerism in 1890s. Oxford : Oxford University Press, 2002. 237 p.
31. Lalanne L. Curiosités biographiques. Paris : Paulin Libraire-Éditeur, 1846. 471 p.
32. Мокульский С. Увеселения волшебного острова. // Мольер Ж.Б. Собрание сочинений : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 4. С. 557–559.
33. Увеселения волшебного острова // Мольер Ж.Б. Собрание сочинений : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 4. С. 560–590.
34. Мольер Ж.-Б. Блистательные любовники / пер. с фр. Н.А. Брянского // Мольер Ж.Б. Собрание сочинений : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1994. Т. 3. С. 595–665.
35. Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А. Басманов. М. : Игра-техника, 1992. 288 с.
36. Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и... проклинаемый // Севильский обольститель: Дон Жуан в испанской литературе / пер. с исп. В. Андреева, Вс. Багно, К. Корконосенко и др. СПб. : Азбука-классика, 2009. С. 5–30.
37. Неклюдова М.С. Дважды два четыре, или Математическая проблема в «Дон Жуане» Мольера // Мировое древо = Arbor mundi. 2007. № 13. С. 9–40.
38. Родионова И.В. Образ Дон Жуана в комедии Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость», опере В.-А. Моцарта «Дон Жуан, или Наказанный развратник», трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость» (К вопросу о жанровой поэтике) // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX–XX веков : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1997. С. 3–11.
39. Фаулз Д. «Дон Жуан» Мольера (1981) // Фаулз Д. Кротовые норы. М. : Махаон, 2002. С. 234–242.
40. Мольер Ж.-Б. Комедии. М. : Худож. лит., 1972. 663 с.
41. Molier. Don Juan ou Le Festin de Pierre // Molier. Don Juane. Les Précieuses Ridicules. Paris : Librairie de la Bibliothèque Nationale, 1903. P. 25–134.
42. Бекасова С.А. Дон Жуан романтической эпохи // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 21–29.
43. Бояджиев Г. Примечания // Мольер Ж.-Б. Комедии. М. : Худож. лит., 1972. С. 637–661.
44. Захаржевская Р.В. История костюма. От античности до современности. М. : РИПОЛ классик, 2007. 288 с.
45. Дживилегов А.К. Избранные статьи по литературе и искусству. Ереван : Лингва, 2008. 300 с.
46. Гуйзюкова И.Г. Интерпретация образов «галантного века» в графике Обри Бердсли и художников объединения «Мир искусства» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 4 (21). С. 90–93.
47. Бердслей О. Шедевры графики / сост. И. Пименова. М. : Эксмо, 2002. 216 с. (Сер. «Шедевры графики»).
48. Виньи А. де. Стелло / пер. с фр. Ю.Б. Коренева // Виньи А. де. Сен-Мар. Стелло. М. : Правда, 1990. С. 387–570.
49. Бочкарева Н.С., Табункина И.А. Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли. Пермь, 2010. 254 с.
50. In Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including «Under the Hill», «The Ballad of a Barber», «The Free Musicians», «Table Talk» and Other Writings in Prose and Verse / ed.by S. Calloway and D. Colvin. L. : Cypher, MIIM, 1998. 201 p.

References

1. Savel'ev, K.N. (2007) *Literatura angliyskogo dekadansa: istoki, genezis, stanovlenie* [Literature of English Decadence: Origins, genesis, formation]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
2. Beardsley, A. (1970) *The Letters of Aubrey Beardsley*. London: Rutherford, Fairleigh Dickinson university press.
3. Sterdzhis, M. (2014) *Obri Berdsley: biografiya* [Aubrey Beardsley: Biography]. Translated from English by Savel'ev, K. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
4. Berdsley, O. (2001) *Mnogolikiy porok: Istoriya Venery i Tangeyzera, stikhotvoreniya, pis'ma* [Many-faced Vice: The history of Venus and Tannhäuser, poems, letters]. Moscow: Eksmo-press. pp. 340–359.
5. Wilde, O. (2014) *Aubrey Beardsley. Vzglyad iz Rossii: katalog* [Aubrey Beardsley. View from Russia: catalogue]. Moscow: GML im. A.S. Pushkina.
6. Ross, R. (1909) *Aubrey Beardsley*. London; New York: Lane, The Bodley Head.
7. Symons, A. (1925) Preface. In: Beardsley, A. *The Art of Aubrey Beardsley*. New York: The Modern library. pp. 15–36.
8. Lavers, A. (1967) Aubrey Beardsley, Man of Letters. In: Fletcher, I. (ed.) *Romantic Mythologies*. London: Routledge & Kegan Paul. pp. 234–270.
9. Weintraub, S. (1967) *Beardsley. A biography*. New York: Braziller.
10. Easton, M. (1972) *Aubrey and the Dying Lady. A Beardsley riddle*. London: Secker & Warburg.
11. Clark, K. (1979) *The Best of Aubrey Beardsley*. London: Murray.
12. Benkovitz, M.J. (1981) *Aubrey Beardsley. An Account of His Life*. New York: S.P. Putnam's sons.
13. Heyd, M. (1986) *Aubrey Beardsley: Symbol, Mask and Self-irony*. New York: Lang.
14. Fletcher, I. (1987) *Aubrey Beardsley*. Boston: Twayne Publishers.
15. Slessor, C. (1989) *The Art of Aubrey Beardsley*. London: The Apple press.
16. Calloway, S. (1998) *Aubrey Beardsley*. London: V&A Publication.
17. Raby, P. (1998) *Aubrey Beardsley and the Nineties*. London: London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road.
18. Bade, P. (2001) *Aubrey Beardsley*. New York: Parkstone Press Ltd.
19. Sidorov, A.A. (1917) *Obri Berdsley. Zhizn' i tvorchestvo* [Aubrey Beardsley. Life and creation]. Moscow: Venok.
20. Sarab'yanov, D.V. (2001) *Modern. Istoriya stilya* [Modern. Style history]. Moscow: Galart.
21. Fletcher, I. (1989) Inventions for the Left Hand: Beardsley in Verse and Prose. In: Langenfeld, R. (ed.) *Reconsidering Aubrey Beardsley*. London: UMI Research Press. pp. 227–266.
22. Zatlin, L.G. (1990) *Aubrey Beardsley and Victorian Sexual Politics*. Oxford: Oxford university press.
23. Sidorov, A.A. (1926) *Iskusstvo Berdsleya. Juvenilia* [Art of Beardsley. Juvenilia]. Vol. 1. Moscow: GAKhN.
24. Pikuleva, I.A. & Bochkareva, N.S. (2009) [French culture in the letters of O. Beardsley and S. Diaghilev: an attempt at a comparative analysis of two thesauri]. *Vzaimodeystvie literatury s drugimi vidami iskusstva* [Interaction of literature with other forms of art]. Proceedings of the 21st International Purishevskie chteniya. Moscow. 08–10 April 2009. Moscow: Litera. pp. 14–15. (In Russian).
25. Bochkareva, N.S. & Tabunkina, I.A. (2010) [Painted thesaurus of Aubrey Beardsley and Sergei Diaghilev]. *S.P. Dyagilev i sovremennaya kul'tura*. [S.P. Diaghilev and Modern Culture]. Proceedings of the 8th International Symposium. Perm. 15–18 May 2009. Perm: OT i DO. pp. 108–122. (In Russian).

26. Tabunkina, I.A. & Bochkareva, N.S. (2016) Obrazy vymyshlennykh khudozhnikov v romane Obri Berdsli "Pod Kholmom" [Images of fictitious artists in Aubrey Beardsley's novel "Under the Hill"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2 (34). pp. 101–112. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-2-101-112
27. Beardsley, A. & Wilde, O. (1996) *Salome. Under the Hill*. London: Creation Books. pp. 65–123.
28. Bulgakov, M.A. (1991) *Zhizn' gospodina de Mol'era* [The Life of Monsieur de Molière]. Moscow: Molodaya gvardiya.
29. Egoshina, O.V. (2001) Frantsuzskiy teatr [French theatre]. In: Davydova, M.Yu. (ed) *Zapadnoevropeyskiy teatr ot epokhi Vozrozhdeniya do rubezha XIX–XX vv.* [Western European Theater from the Renaissance to the Turn of the 19th–20th centuries]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 143–188.
30. Sutton, E. (2002) *Aubrey Beardsley and British Wagnerism in 1890s*. Oxford: Oxford University Press.
31. Lalanne, L. (1846) *Curiosités biographiques*. Paris: Paulin Libraire-Éditeur.
32. Mokul'skiy, S. (1995) Uveseleniya volshebnogo ostrova [Amusements of the magic island]. In: Molière, J.-B. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: TERRA. pp. 557–559.
33. Molière, J.-B. (1995) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: TERRA. pp. 560–590.
34. Molière, J.-B. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Translated from French by N.A. Bryanskiy. Moscow: TERRA. pp. 595–665.
35. Beardsley, A. (1992) *Risunki. Proza. Stikhi. Aforizmy. Pis'ma. Vospominaniya i stat'i o Berdslee* [Drawings. Prose. Poetry. Aphorisms. Letters. Memoirs and articles about Beardsley]. Translated from English. Moscow: Igra-tehnika.
36. Andreev, V. (2009) Samyy obayatel'nyy, privlekatel'nyy i... prokлинаemyy [The most charming, attractive and ... cursed]. In: Andreev, V. (ed.) *Sevil'skiy obol'stitel': Don Zhuan v ispanskoy literature* [Seville Seducer: Don Juan in Spanish literature]. Translated from Spanish by V. Andreev et al. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. pp. 5–30.
37. Neklyudova, M.S. (2007) Dvazhdy dva chetyre, ili Matematicheskaya problema v "Don Zhuanе" Mol'era [Two times two is four, or Mathematical problem in Molière's Don Giovanni]. *Mirovoe drevo – Arbor mundi*. 13. pp. 9–40.
38. Rodionova, I.V. (1997) Obraz Don Zhuanа v komedii Zh.-B. Mol'era "Don Zhuan, ili Kamennyy gost'", opere V.-A. Motsarta "Don Zhuan, ili Nakazanny razvratnik", tragedii A.S. Pushkina "Kamennyy gost'" (K voprosu o zhanrovoy poetike) [The image of Don Juan in the J.-B. Molière's comedy Don Giovanni, or the Stone Guest, opera by V.-A. Mozart Don Juan, or Punished Lecher, and A. S. Pushkin's tragedy The Stone Guest (On the question of genre poetics)]. In: Khanzhina, E.P. (ed.) *Problemy metoda i poetiki v zarubezhnoy literature XIX–XX vekov* [Problems of Method and Poetics in Foreign Literature of the 19th–20th Centuries]. Perm: Perm State University. pp. 3–11.
39. Fowles, J. (2002) *Krotovye nory* [Wormholes]. Translated from English. Moscow: Makhaon. pp. 234–242.
40. Molière, J.-B. (1972) *Komedii* [Comedies]. Translated from French. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
41. Molière, J.-B. (1903) *Don Juan. Les Précieuses Ridicules*. Paris: Librairie de la Bibliothèque Nationale. pp. 25–134.
42. Bekasova, S.A. (2015) Don Zhuan romanticheskoy epokhi [Don Juan of the Romantic Era]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik*. 5. pp. 21–29.
43. Boyadzhiev, G. (1972) Primechaniya [Notes]. In: Molière, J.-B. *Komedii* [Comedies]. Translated from French. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 637–661.
44. Zakharzhevskaya, R.V. (2007) *Istoriya kostyuma. Ot antichnosti do sovremennosti* [Costume History. From antiquity to modernity]. Moscow: RIPOL klassik.

45. Dzhevilegov, A.K. (2008) *Izbrannye stat'i po literature i iskusstvu* [Selected Articles on Literature and Art]. Erevan: Lingva.

46. Tuyzyukova, I.G. (2014) Interpretatsiya obrazov "galantnogo veka" v grafike Obri Berdсли i khudozhnikov ob"edineniya "Mir iskusstva" [Interpretation of images of the "gallant age" in the graphics of Aubrey Beardsley and the artists of the association "World of Art"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4 (21). pp. 90–93.

47. Pimenova, I. (ed.) (2002) *Beardsley A. Shedevry grafiki* [Beardsley A. Masterpieces of graphics]. Moscow: Eksmo.

48. de Vigny, A.V. (1990) *Sen-Mar. Stello* [Cinq-Mars. Stello]. Translated from French by Yu.B. Korenev. Moscow: Pravda. pp. 387–570.

49. Bochkareva, N.S. & Tabunkina, I.A. (2010) *Khudozhestvennyy sintez v literaturnom nasledii Obri Berdсли* [Artistic Synthesis in the Literary Heritage of Aubrey Beardsley]. Perm: Perm State University.

50. Calloway, S. & Colvin, D. (eds) (1998) *In Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including Under the Hill, The Ballad of a Barber, The Free Musicians, Table Talk and Other Writings in Prose and Verse*. London: Cypher, МИМ.

Информация об авторах:

Новокрещенных И.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: ira-tabunkina@mail.ru

Бочкарева Н.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: nsbochk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Novokreshchennykh, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: ira-tabunkina@mail.ru

N.S. Bochkareva, Dr. Sci. (Philology), professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: nsbochk@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2020;
одобрена после рецензирования 14.05.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 10.03.2020;
approved after reviewing 14.05.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья
УДК 821.161-1
doi: 10.17223/19986645/80/12

«Очерк русской грамматики» В.А. Жуковского

Нина Леонидовна Панина¹

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, pa.nina@mail.ru

Аннотация. Написанный В.А. Жуковским на французском языке «Очерк русской грамматики» представляет несомненный интерес для истории преподавания русского языка. Кроме того, он должен рассматриваться как яркий пример присутствия на страницах учебника личности автора и как отражение значимого этапа его творческой биографии. «Очерк...» содержит отсылки к образам поэзии В.А. Жуковского, к жизненным реалиям и кругу идей, соединявших поэта с царским двором, и в этом является органической частью комплекса его обучающих пособий, конца 1810-х – начала 1820-х гг. для будущей императрицы Александры Федоровны и тесно связанных с его поэтическими произведениями этого периода.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, образы поэзии, царская педагогика, русская грамматика, учебник

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 20-012-00529

Для цитирования: Панина Н.Л. «Очерк русской грамматики» В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 254–268. doi: 10.17223/19986645/80/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/12

An Essay on Russian Grammar by Vasily Zhukovsky

Nina L. Panina¹

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, pa.nina@mail.ru

Abstract. A work on Russian Grammar Vasily Zhukovsky wrote in French – “Esquisse de grammaire russe” (*An Essay on Russian Grammar*) – is of undoubted interest for the history of teaching the Russian language. It should also be considered as a vivid example of the presence of the author’s personality on the pages of the textbook and as a reflection of a significant stage of the poet’s creative biography. The Essay contains references to the images of Zhukovsky’s poetry, to the realities of life and the circle of ideas that connected the poet with the royal court, and in this it is an organic part of the complex of teaching aids the poet developed in the late 1810s – early 1820s for the future Empress Alexandra Feodorovna. Printed in the form of a book with an appendix of ten tables, at first glance, the Essay contains a “dry” set of grammatical rules, but, on closer inspection, it turns out to be saturated with poetic

imagery. The examples used in the Essay are of the greatest interest: at a certain moment, in addition to the utilitarian purpose of illustrating the rule, they acquire a poetic purpose, become carriers of the figurative principle. Examples of Russian phrases and phrases that are clearly visually isolated in the flow of the French-language presentation of the rules on some pages are formed into thematic blocks that have an obvious plot-figurative and emotional coloring. The first thematic block is formed around the central image of the rose, which has an incredible symbolic richness in the context of the biography of Alexandra Feodorovna and the cult of the memory of her mother, Queen Louise of Prussia. The second thematic block is formed around the image of reading; the third combines the images of love and dislike, the king, happiness and unhappiness. The fourth block develops the idea of communication, from neutral to close friendly. The publication has not been dated, and by now the dating of the Essay (1818) is based on the analysis of filigrees showing this date as the lower boundary, on comparing it with handwritten grammatical tables, and on mentions of work on tables in Zhukovsky's correspondence. The themes of the examples correlate with later events in the poet's creative biography and, perhaps, with their more detailed comparison, the dating will turn out to be later. At this stage of the study, the general patterns that can be traced within each block are obvious. In addition to the unity of the main theme, this is the development of a plot, even if it does not have clear outlines, but still a tangible plot. Each block has an obvious and at the same time complex emotional coloring; it is accentuated by repetitions, at first glance due only to the illustrative task of examples, but clearly in need of a special study, taking into account the importance of repetition as a poetic device, which Zhukovsky repeatedly uses in poems of this period. The special role of the first block, which opens the second part of the Essay, is obvious, its compactness and saturation with individual associations that the teacher shares with his student. Each block is dialogical: the interlocutors are present behind the phrases of the examples quite clearly; the teacher and the student are united by the increasing intimacy towards the end of the block. At the moment, the first and second blocks seem to be the most semantically dense, i.e., they are the least blurred by the need to give examples that clearly illustrate the necessary rules, but random from the point of view of the figurative logic of the block. On the other hand, it is quite possible that, with a deeper study, examples that now seem random will find their explanation. In view of the poet's well-known desire for universal connectivity, for finding semantic networks, such an assumption seems justified.

Keywords: Vasily Zhukovsky, images of poetry, tsarist pedagogy, Russian grammar, textbook

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

For citation: Panina, N.L. (2022) *An Essay on Russian Grammar* by Vasily Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 254–268. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/12

Один из значимых периодов творческой биографии В.А. Жуковского связан с преподаванием русского языка прусской принцессе Шарлотте, ставшей великой княгиней, а в будущем императрицей Александрой Федоровной. К этой работе он приступил в 1817 г. и посвятил ей несколько лет своей жизни [1. С. 20]. В числе подготовленных поэтом обучающих материалов были грамматические таблицы русского языка, примеры словообразования, образцы написания прописных и строчных букв, азбука в картинках и другие руко-

писные пособия: общие планы курса, детальные планы уроков, упражнения, списки слов, и много другое. Часть грамматических таблиц были нанесены на картоны большого формата и оформлены по принципам наглядности, которые позже, в начале 1850-х гг., будут развиты В.А. Жуковским в «Первоначальном курсе обучения» [2. С. 95]. Для уроков с великой княгиней планировалось также издание печатных пособий [3], и частично эти планы были осуществлены. Известным примером является публикация альманаха «Для немногих», до сегодняшнего дня остававшегося основным реализованным следствием стремления В.А. Жуковского построить обучение языку на поэтической образности [2]. Помимо этого, своеобразная реализация связи грамматики и поэтики просматривается еще в одном издательском проекте. К числу малотиражных печатных изданий, предназначавшихся для педагогической работы первых лет обучения Александры Федоровны, относится написанный В.А. Жуковским на французском языке очерк русской грамматики «Esquisse de grammaire russe» [4, 5], отпечатанный в виде книги с приложением десяти таблиц, девять из которых переплетены в отдельный том¹. На первый взгляд это предельно сухой свод грамматических правил, но при ближайшем рассмотрении он оказывается насыщен поэтической образностью.

Том, содержащий изложение правил грамматики в двух частях и примеры, насчитывает 67 страниц. Первая часть открывается предварительными замечаниями о звуках, словообразовании, частях речи. Далее перечисляются склоняемые части речи и правила склонения, затем идут сведения о глаголе. Вторая часть посвящена правилам синтаксиса и конструирования предложений.

«Очерк русской грамматики» не содержит описания грамматических явлений. Несмотря на то, что поэт подошел к работе с русской грамматикой со свойственной ему основательностью² и сохранял интерес к ней в течение всей жизни, вряд ли он когда-либо ставил в качестве реальной це-

¹ № 495 по описанию библиотеки В.А. Жуковского в Томске [4. С. 77]. Экземпляр содержит дополнения и исправления, сделанные рукой В.А. Жуковского. Авторство В.А. Жуковского по соответствию содержания издания рукописным материалам и датировка издания 1818 годом по филиграммам бумаги и по письмам поэта принадлежат Д.В. Долгушину [7. С. 94–95]. Имеются в виду ноябрьские письма В.А. Жуковского от 1818 г. с многочисленными упоминаниями о работе над грамматическими таблицами, которая должна вскоре закончиться, освободив время для поэтических занятий [8. С. 203, 206 и др.].

² Работа В.А. Жуковского находит отражение в дневниковой записи 14 ноября 1817 г.: «Русские глаголы надобно различать на два разряда: в одном простые; в них заключается действие, относящееся к лицу или вещи; они изображают или просто действие лица, не относя его ни к какому другому, – средние и общие, – или действие относительное к другому лицу или вещи – действительные, возвратные и взаимные, – или состояние лица, на которое действует постороннее, – страдательные. В другом разряде те же глаголы, но с означением некоторых обстоятельств действия: предложные или учащательные». [9. С. 127] В комментариях приводятся воспоминания П.А. Плетнева: «с удивительным спокойствием и терпением он принялся за обрабатывание грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его, этой загадки, до сих пор вполне не разгаданной» [9. С. 487].

ли создание полной грамматики русского языка. В общей традиции своего времени он рассматривал грамматику не как область для изучения, а как средство для выражения мысли в языке¹. Сохранившиеся рукописные и печатные материалы свидетельствуют о практическом подходе к преподаванию грамматики, для которого в первую очередь требовалась краткая, ясная и по возможности наглядная систематизация правил.

Позже, в «Конспекте по истории русской литературы» 1826–1827 гг., В.А. Жуковский отмечает вклад Ломоносова, который «своей грамматикой начал приводить в порядок формы, лежащие в основе языка». Грамматика Ломоносова, несомненно, была одним из основных источников его размышлений о языке. Шестой том собрания сочинений М.В. Ломоносова из библиотеки Жуковского, содержащий «Российскую грамматику», испещрен пометками [10. С. 59]. В свою очередь, наброски поэта находят свое место среди источников вышедшей в 1827 г. «Пространной грамматики» Н.И. Греча².

¹ Л.Н. Киселева приводит начальную фразу конспекта В.А. Жуковского, озаглавленного «Основание философской грамматики»: «Слова, нами употребляемая, суть образы наших мыслей. Они служат для того, чтобы предметы, представшие нашей душе, и наши об них суждения передавать другим» [3]. В заметках, относящихся к 1800–1810 гг., поэт пишет: «Составить грамматику по образцу Кондильяка» [10. С. 59]. Фраза, открывающая конспект Жуковского, следует аналогии, проведенной Кондильяком между категориями философии и языка: суждение – мысль, строение предложения – высказанное суждение. Труды Кондильяка в библиотеке Жуковского, в т.ч. «Очерк происхождения человеческих знаний» и «Трактат об ощущениях», содержат пометки 1820-х гг. [10. С. 347]. Внимание к идеям Кондильяка заслуживает отдельного рассмотрения как в контексте отношения подходов Жуковского к принципам универсальной грамматики, так и в целом для истории Жуковского-преподавателя языка. В качестве возможных параллелей можно указать на представления Кондильяка о языковой доминанте, связанной с синтаксисом и формирующейся в зависимости от характера народа, в результате чего одни языки способствуют развитию воображения, другие – анализу, и рассмотрение мысли, выраженной в слове, с точки зрения ее образования и восприятия [11].

² В предисловии Ф.И. Булгарина цитируется изъятие благодарности Греча Жуковскому, «отдавшему в мое распоряжение составленные им в рукописи отдельные правила Грамматики Русской». Экземпляр «Пространной грамматики» 1827 г. из библиотеки Жуковского содержит многочисленные пометы, в особенности в разделах, посвященных глаголу и глагольным формам [10. С. 36]. По ним может быть реконструирован своеобразный диалог между двумя авторами. Но принципиальным отличием является уход Жуковского от теории, которая, хотя и фигурирует в планах, остается за рамками пособий. В конспекте, цитированном в предыдущей сноске по статье Л.Н. Киселевой, есть также краткое изложение системы преподавания, которая складывается из следующих частей: «1. Выговор. 2. Разговор. 3. Правописание. 4. Грамматика. 5. Слог. / Литература». Согласно следующим далее пояснениям, грамматические замечания возникают в ходе чтения, разговора и правописания, само же по себе обучение грамматике сочетает «Синтетическую методику с Аналитической», и предполагает «предложить с начала правила; повторить предложенное вопросами и применить к примерам. *Грамматические примеры:* а) *предварительное ученье при чтении.* Произведение слов. Замечание существит.[ельных] и прилагател.[ьных] Существительныя с существ.[ительными], и с прилагателън.[ьми] и с глаголами. – Составление иных речений. – Классификация слов. б) *ученье наизусть.* Склонение, спряжение. Числ.[ительные] местоимения. – *Ежедневное склонение и спряжение.* в) предложение пра-

Выяснение места «Очерка русской грамматики» в ряду языковых учебных пособий его времени, его значение в эволюции филологических и педагогических взглядов В.А. Жуковского, степень новаторства предпринятой в «Очерке» систематизации грамматических явлений, очевидно, должны стать предметом специального изучения. Но можно также предположить, что «Очерк» покажется интересным в совершенно ином контексте – как еще одно свидетельство поворотного этапа в биографии поэта и как отражение его личной истории идей, чувств и воображения.

Поскольку В.А. Жуковский не дает описаний грамматических явлений, в «Очерке» нет следов присутствия автора на уровне изложения правил (т.е. во французском тексте): интонационно окрашенных обращений от первого лица, модальных маркеров, синтаксических выразительных средств, и т.д. Но все эти и иные способы навсегда закрепить на страницах учебника не только свое присутствие, но и присутствие свой ученицы мы найдем в русскоязычных примерах: в определенный момент они помимо утилитарного назначения иллюстрации правила приобретают назначение поэтическое, становятся носителями образного начала. Это качественное изменение бросается в глаза уже в начале второй части «Очерка», где речь идет о конструкции предложений. Примеры русских фраз и словосочетаний, четко визуально обособленные в потоке франкоязычного изложения правил, на некоторых страницах складываются в тематические ряды, имеющие очевидную сюжетно-образную и эмоциональную окраску. Как представляется, содержимое этих рядов, как на уровне отдельных образов, так и на уровне последовательности, может оказаться интересным, если рассматривать их в контексте соответствующего периода биографии В.А. Жуковского, т.е. времени его вхождения в круг российского царского двора.

В возможности проведения таких связей убеждает первый тематический ряд, который складывается вокруг центрального образа розы [4. С. 39–43]. По мере продвижения от примера к примеру этот образ обрастает другими, получает развитие и завершение. Для того чтобы дать представление о соотношении текста франкоязычных правил и русских примеров, приведем содержание этих страниц «Очерка» целиком, с сохранением выделения курсивом и полужирным шрифтом¹. Они открывают вторую его

вил с философическою грамматикою d) *Анализ*». «Слог», прежде чем он начнет отрабатываться в переводах и сочинениях, тренируется во время грамматического учения образованием предложений, инверсиями и переводом стихов в прозу. Как отмечает Л.Н. Киселева, «грамматика рассматривается здесь не как самоцель, а как путь к формированию «слога» – способности творческого использования языка на разных уровнях, причем как в устной, так и в письменной форме» [3].

¹ Мы не отражаем здесь содержание авторских помет и исправлений, так как они не затрагивают предмет данной статьи – собственно русскоязычные примеры. Выделение примеров в отдельный ряд основано на общности тематики, которая прослеживается в следующих друг за другом примерах; начало и конец каждой из приведенных в статье последовательностей примеров совпадают с границами иллюстрируемых ими разделов или подразделов.

часть и посвящены предварительным замечаниям о предложении, частях предложения и их отношениях.

1. Proposition.

Jugement:

Роза цвѣтетъ. Роза душиста. Роза сорвана.

1. La chose, à laquelle nous pensons dans le moment – sujet :

Роза.

2. La particularité, que nous appercevons comme liée à cette chose – attribut :

Цвѣтетъ.

3. Cette liaison entre la particularité et la chose – verbe :

Есть. Цвѣтетъ – есть цвѣтущая.

Proposition: assemblage de ces trois parties, qui constituent un jugement – sujet, attribut, liaison.

Compellatif: personne, à laquelle nous adressons notre discours, nommée ou sous-entendue.

2. Parties de la proposition.

Verbe :

Substantif:

Быть.

Attribut – mot qui contient en lui et le verbe substantif et l'attribut :

Цвѣтетъ – есть цвѣтущая.

Attribut :

Цвѣтущій.

Verbe substantif:

Быть.

Verbe attributif :

Цвѣсть (быть цвѣтущим).

Sujet :

Simple – une seule chose :

Роза цвѣтетъ.

Composé – deux ou plusieurs choses :

Роза и лилея цвѣтутъ.

Autant de propositions que de choses :

Роза цвѣтетъ. Лилея цвѣтетъ.

Incomplexe – chose déterminée par une seule idée :

Роза цвѣтетъ.

Complexe – chose déterminée par deux ou plusieurs idées :

Роза, защищаемая отъ зноя и холода, цвѣтетъ.

Logique – le mot qui exprime la chose, quand le sujet est incomplexe, ou les mots qui expriment la chose et toutes les idées qui la déterminent quand le sujet est complexe.

Grammatical – le seul mot qui exprime la chose.

Mots qui forment le sujet.

Le substantif nominatif :

Роза цвѣтетъ.

L'adjectif nominatif, pris comme substantif :

Порочный несчастливъ.

Le nombre, en sousentendant le substantif :

Сто легло на мѣстѣ.

Le pronom:

Этотъ ходить, тотъ сидить.

L'infinitif d'un verbe, tenant lieu de substantif :

Плакать есть слабость.

Mots qui déterminent le sujet :

L'adjectif complet :

Душистая роза.

Le participe complet :

Сорванная роза.

Le pronom :

Эта роза.

Le nombre :

Одна роза.

Apposition – plusieurs mots qui expriment la même chose, pour la déterminer, sans y rien ajouter :

Роза, цветокъ прекрасный, красота сада.

Attribut.

Simple – une seule particularité :

Роза цвететъ.

Composé – deux ou plusieurs particularités :

Роза цвететъ и благоухаетъ.

Autant de propositions que de particularités :

Роза цвѣтеть. Роза благоухаетъ.

Incomplexe – particularité déterminée par une seule idée :

Роза цвѣтеть.

Complexe – particularité déterminée par deux ou plusieurs idées :

Роза цвѣтеть пышно въ фіалки.

Logique – le mot qui exprime la particularité, quand l'attribut est incomplexe, ou les mots, qui expriment la particularité et toutes les idées qui la déterminent, quand le sujet est complexe.

Grammatical – le seul mot qui exprime la particularité.

Mots qui forment l'attribut.

Le verbe attributif :

Роза цвѣтеть.

L'adjectif abrégé :

Роза душиста.

Le participe abrégé :

Роза сорвана.

Le substantif, en exprimant ou sousentendant le verbe *être* :

Роза есть цветокъ.

L'infinitif d'un verbe en exprimant ou sousentendant le verbe *être* :

Ваша должность есть сражаться.

Mots qui déterminent l'attribut :

L'adverbe qu'on peut appeler l'adjectif du verbe :

Роза цвѣтеть пышно.

3. Rapports des mots, qui forment la proposition.

I. Genres des mots :

Absolu – un seul mot, pour peindre l'idée d'une chose ou d'une action.

Sujet absolu :

Роза.

Attribut absolu :

Цвѣтеть.

Relatif – mot suivi d'un ou de plusieurs qui sont en rapport avec lui et le modifient.

Sujet relatif :

Роза безъ шиповъ.

Attribut relatif :

Цвѣтетъ только въ сказкахъ.

II. Différentes manières d'indiquer les rapports des mots.

Par la place qu'ils occupent :

Накрой столъ.

Par la variation des terminaisons :

Сорви розу.

Par des prepositions :

Роза безъ шиповъ цвѣтетъ только въ сказкахъ.

III. Termes d'un rapport.

Antecedent – le mot relatif :

Роза. Цвѣтетъ.

Consequent – le mot qui est en rapport avec le mot relatif :

Шиповъ. Сказкахъ.

Exposent – preposition, qui marque la nature du rapport :

Безъ. Въ.

Роза безъ шиповъ цвѣтетъ только въ сказкахъ.

Le consequent d'un rapport peut devenir l'antecedent d'un autre.

Онъ награжденъ за храбрость въ сраженіи.

Complement – autre nom du terme consequent :

Complement de l'antecedant :

Цвѣтъ жизни.

Complement de l'exposent :

Роза безъ шиповъ.

Simple – un seul mot en rapport avec le mot relatif :

Жить безъ заботы.

Compose : deux ou plusieurs mots en rapport avec le mot relatif :

Жить безъ заботы, въ уединеніи, на свободѣ.

Mots, qui forment le complement – tous ceux qui forment le sujet d'une proposition.

Mots, qui determinent le complement – tous ceux qui determinent le sujet d'une proposition.

Длинная цепь первого ряда примеров, в которой повторы складываются в своеобразный молитвенный или заклинательный ритм, расположена в книге на самом видном месте – в центре, в самом начале второй части. Возникающие в этом ряду образы благоухающей розы, цветущей среди других цветов в саду, защищенной от зноя и холода, образы стойкости и добродетели, накрытого стола, сорванной розы, беззаботной жизни в уединении, находят очевидное объяснение в образе «розы без шипов, цветущей только в сказках», и идиллии, в которой можно «жить без заботы, в уединении, на свободе». Роза без шипов, найти которую под силу лишь стойкой добродетели – центральный символ идиллической «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II, получивший развитие в оде Державина «Фелица» [12. С. 93 и др.; 13. С. 391 и др.], а затем в стихотворении самого В.А. Жуковского «О дивной розе без шипов...», написанном 14 сентября 1819 г. и посвященном императрице Марии Федоровне [14. С. 174, 595]. Комментарий Н.Ж. Вётшевой и А.С. Янушкевича к этому стихотворению выявляет общекультурный пласт символических значений центрального образа, таких, как

состояние мира до грехопадения, чистота Девы Марии, и собственную символическую концепцию поэта, которая строится на павловских ассоциациях: Розовый павильон Марии Федоровны в Павловске, ее роль покровительницы искусств. Связующим звеном со «Сказкой о царевице Хлоре» становится расположенная под Павловском Александрова дача, задуманная Екатериной II как пространственная реализации нравоучительных событий сказки: дорога вела к холму, на вершине которого стоял Храм Розы без шипов [14. С. 595].

Исследования последнего времени открывают еще один, не столь очевидный пласт значений, самым тесным образом связанный с биографическим контекстом адресата «Очерка» – великой княгини. В перспективе житийного мифа прусской королевы Луизы упоминания о розе, цветении, добродетели, рыцарстве, героизме, жертве приобретают характер деликатного и иносказательного, но все-таки достаточно прямого обращения к самым сокровенным струнам души ее дочери.

В 1817–1821 гг. Жуковский прибывает к царившему при прусском дворе культу памяти королевы Луизы, изучает ее биографию, знакомится с мемориальными местами и семейными реликвиями, ведет в дневнике с Александрой Федоровной совместные записи, посвященные воспоминаниям великой княгини о матери, воспекает ее незримое присутствие среди живых в стихотворении «Цвет завета» [15. С. 110 и др.] Возможно, как перспективную для анализа примеров «Очерка» параллель стоит рассматривать характерное для «Цвета завета» и для связанного с ним тематически и также написанного летом 1819 г. отрывка «Невыразимое» использование цепочек перечислений, по мнению Д.В. Долгушина, «указывающих на скрытую за перечисляемыми объектами сакральную первореальность» [15. С. 111]. Ритмически-молитвенное звучание примеров заставляет также вспомнить об очень сильном впечатлении, произведенном на В.А. Жуковского романтической набожностью великой княгини, использовавшей письма матери как молитвенник [16. С. 104; 17. С. 141].

В семейных традициях прусского двора цветочной символике, в особенности символике розы, придавалось огромное значение. Розы – любимые цветы Фридриха-Вильгельма III, символ его преданности жене и детям; белая роза – любимый цветок и «символ жизни» [16. С. 18] Александры Федоровны; венок из белых роз она плетет и возлагает на могилу своей матери. Невозможно, да и нет смысла перечислять здесь все ассоциации, которые упоминание о розе могло вызвать у августейшей ученицы В.А. Жуковского¹.

Среди примеров «Очерка» наряду с образом розы появляется и образ лилии – в западной христианской традиции символа чистоты, непорочности, Благовещения. В этом значении он также соотносится с культом памяти королевы Луизы, как воплощенного идеала женственности и в то же

¹ Роль образа розы в почитании памяти королевы Луизы и прославлении Александры Федоровны стала предметом пристального интереса биографов императрицы Александры Федоровны уже в XIX в. [18].

время детской чистоты помыслов, материнства и самоотречения, заботы о подданных, приведшей ее на стезю мученичества. В своих добродетелях королева уподоблялась Богоматери. Но, скорее всего, образ лилии, также как образ розы, призван был вызвать у ее дочери какие-то совершенно конкретные ассоциации. Так, в работе И. Виноцкого упоминается рукопись предсмертного сочинения королевы Луизы «Небесные воспоминания», украшенная ее рукой акварельными цветочными орнаментами, в основном лилиями [17. С. 145].

Второй тематический ряд¹ [4. С. 44–46] иллюстрирует подраздел «Отношения предложений» и складывается вокруг образа чтения, который получает развитие от нейтрального, наставительного, критического до в высшей степени интимного («Вы, запершись в своей горнице, читаете книгу, которую я к вам прислал»):

Читали ли вы эту книгу?

Стали ли бы вы читать эту книгу?

Есть ли вы читали эту книгу...

Есть ли бы вы читали эту книгу...

Вы читали эту книгу. Вы не читали этой книги. Какъ долго вы читаете эту книгу!

Вы бы читали эту книгу.

Читайте эту книгу!

Вамъ бы читать эту книгу.

Пусть вы читаете эту книгу.

Пусть бы вы читали эту книгу.

Вы читаете эту книгу.

Вы читаете эту книгу, чтобы сдѣлать извлеченіе изъ нее.

Вы, будучи прилѣжны, читаете эту книгу, чтобы, для сохраненія въ памяти читанного, сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Вы читаете эту книгу; но чтеніе приноситъ вамъ мало пользы.

Вы читаете эту книгу, чтобъ etc.

Вы читаете эту книгу, вы ее перечитываете, чтобъ etc.

Вы читаете эту книгу, чтобъ etc.

Вы, будучи прилѣжны, читаете эту книгу, etc.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе и воспользоваться мыслями, изъ нее заимствованными.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Чтобы, для сохраненія въ памяти читанного, сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Есть ли вы будете читать, то сдѣлайте...

Вы, запершись въ своей горницѣ, читаете книгу, которую я къ вамъ прислалъ, чтобы etc.

Вы, какъ я думаю, читаете эту книгу.

Вы, я знаю, читаете...

Вы, при всей охотѣ къ разсѣянности, любите читать.

¹ Примеры этого ряда и последующих приводятся полностью, иллюстрируемые ими франкоязычные правила опущены.

Образы чтения, уединенного или совместного, образы подаренной книги и «белой книги», предназначенной для выписок, разумеется, более чем характерны для своего времени, как и утверждаемая ими романтическая интимность отношения учителя и ученицы. Конкретизацией увлечения поэта царственной музой-ученицей, связанной узами идеализируемого брака с наследником престола, выглядит третий тематический ряд [4. С. 54–56], который открывает раздел «Глаголы» и объединяет образы любви и нелюби, царя, счастья и несчастья, силы и слабости:

Тебѣ быть счастливымъ.
 Этой книгѣ быть моею.
 Первому быть послѣднимъ.
 Быть *дѣлу*. Быть *бѣдѣ*.
 Быть счастливымъ *человѣкомъ*.
 Быть первымъ между людьми.
 Быть любиму.
 Быть любимымъ.
 Я (есмь) несчастный *человѣкъ*.
 Ты главная причина моего несчастья.
 Они (суть) *вѣрные союзники*.
 Есть высокая гора; есть высокія горы.
 У *меня* есть книга.
 У *него* есть деньги.
 Я бываю любимъ, любимымъ.
 Я бываю иногда самый несчастный *человѣкъ*, самымъ несчастливымъ *человѣкомъ*.
 Былъ, бывалъ любимъ, любимымъ.
 Я буду несчастный *человѣкъ*, несчастнымъ *человѣкомъ*.
 Бывшій любимымъ, добрымъ, первымъ, моимъ.
 Бывшій Императоромъ.
 Бывши *любимъ*, любимымъ.
 Бывши *счастливъ*, счастливымъ.
 Будучи Царь, будучи Царемъ.
 Будучи первый, будучи первымъ.
 Не быть *дѣлу*.
 Не быть *бѣдѣ*.
 Не быть любимъ, любимымъ.
 Не будучи Царь, Царемъ etc.
 Нетъ денегъ.
 Не было денегъ.
 Не будетъ денегъ.
 Стать первымъ *человѣкомъ*. *Стать любить*.
 Ставший несчастнымъ. *Ставший любить*.
 Стать первый *человѣкъ*, первымъ *человѣкомъ*. *Стать любить*.
 Стану несчастливъ, несчастнымъ. *Стану любить*.
 Стать Царь, Царемъ. *Стать любить*.
 Ставши Царь, Царемъ. *Ставши любить*.
 Я становлюсь *слабъ*, *слабымъ* *человѣкомъ*.
 Я становился *слабъ*, *слабымъ* *человѣкомъ*.

Четвертый тематический ряд [4. С. 62–64] открывает раздел «Зависимость предложений» и развивает идею общения, от нейтрального до тесного дружеского: написание портрета, обсуждение книги, обмен планами, переписка, просьба о помощи.

Чей портретъ вы пишете?
Кто былъ у васъ?
Какъ васъ зовутъ?
Гдѣ мы будемъ завтра?
Знаете ли вы его? не знаете ли вы его?
Эту ли книгу вы читаете? не эту ли книгу вы читаете?
Давно ли вы его видѣли?
Чей бы портретъ вамъ написать?
Как] бы назвать васъ?
Гдѣ бы намъ быть завтра?
Я обѣдаю завтра дома.
Я не обѣдаю завтра дома.
Какъ вы поздно обѣдаете!
Я бы отобѣдалъ (хотѣлъ отобѣдать) завтра дома.
Я бы не обѣдалъ (не хотѣлъ обѣдать) завтра дома.
Напишите мой портретъ.
Обѣдайте завтра дома.
Вам бы (должно) написать мой портретъ.
Вам бы (должно) завтра обѣдать дома.
Да будетъ ваша воля!
Пускай онъ напишетъ вашъ портретъ!
Чей бы портретъ написали вы (если бы это вамъ дать на выборъ).
Захотѣли ли бы вы занять эту должность (когда бы вамъ ее предложили).
Я бы обѣдалъ завтра дома (если бы не былъ званъ въ гости).
Пускай бы онъ говорилъ (только бы не во вредъ ближнему).
Ежели вы обѣдаете завтра дома (то я бы пришелъ к вамъ).
Ежели бы вы обѣдали завтра дома (то я бы пришелъ к вамъ).
Та книга прекрасная – которую вы мнѣ дали.
Я иду туда – куда идешь и ты.
Ежели вы обѣдаете дома – то я буду къ вамъ.
Ежели бы вы обѣдали дома – то я былъ бы у васъ.
Человѣкъ, скромный въ желаніяхъ, можетъ легко быть счастливъ.
Человѣкъ, который скромнѣе въ желаніяхъ...
Человѣкъ, имѣющій скромныя желанія...
Человѣкъ, имѣя скромныя желанія...
Я буду писать къ вамъ, ежели вы позволите.
Я вчера, сказать правду, полѣнился придти къ вамъ.
Вы были, я слышалъ, въ театрѣ.
Куда, скажите мнѣ, поѣдите вы отсюда.
Я, слава Богу! здоровъ.
Я рѣшился, въ надеждѣ на вашу дружбу, требовать вашей помощи.
Вы были у меня, а меня не было дома.
Или я погибну, или онъ погибнетъ.
Мягко стелеть, да жестко спать.
Онъ имѣетъ слогъ сильный, но не знаетъ правилъ языка.

Как отмечалось выше, в настоящее время датировка «Очерка» строится на анализе филигранных, показывающих 1818 г. в качестве нижней границы, на сопоставлении его с рукописными грамматическими таблицами и на упоминаниях о работе над таблицами в переписке В.А. Жуковского того же года. Темы примеров коррелируют с более поздними событиями творческой биографии поэта и, возможно, при их более детальном сопоставлении датировка будет скорректирована.

На данном этапе исследования очевидны общие закономерности, которые прослеживаются в рамках каждого ряда. Помимо единства основной тематики, это развитие пусть и не имеющего четких очертаний, но все же ощущаемого сюжета. Каждый ряд имеет очевидную и одновременно сложную эмоциональную окраску; она акцентируется повторами, на первый взгляд обусловленными только иллюстративной задачей примеров, но явно нуждающимися в специальном изучении с учетом важности повтора как поэтического приема, которым Жуковский неоднократно пользуется в стихотворениях этого периода.

Очевидна особая роль первого ряда, открывающего вторую часть «Очерка», его компактность и насыщенность индивидуальными ассоциациями, которые учитель разделяет со своей ученицей. Каждый ряд диалогичен: собеседники присутствуют за фразами примеров вполне явно; учителя и ученицу объединяет возрастающая к концу ряда интимность. На данный момент первый и второй ряды представляются наиболее семантически плотными, т.е. наименее размытыми необходимостью давать примеры, наглядно иллюстрирующие нужные правила, но с точки зрения образной логики ряда случайные. С другой стороны, вполне возможно, что при более глубоком изучении те примеры, которые сейчас кажутся случайными, найдут свое объяснение. Ввиду известного стремления поэта ко всеобщей связности, к выстраиванию семантических сетей, такое предположение представляется обоснованным.

Список источников

1. Ребеккини Д. Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В.А. Жуковского (о сборнике «Муравейник» 1831 года) // Русская литература. 2016. № 3. С. 20–28.
2. Долгушин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
3. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (Начало «царской педагогики»). URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).
4. *Esquisse de Grammaire Russe*. S.p., s.a. 67 с., 5 табл.
5. [Грамматические таблицы русского языка]. 9 таблиц. Б.м., б.г.
6. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 414 с.
7. Долгушин Д.В. Исторические таблицы В.А. Жуковского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 89–103.
8. *Переписка* В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М. : Знак, 2009. 728 с.

9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
10. Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич и др. Ч. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 527 с.
11. Пастернак Е.Л. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.
12. Кравченко О.А. «Сказка о царевиче Хлоре»: пути развития ее образно-аллегорического строя в оде Г.Р. Державина «Фелица» // Имагология и компаративистика. 2015. № 1. С. 91–104.
13. Усачева С.В. «Дева-роза» в портретах В.Л. Боровиковского. Живописный образ и литературный контекст // Вестник истории, литературы, искусства. М. : Собрание, 2016. Т. 11. С. 389–396.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2000. 840 с.
15. Долгушин Д.В. Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
16. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: К вопросу о конструировании образа // Пермский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 144–158.
17. Виноцкий И. «Луизиада» В.А. Жуковского: из истории молитвенника // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 2–3. С. 139–167.
18. Императрица Александра Федоровна. Биографический очерк / сост. С.П. Яковлев. М., 1867. 212 с.

References

1. Rebecchini, D. (2016) *Perevod kak instrument obrazovaniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti V.A. Zhukovskogo (o sbornike "Muraveynik" 1831 goda)* [Translation as an educational tool in pedagogical activity V.A. Zhukovsky (about the collection "Anthill" of 1831)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 20–28.
2. Dolgushin, D.V. (2018) The "Pedagogical poem" of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/181370(83/62/7
3. Kiseleva, L.N. (2004) Zhukovskiy – prepodavatel' russkogo yazyka (Nachalo "tsarskoy pedagogiki") [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (The beginning of "royal pedagogy")]. *Toronto Slavic Quarterly*. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml>. (Accessed: 15.08.2022).
4. Zhukovskiy, V.A. (n.d.) *Esquisse de Grammaire Russe*. [S.l.]: [s.n.].
5. Zhukovskiy, V.A. (n.d.) *Grammaticheskie tablitsy russkogo yazyka* [Grammar Tables of the Russian Language]. [S.l.]: [s.n.].
6. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [Library of V.A. Zhukovsky: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Dolgushin, D.V. (2022) Istoricheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo [Historical tables V.A. Zhukovsky]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1. pp. 89–103.
8. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znak.
9. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Kanunova, F.Z. et al (eds) (1978) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

11. Pasternak, E.L. (2010) *Formirovanie osnovnykh napravleniy frantsuzskoy lingvisticheskoy mysli XVIII veka* [Formation of the main directions of French linguistic thought of the 18th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
12. Kravchenko, O.A. (2015) The story of Tsarevich Chlор: on development of the figurative and allegorical system in Dderzhavin's ode to Felice. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (3). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/3/6
13. Usacheva, S.V. (2016) “Deva-roza” v portretakh V.L. Borovikovskogo. Zhivopisnyy obraz i literaturnyy kontekst [“Virgin Rose” in the portraits of V.L. Borovikovsky. Picturesque image and literary context]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 11. pp. 389–396.
14. Zhukovskiy, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Dolgushin, D.V. (2014) Mif o koroleve Luize v tvorchestve V.A. Zhukovskogo [The myth of Queen Louise in the work of V.A. Zhukovsky]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 108–114.
16. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (2010) Zhukovskiy i velikaya knyagina Aleksandra Fedorovna: K voprosu o konstruirovaniy obraza [Zhukovsky and Grand Duchess Alexandra Fedorovna: On the question of the construction of the image]. In: Mazur, N.N. (ed.) *Permyakovskiy sbornik* [Permyakov Collection]. Vol. 2. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 144–158.
17. Vinitskiy, I. (2018) “Luiziada” V.A. Zhukovskogo: iz istorii molitvennika [“Louiada” V.A. Zhukovsky: from the history of the prayer book]. *Letnyaya shkola po russkoy literature*. 2–3 (14). pp. 139–167.
18. Yakovlev, S.P. (ed.) (1867) *Imperatritsa Aleksandra Fedorovna. Biograficheskiy ocherk* [Empress Alexandra Feodorovna. Biographical sketch]. Moscow: Katkov i Ko.

Информация об авторе:

Панина Н.Л. – д-р искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: pa.nina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.L. Panina, Dr. Sci. (Art History), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pa.nina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022;
одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 13.09.2022;
approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 16.11.2022.

Научная статья
УДК 82.14
doi: 10.17223/19986645/80/13

Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова

Олеся Равильевна Темиршина¹

¹ *Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия,
o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация. Доказывается, что первичной речевой моделью для текстов Летова становится внутренний монолог, структура которого обусловлена коммуникативно-прагматическими и грамматическими особенностями естественной внутренней речи. Прагматика внутренней речи определяется коммуникативной ситуацией самоадресации, которая приводит к появлению в текстах Летова синтаксического эллипсиса и неопределенной референции. Модус внутреннего монолога трансформирует и грамматический строй стихотворений Летова: изменения в поэтической грамматике вызваны неправильным расщеплением «агглютинированных» смыслов внутреннего слова во внешнем речевом плане.

Ключевые слова: внутренняя речь, поэтическая грамматика, поэтический синтаксис, автокоммуникация, русский авангард, поэтический сдвиг

Для цитирования: Темиршина О.Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 269–290. doi: 10.17223/19986645/80/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/13

Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics

Olesya R. Temirshina¹

¹ *Griboyedov International Law and Economics Institute, Moscow, Russian Federation,
o.r.temirshina@yandex.ru*

Abstract. The research hypothesis is that an internal monologue, genetically related to inner speech, becomes the speech model for Egor Letov's lyrics. Hence, the aim of the study is to identify the forms of embodiment of the inner speech in Letov's poetry. Since the inner speech code manifests itself through deviations from the grammatical norm in external speech, the shifts and "poetic errors" found in Letov's personal grammar became the object of the work. In the practical part of the work the author proves these shifts are of a systemic nature and are conditioned by the communicative-pragmatic and grammatical features of natural inner speech. The pragmatics of inner speech is associated with autocommunication, which leads to the appearance of syntactic and semantic ellipses in Letov's texts, due to the maximum shared perception of the addressee and the recipient. At the *syntactic level* autocommunication is

manifested in the loss of subjects denoting the agent; at the *semantic level* autocommunication changes the reference of the deictic pronouns. Internal monologue also transforms the grammatical structure of Letov's poems. The author proves that changes in poetic grammar are due to the semantic structure of the internal word and are correlated with the incorrect splitting of its "agglutinated" meanings in the external speech plan. Semantic and grammatical errors are classified as follows. (1) *Errors in the mechanisms of nomination and predication, correlated with the dominance of the noun phrase over the verb one*. The dominance of the noun phrase provokes an incorrect morphological splitting of the inner word: "personal meanings" are realized not in the part-of-speech forms that are dictated by linguistic usage, but mainly in nominative-attributive constructions. (2) *Disruption in the nomination due to word choice error*. This "shift" is realized in verbal paraphasias, the occurrence of which is associated with the mechanism of semantic agglutination inherent in inner speech. (3) *Syntactic errors caused by the translation of the iconic meanings of the inner word into the linguistic sequence*. Letov's lyrics contain remnants of primary semantic syntax associated with incomplete translation of iconic material into the verbal plane. As a result, "simultaneous" structures (visual syncretic units, syntactic syncretic units, "poetic fractions") are found in the linear organization of individual texts, the function of which is to embody the image in the word. In the final part of the article, a historical and literary retrospective of the use of inner speech in poetry is given. The author shows that the use of the inner word in Letov's lyrics is genetically linked to the artistic practice of Russian avant-garde of the early twentieth century.

Keywords: inner speech, poetic grammar, poetic syntax, autocommunication, Russian avant-garde, poetic shift

For citation: Temirshina, O.R. (2022) Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 269–290. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/13

Постановка проблемы. Принципы моделирования внутренней речи в художественном тексте неоднократно становились предметом пристального внимания исследователей [1–5]. В указанных работах внутренняя речь в ее художественном измерении связывается с антропоцентрической проблематикой и понимается либо как способ характеристики эпического персонажа, либо как средство передать поток переживаний лирического субъекта.

В русской поэзии XIX–XX вв. встречаются отдельные элементы внутренней речи, которые «моделируют внутренний поток сознания» [3. С. 180]. Тем не менее в классической и модернистской лирике внутренняя речь обычно является вспомогательно-спорадическим стилевым элементом, используемым в строго определённых контекстах (см. перечисление этих контекстов в [3. С. 180]). Однако XX в. даёт и иные поэтические образцы, преимущественно авангардистские, где внутренняя речь оказывается речевой моделью, укоренённой в типе лирического сознания.

Мы полагаем, что в эту поэтическую парадигму может быть вписана поэзия Егора Летова, продолжающая традиции русского авангарда 1910–1920-х гг. [6]. Лирика Летова, на наш взгляд, со всей очевидностью воплощает тот тип лирического сознания, который В.И. Тютя, опираясь на высказывание Вяч. Иванова о европейском романтизме, назвал *уединённым*.

В авангарде этот тип сознания, по мнению исследователя, выражает «эгоцентризм эстетического субъекта» [7. С. 23].

В поэзии Летова «уединенность» не только декларируется на тематическом уровне, но и используется как *принцип построения поэтического высказывания*. Наиболее подходящей формой для выражения замкнутого уединённого сознания на уровне структуры поэтического текста становится внутренний монолог, который, по нашей гипотезе, *становится моделью для поэтического высказывания Летова, обуславливающей как семантические, так и синтаксические особенности его лирики*. Отсюда и цель исследования: выявить формы воплощения внутреннеречевого кода в поэзии Летова.

В настоящее время в психологии и психолингвистике существует множество концепций внутренней речи, выстраиваемых на разных основаниях. Так, внутренняя речь может определяться в зависимости от ее семиотического субстрата (вербально-авербальная [8] – невербальная [9] – предметно-схемная [10]), степени развернутости [11] и нейрофизиологических механизмов реализации [12]. Очевидно одно: внутренняя речь – сложный феномен, который, если интерпретировать его широко, захватывает территорию от авербальных зон (здесь внутренняя речь понимается как образ, перцептивное обобщение, схема предмета) до относительно развернутого монолога (в этом случае внутренняя речь интерпретируется как *речь в собственном смысле*, характеризующаяся особым лексико-грамматическим строем).

Не обращаясь к психофизиологии внутренней речи, мы останавливаемся на ее лингво-семиотическом измерении. Отсюда важность для данной работы положений Л.С. Выготского и его школы, основные принципы которой были взяты на вооружение отечественной психолингвистикой. В этой традиции внутренняя речь трактуется как первичный сгусток личностных смыслов, имеющий как образные, так и языковые корреляты [13. С. 61; 14. С. 25]. При этом языковая реализация внутренней речи может быть *расширенной*, в этом случае «внутренний диалог сохраняет многие фонологические свойства и очередность внешнего диалога» [12. Р. 932]. Идея о расширенной внутренней речи особенно важна для анализа внутреннеречевых элементов в сфере художественной литературы, где внутренняя речь существует не как мышление в «чистых смыслах», но как внутренний монолог со специфическими структурными особенностями.

Очевидно, что внутренняя речь в художественном тексте не является естественным феноменом, такую изображенную внутреннюю речь мы, по аналогии с идеей Ю.Д. Апресяна о типах дейксиса, можем назвать *вторичной*. Вторичная внутренняя речь функционально и генетически отличается от первичной, выполняющей мыслеформирующую функцию. Тем не менее при функционально-генетическом отличии художественно моделируемая внутренняя речь схожа с естественной на уровне структуры: «коммуникативная ситуация внутренней речи позволяет употреблять в лирическом тексте естественные черты внутренней речи» [3. С. 179].

Возникает вопрос: как внутреннеречевые структуры, связанные с динамическим этапом порождения речи, могут быть опознаны в тексте, который по определению является статическим единством?

Внутреннеречевой код проявляется в тексте через ошибки и неточности, которые «обнаруживаются в тексте как “следы” внутреннего программирования» [9. С. 65]¹. Таким образом, объектом предпринятого исследования является система сдвигов и сбоев в личной грамматике Летова, которая, как мы попытаемся показать, обусловлена внутреннеречевым кодом.

Найденные в лирике Летова сдвиги фиксируются в двух измерениях: прагматическом (связанном с моделируемой коммуникативной ситуацией самоадресации) и грамматическом (соотнесенном с неправильным грамматическим расщеплением внутреннеречевого сгустка).

Прагматический аспект. Главная прагматическая особенность внутренней речи – ее самоадресация. Эта особенность драматическим образом влияет на синтаксический строй внутреннего монолога.

С коммуникативной точки зрения адресат является не только лицом, к которому непосредственно обращено высказывание, но и своеобразным синтактизирующим механизмом. Так, по мнению И.А. Зимней, синтаксическая свернутость и редуцированность внутренней речи объясняется прагматическим фактором самоадресации. Именно самоадресация, предполагающая максимальную общность апперцепции, приводит к разнообразным эллипсисам (нет нужды озвучивать самому себе то, что тебе известно) [19. С. 54]. Таким образом, *внутреннее* слово превращается во *внешнее* только тогда, когда в сообщение вводится *внешний* адресат (реальный или потенциальный). Только в этом случае первичный материал внутренней речи преобразуется и «в интересах слушателя вычленяется и уточняется» [20. С. 217]. В некоторых стихотворениях Летова такого вычленения и уточнения не происходит: внутреннее слово синтаксически не разворачивается, ибо субъекту уединенного сознания нет нужды ориентироваться на внешнего адресата.

Эта коммуникативная «уединенность» приводит к тому, что в отдельных стихотворениях Летова моделируется структура синтаксически редуцированной внутренней речи, в которой образуются смысловые «зияния», ибо некоторые элементы, очевидные для самого автора высказывания, выпадают. С позиции читателя эти «смысловые пустоты» делают проблематичным акт референции. Референтная неопределённость текста обнаруживается прежде всего на субъектном и дейктическом уровнях, ибо эти уровни, являясь по своей природе шифтерными, указывают на моделируемый речевой акт и его участников.

Эллипсис субъекта. Ситуация коммуникативной уединенности приводит к тому, что из текстов, моделируемых как внутренний диалог, выпадают подлежащие, обозначающие субъекта действия. Ситуация эллипсиса

¹ О трактовке ошибочных речевых действий как о результате неправильного расщепления внутреннеречевого сгустка см. также: [15. С. 368; 16. С. 208; 17. С. 78; 18].

субъекта, выраженного подлежащим, типична для внутренней речи: субъект действия, будучи центральным тематическим звеном, известен субъекту уединённого сознания, и ему нет нужды «ословливать» его для слушателя¹. Ср. пример такой «синтаксически неполной» субъектности в стихотворении «Спрятаться-то спрятался...»:

Спрятаться-то спрятался
Но так неудачно
Никуда не гоже
Что с первого взгляда ну сразу видать
А сам затаился <...>

[23. С. 22].

Эллипсис подлежащего обнаруживается и в целом ряде других стихотворений: «Засиделся за костром...», «Запустил лицо в центр...», «Свернулся калачиком...», «Вернулся из армии», «Хмурили брови...», «Сон» («Трижды удостоенный...»), «Ветер с гор». Во всех этих случаях возникает «синтаксическая амбивалентность конструкций, связанная с использованием грамматического прошедшего времени при нулевой позиции подлежащего», это приводит к тому, что «для читателя вопрос о субъекте называемых действий может разрешаться как в плане определенно-личного (с субъектом *Я*), так и в плане неполного двусоставного (потенциально – с любым субъектом: *Я, ТЫ, ОН*) предложения» [22. С. 404].

В отдельных случаях внутренняя речь используется для передачи развертывания ментальных процессов, происходящих как будто здесь и сейчас; очевидно, что внутренняя речь – это наиболее удачная форма для кристаллизации такого рода смыслов. Так, в стихотворении «Да, много воды утекло...» разворачивается внутренний монолог, связанный, видимо, с воспоминаниями. В заключительной части этого монолога по законам выстраивания сюжетного (пусть и лирического!) целого должна присутствовать развязка, однако на месте этой *ожидаемой читателем* развязки – эллипсис. Ср.: «Такое постигло меня однажды / Не помню только — на кладбище или в москве / А, ну конечно же» [23. С. 433].

Финальное «а, ну конечно же», являясь экспрессивным маркером происхождения, известного только субъекту речи, оказывается классической «внутреннеречевой фразой», условной пометой «для себя»². В этой фразе «сгущается» некое событие, которое вспомнил субъект речи; при этом сведения об этом событии остаются за пределами коммуникативного поля читателя.

Можно предположить, что в последней строфе лирического монолога не только воспроизводится структура внутренней речи, но и моделируется

¹ «Тема нашего внутреннего монолога, – пишет Л.С. Выготский, – всегда известна нам <...>. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях» [21. С. 352]. Отмечено, что в лирике Летова синтаксическая редукция подлежащего всегда сопровождает неопределённую субъектность, см. об этом: [22].

² Ср.: «“Внутренне слово” – это условный знак ситуации “для себя”» [13. С. 64].

ее когнитивная функция. Как известно, внутренняя речь часто возникает как речевое сопровождение при затруднённом выполнении некоторого действия и редуцируется, когда действие завершено [21. С. 47]. В монологе Летова воссоздается именно такая ситуация: субъект речи пытается нечто вспомнить, а когда цель достигается, внутреннеречевой поток – как это бывает и в реальности – резко прерывается.

Местоименный дейксис. Внутреннеречевой код, соотнесенный с самоадресацией текста, не только провоцирует выпадение формально выраженного субъекта, но и меняет структуру поэтического дейксиса¹.

Дейктическое измерение текста включает в себя имплицитный образ реципиента, к которому обращена речь; соответственно изменение образа адресата ведет к изменению дейктических значений. Так, установка на самоадресацию, характерная для внутреннего монолога, приводит к тому, что дейктическая сфера летовских текстов оказывается коммуникативно «ущербной» по отношению к «внешнему» сознанию, не включенному в общий контекст.

Такая коммуникативная рассогласованность обуславливает семантическую асимметрию позиций слушающего и субъекта речи в установлении референтных значений указательных местоимений «это», «этот», «эти», «те» и др. В типичном случае за этими местоимениями стоят значения, известные как отправителю, так и получателю сообщения. Однако в парадоксальной ситуации *самоадресованного монолога, обращенного к слушателю*, функции этих местоимений трансформируются: смысл указательных местоимений оказывается доступным только субъекту речи, но остается не ясным для внешнего реципиента. Ситуацию коммуникативной недостаточности находим в ряде текстов. Ср. примеры (выделения курсивом наши): «*это* возьмёт Один» («Кролики» [23. С. 256]), «Как *тот* безымянный и плюшевый» («А как я вдоль дерева вдоль ходил...» [23. С. 465]), «Как будто по правде мне что-то не *то* / Боже мой, / *То*. / *То*» («О спелую косточку...» [23. С. 469]), «*Это* от ума – значит от дурости» («Белые солдаты» [23. С. 486]), «Иногда мне кажется / Что всё это уже где-то есть» («Лето» [23. С. 93]).

Во всех обозначенных контекстах не уточняется содержание указательных местоимений, их семантика, таким образом, диссоциирует: сохраняя функцию указания для говорящего, они теряют указательную функцию относительно слушающего. Это рассогласование приводит к парадоксальному расщеплению смыслов указательных местоимений: *заклучая в себе неустранимую семантику определённости, эти местоимения в коммуникативном регистре «для слушателя» функционально оказываются аналогичными местоимениям неопределённым.*

¹ При анализе дейксиса в художественной литературе различают первичный дейксис диалогической устной речи и вторичный дейксис, трактуемый как сфера вторичного семиозиса [24]. В работе речь идет о вторичном дейксисе, соотнесённом с субъектом речи, который понимается как «виртуальная реальность, структурный конструкт» [24. С. 15].

Сходные трансформации претерпевает и хронотопический дейксис. Так, в финале стихотворения «Однажды иду вдоль реки...» появляется наречие «здесь», предметное содержание которого определено только по отношению к субъекту речи. Приведем фрагмент текста:

Однажды иду вдоль реки
Слышу – ребёнок истошно кричит
Смотрю – никого
<...>
Это оказывается дерево так скрипит
Значит – это здесь

[23. С. 118].

Что именно находится «здесь» – слушателю не ясно, эта коммуникативная неполнота делает проблемным «предметное» понимание текста и заставляет интерпретировать последний как эгоцентрический монолог.

Коммуникативная недостаточность обнаруживается и в семантике местоимения «они»: «они» – это всегда *кто-то*, известный автору, но неизвестный слушателю. Рассогласование смыслов личного местоимения в зависимости от коммуникативной точки отсчета находим во всех текстах Летова, где местоимение «они» не имеет анафорической функции. Ср. характерный пример:

Здравши собачий нос
Втянул в себя струйку
Сочного летнего воздуха
И понял, что Они
Где-то рядом

[23. С. 57].

Подобная диссоциация семантики указанного местоимения обнаруживается в целой парадигме текстов: «Глубокой ночью», «Они наблюдают», «Из всех углов. Они стоят...», «Я не спал десять тысяч ночей...», «Он идет его не слышно», «Зерно на мельницу», «И был я словно покинутый муравейник...», «Они», «Как всё это... кончается...» и т.д.

Таким образом, анализ шифтерных элементов – «субъекта речи» и сферы местоименного дейксиса – позволил выявить в текстах Летова контуры скрытой прагматико-коммуникативной модели, ориентированной на самоадресацию. По своим основным характеристикам данная модель может соотноситься с внутренним монологом¹.

Трансформация коммуникативной функции – ее сдвиг от «ты-адресации» к «я-адресации» – приводит к тому, что контекст, необходи-

¹ Связь «неопределённой» референции в поэзии с модусом внутренней речи уже была отмечена И.И. Ковтуновой, исследовательница пишет: «Не только собственно познавательная позиция поэта, но и его общая коммуникативная позиция влияет на степень неопределённости. Чем сильнее ориентация на внутреннюю речь <...>, тем больше степень неопределённости в художественном тексте» [25. С. 108].

мый для предметного понимания приведённых стихотворений, *ясен для субъекта речи* (ибо сама коммуникативная ситуация как будто присутствует в его мысленном поле), но *принципиально не доступен внешнему адресату речи* (ибо контекстуальные сведения, необходимые для правильной референции, не «ословливаются», оставаясь за рамками текста).

Грамматический аспект. Внутренний монолог, будучи моделью летовского высказывания, организует не только поля субъектности и дейксиса, но и существенным образом влияет на грамматический строй стихотворений Летова. И если сдвиги, связанные с выпадением «и так известных» элементов и неопределённостью местоименного дейксиса, были вызваны *коммуникативной природой* внутренней речи, то изменения в поэтической грамматике соотнесены с *семантической структурой* внутреннего слова.

Одна из важнейших и неподвергающихся сомнению характеристик внутренней речи заключается в том, что внутреннее слово – это аморфный сгусток личностных смыслов. При переводе из внутреннего плана во внешний неструктурированные *смыслы* должны быть грамматически расчленены и реализованы в системе *значений*.

В некоторых условиях работа механизма такого перевода нарушается и внутренняя речь прорывается во внешнюю, в результате чего возникает система сбоев и ошибок, в основе которых лежит неправильное грамматическое расщепление исходного смыслового сгустка, внутреннего слова. Семантико-грамматические сбои в лирике Летова, обусловленные конфликтом личностных смыслов и узуальных значений, могут быть классифицированы следующим образом:

- 1) сбой в работе механизмов номинации и предикации, соотнесённый с неправильным соотношением именной и глагольной групп;
- 2) сбой в номинативном блоке, связанный с неточным выбором слова;
- 3) синтаксические сбои, вызванные переводом «симультантных» смыслов внутреннего слова в языковую последовательность.

Сбой в работе механизмов номинации и предикации. Перевод внутреннего слова во внешнее высказывание осуществляется через блок выбора слова и блок построения синтаксической схемы высказывания. «Личностные смыслы, – пишет Е.С. Кубрякова, – объединяются в такие пучки, которые на уровне высказывания соответствуют одни – значениям синтаксических схем предложения и способам их дальнейшего связывания в текст, другие – значениям отдельных номинаций или номинативных блоков» [13. С. 65]¹.

В некоторых условиях сложенная работа этих механизмов нарушается и во внешней речи появляются остатки «внутреннего синтаксирования», связанные с неправильным распределением смыслов по языковым единицам. В лирике Летова обнаруживается ряд поэтических сдвигов, которые можно классифицировать как результат такого нарушения. Одна из частотных неправильностей, характерная для летовских текстов, заключается в том,

¹ О разведении операций выбор слова и грамматического структурирования см. также: [14. С. 27; 26. С. 267].

что внутренние смыслы реализуются не в тех частеречных формах, которые диктуются языковыми конвенциями. Так, те значения, которые должны реализовываться в глаголах, наречиях, существительных, в словосочетаниях, – актуализируются в атрибутивном комплексе.

В стихотворении «Крепчаем» возникает странное словосочетание «бродячие потемки» [23. С. 482]. Если предположить, что эта фраза является результатом искажения предикативной структуры *«потемки, где некто бродит»*, то механизмом ее порождения окажется реализация глагольных смыслов в прилагательном, что приводит, в свою очередь, к сворачиванию целостной предикативной структуры в словосочетание.

Актуализация глагольно-предикативных смыслов в прилагательном в лирике Летова происходит регулярно. Ср.: «доносчивые глаза» [23. С. 188], «бродячие сухие леса» [23. С. 314], «раззявые рты» [23. С. 247], «раззявые вонючие рты» [23. С. 314], «предательский дядя» [23. С. 212] и др.

Атрибутивизации подвергается не только глагольная семантика. В систему атрибутивных сдвигов вписывается и универбизация, продуктами которой, как правило, становятся прилагательные. Ср.: «последождливая грязь» [23. С. 130], «настенная вода» [23. С. 173].

Атрибутивизируются также и фразеологизмы. Так, словосочетание «водянистые речи» [23. С. 247] является, видимо, результатом деформации фразеологического сращения «лить воду» (говорить бессодержательно). Таким образом «водянистые речи» могут интерпретироваться как «эхо-остаток» исходного фразеологизма, результат его атрибутивизации.

В отдельных стихотворениях неправильное грамматическое расщепление исходной смысловой структуры ведет к тому, что прилагательное используется вместо требуемых узuallyм контекстом наречий. Так, в стихотворении «Сто лет одиночества» возникает окказиональное словосочетание «напроломное лето мое» [23. С. 294], где «наречные» смыслы атрибутивизируются и реализуются в прилагательном.

Сбой в номинативном блоке, связанный с неточным выбором слова. Нарушения в работе номинативного и синтаксического блоков – не единственный способ сдвига значений. Сдвиги при воплощении личностных смыслов часто принимают форму парафазий, в этом случае неправильно работает номинативный блок, связанный с выбором слов. Подбор слов осуществляется по звучанию, значению и «субъективно-вероятному признаку» [26. С. 268]. Здесь будут рассмотрены ассоциативно-семантические парафазии, которые часто обнаруживаются в лирике Летова.

Механика вербальных парафазий при внешней сложности и необычности получающихся конструкций – проста: элементу X, находящемуся в одном семантическом поле с элементом Y, приписывается признак элемента Y.

По принципу скользящего признака построено предложение «станем заповедными, как деревья» [23. С. 242]. Прилагательное «заповедный» обычно связывается с лесами, чащами и зонами... Летов, нарушая нормы семантической сочетаемости, приписывает этот признак другому объек-

ту, который также входит в «заповедно-лесное» семантическое поле – деревьям.

В некоторых случаях представляется затруднительным определить лингвистическую базу парафазий, ибо языковая составляющая не очевидна. Однако возможно реконструировать некоторый чисто смысловой сценарий, который Летов «сжимает» до одного словосочетания. Так, за фразой «глубже мрем» [23. С. 246] стоит не столько лингвистический конструкт, сколько сам «сценарий» похорон, включающий в себя образ глубокой могилы. В этом контексте глагольное словосочетание «глубоко умирать» может трактоваться как результат свёртывания целостного «фрейма».

Подобную компрессию находим в стихотворении «Из меня все сыпется», где появляется любопытный образ «хрустальных зорких шариков». «Зоркий шарик» – это хрустальный шар, в который смотрят, чтобы увидеть будущее. Субъект, внимательно смотрящий в шар, и будущее, которое он там видит, спрессовываются в одно словосочетание, при этом прилагательное «зоркий» приписывается не субъекту, а «шарику».

В рамках данной статьи нет возможности подробно комментировать все обнаруженные парафазии, однако наш материал показывает, что сворачивание сложного потенциально предикативного сценария в субстантивное словосочетание соответствует основному принципу внутренней речи: максимум смыслов при минимуме слов. При этом смысловая агглютинация, свойственная внутренней речи, в концентрированном виде передает самые значимые черты исходного реконструируемого образа.

Отметим также, что сбой в работе номинативного блока, связанный с «неточным» (с позиции узуса) подбором слов, также демонстрирует крен в сторону прилагательного. Говоря иначе, в «путешествии» признака, скользящего относительно объектов, по семантическому полю вырисовывается определённая траектория: признак «уходит» от полюса глагола и тяготеет к реализации в атрибутивном комплексе.

Обсуждение номинативно-предикативных сбоев. Исключительное положение прилагательного в поэтической грамматике Летова обусловлено, на наш взгляд, синтаксическим строем его лирики. Атрибутивное словосочетание «прил. + сущ.» – частотная синтаксическая конструкция, которая обнаруживается практически во всех стихотворениях Летова.

Превалирование этой синтаксической структуры в текстах, где мы обнаружили морфологические сдвиги, позволяет выдвинуть предположение о том, что в лирике Летова блок синтаксирования занимает доминирующее положение, подчиняя себе блок номинации. Говоря иначе, *синтаксическая схема оказывается своеобразной рамой, оформляющей личностные смыслы и обуславливающей выбор их частеречного воплощения*. В результате такого «синтаксического воздействия» значения, которые конвенционально должны быть выражены, например, глаголом, воплощаются в прилагательном, являющемся смысловым центром атрибутивных конструкций.

На деформирующую роль синтаксиса указывает синтаксический контекст рассмотренных окказионализмов. Так, в стихотворениях «Крепчаем»

и «В начале было слово» отчетливо задается навязчиво повторяющийся синтаксический шаблон «прил. + сущ.», который, оказываясь «формой отливки» личностных смыслов, инициирует морфологический сбой: ритмико-синтаксическая инерция оказывается столь сильна, что вместо «бродить в потемках» появляются «бродячие потемки», а вместо «раззавить вонючие рты» возникают «раззавые вонючие рты». Ср.:

В натренированные очи самопальные титаники
Бродячие потёмки <...>

[23. С. 482].

За снотворные туманы, за бродячие сухие леса
За дремучие селения, за кислые слепые дожди
За грибные водопады, за бездонные глухие поля
За рассыпчатые горы, за раззавые вонючие рты

[23. С. 314].

«В интеграции и подгонке смыслов двух таких важнейших узлов предложения, как его именная и глагольная группа, – пишет Е.С. Кубрякова, – мы и видим реализацию замысла формирующегося предложения» [13. С. 137]. Однако в лирике Летова замысел, соотнесенный с внутреннеречевым кодом, по-видимому, остается нерасщепленным, именные и глагольные группы не интегрируются, что и инициирует появление атавизмов внутреннеречевого кодирования, генетически связанных с доминированием определённого синтаксического шаблона.

Доминирование синтаксического блока объясняет и летовские парафазии. И.Н. Горелов полагает, что на первой стадии порождения высказывания потребность сказать нечто материализуется в интонационно-синтаксической схеме и ритмических характеристиках высказывания. «Эти (интонационно-синтаксические. – О.Т.) структуры, вероятно, более чем другие типизированы, заполняясь “ближайшим” лексико-грамматическим материалом. Синтаксически он отличается малой глубиной...» [9. С. 46–47]. Таким лексико-грамматическим материалом оказываются как раз парафрастические замены, которые «выбираются» как ближайшие элементы из ассоциативно-семантического поля. Кроме того, действительно, парафазии коррелируют с малой синтаксической глубиной текстов Летова: синтаксис его стихотворений тяготеет к тотальному перечислению, паратаксису и, как следствие, – монотонной изоритмичности.

Изоритмичность и тяготение к паратаксису – структурная особенность внутренней речи, синтаксис которой «не образует законченных предложений, а стремится к бесконечным цепочкам ритмических повторяемостей» [4. С. 169]. Тексты Летова, ориентированные на внутреннеречевой код, демонстрируют именно такие изоритмические повторы. Часть этих повторов соотносится с особым номинативным строем: стихотворения либо полностью представляют собой череду номинаций, либо включают в себя обширные номинативные блоки. На этом вопросе следует остановиться отдельно.

Номинативный стиль в поэзии предметно исследовался в ряде работ филологического характера, где выявлены его основные смысловые функции [27–30]. Мы со своей стороны хотели бы добавить, что *с точки зрения структуры номинативный стиль может быть одной из форм реализации внутренней речи.*

Так, И.И. Ковтунова считает, что установка на компрессию смысла «сближает именные предложения с внутренней речью, делает их способом выражения внутренней речи, где мысль предстает в максимально «сгущенном виде»» [3. С. 156]¹. В поэзии Летова эта «сгущенность» может проявляться в том, что «глагольные» смыслы актуализируются в номинативно-атрибутивном словосочетании «прил. + сущ.», где разделенность признака и его носителя менее выражена, чем в предикативных структурах [31. С. 312].

Номинативный строй поэтической речи предполагает использование существительных с глагольно-пропозитивной семантикой, которые дают возможность «передавать динамику ситуаций» [29. С. 43]. Однако в текстах Летова эта пропозитивная семантика обнаруживается и в *прилагательных*. И в самом деле, такие конструкции, как «предательский дядя» можно трактовать как полупредикативные не до конца развернутые структуры, в скрытом виде содержащие в себе пропозицию, которая может развернуться в полноценное предложение (ср. «дядя – предатель»)².

Таким образом, именной стиль может быть связан с глубинной протоформой поэтического текста, генетически соотнесенной с внутреннеречевыми процессами. И в этом смысле интересны некоторые авторские свидетельства, видимо, подтверждающие эту мысль. Вяч. Вс. Иванов, комментируя именные стихотворения Блока, указывает на передаваемое В.Б. Шкловским устное сообщение поэта «о том, что ему самому (Блоку. – О.Т.) писание стихотворения представлялось как перевод <...> текста на его собственном языке в русский текст», отсюда, полагает Вяч. Вс. Иванов, «можно высказать гипотезу, по которой именовым стилем часто писались наиболее индивидуально-лирические фрагменты, как бы сохраняющие структуру первоначального текста» [28. С. 286].

В этом сообщении обращает на себя внимание идея о столкновении *значений и личностных смыслов*, сопровождающем развертку «номинативной» внутренней речи во внешние языковые формы. Связь номинативных структур с внутреннеречевым кодом регулярно обнаруживается и в раз-

¹ Е.С. Кубрякова, ссылаясь на исследования поэтической речи, также пишет «об особых функциях номинативного стиля и исключительной роли потока наименований для воссоздания эффекта внутренней речи, мыслительной деятельности в образах и картинах» [13. С. 77].

² В таких случаях речь может идти о предикации особого рода, вторичной предикации, «связанной с атрибутивными отношениями» [31. С. 514].

личных «эго-текстах»¹, что наталкивает на мысль о естественной соотносительности номинативного стиля в поэзии с внутреннеречевыми процессами.

Синтаксические сбои, вызванные переводом «симультантных» смыслов внутреннего слова в языковую последовательность. Третий тип поэтических ошибок также связывается со структурно-семантической природой внутреннего слова. Несмотря на расхождения, часто значительные, в трактовке внутреннего слова, исследователи тем не менее едины в том, что внутреннее слово содержит в себе не только вербальные, но и зрительно-образные компоненты.

И в самом деле, внутреннее слово еще не в полной мере *слово* (оно в живом пластическом виде сохраняет первичные образные впечатления), но уже не в полной мере *образ* (оно включает в себе вербальные протознаки, которые означивают образное впечатление). «Вслед за Л.С. Выготским и Н.И. Жинкиным, – пишет Т.В. Ахутина, – мы предполагаем, что внутреннюю речь обслуживает особый код. Вероятно, код этот смешанный, его единицами являются не только слова, имеющие во внутренней речи не объективное значение, а субъективный смысл <...>, но и схематичные представления» [14. С. 25]².

При порождении высказывания перед говорящим встает задача перевода первичного внутреннего образа во внешнюю речь. Сложность этой операции заключается в том, что образ – это симультанное образование, воспринимаемое практически одномоментно; речь же, напротив, – всегда линейна. «Образ, – пишет А.Н. Леонтьев, – строится по типу тех структур, которые приспособлены к развертке, то есть к переводу последовательности в одномоментность, текущего в существующее» [32. С. 51].

Не останавливаясь на всех возможных вариантах пути от мысли к слову, отметим, что в лирике Летова обнаруживаются остатки первичного смыслового синтаксирования, связанные с *неполным переводом образного материала в слово*. Возникает ощущение, что Летов пытается сохранить образно-речевой сгусток в своем первоначальном виде, что приводит к властному вторжению зрительного образа в речевую стихию. Попытка фиксации образа в речевом коде, которая затруднительна по причине линейности речи, приводит к деформации речи. Так, *в линейной организации некоторых текстов возникают своеобразные «провалы», где и обнаруживаются симультантные структуры, связанные с работой образа*. Функция таких симультантных структур речи – достичь смыслового сгущения, передать образ *как он есть*, но через фактуру слова.

Инерция образа проявляется в текстах Летова на семантическом и синтаксическом уровнях, именно здесь и обнаруживаются сбои, связанные с тяготением речи к несвойственной ей симультанности.

¹ Так, О.Н. Панченко обращает внимание на связь номинативных структур с «записями для себя» [30. С. 85].

² Ср. также мнение А.Н. Соколова, утверждавшего, что внутренняя речь – это «язык “семантических комплексов” (редуцированных речевых высказываний иногда в сочетании с наглядными образами)» [8. С. 60].

Семантический аспект. Выше были рассмотрены случаи парафразических замен, при которых признак скользит относительно слов, включенных в одно семантическое поле. Однако в лирике Летова сдвиг признака, относительно объектов, может осуществляться и по принципу включенности объектов в одну *образную репрезентацию ситуации*. Говоря иначе, признак приписывается не тому предмету, с которым он обычно связан в узусе, а иному, который присутствует в данном пространственном контексте.

Такой образ, организованный по принципу пространственной близости объектов, обнаруживается в песне «Передозировка», где появляется странное словосочетание «ветвистые заборы» [23. С. 300]. Этот образ может трактоваться как результат визуального «сжатия» ситуации: над забором поднимаются ветви, соответственно – забор «ветвистый». Признак кочует от одного объекта к другому, «ветвистость» от деревьев переходит к забору, над которым эти деревья видны.

Визуальное сжатие обнаруживается и в словосочетании «кустистый поезд» из стихотворения «Сон» («кустистый поезд» – это поезд, который едет мимо «цветущих ветвей сирени» [23. С. 20]). По такой же модели создается сдвиг в стихотворении «Глубокий старик...», где появляется образ «бесчисленной клетки» [23. С. 76], из которой нужно выпустить голубей. «Бесчисленная клетка» – результат перехода признака «бесчисленный» от множества птиц, которые находятся в клетке, к самой клетке.

Примеров таких пространственно-образных смещений у Летова много, ср. некоторые: «пьяный забор нетленной любви» [23. С. 224], «дошатая хвойственная краска» [23. С. 83], «зачесались рукавицы» [23. С. 355], «свечи в мерцающих пространствах» [23. С. 520], «горы близорукие» [23. С. 478] и др.

Во всех случаях механика создания таких образов одинакова: объекты *находятся рядом в акте перцепции, они встроены в зрительное впечатление, которое не дифференцируется при оречевлении*, как того требует логико-дискурсивное мышление, в результате чего появляются *визуальные синкреты, в которых одновременно соплагаются признаки разных денотатов*.

Н.И. Жинкин, разводя понятия перцептивного и логико-дискурсивного синтеза признаков, отмечает, что «порядок анализа и синтеза в восприятии иной, чем в тексте» [10. С. 216]. Поэтому с психолингвистической точки зрения приведенные выше фразы можно трактовать как результат доминирования перцептивного синтеза над вербальным. Это доминирование приводит к деформации фактуры языка, когда симультанная логика образа вторгается в линейную логику речи, перекраивая ее под свою структуру¹.

Синтаксический аспект. Тяготение к симультанности и, как следствие, специфические сдвиги в строе текстов, позволяющие сгустить смыслы, наблюдаются и на синтаксическом уровне. Так, в некоторых стихотворениях Летова обнаруживаются не только образные, но и синтаксические

¹ Обнаруженные семантические сдвиги тяготеют к метонимии, ибо метонимический перенос предполагает сжатие, часто совершаемое с опорой на зрительные ассоциации [33. С. 44].

синкреты, чье появление также мотивировано «недорасщеплением» исходного смыслового сгустка. Однако в последнем случае неполная развертка осуществляется не через мену семантических признаков (как в случае с образом-синкретом), а через сугубо синтаксические механизмы.

Главным принципом такой агглютинации становится *симультанное наложение синтаксических конструкций*. Процесс наложения синтаксических структур сопровождается выпадением их отдельных элементов, в результате чего создается синтаксически нерасчлененный сгусток, где одновременно присутствуют не до конца развёрнутые словосочетания.

В первом стихотворении цикла «Вернулся из армии» результатом такой агглютинации является фраза «Два года / Так много тому назад» [23. С. 40]. Этот фрагмент потенциально содержит в себе два словосочетания, которые в процессе речепорождения как будто не разделились до конца: «два года тому назад» и «так много лет тому назад». Словоформа «лет» выпадает в результате не доведенного до конца синтеза предложения, сложное высказывание не выстраивается и «застывает» в своей эмбриональной форме.

Синтаксическое стяжение возникает и в других стихотворениях. Ср.: «Поэт Башлачёв упал убился из окна» [23. С. 269], грамматически правильно: «убился, выпав из окна»; «Я вышел под серым уютным дождём» [23. С. 101], следует сказать «вышел под серый уютный дождь»; «а вы уж собрались меня у дверей» [23. С. 144], потенциально сосуществуют две фразы: «А вы уж собрались меня <хоронить? – глагол подсказан развитием сюжета>» и «А вы уж собрались <у моих> дверей») и др.

Как показывает приведенный материал, в большинстве случаев парадоксальный сдвиг синтаксиса в сторону симультанности соотнесен с глаголом. И это закономерно: глагол, будучи синтаксическим ядром предложения, является также и центральным элементом внутренней речи, предикативной, по существу. При разворачивании внутреннего слова во внешний план требуется ограничить его полисемантичность: необходимо выбрать один смысловой вектор, в соответствии с которым будет идти процесс внешнего синтаксирования. И если на внутреннеречевом этапе этот вектор не определен, то процессы синтаксирования текста сойдутся.

Думается, что летовские сдвиги моделируют сбой этого механизма. Так, в синтагме «а вы уж собрались меня у дверей» глагол «собрались» имеет два значения: «сойтись, съехаться, сосредоточиться в одном месте» (*собраться у дверей*) и «принять намерение сделать что-л.» (*собраться хоронить*) [34. С. 172]. Летов *сохраняет* полисемантику глагола, в результате чего синтаксирование *одновременно* идет по двум путям, приводя к появлению синтаксической склейки, связанной с двумя значениями ключевого глагола. Многозначность внутреннего слова, таким образом, остается в тексте в неснятом виде и, вторгаясь в область синтаксиса, разрушает его линейный порядок.

Смысловая уплотнённость внутреннего слова может реализовываться не только через синтаксические сдвиги, но и другими способами, семиоти-

чески более близкими к иконическим формам: гораздо легче «расположить» эти одновременные смыслы внутреннего слова в пространстве, нежели пытаться спрессовать их в линейную цепь предложения. Здесь Летоу прибегает к форме, которая была названа поэтической дробью¹. Ср. примеры: «Через ^{реки}_{плечи} и года...» (с. 297), «Где твоё ^{расхваленное}_{раскаленное} отечество» (с. 394) и мн. др.

Итак, внутреннеречевой монолог обуславливает не только прагматико-коммуникативную организацию лирики Летоу, но и ее структурные особенности. Личностные смыслы либо неправильно расщепляются (что вызывает ряд синтаксических сдвигов), либо же «сохраняются» в тексте в своей первичной образной форме (что обуславливает возникновение в «линейном» тексте нелинейных, симультанных структур). Однако в обоих случаях мы наблюдаем тенденцию к сгущению семантики и синтаксической агглютинации, столь характерную для внутреннего измерения речи.

«Техника» внутренней речи в историко-литературном контексте. В связи с изложенным возникает два закономерных вопроса: вписан ли такой способ работы со словом в историко-литературную традицию и насколько сам Летоу осознавал принципы своего же творческого процесса?

Было бы ошибкой механически сводить поэтическую речь к внутренней. Очевидно, что перенос «естественной» речевой модели в поэзию всегда сопровождается сменой функции. Мы полагаем, что использование внутреннеречевого кода в лирике Летоу указывает на традицию русского авангарда начала XX в. При этом близость Летоу к авангарду нужно искать не только в сходстве речевых структур, но и в онтологии творчества.

Теоретики и практики авангарда 1910–1920-х гг. поэтическое и визуальное творчество понимали процессуально, как психологический опыт постижения реальности. Так, для творческих практик А. Крученых, К. Малевича, А. Туфанова, М. Матюшина – при всей их разнонаправленности – общим знаменателем становится желание с помощью нового типа лиризма «схватить» действительность во всей ее сущности [36].

Общей для авангардистов становится и идея о том, что язык не успевает за личностным опытом, именно поэтому механизмом выражения становится сдвиг, осуществляемый во всех фактурах стиха. Первичным импульсом такого сдвига становится, в терминологии Крученых, – «переживание вдохновенного» [37. С. 17]². Такое переживание можно смоделировать, вызвать искусственно, используя определённые психотехники. Так, например, Матюшин полагал, что увидеть пространство по-новому позволяет медитация и рассеянный взор, который может освободить и раскрепостить глубинное подсознание [36. С. 70–77].

Записи Летоу в черновиках, касающиеся рефлексии над творческим процессом, свидетельствуют именно о такой авангардистской, экспери-

¹ О «поэтической дроби» в лирике Летоу см. [35].

² О психологическом эксперименте в авангарде см. также [38].

ментально-психологической трактовке творчества, когда поэзия одновременно понимается как средство постижения мира и является продуктом обострённого восприятия реальности. Ср. фрагмент эстетического манифеста из черновиков: «Как я вообще начал писать. Сначала я входил в изменённые, странные, побочные, обостренные состояния сознания при помощи разных техник – поведенческих, созерцательных и пр., затем пытался дотошно фиксировать все это на бумаге – максимально приближенно к тому, что испытывал <...> В этот момент в одну секунду я и понял, что такое поэзия <...> Поэзия не фиксирует то, что есть – она создает новое сознание, новую реальность, новый мир». Это «новое я», пишет Летов, «формируется в состоянии, близком к трансу», при этом «настоящая поэзия не вычурна, она вопиюще проста и парадоксальна, как японские третиштия, как футуризм, особенно Кручёных и Терентьев...» [39. С. 5].

Таким образом, для Летова, как и для авангардистов, творчество – это не столько работа с вербальным материалом, сколько работа с сознанием, которая вторично приводит к появлению особого вербального ряда. Так, техника заумного языка для Кручёных – «в большей мере психотехника, – открывающая возможность “проэцирования на экран стихов, еще темных неосознанных психо-физических рядов...”» [40. С. 98].

Ключевое значение для такого типа поэзии имеет установка на моментальную запись. Речевой поток, возникающий как результат интроспекции, желательно фиксировать мгновенно, ибо только так можно запечатлеть в слове актуальный момент перцепции. При этом «слово-сырец» должно быть намеренно не обработанным, поскольку оно является максимально точным слепком первичного внутреннего переживания. Именно такое «моментальное» письмо практиковал Кручёных. Ср.: «Первое впечатление (исправляя 10 раз, мы его теряем, и может теряем поэтому все) <...> исправляя, обдумывая, шлифуя, мы изгоняем из творчества случайность <...>. Изгоняя же случайность, мы лишаем свои произведения самого ценного, ибо оставляем только то, что пережевано, основательно усвоено, а вся жизнь бессознательного идет насмарку» [41. С. 30].

Идеи Кручёных эхом отзываются у Летова, который практически повторяет основные идеи Кручёных, используя ту же аргументацию: «Надо сказать, я вообще сторонник максимально быстрой, внезапной записи. Чтобы все рождалось прямо вот тут, прямо сейчас! Длительная работа убивает вдохновение, да и культивирует “ремесленность”» [42].

Быстрота записи, о которой говорят Летов и Кручёных, провоцирует сдвиги, оговорки и ослышки, все то, что Кручёных называет *областью случайного* в языке. Но на самом деле эти случайные сдвиги вовсе не случайны, они детерминированы внутреннеречевым кодом: мгновенная фиксация словесного потока вызывает ошибки, которые появляются из-за того, что внутреннеречевой сгусток не успевает правильно развернуться и грамматически оформиться.

Таким образом, прагматико-грамматические сдвиги в поэзии Летова, проанализированные в статье, системно связаны друг с другом, все они

являются результатом действия внутреннеречевого кода, который, врываясь в узуальную систему значений, приспосабливает язык для выражения личностных смыслов.

Список источников

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого) : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 48 с.
2. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Прометей, 2011. 180 с.
3. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986. 206 с.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 163–177.
5. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. : Языки русской культуры, 1995. 360 с.
6. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. Вып. 2. Тверь : Изд-во ТВГУ, 1999. С. 98–106.
7. Тюпа В.И. Бифуркация культуры уединенного сознания // Постсимволизм как явление культуры: материалы 4-й Международной конференции, Москва, 5–7 марта 2003. М. : РГГУ, 2003. С. 22–26.
8. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
9. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 112 с.
10. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М. : Лабиринт, 1998. С. 146–163.
11. Fernyhough C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations // New Ideas in Psychology. 2004. Vol. 22. № 1. P. 49–68.
12. Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology and Neurobiology // Psychological Bulletin. 2015. Vol. 141. № 5. P. 931–965.
13. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. 240 с.
14. Ахутина Т.В. Вместо введения: Механизм порождения речи по данным афазии // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 11–33.
15. Ананьев Б.Г. К теории внутренней речи в психологии // Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 348–370.
16. Психоллингвистические проблемы семантики. М. : Наука, 1983. 285 с.
17. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психоллингвистические очерки). М. : МГУ, 1970. 88 с.
18. Горохова С.И. Психоллингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986. 16 с.
19. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Институт языкознания РАН, 1993. С. 51–59.
20. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 217 с.
21. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
22. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Подступы к поэтическому языку Егора Летова: Персональность/имперсональность // Подробности словесности : сб. статей к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой. СПб. : Свое издательство, 2016. С. 398–407.

23. Летов Е. Стихи. М. : Выргород, 2011. 548 с.
24. Успенский Б.А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
25. Ковтунова И.И. Принцип неполной определённости и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М. : Наука, 1993. С. 106–154.
26. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : КРАСАНД, 2014. 316 с.
27. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2: О стихах. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 21–32.
28. Иванов Вяч.Вс. Проблема именного стиля в русской поэзии XX века // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem: The Magnes Press; the Hebrew University, 1981. Vol. 5–6. P. 277–287.
29. Николина Н.А. Номинативные предложения в композиции художественного текста // Поэтическая грамматика. Т. II. М. : Азбуковник, 2013. С. 38–57.
30. Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М. : Наука, 1983 С. 81–100.
31. Бондарко А.В. Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
32. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2001. 511 с.
33. Кицлерова Я. Адъективные неологизмы Маяковского: структура, принципы образования и их использование в современном русском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2018. Т. 77. № 6. С. 43–54.
34. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Русский язык, 1988. 796 с.
35. Станкович З.Г. Функции поэтических дробей в лирике Егора Летова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. № 20. Екатеринбург, Тверь : Уральский гос. пед. ун-т, 2020. С. 131–137.
36. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб. : Академический проект, 1995. 471 с.
37. Крученых А. Стихотворения, поэмы, романы, опера. СПб. : Академический проект, 2001. 480 с.
38. Фёрингер М. Авангард и психотехника: Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в постреволюционной России. М. : НЛЮ, 2019. 336 с.
39. Летов Е. Автографы. Черновые и беловые рукописи. Новосибирск : Культурное наследие, 2009. 192 с.
40. Бобринская Е. Теория «моментального творчества» А. Крученых // Бобринская Е. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М. : Пятая страна, 2003. С. 94–118.
41. Крученых А. Письма А. Шемшурину и М. Матюшину. М. : Гилея, 2012. 204 с.
42. Егор Летов. ГрОб-Хроники. URL: https://grob-hroniki.org/article/1990/art_1990-11-10a.html (дата обращения: 11.06.2021).

References

1. Artyushkov, I.V. (2004) *Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F.M. Dostoevskogo i L.N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
2. Blokh, M.Ya. & Sergeeva, Yu.M. (2011) *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner Speech in the Structure of a Literary Text]. Moscow: Prometei.
3. Kovtunova, I.I. (1986) *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow: Nauka.

4. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 163–177.
5. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (1999) Poeziya E. Letova na fone traditsii russkogo avangarda (aspekt yazykovogo vzaimodeystviya) [Poetry of E. Letov against the backdrop of the tradition of the Russian avant-garde (aspect of linguistic interaction)]. *Russkaya rok-poeziya: Tekst i kontekst*. 2. pp. 98–106.
7. Tyupa, V.I. (2003) [Bifurcation of the Culture of Solitary Consciousness]. *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury* [Postsymbolism as a Phenomenon of Culture]. Proceedings of the 4th International Conference. Moscow. 5–7 March 2003. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 22–26. (In Russian).
8. Sokolov, A.N. (2007) *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner Speech and Thinking]. Moscow: LKI.
9. Gorelov, I.N. (2014) *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-Verbal Components of Communication]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
10. Zhinkin, N.I. (1998) *Yazyk – rech' – tvorchestvo (Izbrannye trudy)* [Language – Speech – Creativity (Selected works)]. Moscow: Labirint. pp. 146–163.
11. Fernyhough, C. (2004) Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations. *New Ideas in Psychology*. 1 (22). pp. 49–68.
12. Alderson-Day, B. & Fernyhough, C. (2015) Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology and Neurobiology. *Psychological Bulletin*. 141 (5). pp. 931–965.
13. Kubryakova, E.S. (1991) *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language. Language and the production of speech]. Moscow: Nauka.
14. Akhutina, T.V. (2014) *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic Analysis of Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 11–33.
15. Anan'ev, B.G. (1960) *Psikhologiya chuvstvennogo poznaniya* [Psychology of Sensory Knowledge]. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. pp. 348–370.
16. Leont'yev, A.A. et al. (eds) (1983) *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Problems of Semantics]. Moscow: Nauka.
17. Leont'ev, A.A. (1970) *Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu (psikholingvisticheskie ocherki)* [Some Problems of Teaching Russian as a Foreign Language (Psycholinguistic essays)]. Moscow: Moscow State University.
18. Gorokhova, S.I. (1986) *Psikholingvisticheskie osobennosti mekhanizma porozhdeniya rechi po dannym rechevykh oshibok* [Psycholinguistic features of the mechanism of speech generation according to speech errors]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Zimnyaya, I.A. (1993) *Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya* [A way of forming and formulating thoughts as a reality of linguistic consciousness]. In: Vasilevich, A.P., Zimnyaya, I.A. & Leont'yev A.A. (eds) *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and Consciousness: Paradoxical rationality]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. pp. 51–59.
20. Katsnel'son, S.D. (1972) *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad: Nauka.
21. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint.
22. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (2016) Podstupy k poeticheskomu yazyku Egora Letova: Personal'nost'/impersonal'nost' [Approaches to the poetic language of Egor Letov: Personality/impersonality]. In: Sukhovey, D. (ed.) *Podrobnosti slovesnosti* [Details of Literature]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 398–407.
23. Letov, E. (2011) *Stikhi* [Poems]. Moscow: Vyrgorod.
24. Uspenskiy, B.A. (2011) Deyksis i vtorichnyy semiozis v yazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–30.

25. Kovtunova, I.I. (1993) Printsip nepolnoy opredelennosti i formy ego grammaticheskogo vyrazheniya v poeticheskom yazyke XX veka [The principle of incomplete certainty and the forms of its grammatical expression in the poetic language of the 20th century]. In: Grigor'yev, V.P. (ed.) *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka* [Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the 20th Century]. Moscow: Nauka. pp. 106–154.
26. Leont'ev, A.A. (2014) *Psikholingvisticheskie edinit'sy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterance]. Moscow: KRASAND.
27. Gasparov, M.L. (1997) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 21–32.
28. Ivanov, V.Vs. (1981) Problema imennogo stilya v russkoy poezii XX veka [The Problem of Nominal Style in Russian Poetry of the 20th Century]. *Slavica Hierosolymitana*. 5–6. pp. 277–287.
29. Nikolina, N.A. (2013) Nominativnye predlozheniya v kompozitsii khudozhestvennogo teksta [Nominative sentences in the composition of a literary text]. In: Kovtunova, I.I. et al. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic Grammar]. Vol. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 38–57.
30. Panchenko, O.N. (1983) Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stikhotvoreniya [Nominative and infinitive series in the structure of a poem]. In: Gasparov, M.L. et al. *Ocherki istorii russkoy poezii XX veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the History of Russian Poetry of the 20th Century: Grammatical categories. Text syntax]. Moscow: Nauka. pp. 81–100.
31. Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniy v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [Theory of Meanings in the System of Functional Grammar: On the material of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Leont'ev, A.N. (2001) *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl.
33. Kitslerova, Ya. (2018) Ad'ektivnye neologizmy Mayakovskogo: struktura, printsipy obrazovaniya i ikh ispol'zovanie v sovremennom russkom yazyke [Mayakovsky's adjectival neologisms: structure, principles of education and their use in modern Russian]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 6 (77). pp. 43–54.
34. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Stankovich, Z.G. (2020) Funktsii poeticheskikh drobey v lirike Egora Letova [Functions of poetic fractions in the lyrics of Egor Letov]. *Russkaya rok-poeziya: Tekst i kontekst*. 20. pp. 131–137.
36. Jaccard, J.-F. (1995) *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-Garde]. Translated from French. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.
37. Kruchenykh, A. (2001) *Stikhotvoreniya, poemyy, romany, opera* [Poems, Poems, Novels, Opera]. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.
38. Vöhringer, M. (2019) *Avangard i psikhotehnika: Nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov nad vospriyatiem v postrevolyutsionnoy Rossii* [Avant-garde and psychotechnics: Science, art and methods of experiments on perception in post-revolutionary Russia]. Translated from German. Moscow: NLO.
39. Letov, E. (2009) *Avtografy. Chernovyye i belovyye rukopisi* [Autographs. Draft and white manuscripts]. Novosibirsk: Kul'turnoe nasledie.
40. Bobrinskaya, E. (2003) *Russkiy avangard: istoki i metamorfozy* [Russian Avant-Garde: Origins and metamorphoses]. Moscow: Pyataya strana. pp. 94–118.
41. Kruchenykh, A. (2012) *Pis'ma A. Shemshurinu i M. Matyushinu* [Letters to A. Shemshurin and M. Matyushin]. Moscow: Gileya.

42. Letov, E. (1990) *GrOb-Khroniki* [GrOb-Chronicles]. [Online] Available from: https://grob-hroniki.org/article/1990/art_1990-11-10a.html. (Accessed: 11.06.2021).

Информация об авторе:

Темиршина О.Р. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (Москва, Россия). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.R. Temirshina, Dr. Sci. (Philology), professor, Griboyedov International Law and Economics Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/80/14

Мотивная структура «Аскетической проповеди» святителя Игнатия Брянчанинова

Наталья Евгениевна Титкова¹

¹ Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия, nataly.arzamas@yandex.ru

Аннотация. Анализируется творчество видного деятеля Русской Православной Церкви XIX в., святителя Игнатия Брянчанинова. На примере сборника поучений «Аскетическая проповедь» показаны некоторые особенности поэтики его проповедей – области, практически не освоенной современным литературоведением. Доказывается мысль о том, что сочинения Брянчанинова имеют мотивную структуру. Главной организующей темой и ведущим лейтмотивом «Аскетической проповеди», а также всего его творчества является покаяние.

Ключевые слова: проповедь, поучение, тема, мотив, мотивная структура, евангельский образ, библеизм

Для цитирования: Титкова Н.Е. Мотивная структура «Аскетической проповеди» святителя Игнатия Брянчанинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 291–305. doi: 10.17223/19986645/80/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/14

The motivic structure of *Ascetic Preaching* of Saint Ignatius Brianchaninov

Natalia E. Titkova¹

¹ Lobachevsky University (Arzamas Branch), Arzamas, Russian Federation,
nataly.arzamas@yandex.ru

Abstract. The article deals with the work of Ignatius (Brianchaninov), holy hierarch, an outstanding Church figure and spiritual writer of the 19th century. Based on the collection of teachings *Ascetic Preaching* (1866), the significant features of the poetics of his work – an area that is almost not mastered by modern literary criticism – are shown. The texts of the collection are analyzed in order to identify the features of its structure, the characteristics of the factors of its integrity, ideological depth, emotional impact on readers. The author hypothesizes that the convincing force of Brianchaninov's instructing words is caused not only by the mastery of the oratory techniques, but also by the ability to embody the Christian worldview holistically and systematically in the works "bonded" by an internal ideological and conceptual relationships. The method of structural analysis of texts is used to study the internal connections of the semantic elements of *Ascetic Preaching*. At the first stage of the analy-

sis, the dominant theme of the book is revealed. Further, the motifs related to the main theme are studied, their internal connection is traced, and the principle of correlating the main and accompanying motifs with the text of Holy Scripture is shown. Based on the conducted research, the author infers that Bryanchaninov's works have a motivic structure. The central organizing topic and leading theme of *Ascetic Preaching*, as well as the semantic dominant of all works by Ignatius, is repentance. This is due to the fact that the call to repentance is the basis of Christian teaching. The theme of repentance permeates all the constituent parts of the book, ensures its integrity and compositional balance, binds the disparate texts and determines the main vector of the theological arguments of its author. This theme is interwoven with related motifs, among which the main are the motifs of faith, prayer, the Last Judgment. They link each specific text with the rest of the works of the collection. Holy hierarch Ignatius correlates these motifs with images of Holy Scripture. A special group of teachings in the collection are texts that interpret the gospel parables. In particular, the motif of prayer is embodied by Brianchaninov in the images of the characters of the gospel parable about the publican and the Pharisee, the theme of repentance and the motif of God's judgment correspond to the parable of the prodigal son. The use of Evangelical images in the development of the main motifs gives visibility to the preacher's texts and defines a trait of his style – biblicism. These motifs are connected with each other, forming a holistic ideological and thematic unity that systematically reveals the Orthodox doctrine of salvation.

Keywords: preaching, teaching, theme, motif, motivic structure, Gospel image, Bibles

For citation: Titkova, N.E. (2022) The motivic structure of *Ascetic Preaching* of Saint Ignatius Brianchaninov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 291–305. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/14

Проповедническое наследие святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), выдающегося деятеля Русской Православной Церкви XIX века, талантливое проповедника и духовного писателя, пока еще не попало в зону глубокого научного интереса современных исследователей. Попытки осмыслить этот идейно-эстетический феномен предпринимаются представителями разных ветвей гуманитарных наук. На духовно-нравственном аспекте его изучения сосредоточены педагоги и философы [1–3], на изучении формальных особенностей идиостиля – лингвисты, что проявляется в рамках исследования «на категориально-текстовых основаниях индивидуальных черт, отличающих творчество отдельных авторитетных в церковной среде проповедников, являющихся носителями элитарной речевой культуры» [4. С. 65], концептосферы [5], в аспекте преемственности русского риторического канона [6], в контексте реализации исповедальной интенции [7]. Серьезный вклад в это изучение может внести и литературоведение, которое может сосредоточить внимание не только на содержании, но и на форме проповедей, используя для анализа текстов концепты «образ», «тема», «мотив» и т.п. Однако в немногих литературоведческих исследованиях творчества Брянчанинова акцент делается на отношении проповедника к проблеме соотношения церковного сознания и художественного творчества [8–10]. Исследователи цитируют практически одни и те же

статьи и письма святителя Игнатия, анализируют тексты, которые можно квалифицировать как образцы «духовной прозы» [10], почти не обращая внимания на то, что тексты его проповедей также представляют собой содержательный материал для литературоведческого анализа. Подробный разбор произведений Брянчанинова позволяет выдвинуть гипотезу о том, что убеждающая сила его поучающего слова обусловлена не только его общим духовно-нравственным зарядом, не только мастерским владением приемами ораторского искусства, но и умением воплощать целостно и системно христианское мировоззрение в текстах, связанных между собой внутренними тематическими «скрепами».

В трудах церковных проповедников XIX в., в частности архиепископа Амвросия (Протасова), архимандрита Феодора (Бухарева), святителя Филарета (Дроздова), постепенно оформлялся язык и стиль церковной проповеди, предписываемый позже для священников в качестве образца. При Николае I (1825–1855) правила построения проповедей были жестко регламентированы. Над проповедниками был установлен повсеместный цензурный надзор, который вынуждал ограничивать содержание поучений отвлеченными рассуждениями, не допускал критики негативных явлений, не поощрял иллюстрирование проповедей примерами из жизни.

Монастырские и семинарские библиотеки в XIX в. могли предоставить духовному лицу ряд пособий по церковному красноречию, в частности сборник проповедей «Ключ разумения», изданный в 1659 г. Иоанникием Голятовским, ректором Киево-Могилевской академии, материалы Полного собрания сочинений архиепископа Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского и Псковского («Духовный регламент» (1719), «Вещи и дела» (1726)), «Правила высшего красноречия» (1844) М.М. Сперанского, «Чтения о церковной словесности или Гомилетика» (1846) проф. Я.К. Амфитеатрова, «Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика» (1858) Назария Фаворова. Все эти книги могли в то или иное время оказаться в кругу чтения святителя Игнатия, но вряд ли стоит утверждать, что они смогли существенно повлиять на формирование стиля его проповедей.

Святитель Игнатий не обучался ни в духовной семинарии, ни в академии, то есть не получил специального духовного образования. В монашеский чин он перешел из дворянского сословия после того, как в 1826 г. блестяще окончил Военное инженерное училище в Петербурге, в котором преподаванию гуманитарных дисциплин уделялось очень серьезное внимание, можно без сомнений утверждать, что основы светской риторики были глубоко усвоены будущим церковным проповедником.

Подлинной школой церковного красноречия для него стало не штудирование пособий по гомилетике, а изучение святоотеческой литературы. Своим духовным чадам он советовал чтение творений святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова и др., а также русских великих подвижников – святителей Георгия Задонского, Митрофания Воронежского, Георгия Затворника, где он нашел гармо-

ническое созвучие идей, полное единодушие и единомыслие, а также блестящие образцы для собственных духовных сочинений.

Излюбленные жанровые формы святителя Игнатия – слово и поучение – отсылают нас, прежде всего, к словам и поучениям святителей Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста. У них он учился ясности, четкости изложения мыслей, уравновешенности композиции, изобразительно-выразительным приемам. Их творения, оказавшись созвучными с его собственной склонностью к созерцательным раздумьям, научили святителя Игнатия видеть во временном вечное, в образах природы – отражение вечной красоты, вывели Брянчанинова-проповедника на тот путь, по которому шло дальнейшее развитие русской церковной проповеди, – путь творческого преодоления всякого рода регламентов и ограничений.

В богословских и публицистических текстах русских проповедников позднего Средневековья стало заметным «становление авторского самосознания, возраставшее осмысление значимости своих сочинений, ответственность писателя за высказанное слово и, главное, забота об его восприятии читателем» [11. С. 46–49]. Постоянно развивая эти особенности, русская церковная риторика вышла на особый виток своего развития к первой половине XIX в. В 1840-е гг. поэтика и риторика как предметы изучения в учебных заведениях окончательно разделяются, «получают различные предметы» [12. С. 24]. В это время, когда дворянство считало владение иностранными языками признаком высокой культуры, Русская Церковь стремилась вернуть родному слову «его евангельскую значимость для созидательной деятельности человека» [13. С. 78]. В трудах святителя Феофана Затворника, святителя Филарета Московского, архиепископа Иннокентия Херсонского, архиепископа Филарета Черниговского и других выдающихся проповедников наметилась тенденция синтеза церковной проповеди и художественной литературы. Особенно ярко эта тенденция проявилась в творчестве святителя Игнатия Брянчанинова. В своих произведениях, как богословских, риторических (поучения, слова, беседы), так и в эпистолярных, он излагает высокие духовные истины «в форме безукоризненно-литературной, во многих случаях художественной речи» [14. С. 19].

Основу творческого наследия Брянчанинова составляют проповеди (сборники «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь»), а также богословские сочинения («Слово о смерти», «Православное учение о человеке» и т.п.), письма и художественные произведения. Все эти тексты образует целостное идейно-тематическое единство, обладающее рядом общих стилевых характеристик, благодаря чему все творчество святителя Игнатия может восприниматься как единый текст. Его структурные особенности удобнее всего показать на примере книги «Аскетическая проповедь».

«Аскетическая проповедь» (1866) – сборник духовных поучений святителя Игнатия, написанных для произнесения в Церкви и келейного чтения. В предисловии к первому изданию этой книги автор обозначил главную цель ее создания – «пополнение к описанию христианского подвига».

На протяжении многих веков Святые отцы Церкви описывали опыт подвижнической жизни в аскетических сочинениях. Опираясь на эту традицию, обобщая эту многовековую практику, а также свой личный духовный опыт, святитель Игнатий стремится помочь найти четкие духовные ориентиры всем, кто желает идти по пути спасения. Этой целью определяется круг тем и мотивов «Аскетической проповеди». Все они связаны с аскетической стороной христианского учения о спасении – это темы покаяния, молитвы, поста, борьбы со страстями, стяжания христианских добродетелей.

«Аскетическая проповедь» является ярким доказательством того, что святитель Игнатий был представителем нравственно-практического направления церковной проповеди первой половины XIX в. Он продолжил дело виднейших духовных писателей конца XVIII – начала XIX вв., вступивших на путь борьбы с обмирщением духовной литературы и возрождением византийской аскетической традиции (нравственно-аскетическое направление) – святителя Тихона, епископа Воронежского, Филарета (Дроздова), митрополита Московского, Платона (Левшина), митрополита Московского, Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского. В трудах святителя Игнатия и святителя Феофана (Говорова) церковная проповедь на языке, понятном современникам, стала излагать святоотеческое учение о духовной жизни. Параллельно формировалось направление общественно-публицистическое. В поучениях Иоанна (Соколова), епископа Смоленского, Дмитрия (Муретова), архиепископа Херсонского, Амвросия (Ключарева) архиепископа Харьковского поднимались актуальные социальные проблемы, отражались текущие общественно-значимые события. Святитель Игнатий стремился сохранить в церковной проповеди ее духовно-аскетическую закваску, абстрагироваться от временного, злободневного, скоропреходящего, вернуть поучающему слову способность звучать актуально всегда, во все времена.

В состав сборника «Аскетическая проповедь» входит 53 самостоятельных, законченных по форме произведения. В основном – это поучения, но есть также тексты, обозначенные жанрово как «слово», «беседа», «речь». В конце книги помещено уникальное в жанровом отношении произведение – «Изложение учения Православной церкви о Божией Матери». Жанровая неоднородность, тем не менее, не мешает воспринимать книгу как единый текст, поскольку все проповеди здесь связаны друг с другом по смыслу, развивают, варьируют и углубляют содержание одного и того же круга тем и мотивов. Основные темы в большинстве проповедей обозначены в подзаголовках, например: «Почтение в среду первой недели Великого поста. О вреде лицемерства», «Почтение в третью неделю Великого поста. О крестоношении» и т.п. Обобщив эти темы, можно обнаружить среди них две группы: темы аскетические (покаяние, духовный и телесный подвиг, пост, молитва, борьба со страстями, добродетели) и темы богословские (православие, христианство, спасение). Но при этом в каждой проповеди в основную тему вплетаются мотивы, которые связывают каждый конкретный текст с остальными. Например, в поучениях, где основной является

тема покаяния, второстепенными оказываются содержательные линии, связанные с понятиями «молитва», «пост», «спасение», «православие». В проповедях, посвященных молитве, затрагиваются темы поста и покаяния. В частности, в «Поучении 2-м в неделю мытаря и фарисея» на подобное переплетение тем указывает подзаголовок: «О молитве и покаянии». Применительно к тексту «Аскетической проповеди», таким образом, целесообразно говорить о мотивной структуре, при этом мотив понимается как элемент произведения, «обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [15. С. 267], а также акцентированный за счет повтора [16. С. 249].

Через все тексты книги проходит тема покаяния, которую можно назвать главной, доминантной в «Аскетической проповеди». Покаяние Брянчанинов считал «основой всех видов христианского подвига» [17. С. 171]. Поэтому именно эта тема словно «прошивает» собой насквозь все составные части книги, придает ей целостность и композиционную уравновешенность, скрепляя разрозненные и разнотемные произведения и определяя основной вектор духовных размышлений автора. Это закономерно, поскольку идея покаяния лежит в основе православного учения о спасении, согласно которому главная цель человеческой жизни – «созидание душевного спасения по разуму Святой Православной Церкви» [18. С. 168].

В «Поучении 1-м в Неделю по Богоявлению» обосновывается выбор темы покаяния в качестве смысловой доминанты «Аскетической проповеди»: «Чтобы уверовать в Господа нашего Иисуса Христа, нужно покаяние; чтоб пребывать в этой спасительной вере, нужно покаяние; чтоб преуспеть в ней, нужно покаяние; чтобы наследовать Царство Небесное, нужно покаяние» [19. С. 9]. Покаяние здесь рассматривается как главное условие спасения.

Все остальные содержательные линии в книге – молитва, пост, страсти, добродетели, суд Божий, спасение – вплетаются в доминантную тему, образуя спектр сопутствующих мотивов. О чем бы ни говорил проповедник, какие бы стороны духовной жизни он не затрагивал в своих проповедях, – на все он смотрит через призму покаяния. Покаяние можно назвать доминантной темой, или, по терминологии Б.М. Гаспарова, главным лейтмотивом книги, который «раз возникнув, повторяется потом множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [20. С. 30].

Доминантный лейтмотив покаяния в «Аскетической проповеди» связан с рядом сопутствующих мотивов, среди которых наиболее отчетливо выделяется мотив веры.

Вера определяется проповедником как «сила духовного зрения» [19. С. 277]. По своим спасительным потенциям она оценивается выше, чем знание и видение. Связь смыслов веры, видения и знания составляет содержательное пространство проповедей Брянчанинова. Подобную смысловую структуру можно обнаружить в сочинениях святителя Димитрия Ростовского, который, как и святитель Игнатий, часто использует прием описания предметного мира («видения») как основу построения своих пропо-

ведей, на что обратила внимание в своем исследовании С.Н. Ипатова [6. С.115]. У Брянчанинова, как и у Дмитрия Ростовского, часто можно встретить представление о «тайнозрении», которое дает человеку вера, причем «очи веры» человека, по мысли святителя Игнатия, видят ясно настолько, насколько они очищены покаянием.

В «Поучении 2-м в Неделю по Богоявлении. О покаянии» вера и покаяние названы двумя равнозначными свойствами человека, данными ему Богом для спасения [19. С. 12]. Вера, – говорит святитель, – это источник истинного Богопознания, а покаяние – залог истинного Богослужения, поскольку оно, очищая сердце от страстей и грехов, открывает ему доступ к Богу [19. С. 12]. Все поучение строится на сопоставлении и противопоставлении данных смысловых категорий. Вера и покаяние в этом тексте выступают как равнозначные мотивы, обеспечивающие семантическое равновесие.

В сплетении мотивом веры и покаяния все более отчетливо выявляется механизм действия покаяния. Сущность покаяния проповедник описывает как процесс напряженного труда души: «Оно состоит в сознании своих погрешностей и сожалении о них» [19. С. 13]. Покаяние, как и вера, подчеркивает святитель, – не статичное состояние, а динамичный процесс. В духовной эволюции человека существуют разные этапы, разные уровни покаяния.

В «Поучении 2-м в Неделю по Богоявлении» покаяние описывается как духовный путь, точнее, как восхождение по духовной лестнице, лаконично и четко «изобразено здесь покаяние живописью слова» [19. С. 17]. Разные уровни покаяния обозначены в этом поучении при помощи приема градации: трем степеням покаяния соответствуют три степени блаженства. Начальная ступень связана с исповеданием явных нарушений заповедей: «Блаженны те, которые, вняв призыванию Божию, сознали свою греховность, раскаиваются в соделанных грехах и греховной жизни, решились исповедать их» [19. С. 18]. Новая ступень покаянного подвига предполагает расширение духовного кругозора, углубление самоанализа, обнаружение в самом себе многочисленных недостатков: «Блаженнее те, которые, потрудившись на поприще покаяния, увидели в себе оком души... падение человечества вообще и свое собственное в частности» [19. С. 18]. На высшей ступени покаяния человек очищается настолько, что признает себя достойным самых тяжелых испытаний и наказаний, готов к духовному подвигу «сораспятию Христу». Достигший такого состояния «стократ блаженнее» [19. С. 18].

Проповеди Брянчанинова насыщены цитатами из Евангелия, значительная часть которых иллюстрирует излагаемое им святоотеческое учение о покаянии. Можно выделить особую тематическую группу поучений, содержательное ядро которых образует анализ евангельских притч. Мысль о том, что покаяние истинное и ложное имеет очевидную и принципиальную разницу, иллюстрирует притча о мытаре и фарисее, которую святитель подробно разбирает в «Поучении 1-м в Неделю о мытаре и фарисее». Пер-

сонажей этой притчи он не раз упоминает и в других поучениях. Фигуры мытаря и фарисея под пером святителя Игнатия вырастают в символы противоположных духовных состояний и соответствующих им моделей поведения – смирения гордыни, а также разнонаправленных векторов жизненного пути – спасения и духовной смерти.

Текст поучения построен по принципу антитезы: противопоставляются комплексы душевных качеств, образующих характеры мытаря и фарисея. Проповедник заостряет внимание на свойствах их «духовного менталитета», на том, в каком движении мыслей и чувств реализуется их отношение к Богу.

Молитвенное состояние души фарисея определяет самообольщение: «Фарисей был удовлетворен собою, признавал себя достойным Бога, угодившим Богу» [19. С. 20]. Святитель заостряет внимание на том, что гордыня выражается даже во внешней стороне молитвы фарисея: в храме он занимает место, самое близкое к алтарю, стремясь даже в общении с Богом оказаться у всех на виду, поэтому его взгляд бесстрашно устремлен ввысь, к небу, а молитва представляет собой торжественное самовосхваление, гимн собственному совершенству, превосходству над окружающими.

Напротив, сердце мытаря абсолютно чуждо всякого самообольщения и самодовольства, поскольку оно преисполнено сознания собственного несовершенства. Смирненное признание того, что он недостоин общаться с Богом, отражается внешне в согбенном положении тела мытаря. Святитель Игнатий уверен, что именно такое внешнее выражение смирения должно сопровождать молитву, угодную Богу. Считая себя недостойным быть в храме рядом со всеми молящимися, мытарь скромно стоит у самых дверей, там, где его никто не может видеть. Евангельский мытарь у святителя Игнатия становится эмблемой покаяния. В «Почении в двадесать шестую Неделю. О лихоимстве» таким же способом, т.е. при помощи интерпретации образов евангельской притчи о неразумном богаче, воплощен мотив приоритета высших духовных ценностей по отношению к материальным благам [21].

В «Почении 2-м в Неделю мытаря и фарисея» в тему покаяния вплетается тема молитвы. Поскольку в предыдущей проповеди речь шла о мытаре и фарисее, о главных особенностях, образующих подобные типы характеров, то логично со стороны автора сосредоточить внимание на том, как эти характеры проявляют себя в молитве. Молитвенное состояние особенно отчетливо раскрывает психологические особенности человека, поскольку это процесс напряженной работы души.

Слова мытаря представлены в проповеди как эталон правильно совершаемой молитвы, «Богоприятной» и спасительной для человека. Проповедник обращает особое внимание на лаконичную форму молитвы мытаря, а также на то, что она совершается во время Богослужения, на фоне литургических молитвословий. Краткость молитвы свидетельствует о смирении и сосредоточенности молящегося. Святитель приводит слова святителя Тихона Воронежского о связи смирения и правильной молитвы: «когда

прозябнет в душе истинное покаяние... тогда многословие делается для нее несвойственным» [19. С. 28]. Кроме того, подчеркивает Брянчанинов, именно краткую молитву можно произносить максимально сосредоточенно, с благоговейным вниманием.

Для того чтобы объяснить разницу между правильной и неправильной молитвой, проповедник прибегает к приему сравнения, проводя аналогию между многословной и рассеянной молитвой и воздействием капель сильного дождя на железную крышу: с поверхности крыши «сбегает вся вода, в каком бы количестве она не пролилась» [19. С. 32]. Сосредоточенную, внимательную молитву святитель сравнивает с дождем, орошающим засеянное поле, «дающему питание произрастаниям и приготовляющему богатую жатву» [19. С. 32]. В таком контексте железная крыша и плодоносная земля воспринимаются как метафоры духовных состояний человека, степени его восприимчивости к благодати. Таким образом, характеристика молитвы мытаря позволяет проповеднику четко обозначить главные свойства правильной молитвы – внимание и покаяние.

В «Поучении в неделю блудного сына» тема покаяния вновь обретает полнозвучное выражение. Проповедник обращается к евангельскому сюжету о блудном сыне, чтобы показать, как вознаграждается покаянный труд человека, какой он находит отклик у Бога. Эта притча недаром читается в Церкви накануне Великого поста, главная цель которого – очищение души покаянием, – в ней «обнаруживается непостижимое, бесконечное милосердие Отца Небесного к грешникам» [19. С. 34].

Брянчанинов, следуя толкованиям святых отцов Церкви, дает свою интерпретацию евангельской притчи. Падшее человечество и каждого человека в отдельности символизирует образ младшего сына. Унаследованная им часть имения – это духовные дары, которые Бог дает каждому человеку. Уход из отчего дома и растрата имения – образ греховного состояния души, истощения внутренней энергии от неправильной, рассеянной, греховной жизни. Возвращение блудного сына к отцу – образ покаяния. В сцене встречи сына с отцом раскрывается бесконечная милость Бога к раскаявшемуся грешнику: Бог видит каждого, кто обращается к Нему с покаянием: «видит и уже спешает к нему навстречу, лобызает, обнимает его своей благодатью» [19. С. 35].

Как и в предыдущих поучениях, святитель обращается к интерпретации притчи, использует евангельские образы для того, чтобы раскрыть сущность покаяния, проиллюстрировать действие в человеческом мире духовных законов, установленных Богом. Обращение к евангельским образам, опора на их святоотеческую интерпретацию и, в то же время, стремление раскрыть их смысл на понятном современникам языке – характерные особенности библеизма проповедей святителя Игнатия, в котором проявляется стремление проповедника «приблизить свой язык к священному языку Библии» [22. С. 175] и облечь свои главные темы и мотивы в форму, наиболее выразительную для объяснения предметов религиозного содержания, а также оказать

определенное религиозно-мотивационное воздействие на читателей в соответствии с главной целью церковной проповеди [23].

В «Поучении в Неделю мясопустную. О Втором пришествии Христовом» святитель Игнатий вплетает в тему покаяния новую тематическую нить, связанную с христианским учением о Страшном Суде. В начале поучения проповедник выстраивает четкую оппозицию, противопоставляя два эпизода сотериологического сюжета в христианском учении – Первое и Второе Пришествие Христа. Первое Пришествие на землю Сына Божия, целью которого было совершение искупительного подвига, «было исполнено постоянного и глубокого смирения» [19. С. 39]. Спаситель родился не в царских палатах, а в пастушеской пещере, прожил земную жизнь среди простых людей, терпя лишения и завершив земной путь мученической кончиной. Второе Пришествие, целью которого будет Всеобщий страшный суд, напротив, будет сопровождаться явлением Его Божественной славы.

Говоря о том, что потребуется каждому человеку для оправдания на Страшном Суде, проповедник неоднократно повторяет слово «милость». При этом он использует прием олицетворения абстрактного понятия, заставляющий вспомнить творчество поэтов XVIII в. (Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского и др.): «Милость доставит оправдание возлюбившим ее, а отвергших ее предаст осуждению» [19. С. 41]. Святитель Игнатий перечисляет категории праведников и дела милосердия, которые будут достойны оправдания. Это конкретные проявления помощи ближним (дела милости «вещественные») – накормить голодных, одеть нагих, посетить больных и заключенных, а также «невещественные» дела милости – воздержание от осуждения, прощение обид, духовное окормление. В конце подробного списка дел милости святитель помещает покаяние, которое трактуется в контексте поучения как милость, которую человек, у которого нет сил помогать другим людям, способен оказать самому себе: «Покаяние для ожесточенного сердца невозможно, надо, чтобы сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему божественному состоянию греховности» [19. С. 42]. Таким образом, через мотив милости Брянчанинов соединяет тему покаяния с темой Второго Пришествия Христова и Страшного Суда, дает обоснование необходимости покаяния, как честного самоанализа, как напряженного труда по освобождению души от тяжести накопившегося в ней греха.

Второе Пришествие Христа и Всеобщий Страшный Суд становятся у святителя Игнатия как самостоятельной темой, глубоко и обстоятельно раскрытой, так и одной из нитей, вплетенной в тематическую канву «Аскетической проповеди», связанную, в первую очередь, с семантической доминантой книги – темой покаяния.

Покаянию посвящено самое объемное произведение в «Аскетической проповеди» – «Беседа в понедельник первой недели Великого поста. Приготовление к таинству исповеди». Данная проповедь рассчитана на чтение про себя, а не на слуховое восприятие, поэтому для того, чтобы читателю было легче сориентироваться в нем, святитель Игнатий выделил заголов-

ками традиционные структурные компоненты проповеди: Введение, Первую и Вторую части и Заключение.

Во Введении концентрация внимания проповедника на теме покаяния обоснована тем, что пост, к началу которого приурочена проповедь, – это установленное Церковью время сугубого покаяния, особенно тщательного самоуглубления. В идеале человек должен пребывать в покаянии постоянно, но большинство людей добровольно выбирают путь жизни, «которая всецело приносится в жертву плоти, греху и тлению» [19. С. 47–48].

В первой части Беседы святитель развивает мысль о спасительной силе покаяния и его всеобъемлющем действии, используя метафору «покаяние – океан»: как океан поглощает одинаково и воды широкой реки, и самые мелкие ручейки, так и покаяние с одинаковой силой очищает все грехи – великие и малые [19. С. 48]. Спасительную силу покаяния проповедник раскрывает, используя примеры из Священного писания (сюжет о грехе и покаянии царя Давида, эпизод, связанный с судьбой города Ниневии, который спасло покаяние царя Ахава) и из Священной Истории (повести из «Лавсаика» о монахе и преступнике, о покаянии блудницы у ворот монастыря) и др.

Покаяние – это напряженный труд ума и души, непривычный для большинства людей. Святитель Игнатий помогает сориентироваться в этой области самоанализа и указывает те векторы размышления о себе, которые могут направить покаянный труд в правильное, плодотворное русло. Он отмечает, что одним из признаков, по которым нужно оценивать свое духовное состояние, является соответствие идеалу, который явлен в Христе – «новом Адаме». Второй признак, говорит проповедник, – это соответствие жизни человека заповедям Блаженства: «соблюдавший Христовы заповеди – Христов; не соблюдающий их не принадлежит Христу» [19. С. 58].

Во второй части проповеди святитель Игнатий дает конкретные практические рекомендации по подготовке к таинству исповеди. В рассуждение о покаянии здесь вливается мотив молитвы. Проповедник подчеркивает, что в подвиге покаяния человеку необходима помощь Бога, которая «испрашивается усердною, внимательною молитвою» [19. С. 61]. Святитель дает образцы молитвенных прошений, о даровании покаяния: молить Бога следует о том, чтобы провести время поста с вниманием и благоговением, о том, чтобы Бог даровал мужество в борьбе с грехами и страстями, помог честно открыть их на исповеди духовному отцу и не возвращаться к ним после принесенного покаяния. Самой главной должна быть молитвенная просьба о стяжании постоянного покаянного внутреннего настроя: «Более всего моли о том, чтобы был дарован тебе дух сокрушен» [19. С. 62]. Связь темы покаяния и мотива молитвы в этом тексте особенно очевидна и определяет композиционную структуру беседы.

Мотивы веры, молитвы, Божьего суда в разных сочетаниях встречаются в других текстах «Аскетической проповеди», сплетаются с другими мотивами, связанными, с понятиями «грех» и «добродетель» («О вреде лицемерства», «О лихоимстве», «О любви к ближнему», «О любви к Богу» и

т.п.). Эту тенденцию можно проследить по заглавиям, в которых обозначается основной мотив проповеди. Однако они не образуют мотивный каркас книги, хотя и связаны между собой внутренними смысловыми связями – через основные мотивы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сборник поучений «Аскетическая проповедь», концентрирующий в себе идейно-стилевые особенности всего творчества святителя Игнатия (Брянчанинова), представляет собой единый текст, имеющий мотивную структуру. Он пронизан магистральной темой покаяния, в которую последовательно вплетаются сопутствующие мотивы (молитва, пост, Божий суд и т.п.), которые могут пересекаться друг с другом или развиваться параллельно, образуя сложную, но чрезвычайно «прочную» текстовую «ткань».

2. Точками пересечения мотивных линий в ряде проповедей оказываются евангельские образы (мытарь и фарисей, отец и блудный сын и т.п.). Связь мотивов с евангельскими образами обеспечивает наглядность поучающего слова святителя Игнатия, определяя важнейшую стилевую особенность его текстов – библеизм.

Покаяние – главная тема книги, многогранная и многоаспектная, все сопутствующие мотивы именно через нее связываются между собой, образуют семантическое единство, раскрывающее сущность православного учения о спасении.

Список источников

1. *Важеркина И.В.* Философско-педагогические идеи Игнатия Брянчанинова в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания : дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2010. 205 с.
2. *Гатилова Н.Н.* Духовно-нравственное воспитание человека в трудах святителя Игнатия Брянчанинова : дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2006. 163 с.
3. *Остапенко М.А.* Образ совершенного человека в православной антропологии : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 159 с.
4. *Ицкович Т.В.* Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (12). С. 64–68.
5. *Крылов А.А.* Концептуальный анализ текста: На материале «Слова о смерти» святителя Игнатия Брянчанинова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 204 с.
6. *Ипатова С.Н.* Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века: На материале творчества Святителя Игнатия : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 234 с.
7. *Пригарина А.С.* Реализация исповедальной интенции в разных типах дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 229 с.
8. *Мельник В.И.* Православие и культура: святитель Филарет (Дроздов) Игнатий Брянчанинов о художественной литературе // Филаретовский альманах. 2009. № 5. С. 151–164.
9. *Воронин Т.Л.* Взгляд святителя Игнатия Брянчанинова на природу поэзии и поэтического вдохновения в контексте русского романтизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. № 2. С. 12–21.

10. Пращерук Н.В. Пастырь и художник: о духовной прозе Игнатия Брянчанинова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 59–66.
11. Жукова Л.И. Авторские своды в русской публицистике XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 46–49.
12. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М. : Просвещение, 1996. 416 с.
13. Бондарева О.Н. Проблема возвращения русской словесности к духовным истокам в первой половине XIX века // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике. М., 2017. С. 77–83.
14. Соколов Л. Святитель Игнатий: его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 1140 с.
15. Хализев В.Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2009. 432 с.
16. Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.
17. Марк (Лозинский), игум. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова). Кириллов : Кирилло-Белозерский монастырь, 2007. 394 с.
18. Михайленко А.С. Сотериология свт. (Игнатия Брянчанинова) // Труды Белгородской духовной семинарии. 2017. № 6. С. 164–171.
19. Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений : в 8 т. М. : Паломник, 2002. Т. 4. 783 с.
20. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.
21. Пушкарёв С.В. Система нравственных ценностей современного человека в интерпретации святителя Игнатия (Брянчанинова) прпчч о неразумном богаче (Лк. 12, 13–21) // Труды Белгородской духовной семинарии. 2016. № 4. С. 101–104.
22. Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика: теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999. 324 с.
23. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации : автореф. дис... канд. филол. наук. Иркутск, 1998. 21 с.

References

1. Vazherkina, I.V. (2010) *Filosofsko-pedagogicheskie idei Ignatiya Bryanchaninova v kontekste sovremennykh problem dukhovno-nravstvennogo vospitaniya* [The philosophical and pedagogical ideas of Ignatius Bryanchaninov in the context of modern problems of spiritual and moral education]. Pedagogics Cand. Diss. Ryazan.
2. Gatilova, N.N. (2006) *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie cheloveka v trudakh syvyatitelya Ignatiya Bryanchaninova* [The spiritual and moral education of man in the works of St. Ignatius Bryanchaninov]. Pedagogics Cand. Diss. Kursk.
3. Ostapenko, M.A. (2002) *Obraz sovershennogo cheloveka v pravoslavnoy antropologii* [The image of a perfect person in Orthodox anthropology]. Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Itskovich, T.V. (2012) *Idiostil' pravoslavnykh propovednikov v ramkakh kategorial'no-tekstovoy kontseptsii* [The idiostil of Orthodox preachers in the framework of the categorical-text concept]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (12), pp. 64–68.
5. Krylov, A.A. (2004) *Kontseptual'nyy analiz teksta: Na materiale "Slova o smerti" syvyatitelya Ignatiya Bryanchaninova* [Conceptual analysis of the text: on the material of "Words about Death" by St. Ignatius Bryanchaninov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Ipatova, S.N. (2004) *Tserkovno-propovednicheskii stil' russkogo yazyka XIX veka: Na materiale tvorchestva Syvyatitelya Ignatiya* [The church predicator style of the Russian

language of the 19th century: on the material of the creativity of St. Ignatius]. Philology Cand. Diss. Vologda.

7. Prigarina, A.S. (2012) *Realizatsiya ispovedal'noy intentsii v raznykh tipakh diskursa* [Implementation of confessional intention in different types of discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

8. Mel'nik, V.I. (2009) Pravoslavie i kul'tura: svyatitel' Filaret (Drozdov) Ignatiy Brianchaninov o khudozhestvennoy literature [Orthodoxy and culture: St. Filaret (Drozdov) Ignatius Bryanchaninov on fiction]. *Filaretovskiy al'manakh*. 5. pp. 151–164.

9. Voronin, T.L. (2006) Vzglyad svyatitelya Ignatiya Brianchaninova na prirodu poezii i poeticheskogo vdokhnoveniya v kontekste russkogo romantizma [The view of St. Ignatius Brianchaninov on the nature of poetry and poetic inspiration in the context of Russian romanticism]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*. 2. pp. 12–21.

10. Prashcheruk, N.V. (2012) Pastyr' i khudozhnik: o dukhovnoy proze Ignatiya Brianchaninova [Shepherd and artist: about the spiritual prose of Ignatius Bryanchaninov]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 10. pp. 59–66.

11. Zhurova, L.I. (2011) Avtorskie svody v russkoy publitsistike XVI v. (postanovka problemy) [Author's arches in Russian journalism of the 16th century (setting the problem)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 46–49.

12. Mikhail'skaya, A.K. (1996) *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [The Basics of Rhetoric. Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie.

13. Bondareva, O.N. (2017) [The problem of the return of Russian literature to the spiritual sources in the first half of the 19th century]. *Ritorika i kul'tura rechi v sovremenno nauchno-pedagogicheskom protsesse i obshchestvenno-kommunikativnoy praktike* [Rhetoric and Culture of Speech in the Contemporary Scientific and Pedagogical Process and Socio-Communicative Practice]. Proceedings of the 21th International Conference. Moscow. 01–03 February 2017. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute. pp. 77–83. (In Russian).

14. Sokolov, L. (2003) *Svyatitel' Ignatiy: ego zhizn', lichnost' i moral'no-asketicheskie vozzreniya* [Saint Ignatius: His life, personality and moral Ascetic views]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyr'a.

15. Khalizev, V.E. (2009) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Akademiya.

16. Sukhikh, I.N. (2018) *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vseh* [Structure and Meaning: The theory of literature for everyone]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

17. Lozinskiy, M. (2007) *Dukhovnaya zhizn' miryanina i monakha po tvoreniyam i pis'mam episkopa Ignatiya (Brianchaninova)* [The Spiritual Life of a Layman and a Monk According to the Creations and Letters of Bishop Ignatius (Bryanchaninov)]. Kirillov: Kirillo-Belozerskiy monastyr'.

18. Mikhaylenko, A.S. (2017) Soteriologiya svt. (Ignatiya Brianchaninova) [Soteriology of St. (Ignatius Brianchaninov)]. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*. 6. pp. 164–171.

19. St. Ignatius Brianchaninov. (2002) *Polnoe sobranie tvoreniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Palomnik.

20. Gasparov, B.M. (1993) *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura".

21. Pushkarev, S.V. (2016) Sistema nraivstvennykh tsennostey sovremennogo cheloveka v interpretatsii svyatitelya Ignatiya (Brianchaninova) pritchi o nerazumnom bogache (Lk. 12, 13–21) [The system of moral values of modern man in the interpretation of St. Ignatius (Bryanchaninov) parables about unreasonable richer (Luke 12, 13–21)]. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*. 4. pp. 101–104.

22. Feodosiy, Bishop of Polotsk and Gluboksk. (1999) *Gomiletika: teoriya tserkovnoy propovedi* [Homiletics: The theory of church sermon]. Sergiev Posad: Moskovskaya dukhovnaya akademiya.

23. Ageeva, G.A. (1998) *Religioznaya propoved' kak spetsificheskiy vid yazykovoy kommunikatsii* [Religious preaching as a specific type of language communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Информация об авторе:

Титкова Н.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: nataly.arzamas@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.E. Titkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lobachevsky University (Arzamas Branch) (Arzamas, Russian Federation). E-mail: nataly.arzamas@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.09.2019;
одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 18.09.2019;
approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

Научная статья

УДК 82.02

doi: 10.17223/19986645/80/15

Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев

Вячеслав Тависович Фаритов¹

¹ Самарский государственный технический университет,
Самара, Россия, vfar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу философских мотивов учений о слове в романе и в мифе М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева. На основе проведенного анализа работ названных авторов делается вывод, что учения о слове двух мыслителей являются антагонистическими по своей направленности. В то время как Лосев трактует слово в качестве мифа, Бахтин усматривает истоки романного «разноречия» в процессе разложения национального мифа.

Ключевые слова: слово, роман, миф, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ф. Ницше, трансгрессия

Для цитирования: Фаритов В.Т. Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 306–317. doi: 10.17223/19986645/80/15

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/15

The word in the novel and the word in the myth:

Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev

Vyacheslav T. Faritov¹

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

Abstract. The article compares the philosophical motives of the teachings about the word in the novel and in the myth of Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev. The article highlights two opposite trends in modern linguistic and philosophical studies of the phenomenon of language. On the one hand, there is a movement towards decentralization and relativization of linguistic consciousness. On the other hand, there is a tendency to reveal language as a single center of being and thinking. These are two fundamental and opposite paradigms in the humanities of the twentieth century. The article provides an explication of the origins of these paradigms on the basis of a comparative analysis of the concepts of Bakhtin and Losev – key figures in the field of humanitarian and philosophical thought of the last century. The basis for a comparative study is the fact that for both Losev and Bakhtin language is the main subject of their conceptual developments. At the same time, both thinkers follow such different paths that they can be characterized as the greatest antagonists in philosophical and humanitarian thought. Bakhtin's developments are most consistent with the trends that have become widespread in modern times (the end of the 20th and the 21st centuries).

Losev's ideas, despite their indisputable significance, largely fall out of the context of modernity. If Bakhtin anticipates the way of thinking of the postmodern era, then Losev constitutes a significant antithesis in relation to this culture. This divergence in the positions of the two thinkers is most clearly manifested in their approaches to the interpretation of the word. First of all, attention is drawn to the fact that Bakhtin's significant works are dedicated to the problem of the word in the novel. Losev, in turn, considers the word mainly in myth. This difference in areas of study is not accidental and cannot be explained solely by the personal preferences of the two thinkers. In the sphere of linguistic consciousness, myth and novel are two extreme and opposite poles. The myth is formed in the early stages of culture and corresponds to the period of assertion of national self-consciousness. The novel is formed and acquires a predominant significance in the later eras of culture, characterized by the decomposition of established forms. Between these two extreme limits are such forms of linguistic consciousness as poetry, epic, drama. It is important, therefore, to take into account that the novel is not only one of the genres of literature, but a special point of view on the world. And, according to Bakhtin, this point of view of the world is not simply opposed to myth, but requires – as a necessary condition for its emergence – the decomposition of the mythical form of linguistic consciousness. The studies of Losev and Bakhtin show that both the myth and the novel are based on a well-defined ontology. The comparative analysis of the concepts of thinkers allows substantiating the position that in each case we are talking about fundamentally different types of ontological interpretation of the world. The point of intersection of the concepts is the doctrine of the word as a special sphere of self-disclosure of being.

Keywords: word, novel, myth, Aleksei Losev, Mikhail Bakhtin, Friedrich Nietzsche, transgression

For citation: Faritov, V.T. (2022) The word in the novel and the word in the myth: Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 306–317. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/15

«Лингвистический поворот» выступает в качестве одного из наиболее значимых событий в сфере гуманитарного знания XX в. [1. С. 169]. Фундаментальные открытия в области лингвистики, с одной стороны, и кризис европейской метафизики, с другой стороны, приводят к кардинальному переформатированию пространства философского дискурса. В XIX в. была тщательно разработана философия языка, где язык выступал в качестве предмета философского осмысления в категориях западной метафизики. В XX в. само философское осмысление мира осуществляется в категориях лингвистики и литературоведения. Это новое направление воплотилось в семиотике, структурализме и постструктурализме. Границы между лингвистикой, литературоведением и философией здесь становятся зыбкими и подвижными.

Вместе с тем можно выделить две противонаправленные тенденции. С одной стороны, наблюдается движение в направлении децентрализации и релятивизации языкового сознания, с другой – обнаруживается тенденция к раскрытию языка в качестве единого центра бытия и мышления. Это две фундаментальные и противоположные парадигмы в гуманитарных науках XX в. Попытаемся выявить истоки этих парадигм на материале

сравнительного анализа концепций М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева – ключевых фигур в сфере гуманитарной и философской мысли прошлого столетия. Основанием для компаративного исследования выступает тот факт, что и для Лосева и для Бахтина язык является основным предметом их концептуальных разработок. При этом направления их исследований столь различны, что названных мыслителей можно охарактеризовать в качестве величайших антагонистов в философской и гуманитарной мысли. Разработки Бахтина в наибольшей степени отвечают тенденциям, получившим распространение в современности (конец XX – XXI вв.). Идеи Лосева – при их бесспорной значимости – во многом выпадают из контекста современности. Если Бахтин предвосхищает образ мысли эпохи постмодерна, то Лосев составляет по отношению к этой культуре значимую антитезу. Это расхождение в позициях двух мыслителей проявляется в их походах к трактовке слова.

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что значимые работы Бахтина посвящены проблеме слова в романе. Лосев в свою очередь рассматривает слово преимущественно в мифе. Это различие областей исследования не случайно и не может быть объяснено исключительно личными предпочтениями двух мыслителей. В сфере языкового сознания миф и роман представляют собой два крайних и противоположных полюса. Миф складывается на ранних стадиях культуры и соответствует периоду утверждения национального самосознания. Роман формируется и получает преобладающее значение в поздние эпохи культуры, характеризующиеся разложением устоявшихся форм сознания. Между этими мифом и романом, согласно Бахтину, располагаются поэзия, эпос, драма. Важно, таким образом, учитывать, что роман представляет собой не только один из жанров литературы, но особую точку зрения на мир. И, согласно Бахтину, эта точка зрения на мир не просто противоположна мифу, но требует – в качестве необходимого условия своего возникновения – разложения мифической формы языкового сознания.

Исследования Лосева и Бахтина показывают, что в основании как мифа, так и романа лежит определенная онтология. Сравнительный анализ концепций мыслителей позволяет обосновать положение, что в каждом случае речь идет о принципиально различных типах онтологического истолкования мира. Точкой пересечения концепций является учение о слове как об особой сфере самораскрытия бытия. Эта интенция характерна для литературоведческих исследований Бахтина не в меньшей степени, чем для философско ориентированных работ Лосева. И Бахтин в своей работе о слове в романе ставит задачу осуществить «радикальный пересмотр философской концепции поэтического слова» [2. С. 22]. Постановка такой задачи свидетельствует о том, что прежние философские концепции, на которых базировались филологические исследования, уже исчерпали свой потенциал и утратили свою силу, перестали отвечать духу и вызовам времени.

Бахтин в своем исследовании романного слова эксплицирует ту онтологию, которая соответствует основным тенденциям онтологии неклассиче-

ского, постметафизического типа, – онтологию постмодернизма. Следует сразу отметить, что речь здесь идет вовсе не о «постмодернистской» художественной прозе. Именно роман – в своих классических образцах – утверждает такую «точку зрения» на мир, которая в наибольшей степени соответствует онтологии постмодернизма.

Нам могут возразить, что роман в истории литературы появляется задолго до наступления эпохи постмодернизма. На это следует ответить, что процесс разложения онтологии одного типа и утверждения онтологии другого типа занимает не одно столетие. Кроме того, необходимо учитывать циклический характер истории культуры. Согласно Бахтину, становление романного жанра связано с периодом разложения устоявшихся традиционных форм культурной и общественной жизни: «Так появляются зачатки романной прозы в разноречивом и разноречивом мире эллинистической эпохи, в императорском Риме, в процессе разложения и падения средневековой церковной словесно-идеологической централизации. Так и в Новое время расцвет романа связан всегда с разложением устойчивых словесно-идеологических систем и с усилением и интенционализацией в противовес им языковой разноречивости как в пределах самого литературного диалекта, так и вне его» [2. С. 130]. Современная эпоха постмодерна – очередной виток в этом цикле.

Рассмотрим более подробно онтологические импликации романного слова в виде задачи сопоставления с учением о слове в мифе, предложенным Лосевым. Для Бахтина слово в романе не замкнуто, оно направлено вне себя, за пределы своих границ: «значащее слово живет вне себя, то есть своей направленностью вовне» [2. С. 112]. Слово в романе, таким образом, *трансгрессивно*: оно выражает центробежные силы языка, «процессы децентрализации и разъединения» [2. С. 27]. Слово – «арена встречи», сфера, в которой происходит «взаимодействие разных контекстов, разных точек зрения, разных кругозоров, разных экспрессивно акцентных систем, разных социальных “языков”» [2. С. 38]. Однако и Лосев говорит о слове как об «арене встречи», как об «интимном единстве разъятых сфер бытия». И для Лосева слово «есть выхождение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно – мост между “субъектом” и “объектом”» [3. С. 113].

Но это внешнее сходство не должно вводить нас в заблуждение. И у Лосева и у Бахтина слово не замкнуто в собственных границах, оно живет в состоянии перманентного перехода границ и само есть процесс этого перехода. Однако у Бахтина речь идет о *горизонтальном* переходе: слово в романе всегда находится в диалогическом взаимодействии с чужим словом, эксплицирующим иные точки зрения на мир, иные контексты и т.п. В онтологическом плане здесь не происходит перехода к иным уровням бытия. Трансгрессия не выводит слово за пределы словесного пространства диалога или полилога, пересечение точек зрения и контекстов остается в сфере дискурса. Впоследствии это учение о напряженной борьбе слова и чужого слова получит свое выражение в постмодернистской теории гегемонии дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф [4]. В конце концов, в постструктуралистских теориях все будет сведено к игре знаков [5].

У Лосева, напротив, речь идет о сопряжении в слове различных пластов бытия. В имени осуществляется смысловая встреча предмета и сущности [3. С. 230]. Слово как символ есть «не эйдос, но воплощенность эйдоса в инобытии», «в символе мы находим инобытийный материал, подчиняющийся в своей организации эйдосу» [3. С. 178]. Речь, таким образом, идет о диалектическом взаимодействии иерархически различающихся бытийных пластов. Отсюда следует, что переход границы у Лосева носит не трансгрессивный характер. В символе утверждается не множественность и гетерогенность как таковая, но единство в различии. В символе встречаются и сопрягаются, проникают друг в друга трансцендентное и имманентное. Метафизическая вертикаль воплощается в абсолютное бытие и абсолютный смысл: «Предполагая чувственное инобытие и чувственно-алогическое становление, символ для уразумения требует преодоления этой инобытийной сферы, ибо он есть, как чисто смысловая картинность, все же нечто устойчиво-раздельное и четко очерченное. Но преодолевая это инобытие, мы видим, что оно все время переходит в устойчивость и смысл, что оно не просто уничтожается (тогда был бы просто первоначальный эйдос, и никакого символа не было бы), но *эйдетизируется*, осмысляется, переходит в вечность устойчивого смысла, уже нового по сравнению с тем отвлеченным смыслом, какой был в первоначальном эйдосе» [3. С. 179].

Миф как имя, как слово и как символ есть, таким образом, полагание и утверждение вечности. Но это не вечность метафизики, в своей абстрактности оторванная от времени и становления. Это вечность как диалектическая сопряженность «антиномических конструкций смысла» [3. С. 83]. В символе эйдос воплощается в инобытии, преодолевая свою идеальную отвлеченность и трансцендентность, в то время как инобытие обретает устойчивый смысл, преодолевая свою неосмысленность. Конструкция слова–символа–мифа у Лосева, таким образом, вертикальна. Мифу присущ символизм, утверждающий «полное равновесие между “внутренним” и “внешним”, идеей и образом, “идеальным” и “реальным”» [6. С. 76]. Тождество здесь не исключает различия, различие не устраняет тождества: «Символ есть самостоятельная действительность. Хотя это и есть встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя указать, где “идея” и где “вещь”. Это, конечно, не значит, что в символе никак не различаются между собою “образ” и “идея”. Они обязательно различаются, так как иначе символ не был бы выражением. Однако они различаются так, что видна и точка их абсолютного отождествления, видна сфера их отождествления» [6. С. 76–77].

Таково – в общих чертах – лосевское учение о слове в мифе (подробный анализ см. [7]). Теперь мы можем дать более развернутое обоснование тезиса об антагонизме романного слова по отношению к слову мифическому. Согласно Бахтину, становление романного разноречия непосредственным образом направлено именно против нераздельной власти мифа над языком: «Дело идет об очень важном и, в сущности, радикальном перевороте в

судьбах человеческого слова: о существенном освобождении культурно-смысловых и экспрессивных интенций от власти одного и единого языка, а следовательно, и об утрате ощущения языка как мифа, как абсолютной формы мышления» [2. С. 126]. Выше мы показали, что для Лосева миф, мифическое слово-символ и есть не что иное, как абсолютная форма мышления. В сфере социального бытия процессу освобождения слова от власти мифа соответствует процесс разложения иерархического устройства общества: «Замкнутое сословие, каста, класс в своем внутренне-едином и устойчивом ядре, если они не охвачены разложением и не выведены из своего внутреннего равновесия и самодовления, не могут быть социально продуктивной почвой для развития романа: факт разноречия и разноязычия может здесь спокойно игнорироваться литературно-языковым сознанием с высоты его непререкаемо-авторитетного единого языка» [2. С. 127]. В контексте философских изысканий XX в. разложение и выведение из равновесия сословий рассматривается как условие возникновения масс, «четвертого сословия». Исчерпывающую характеристику феномена массы мы находим, например, у О. Шпенглера: «Это нечто абсолютно бесформенное, испытывающее ненависть к любым формам, к любым иерархическим различиям, к любой собственности и упорядоченному знанию. Это новые городские кочевники, для которых рабы и варвары античности, шудры в Индии и вообще все, что представляет из себя человек, в равной мере является чем-то текучим, совершенно оторванным от своих истоков, отказывающимся признавать свое прошлое и не имеющим будущее» [8. С. 1137].

Массовое общество и романский жанр в литературе – явления коррелятивные, в основании которых лежит одно и то же событие: словесно-смысловая децентрализация идеологического мира, релятивизация и децентрация языкового сознания. Необходимым условием этих процессов является разложение системы национального мифа. Именно миф дает прочное основание для формирования подчиненных единому центру сознания и социальной организации, поскольку для мифа характерна «абсолютная сращенность между словом и конкретным идеологическим смыслом» [2. С. 128].

В своем исследовании связи формирования романного слова и разложения национального мифа Бахтин ссылается на работу Эрвина Роде «Греческий роман и его предшественники» [9]. Немецкий филолог «анализирует процесс разложения на эллинистической почве греческого национального мифа и связанный с этим процесс распада и измельчания форм эпоса и драмы, возможных только на почве единого и целостного национального мифа» [2. С. 210]. Здесь уместно будет вспомнить, что Эрвин Роде – близкий друг Фридриха Ницше, профессора классической филологии, высказавшего идею разложения греческой трагедии и греческого мифа как условия формирования новой «сократической» культуры. Э. Роде публиковал ряд работ, посвященных книге Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» [10]. Впоследствии идея смерти мифа преобразуется в философ-

ском мышлении Ницше в идею смерти Бога. Кризис мифического и религиозного сознания выступает, таким образом, необходимым условием становления нового типа языкового сознания, которое Бахтин характеризует как галилеевское: сознание, «отказавшееся от абсолютизма единого и единственного языка, то есть от признания своего языка единственным словесно-смысловым центром идеологического мира, и осознавшее множественность национальных и, главное, социальных языков» [2. С. 126].

Утверждение несводимой к единству множественности и гетерогенности – базовый постулат философии и культуры постмодернизма. Заслуга Бахтина состоит в том, что ему удалось проникнуть в самую сердцевину этого нарождающегося и набирающего силу типа языкового сознания. В романе мыслитель эксплицировал «орган для осознания разноречивости языка», путь, ведущий к «словесно-смысловой децентрализации мира» [2. С. 126].

Именно роман, согласно Бахтину, создает благодатную почву и среду для появления особого типа слова – «блуждающего слова», слова, «оторванного от материала и не проникнутого единством социальной идеологии, окруженного разноречием и разноязычием и лишенного в нем всякой опоры и центра» [2. С. 139]. Блуждающее слово образует противоположный стилистический и идеологический полюс по отношению к прямому авторскому слову, а также к поэтическому слову. Прямое слово предполагает непосредственное выражение авторских интенций, следовательно, постулирует, конституирует и гипостазировывает автора и субъекта. Все это идет в разрез с базовой установкой постмодернизма на деонтологизацию автора и субъекта («смерть автора» и «смерть субъекта»). Согласно Бахтину, роман не является благоприятной средой для утверждения прямого авторского слова. В романе – выступающим, согласно Бахтину, «органом осознания разноречивости языка» – прямое слово либо вовсе отсутствует, либо окружено контекстом разноречия, с которым он вступает в диалогические отношения и посредством этого релятивизируется, утрачивает свою значимость. Наконец, в тех случаях, когда прямое авторское слово действительно преобладает в романе, мы имеем дело с дефективной, неполноценной реализацией жанра. Роман должен раскрывать именно несводимую к единству множественность и гетерогенность языкового сознания. Авторский голос не может здесь выступать в качестве авторитарной инстанции, постулирующей непреложные истины. Гегемония автора в романе должна быть нейтрализована.

Поэтическое слово, согласно Бахтину, также характеризуется интенциями, противоположными романному слову. Для поэзии фактическая дезинтегрированность языкового материала выступает в качестве антисреды, в качестве «иноного», позволяющего поэзии утвердить границы своего языка. Разноречие остается за границей поэтического слова, и эта граница в поэзии не переступается: «Но поэзия, стремящаяся к пределу своей чистоты, работает на своем языке так, как если бы он был единым и единственным языком, как если бы вне его не было никакого разноречия. Поэзия держится как бы на середине территории своего языка и не приближается к

его границам, где она неизбежно соприкоснулась бы диалогически с разноречием, она остерегается заглядывать за границы своего языка» [2. С. 160]. В этом плане поэзия ближе к мифу, хотя и не тождественна с ним, как это было подробно проанализировано в «Диалектике мифа» Лосева.

Поэзия, по Бахтину, «канонизирует свой язык как единый и единственный, как если бы другого языка и не было» [2. С. 160]. Этот тезис сам по себе не является бесспорным. Трактовка поэтического языка как феномена трансгрессивного, формирующегося на основе нарушения границ языковых норм (стилистических, лексических, грамматических), представлена в работах О. Мандельштама [11], Ю.Н. Тынянова [12], Б.М. Гаспарова [13]. Однако в задачи настоящего исследования не входит рассмотрение этих концепций (ограничимся ссылками на некоторые работы прошлых лет [14, 15]).

В отличие от названных авторов, Бахтин рассматривает поэтический язык не сам по себе, а в контексте сопоставления с романной прозой. На фоне романного разноречия и диалога языков поэзия действительно раскрывается как феномен интегративный. Поэтическое слово не ориентировано на диалог. Многозначность поэтического слова происходит не из диалога различных языковых точек зрения, но из его символической самоуглубленности. Как символ поэтическое слово всегда есть встреча двух различных планов бытия. Согласно Лосеву, в поэзии, как и в мифе, утверждается вертикаль, глубина: «мифический и поэтический образ суть оба вместе виды *выразительной формы* вообще... [Выражение] – это синтез “внутреннего” и “внешнего”, – *сила*, заставляющая “внутреннее” *проявляться*, а “внешнее” – тянуть в глубину “внутреннего”. Выражение всегда динамично и подвижно, и *направление* этого движения есть всегда от “внутреннего” к “внешнему” и от “внешнего” к “внутреннему”. Выражение – арена встречи двух энергий, из глубины и извне, и их взаимообщение в некоем цельном и неделимом образе, который сразу есть и то и другое, так что уже нельзя решить, где тут “внутреннее” и где тут “внешнее”» [6. С. 105]. Многозначность символа апофатична: глубина не может быть исчерпана в выражении: «Так, символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности. В вечно нарождающихся и вечно тающих его смысловых энергиях – вся сила и значимость символа, и его понятность уходит неудержимой энергией в бесконечную глубину непонятности, апофатизма, как равно и неотразимо возвращается оттуда на свет умного и чистого созерцания. Символ есть смысловое круговращение алогической мощи непознаваемого, алогическое круговращение смысловой мощи познания» [3. С. 179].

В романе, согласно Бахтину, утверждается многозначность, но не символическая, а лишь подобная символической: «Образ становится многозначным, как символ» [2. С. 170]. «Как» здесь очень значимо в плане разграничения образа в романе и образа в мифе и поэзии. Многозначность романного образа не символического характера, она лишена направленности на глубину. Это многозначность поверхности, горизонтального пере-

сечения различных точек зрения и языковых миров: «образ становится открытым, живым взаимодействием миров, точек зрения, акцентов. Отсюда – возможность переакцентуации такого образа, возможность разных отношений к звучащему внутри образа спору, разных позиций в этом споре и, следовательно, разных истолкований самого образа» [2. С. 170]. Здесь представлены истоки сугубо постмодернистской многозначности, основанной на игре различными точками зрениями и «дискурсами».

Согласно Бахтину, романский жанр посредством пародирования и травестирования раскрывает ограниченность и односторонность любых «прямых жанров», любого прямого слова (эпического, трагического, лирического, философского). Роман показывает, что в силу своей ограниченности и односторонности прямое слово не способно вместить в себя действительность, которая в силу своей противоречивости всегда шире и богаче любого серьезного, прямого высказывания: «Прямое серьезное, слово, ставшее смеховым образом слова, раскрывается в своей ограниченности и неполноте» [2. С. 202].

Однако выше мы показали, что, согласно Лосеву, мифическому и поэтическому слову отнюдь не присуща ограниченная односторонность, что, напротив, символ характеризуется апофатической глубиной, которая носит диалектический характер. Символ неисчерпаем, поскольку представляет собой антиномическую конструкцию смысла. «Прямые жанры» становятся односторонними лишь тогда, когда утрачивают свою символическую глубину, когда теряют связь с мифом и переходят к риторике. Именно это произошло с античной трагедией, как показал Ницше: мифический символизм, «дионисийская» основа творений Эсхила и Софокла, сменился у Еврипида рассудочным психологизмом. Подлинный, живой миф умер для Еврипида («der Mythusstarb»), и он вывел на сцену искусственный, поддельный миф («einen nachgemachten, maskirten Mythus») [16. S. 54]. Вырождение мифа приводит к вырождению тех жанров, которые Бахтин называет «прямыми»: эпоса и трагедии. Поэтическое слово, утрачивая мифическую подоснову, перестаёт быть антиномической конструкцией смысла. Апофатизм и антиномизм заменяются риторикой, происходит сепарация односторонних и ограниченных компонентов смысла.

В этой ситуации восстановление утраченной многогранности смысла становится возможным посредством пародирования и осмеяния «изолгавшегося» прямого слова. Создаются предпосылки для формирования романного жанра в качестве ответа на разложение мифического языкового сознания. Бахтин показал, что в истории европейской литературы по этому пути пошел Рабле: «Истина восстанавливается путем доведения лжи до абсурда, но сама она не ищет слов, боится запутаться в слове, погрязнуть в словесной патетике» [2. С. 67]. Раблезианский роман выражает событие разложения культуры европейского Средневековья. В аналогичной ситуации оказывается Фридрих Ницше: его «Так говорил Заратустра» представляет собой амальгаму пародийных и смеховых жанров, «пародийно-травестирующих форм» [17]. Как по своим жанровым особенностям, так и

по своей идейной направленности «Так говорил Заратустра» занимает место в одном ряду с произведениями Лукиана и Рабле. Подобно названным авторам, для Ницше основной задачей здесь было «создать смеховой и критический корректив ко всем существующим прямым жанрам, языкам, стилям, голосам, заставить ощутить за ними иную, не уловимую ими противоречивую реальность» [2. С. 205]. «Смерть Бога» есть не что иное, как событие разложения мифа, гибели прасимвола европейской культуры. Отсюда берет свой исток ситуация «утраты доверия к метанарративам», ситуация постмодерна [18].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в вопросе о слове и языке Лосев и Бахтин являются исключительно антагонистами. Бахтин – Прометей постмодернизма, усматривающий исток романного разноречия в разложении мифического сознания. Лосев движется в противоположном направлении, представляя слово именно в качестве мифа. Интеллектуальная культура постмодернизма разворачивается в направлении, которое было разработано Бахтиным: достаточно назвать имена Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Деррида, Ж. Делеза. Лосев со своей философией имени и диалектикой мифа оказывается вне этих тенденций современности. В вопросе о слове и языке Лосев вместе с такими представителями русской религиозной философии, как П. Флоренский, В. Эрн и С. Булгаков, образует значимую антитезу культуре постмодернизма. Концепция Лосева обращена в глубь веков, уходя корнями в историю «имяславских» споров [19]. Бахтин в своих разработках раскрывает истоки языкового сознания культуры постмодернизма.

Вместе с тем и концепция Лосева, и концепция Бахтина складываются в общей культурно-исторической ситуации. Процесс разложения национального мифа является отправным пунктом не только для теории романа Бахтина, но и для учения о слове в мифе Лосева. Бахтин сосредотачивает внимание на анализе той формы литературного сознания, в которой этот процесс освобождения языка от власти мифа получил наиболее полное воплощение. Лосев ретроспективно раскрывает онтолингвистические истоки мифического языка и в завуалированной форме высказывает надежду на грядущее освобождение мифа от гегемонии научной рациональности (которая для Лосева сама является мифом). В свое время в аналогичном направлении двигался Ницше в «Рождении трагедии».

Список источников

1. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 463 с.
2. Бахтин М.М. Слово в романе. СПб. : Пальмира, 2017. 229 с.
3. Лосев А.Ф. Философия имени. М. : Академический проект, 2009. 300 с.
4. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 2001. xix+198 p.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : АСТ, 2021. 448 с.

7. Gogottishvili L.A. A.F. Losev's Radical Lingva-Philosophical Project // *Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. № 2-3.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 1376 с.
9. Rohde E. *Der griechische Roman und seine Verläufer*. Leipzig : Breitkopf u. Härtel, 1876. 552 S.
10. Роде Э. Реферат для «Центральной литературной газеты» // Рождение трагедии. М. : AdMarginem, 2001. С. 219–228.
11. Мандельштам О. Разговор о Данте // Сочинения: Стихотворения. Проза. Эссе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. С. 676–740.
12. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М. : КомКнига, 2007. 184 с.
13. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
14. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. doi: 10.17223/15617793/419/7
15. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. doi: 10.17223/15617793/434/9
16. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
17. Фаритов В.Т. Элементы народно-смеховой культуры в «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (Ницше и Бахтин) // *Litera*. 2016. № 3. С. 60–74. doi: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетеия, 1998. 160 с.
19. Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. М. : ИД Познание, 2021. 1072 с.

References

1. Mikeshtina, L.A. (2016) *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdisziplinarnye sintezy* [Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary syntheses]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Bakhtin, M.M. (2017) *Slovo v romane* [The Word in the Novel]. Saint Petersburg: Pal'mira.
3. Losev, A.F. (2009) *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
4. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
5. Il'in, I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post – structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.
6. Losev, A.F. (2021) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: AST.
7. Gogottishvili, L.A. (2004) A.F. Losev's Radical Lingva-Philosophical Project. *Studies in East European Thought*. 2–3 (56).
8. Spengler, O. (2000) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
9. Rohde, E. (1876) *Der griechische Roman und seine Verläufer*. Leipzig: Breitkopf u. Härtel.
10. Rohde, E. (2001) Referat dlya "Tsentral'noy literaturnoy gazety" [Abstract for the "Central Literary Newspaper"]. In: Nietzsche, F. *Rozhdenie tragedii* [The Birth of Tragedy]. Translated from German. Moscow: AdMarginem. pp. 219–228.
11. Mandel'shtam, O. (2004) Razgovor o Dante [Conversation about Dante]. In: Mandel'shtam, O. *Sochineniya: Stikhotvoreniya. Proza. Esse* [Works: Poems. Prose. Essay]. Ye-katerinburg: U-Faktoriya. pp. 676–740.

12. Tynyanov, Yu.N. (2007) *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of the Poetic Language]. Moscow: KomKniga.
13. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
15. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomского gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
17. Faritov, V.T. (2016) Elementy narodno-smekhovoy kul'tury v "Tak govoril Zarathustra" F. Nitsshe (Nitsshe i Bakhtin) [Elements of folk-laughing culture in "Thus Spoke Zarathustra" by F. Nietzsche (Nietzsche and Bakhtin)]. *Litera*. 3. pp. 60–74. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
18. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Aleteyya.
19. Bishop Hilarion (Alfeyev). (2021) *Svyashchennaya tayna tserkvi. Vvedenie v istoriyu i problematiku imyaslavskikh sporov* [The Sacred Secret of the Church. Introduction to the history and issues of Imialywan disputes]. Moscow: ID Poznanie.

Информация об авторе:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 28.02.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 16.11.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2022. № 80

Редактор Н.И. Шидловская
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 27.12.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 20; усл. печ. л. 26. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5259.

Дата выхода в свет 20.01.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru